

II

КИЖИ

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ Петр Иванович, крестьянин с. Гарницы. Петр Иванович — сын пасынка Ивана Трофимовича Рябинина — Ивана Герасимовича Андреева, скончавшегося от простуды за 50 дней до нашего приезда.

Гарницы — родина знаменитого сказителя Трофима Григорьевича Рябинина, после женитьбы переселившегося в д. Середку (где и сейчас живут его потомки; см. также биографию сказителя Кирика Гавриловича Рябинина). Сын Трофима Григорьевича, тоже известный сказитель, Иван Трофимович Рябинин, овдовев и потеряв своих сыновей, «вошел во двор» Андреевых, женившись вторым браком на вдове Андреевой, у которой был сын, Иван Герасимович. Иван Герасимович воспринял от своего вотчима знание былин и тоже стал прекрасным сказителем.

В первые годы революции за ним приезжала студентка Института живого слова и увезла его с собою в Петроград, где он и выступал во многих школах. Свое знание былин Иван Герасимович передал и своему второму сыну — Петру Ивановичу.

В доме Рябининых все наполнено воспоминаниями о трех поколениях знаменитых сказителей. Сам дом — памятник. Он выстроен в 1894 году самим Иваном Трофимовичем (в год его первой поездки в Петербург и Москву и его второй женитьбы).

Иван Трофимович был человек хозяйственный, крутого нрава, горячий, вспыльчивый. Будучи старообрядцем, табаку не курил, вина не пил. Детей воспитывал строго; даже взрослых сыновей наказывал иной раз палкой. Дети все были «покорными».

Иван Герасимович, по рассказам сыновей и вдовы — Марфы Петровны, очень приветливой женщины, — был человеком мягким. По праздникам немного выпивал. От Ивана Герасимовича осталось три сына: двое женатых — Степан и Петр — и один еще юный парень. Братья живут не делившись и, по их словам, пока что делиться не собираются. Помимо земледелия, как и все гарниковцы, Рябинины-Андреевы занимаются рыбной ловлей. Рыбу отвозят на продажу в Петрозаводск.

Петр Иванович не раз говорил нам о том, что гордится родом сказителей. Вот почему, подобно отцу, любит называть себя не Андреевым, а Рябининым.

Большинство былин Петр Иванович усвоил от своего отца Ивана Герасимовича; былинку о Вольге и Микуле он выучил непосредственно от деда Ивана Трофимовича. Последний любил сказывать детям и внукам старины.

Вечером усадит всех ребятшек вокруг себя и заведет былинку. Сначала все слушают, а затем друг за другом под мерный былинный напев начнут засыпать. Тогда дед встанет и скажет: «ну, разносите их теперь по постелям».

Петр Иванович исполняет былины с большой любовью. К исполнению относится серьезно. Не боится эпических повторений. Соблюдает их со всей тщательностью. Для него бывало истинным страданием, когда в Москве, из-за условий аудитории (ограниченность времени городского человека или обширность программы какого-нибудь концерта), ему приходилось сокращать или обрывать былинку. Ему казалось, что этим нарушается художественная сущность былинки. Петр Иванович прекрасно соблюдает ритм. Он знает два былинных напева, на которые и поет свои старины; каждый текст былинки имеет свой напев. В ритмическом и текстовом отношении былинки Петра Ивановича — одни из лучших. Художественная традиция рябининского мастерства не могла не сказаться и в четвертом поколении знаменитой сказительской семьи. До нас (за несколько недель) от Петра Ивановича производил записи при помощи фонографа языковед и этнограф-музыкант С. И. Бернштейн.

До 1937 года П. И. Рябинин-Андреев был только носителем рябининской былинной традиции. К 1937 г. относятся его первые попытки создать эпическую песню с современной тематикой (новые тексты, созданные им, см. в сборнике «Былины П. И. Рябинина-Андреева», Петрозаводск, Каргосиздат, 1939, и в других изданиях).

За свою творческую деятельность П. И. Рябинин-Андреев был в 1939 г. награжден орденом, наряду с писателями и в числе других создателей современного народного творчества и носителей старого фольклора.

№ 95. (ВОЛЬГА И МИКУЛА)

- Жил Святослав девяносто лет,
 Жил Святослав да й приостарился.
 Осталось у него да й чадо милое,
 Милое чадошко й любимое,
 5. Молодой Вольга да Святославьевич.
 Стал Вольга растеть-матереть,
 Подбирать свою дружинишку хоробрую;
 Избрал себе дружинишку хоробрую —
 Тридцать молодцев да без единого,

10. Сам Вольга да и во тридцатых.
 Был у Вольги да родной дядюшка,
 Ласков князь Владимир стóльнѣ-киевский;
 Дарил он ему всего три города,
 Первый город — Ореховец,
15. Другой город — Крестьяновец,
 Трѣтїе город — и Гурцовец.
 Научился Вольгá много мудрости —
 Щуюю нырять да й в глубоких морях,
 Птицею летать по синим облакам,
20. Серым волком рыскать во чистых полях.
 Поехал Вольгá да во чисто полѣ
 Со своей дружинишкой хороброю,
 Услышал он в чистом поли орáтая.
 Орѣт в поле рáтай, понúкиваѣт,
25. Сошка у рáтая поскрѣпываѣт,
 Омѣшки по камишкам почиркивают.
 Едет первый день с утра до вечера, —
 Ни наехал в чистом поли орáтая.
 Едет Вольгá еще й по другой день, —
30. Не наехал в чистом поли орáтая, —
 Орѣт в поле, рáтай, понúкиваѣт,
 Сошка у рáтая й поскрѣпываѣт,
 Омѣшки по камешкам почиркивают.
 Едет Вольгá еще й по третїй день;
35. Третьїй день с утра едет до пáбедья,
 Наежжает в чистом поли орáтáюшка:
 Орѣт в поли рáтай, понúкиваѣт,
 Сошка у рáтая поскрѣпываѣт,
 Омѣшки по камешкам почиркивают, —
40. Из края в край уедет, так другого не видать, —
 Пенья-коренья вывѣртываѣт,
 Маленькие камешки вси в бороздú валит;
 Кобылка у рáтая соловая,
 Сошка у рáтая кленовая,
45. Гужики у рáтая шелковьи.
 Говорит тут Вольгá да Святославъевич:
 — «Божья ти помощь, орáтáюшко,
 Орать да пахать, да крестьяновать!»
 Говорит тут орáтай-орáтáюшко:
50. — «Ай же ты, Вольгá да Святославъевич,
 Куда же ты едешь, куда путь держишь
 Со своей дружиною хороброю?»
 Говорит тут Вольгá да й Святославъевич:
 — «Ай же ты, орáтай-орáтáюшко,
55. Еду в города я й за получкою, —
 В первый город — Ореховец,
 В другой город — Крестьяновец,
 В третїй город — во Гурцовец.»
 Говорит тут орáтáюшко:
60. — «Ай же ты, Вольгá да й Святославъевич!
 Был я в Крестьяновце третѣго дни,

- На своей на кобылушке соловоей
 Вывез я ведь соли ровно три мѣха,
 Соли три мѣха по сорок пуд.
65. Живут там мужики да ѣ подорожные,
 Собирают гроши да ѣ подорожные.»
 Говорит тут Вольга да ѣ Святославьевич:
 — «Поедем-ка со мною да ѣ во товаришшах!»
 Едят ли оратай-оратаюшко.
70. Кобылку из сошки побѣстегнул;
 Сели на добрых коней, поехали,
 Отъехали от сошки кленовоей,
 Говорит тут оратай-оратаюшко:
 — «Ай же ты, Вольга да ѣ Святославьевич,
75. Оставил я сошку на дороженьки
 Не для ведь я прохожего-проежжего, —
 Для ради мужика я деревенщины.
 Пошли-тко ты дружинишку ѣ хоробрую,
 Чтобы сошку из земельки повыдернули,
80. Из сошки земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку ѣ за ракитов куст!»
 Посылал Вольга да Святославьевич
 Пять молодцов, ребят хороших:
 Подъехали удалы добры молодцы
85. На конях ко сошке близехонько,
 Оне ли да сошку вокруг вертят,
 Сошки от земельки поднять нельзя;
 Едут они да во чисто полѣ
 Говорят ведь оратаю-оратаюшко:
90. — «Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Сошки от земельки поднять нельзя,
 Из сошки земельку повытрехнуть,
 Бросить тую сошку за ракитов куст!»
 Говорит тут Вольга да ѣ Святославьевич.
95. — «Ай же вы, дружинишка хоробрая,
 Поежайте ко сош(и)ке и десяточком!»
 Едут дородны добры молодцы,
 Подъехали ко сошки близехонько,
 Оне ли да сошку вокруг вертят, —
100. Сошку из земельки поднять нельзя.
 Едут назад да ѣ во чисто полѣ,
 Говорят оне оратаю ѣ оратаюшко:
 — «Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Сошки от земельки поднять нельзя.
105. Сошки из земельки не повыдернули,
 Из сошки земельку ѣ не повытрехнули,
 Осталася сошка во бороздочки!»
 Говорит тут Вольга да ѣ Святославьевич:
 — «Ай же вы, дружинишка ѣ хоробрая,
110. Хоробрая ѣ дружина ѣ моя, добрая,
 Поежайте, молодцы, вси до той сошечки,
 Из сошки земельку повытрехните
 И сошку бросьте за ракитов куст!»

- Едут дорóдни дóбры мóлодцы,
 115. Тридцать молодцев да без единого.
 Подъехали к сош(и)ки близёхонько.
 Оне ли да сошку вокруг вертят, —
 Сошки от земельки поднять нельзя;
 Не могут оны сошки повыдернуть,
 120. Из сошки земельки повытрехнуть,
 Не могут да бросить за ракивов куст.
 Едут назад во чистó полё,
 Говорят они орáтай-оратáюшку:
 — «Ай же ты, орáтай-оратáюшко!»
 125. Сошки от земельки поднять нельзя!»
 Говорит тут орáтай-оратáюшко:
 — «Ай же ты, Вольгá да й Святославъевич.
 Поежжай со своей дружиной хороброю,
 Сошку из земельки выдерните,
 130. Из сошки земельку повытряхните,
 Скоро бросьте сошку й за ракивов куст!»
 Едет Вольгá да Святославъевич
 Со своей дружинушкой хороброю,
 Подъежжает ко сошке близёхонько.
 135. Оне ли тут сошку вокруг вертят, —
 Сошки из земельки поднять нельзя;
 Едут назад да во чистó полё.
 Говорит тут Вольгá сам Святославъевич
 — «Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
 140. Сошку от земельки поднять нельзя,
 Из сошки земельку повытряхнуть,
 Бросить ту сошку за ракивов куст!»
 Говорит тут орáтай-оратáюшко:
 — «Ай же ты, Вольгá да й Святославъевич,
 145. Недобрая, твоя дружинушка й хоробрая!»
 Поехал орáтай-оратáюшко
 На своей на кобылке на соловоей,
 Подъехал он к сошке близёхонько.
 Взял орáтай сошку одной ручкóй,
 150. Сошку с земельки повыдернул,
 Бросил свою й сошку й за ракивов куст;
 Сели на добрých коней, поехали.
 У орáтая кобылка — она рысью пошла,
 Вольгáн-то конь — да й остается.
 155. Стал тут Вольгá кричать-покрикивать.
 Колпачком своим стал помахивать:
 — «Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
 Как же тибя да именём зовут?»
 — «Подожди-тко, Вольгá Святославъевич!»
 160. Этот ли орáтай-оратáюшко
 Становил свою кобылку соловую.
 Подъехал Вольгá Святославъевич
 Со своей дружинушкой хороброю.
 Говорит Вольгá тут Святославъевич:
 165. — «Ай же ты, орáтай-оратáюшко,

- Эта бы кобылка коньком бы была,
 За эту кобылку петьсот бы далі!»
 Говорит тут ора́тай-ората́юшко:
 — «Ай же ты, Вольга́ да й Святославьевич,
 170. Брал я кобылку с-под матушки,
 Заплатил я за кобылу петьсот рублей:
 Эта бы кобыла конем бы была, —
 За эту бы кобылу и сметы нет!»
 Говорит тут Вольга́ Святославьевич:
 175. — «Ай же ты й, ора́тай-ората́юшко,
 Как же тебя да й именём зовут,
 Уда́лого звеличают по отечеству?»
 Говорит тут ора́тай-ората́юшко:
 — «Ай же Вольга́ да й Святославьевич!
 180. Я ржи напашу, домой выволочу,
 Домой выволочу да й дома выволочу,
 Муки намолю-натолку да я й пива наварю,
 Пива наварю да й мужичков напою;
 Станут мужички меня й похваливати:
 185. «Что хорош был Микулушка Селянинович!»

№ 96. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

- Из того ль из города из Муромля,
 Из того села из Карачарова
 Выежжал дуродный добрый мблodeц,
 А ведь старый казак да Илья Муромец.
 5. Он заутренку тую христовскую
 А стоял во городе й в Муромле
 Да й хотел попасть к обедни в сто́льней Киев-град.
 Кладова́л он заповедь великую:
 Не съезжаться, не слетаться во чистом по́лї,
 10. Да не делать бою-драки-кроволития.
 Брал у батюшки, у матушки прощеньица,
 А прощеньица-благословеньица.
 Выходил Илья да на широкий двор,
 Заходил он во конюшню во стоялую.
 15. Брал коня за по́вода шолко́выи,
 Выводил коня он на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 Стал засёдлывать коня он, закольчуживать:
 На коня накладывает войлучок,
 20. А на войлучек накладывал подпотничок,
 На подпотничок седёлушка черкальская,
 Да й которое седёлко изукрашено,
 Разноцветным ка́меньем усажено,
 Драгоценными шелками изушивано,
 25. Да й червонным золотом обивано.
 Да й берёт с собой тут саблю вострую,
 Свое длинное копье он муржамецкое,
 Да й берёт он палицу тяжелую,
 А которая весом в девяносто пуд;

30. Брал он свой-от тугой лук разрывчатой,
 Да й набрал он много стрелочек каленных,
 Да й сядился мóлодец тут на добра коня,
 Да й поехал мóлодец и с широка двора,¹
 С широка двора в роздольицо чисто полё.
35. Его й путь-дорожка призамешкалась, —
 Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
 А попал ко городу Чернигову.²
 Усмотрел под городом Черниговом
 Нагнанó там силушки черным-черно,
40. Ай черным-черно как чёрна вóрона, —
 Хотут мужиков черниговских да всех повырубить,
 Хотут церкви божия й на дым спустить, —
 Так тут старый казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
45. Нарушает заповедь великую:
 Да й просил себе он бога на помощь,
 Да й пречисту пресвятую богородицу,³
 Приспускал коня он богатырского
 А на тую ль рать-силу великую, —
50. Стал конём топтать, а копьём колоть,
 Из лука стрелять, рубить он силушку поганую;⁴
 Потоптал всю силушку й поганую.
 Отворялисе ворота во Чернигов-град,
 А выходят мужички черниговцы,
55. Они низко й ему да поклоняются:⁵
 «Ай же ты, богатырь да й светорусский,⁶
 А иди-ж к нам ты да й воеводу!»
 Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
 — «Ай же вы, мужички да й вы черниговцы!
60. Не пойду я к вам да воеводу,
 Укажите мне дорожку прямоежжую,
 Прямоежжую дорожку да в стóльней Киев-град!»
 Говорят ему й мужички черниговцы:
 — «Ай же ты, богатырь да святорусский!
65. Прямоежжая ль дорожка да заколóдела,
 Заколóдела й дорожка, й замуравела,
 Замуравела й дорожка ровно й тридцать лет:
 Там ни конницай никто ведь не проежживал,
 Да й пехотой никто ведь не прохаживал,
70. Да й ни птица, чорный ворон, не пролётовал,

¹ Стихи 11—33 были спеты П. И. Рябининым в Москве осенью 1926 г. В первой записи их не было.

² При первой записи эти стихи пелись так:

«А не мог попасть ведь в стóльней Киев-град,
 А подъехал под стóльней Чернигов-град».

³ При первой записи этого стиха не было.

⁴ При первой записи этого стиха не было.

⁵ В первой записи вместо этого: «Говорят ему да таковы слова».

⁶ В первой записи следовал стих: «Еще старый казак, Илья Муромец».

- Там ни пестрый зверь ведь не прорыскивал,
 А сидит там во сыром дубе на реченьке,
 У того ли дуба, дуба у Нювида. ¹
 Как у той ли у реченьки Смородиньке,
 75. Как у той ли грязи, грязи чёрнойей,
 Как у той ли у березоньки покляпоей,
 У того ль у креста у Левонидова
 Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев-сын.
 Как засвищет Соловей по-соловьиному,
 80. Закричит собака й по-звериному,
 Зашипит проклятый ² по-змеиному, —
 Так все травушки-муравы улетаются,
 Все лазоревы цветочки осыпаются,
 А что есть людей вблизи, — так все мертвы лежат!»
 85. Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
 — «Далеко л дорожкой прямоежжеей,
 Прямоежжеей дорожкой прямо в Киев-град?»
 Говорят ему мужики черниговцы: ³
 — «Прямоежжею дорожкой есть пятьсот всех верст,
 90. А окольной дорожкой есть ведь цела й тысяча!»
 Как тут старый казак да Илья Муромец
 Попросил себе он бога на псмочь
 Да й пречисту пресвятую богородицу,
 Припускал коня он богатырского
 95. А по той ли дорожке прямоежжеей;
 Да й поехал по дорожке прямоежжеей,
 Прямоежжеей дорожкой в стóльней Киев-град
 Подъезжал ко реченьке Смородинке,
 До ко той ко грязи, грязи чёрнойей,
 100. Да ко той ли березоньке покляпоей,
 Ко тому кресту ко Леванидову,
 Да й под славный под крякновист дуб ⁴.
 Как завидел его й Соловей Разбойничек,
 Засвистел тут Соловей по-соловьёному,
 105. Закрычал собака й по-звериному,
 Зашипел проклятый по змеиному, —
 Так все травушки-муравы улетались,
 Все лазоревы цветочки осыпалися,
 А что есть людей вблизи, — так все мертвы лежат, ⁶
 110. А у старого казáка Ильи Муромца
 Ай конь на корзни да спотыкается.
 А у старого казáка Ильи Муромца
 Ево й сердце богатырское не сдрогнуло, ⁷
 А берет он в руки плеточку шолковую,

¹ Стихи 68—73 были пропущены во время второй записи, в Москве.

² В первой записи: «собака».

³ Стихи 85—88 в первой записи отсутствовали.

⁴ При вторичной записи этот стих сказителем был пропущен.

⁵ При первой записи этот стих сказителем был пропущен.

⁶ При первой записи этот стих сказителем был пропущен.

⁷ При вторичной записи стихи 112—114 сказителем были пропущены.

115. А удары дает все тяжелые: ¹
 А он бил коня сперва между ушей,
 А между ушей, меж ноги задняя, ²
 А ведь сам коню да приговариват:
 — «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
120. Ты итти не хошь али везти не мошь?
 Не слыхал чтоль посвисту й солóвьего,
 Не слыхал чтоль покрику й звериног,
 Не слыхал чтоль по́шипу й змеиног?»
 Да й берёт свой тóгой лук, отстёгиват,
125. Да й берёт он свою стрелочку каленую,
 Натянул тетивочку шалкóвую,
 Наложил он стрелочку й каленую.
 Да й спустил тетивочку шалкóвую,
 Его тую ль стрелочку каленую, —
130. Так просвистнула стрелочку каленая,
 А попала в Соловьѣ Разбойника,
 А попала ему да во правóй висок; ³
 Она сбила Сóловья да из сырá дубá
 Во сырú землю да й во ковыль-траву. ⁴
135. Как тут старый казак да Илья Муромец,
 Подъежжает ко дубу он скорёшенько, ⁵
 А ведь он ко Сóловью близёшенько,
 Захватил он Сóловья за рученьки за белые,
 А сковал ему да й ножки резвые,
140. Да сковал ему да й ручки белые,
 Привязал его ко стремени булатному, ⁶
 А того ли Сóловья приковывал ⁷
 Говорил он Сóловью таковы слова:
 — «А не твой есть кус да не тебе поить,
145. Не тебе спугать казáка Илью Муромцá.» ⁸
 Сам поехал по раздольицу чисту полю
 Прямоежжией дорожкой прямо в Киев-град.
 Тут случилось старому казáку Илье Муромцу
 А ведь ехать мимо гнёздышка Соловьего,
150. Где живут его ведь дочери любимыя
 Со своими мужевьями со любимыми. ⁹
 Посмотрела во окошечко тут старшáя дочь.
 Увидала Соловьѣ й Разбойника. ¹⁰
 Говорит она да й таковы слова:
155. — «Наш-то батюшка сидит на добром кони,
 Чужа мужика везёт да й деревеньчину

¹ При первой записи стиха 115 не было.

² При вторичной записи стихи 116—117 сказителем были пропущены.

³ При вторичной записи: «во левой».

⁴ При вторичной записи стих 134 сказителем был пропущен.

⁵ При первой записи: «Подъежжал он на коне на богатырском».

⁶ В первой записи: «Подстегнул ко праву к стремени булатному».

⁷ При вторичной записи стих 142 сказителем был пропущен.

⁸ При вторичной записи стихи 143—145 сказителем были пропущены.

⁹ При вторичной записи стихи 151—152 сказителем были пропущены.

¹⁰ При вторичной записи стих 153 сказителем был пропущен.

- А ко правому да стремени прикована!»
Посмотрела во окошечко да й средня дочь;
Говорит она да й таковы слова:
160. — «Наш-то батюшка сидит он на добром кони,
А везёт вить мужика да й деревеньщину
А ко правому да стремени прикована!»
Посмотрела во окошечко тут младша й дочь;
Говорит она да й таковы слова:
165. — «Ай же вы, сестричушки любимы,
Умом-разумом вы не глупёшеньки,
А ведь окушком вы есть тупёшеньки, —
А ведь едет на коне, сидит мужик да деревеньщина.
А везёт ведь батюшку у правого у стремени!»
170. Тут скрычали они да громким голосом:
— «Ай же мужевья наши любимы ¹
А берите-тка рогатины звериные
Да й бежите-тка в раздольцо ² чисто полё,
Ай убейте мужика да деревеньщину!»
175. Так ведь эти мужевья ³ любимы
А берут рогатины звериные
Да бежат в раздольцо чисто полё.
Как увидел их Соловей Разбойничек,
Закричал тут Сбловей да й громким голосом:
180. — «Ай же зятевья мои любимы!
А бросайте с рук рогатины звериные,
Подбегайте к добру молодцу близёшенько,
Да берите-тко за рученьки за белыя,
За его за перстни за злачёныя,
185. Да ведите-тка его в Сбловье во гнёздышко.
Вы кормите его ествушкой сахарнеей,
Вы попойте ёго питьецом медвяным,
Вы дарите ему дары драгоценые!»
Так ведь эти его зятевья любимы
190. Побросали с рук рогатины звериные,
Подбегают к добру молодцу близёхонько
Да й зовут его в Сбловье в тоё гнёздышко, ⁴
Хочут брать его за ручки за белые,
За его перстни за злачёные.
195. Так ведь старый казак да Илья Муромец ⁵
А он выдернул да саблю вострую,
Разрубил его ведь зятевей любимых;
Половину роет он серым волкам,
А вторую половину чорным вбонам,
200. А ведь сам слова тут выговаривал:
— «А не ваш был кус и не вам поесть,
А не вам побить старого казака Илью Муромца.» ⁶

¹ При вторичной записи стих 171 сказителем был пропущен.

² При первой записи: «скоренько во».

³ При первой записи: «зятевья».

⁴ При вторичной записи этот стих был пропущен.

⁵ При первой записи стихи 194 — 195 отсутствовали.

⁶ При вторичной записи стихи 200 — 202 сказителем были пропущены.

- Сам поехал дорожкой прямоежжеей,
Прямоежжей дорожкой во стóльнёй Киев-град,
205. Приежжает Илья да в стóльной Киев-град,
Заежжает ко князю на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны.
Приходил в палаты белокаменны,¹
210. А он крест кладет да й по-писаному,
Да й поклон ведет да й по-ученому,
На две, на три, на четыре на сторонки поклоняется.
А ведь князю Владимиру² в особину,
А и всем князьям да подколенным;
215. А ведь князь Владимир стóльнё-кеевской
А ведь он только пришел со церкви божи
А от той ли от обедни от христовской.³
Говорит тут князь Владимир стóльнё-кеевской:
— «Ты откуда, дурóдный добрый мóлодец?»
220. Ты с какой земли да из какой орды?
А како́го ты отца есть, какой матери?
А какого будешь роду й племени?
А ведь как же тебя, мóлодца, да имёнём зовут,
Удало́го величают по отечеству?
225. Да по имени тебе можно место дать,
По отечеству тебя пожаловать.»⁴
Отвечает тут старый казак да Илья Муромец:
— «А ведь есть я из города из Муромля,
Из того села да й Корачарова,
230. А ведь старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец, да сын Иванович,⁵
Илья Муромец да видь крестьянский сын:
А приехал к тебе да и в услужение,
Послужить тебе да й верой-правдою,
235. Верой-правдою да неизменною,
Сохранять тебя я, князя солнышка,
Да твою Апраксею й королевичну,
Сохранять я буду церкви божие.⁶
Я заутреню ведь ту христовскую
240. Я стоял во городе й во Муромле,
Да й хотел сюда попасть к обедне в стóльнёй Киев-град...
Моя путь-дорожка призамешкалась,
Я не мог попасть ко городу ко Киеву, —
Я попал на рать-силу великую
245. Да под тем под городом Черниговом.»⁷
Говорит тут князь Владимир стóльнё-киевской:
— «Ай же ты, старый казак да Илья Муромец,

¹ При первой записи стиха 209 не было.

² При первой записи; „А он князю с Опраксией в особину“.

³ При первой записи стихи 215—217 отсутствовали.

⁴ При вторичной записи стихи 225—227 сказителем были пропущены.

⁵ При вторичной записи стих 231 сказителем был пропущен.

⁶ При первой записи стихи 233—238 отсутствовали.

⁷ При вторичной записи стихи 240—245 сказителем были пропущены.

- А которой дорожкой ехал ты в стóльнёй Киев-град?»
 Говорит тут старый казак Илья Муромец:
250. — «Ай же князь Владимир стóльнёй киевской!
 А ведь ехал я из города Муромля,
 Из того села ли Карачарова,
 А ведь ехал дорожкой прямоежжею,
 Прямоежжей дорожкой прямо в Киев-град.»
255. Говорит тут князь Владимир стóльно-киевской:
 — «Ай же ты, мужик да деревеньщина!
 Во глазах ты, мужик, да й насмехаешься,
 Во глазах ты, собака, й подлыгаешься, —
 Где тебе проехать дорожкой прямоежжей?»
260. Прямоежжая ль дорожка заколóдела,
 Заколóдела ль дорожка, замуравела,
 Замуравела ль дорожка ровно й тридцать лет;
 Так ведь никто тут не проежживал,
 Да и пехотою никто тут не прохаживал,
265. Да и ни птица чорный ворон не пролётывал,
 Да и пестрый зверь тут не прорыскивал,¹
 А сидит там Соловёй Разбойничек,
 Сидит Сóловей Разбойничек Дихмэнтьев-сын.
 Как засвйстит Сóловей по-соловьёному,
270. Закричит Соловёй да й по-звериному,
 Так все травушки-муравы уплетались,
 Все лазоревы цветочки отсыпáлись,
 А что есть людей, — все мертвы лежат.»²
 Говорит тут старый казак Илья Муромец:
275. — «Ай же князь Владимир стóльнё-киевской!
 А ведь Соловёй Разбойничек Дихмáнтьев-сын,
 А ведь Соловёй теперь на широкóм дворе,
 На широкóм дворе да у добрá коня
 А ко правого ли стремени прикованой.»
280. Как тут князь Владимир стóльнё-кеевской
 Одел кунью шубку на одно плечо,
 Одел шапочку соболью на одно ушкó
 Да й пошел он скоренько³ на широкий двор,
 Посмотрел он на Сóловья Разбойничка,
285. Подходил он к Соловьёу близёшенько,
 Говорит он Сóловью да таковы слова:
 — «Ай же ты, Сóловей Разбойничек Дихмáнтьев-сын,
 Засвищи-тко, Сóловей, по-соловьёному,
 Закрычи, собака, й по-звериному,
290. Зашипи-тко ты, проклятый, по-змеинному!»
 Говорит тут Сóловей Разбойничек:
 — «Ай же ты, князь Владимир стóльнё-кеевской!
 Не у тя я сегодня ведь ел да пил,
 Не тебя ведь я й хочу послушати:
295. А сегодня я-то в поле ел и пил

При вторичной записи стихи 263 — 266 сказителем были пропущены.
 При первой записи стихи 269 — 273 отсутствовали.
 ервой записи: „с князьями“.

- А у старого казака Илья Муромца,
 А яго, я могу й послушати,¹
 Запечатались мои уста сахарнии
 Да й тех-ли от раночек кровавых».
300. Так тут князь Владимир стóльне-киевской
 Налил полную чару зеленá вина,
 Да не малую стопу — полтора ведра,
 А подносит он Сóловью Разбойничку,
 А ведь этот Сóловей Разбойничек,
305. Он выпил чару полтора ведра,²
 Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
 — «А ты, Соловей Разбойничек Дихмантьев-сын,
 Засвищи-тко, Сóловей, да в пól-свиста,
 Закричи-тко, Сóловей, да в пól-крика,
310. Зашипипи-тко, Сóловей, во пól-шипипа!»
 Так ведь этот Соловей Разбойник Дихмантьев-сын
 Он почувял свою скорую ль кончинушку, —
 Засвистал тут Сóловей во полной свист,
 Закрычал тут Сóловей во полной крик,
315. Зашипел тут Сóловей во полной шип,
 Там все травушки-муравы уплетались,
 Все лазоревы цветочки отсыпáлись,
 А из тех ли теремов высоких,
 А хрустальные стеколышки посыпались,³
320. А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.
 А Владимир князь он стóльнè-кеевской
 А он по двору да в круге бегаёт,
 Куньей шубкой да укрывается,
 Говорит он казаку й таковы слова:
325. — «Ай же старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец ведь сын Иванович,
 Пусть-ка Соловей Разбойничек Дихмантьев-сын,
 А пускай он не крычит здесь по-звериному,
 Пусть, собака, не шипит здесь по-змеиному.
330. Дай й не свищет пусть по-соловьиному.»⁴
 Говорит тут старый казак да Илья Муромец,
 Говорит он Соловью да таковы слова:
 — «Ай же Соловей Разбойничек Дихмантьев-сын,
 Ты зачем крычал во полный крык?
335. Ты зачем шипел во полный шип?
 Ты зачем свистал во полный свист?»⁵
 Я тебе велел свистать во пól-свиста,
 Я тебе велел кричать во пól-крика,
 Я тебе велел шипеть во пól-шипипа,
340. Что же ты моего ль наказа не послушался?»
 Говорит ему Сóловей Разбойничек:

¹ При вторичной записи стихи 295 — 297 сказителем были пропущены.

² При первой записи стихи 304 — 305 отсутствовали.

³ При первой записи стихи 317 — 318 отсутствовали.

⁴ При первой записи стихи 324 — 330 сказителем были пропущены.

⁵ При вторичной записи стихи 334 — 336 сказителем были пропущены.

- «Ай же старый казак да Илья Муромец!
Я зачуял свою ль скорую кончинушку, —
Оттого я стал кричать во полный крик,
345. Оттого я стал свистать во полный свист,
Оттого я стал шипеть во полный шип.»
Так тут старый казак да Илья Муромец
Расковал тут Соловьё он ножки резвые,
Расковал тут Сбловью он ручки белые,¹
350. Отстегнул его от стремени булътного,²
Брал его за ручки он за белые,
За его за перстни за злаченные,
Да й повел от князя с широкá двора
А на тое ль поле на Куликово.
355. Приводил его на поле на Куликово,³
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил яму тут буйну голову, —
Половину роет он серым волкам,
А вторую половину — черным воронам.
360. Как ведь с той поры, с того времечка
А не стало й Сбловья Разбойника.

№ 97. (ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

- Как во стóльнём было города во Киеви,
Что у ласкового князя у Владимира,
Был хорош почестен пир да пировáньицѣ
На многѣх князей, на мнóгих бóяров,
5. Да на сильных могучиих богáтырей,
Да на славных полениц да разудáлых.
Еще крáсно солнышко на вечери,
Да хорош идет почестен пир на вѣсели.
А Владимир-князь да стóльнѣ-киевский
10. Он по горенке столовой похаживал,
Между столички дубовыми погуливал
Да и в косящето окошечко посматривал.
Говорит Владимир таковы слова:
— «Ай же вы, удáлы дóбры мóлодци!
15. А ведь все вы, мóлодци, да на честнóм пиру,
На честнóм пиру да пьяны-веселы,
Над собой невзгодушки не знаете,
А кого бы мне послать повыехать
Да во тую ли во землю дальнюю,
20. Да во тую ли в орду да й в темную,
Во темnú орду да хоробру Литву
Ко тому ли королю литовскому,
Ко тому ли Ботияну Ботиянову,
Да свезти ему все дани, ему выходы,
25. Да все стары все невыплаты

¹ При первой записи стихи 348 — 349 отсутствовали.

² При вторичной записи стих 350 сказителем был пропущен.

³ При вторичной записи стих 355 сказителем был пропущен.

- А за все времена за доселешни!»
 Ай все тут на пиру да призамолкнули,
 Призамолкнули, призатўлялись,
 А ведь старший тўличка за среднего,
 30. А и средний тўличка за младшего,
 А от младшего тўличка ответа нет, —
 Таковых людей во гради не находится.
 Из-за тех тут из-за столиков дубовых,
 Из-за тех тут из-за скамеечек окольных
 35. А вставал старый прожитой сын Иванович,
 Сын Иванович да Илья Муромец.
 Говорил Илья да й таковы слова:
 — «Ай же князь Владимир стóльнѣ-кеевской,
 Не вели казнить, позволь мне вымолвить!»
 40. Ай ведь был я на заставушке двенадцеть лет
 Ай двенадцеть лет да с половиною;
 А ведь конницей никто тут не проеживал,
 Да й пехотой никто тут не прохаживал,
 Да й пестрый зверь тут не прорыскивал,
 45. Да и птица чорный ворон не пролётывал,
 А служил тебе я верой-правдою, —
 Так ведь знаю, да й кого послать повыехать,
 А пошли-тка ты молóдного Васильюшка!»
 Как тут князь Владимир стóльнѣ-кеевской,
 50. Поскорёшеньку он поворот держал;
 Да й берет он свою чару во белы руки,
 Наливает полной чары зеленá вина,
 Да й не малú стопу — да полтора ведра,
 Разводил медáми всё стоялыми.
 55. Подносил молóдому Васильюшку.
 Молодой Васильюшка Казимиров
 Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает чарочку одной ручкóй,
 Испивает чарочку однем душкóм, —
 60. На ногах стоит Василий — не шатается,
 А й он с князем говорит — так не мешается:
 — «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ-кеевской,
 За твоё за сладко й винцо-й-водочку,
 За твоё за сладкие й напитокочки!»
 65. Ай и еду я й во землю дальнюю,
 Да й во ту й ли в орду й да во тёмную,
 Во темnú й орду да хоробру й Литву,
 Ко тому й королю литовскому,
 Ко тому ли Ботияну Ботиянову;
 70. А свезем мы дани яму й выходы,
 Еще царски стары все невыплаты
 А ё за все ли времена за досюлешны,
 Только дай ты мне да й во товаришшы
 Ты молóдного Добрынюшку Микитенца!»
 75. Так тут князь Владимир стóльнѣ-кеевской
 Поскорёшеньку он поворот держал;
 Да берет он свою чару во белы руки,

- Наливает полну й чару зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да полтора ведра,
80. Разводил меда́ми всё стоялыми,
 Подносил мо́лодому й Добрынюшки.
 Молодо́й Добрынюшка Микитинец
 Поскорёшеньку соскочит на резвы́ но́ги,
 Принимает чарочку одной рукой,
85. Испивает чарочку одне́м душком, —
 На ногах стоит Добрыня, — не шатается,
 А с князем говорит, — так не мешается:
 — «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнѣ-кеевско́й»
 За твоё за сладко й винцо-й-водочку,
90. За твоё за сладкие й напитокчи!
 А ведь едем мы во землю дальнюю,
 Да й во ту ю ли орду во тёмную,
 Во темну́ орду, хоробру́ Литву,
 Ко тому ли коро́лю й литовскому;
95. Ай свезем мы дани ёму́, выходы,
 Еще царски стары все невыплаты
 Ай за все ли вре́мена да за досю́лешны.
 Только дай ты нам еще в товаришшах,
 Ты мо́лодого Иванушка Дубровича,
100. Чтоб тому, Иванушку, коней седлать,
 Да й тому ж, Иванушку, рассёдлывать,
 Ему плети подавать, нам плети принимать!»
 Так тут князь Владимир сто́льнѣ-кеевско́й
 Поскорёшеньку он поворот держал;
105. Ай берет он свою чару й во белы́ руки́,
 Наливал да й полну чару й зеленá вина,
 Дай не малую стопу — й да й полтора ведра,
 Разводил меда́ми все стоялыми,
 Подносил мо́лодому Васильюшку.
110. Молодо́й Васильюшка Казы́миров
 Поскорёшеньку соскочит на резвы́ но́ги,
 Принимает чарочку одной ручко́й,
 Выпивает чарочку одне́м душком, —
 На ногах стоит Василий, — не шытается,
115. Ай он с князем говорит, — так не мешается:
 — «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнѣ-кеевско́й»
 За твоё за сладко й винцо-водочку,
 За твоё за сладкие й напитокчи!
 Ай ведь едем мы й во землю дальнюю,
120. Да й во тую ли орду да й во тёмную,
 Во темну́ й орду да в хоробру́ Литву,
 Ко тсму ли к коро́лю й литовскому,
 Ко тому ли Ботия́ну Ботия́нову;
 Да й свезём мы й дани ёму́ й выходы,
125. Еще царски стары все невыплаты
 Ай за все ли времена да за досю́лешны.»
 Молсдой Васильюшка Казы́миров,
 Говорит Василий таковы слова:
 — «Ай же князь Владимир сто́льнѣ-кеевско́й

130. А садись-ка, князь Владимир, на ременчат стул,
 Да й пиши-тко грамоту посылную,
 Да й бери скорёнько золоты ключи,
 Да й иди на погребя глубокия —
 Подавай нам дани во белы руки!»
135. Так тут князь Владимир стóльнѣ-кеевской
 Поскорёшеньку он поворот держал,
 Да й садился князь да на ременчат стул,
 Да й писал он грамоту й скорёшенько,
 Да й берет скорёнько й золоты ключи,
140. Да й идет на погребы глубокия.
 Насыпáл он первы мисы красна золота,
 А вторыя мисы — чиста сѣребра,
 А он третья мисы — скатна жемчуга,
 Брал двенадцеть лебедѣй, двенадцеть кречетей,
145. Подавает дани во белы руки.
 Ай же те дурóдьни дóбры мóлодци,
 Оне брали дани из-под пазушки,
 Они друг с другóм да спростилися,
 На четыре на сторонки поклонилися
150. И пошли от князя со честнá пирá.
 Выходили мóлодци й да на широкий двор,
 Они делали сговóр между собой,
 Где им съехаться в раздольици чистóм полѣ.
 — «Надо съехаться у камня у Лáтыря,
155. У того ли у дубá, дуба Нѣвидя,
 Да на тех ли на дорожках на крестовых.»
 Они делали сговóр между собой,
 Они друг с другом тут распростилися,
 Разошлися по полатам белокаменным.
160. Молсдой Добрынюшка Микитинец
 Приходил в свои полаты белокаменны,
 Да й садился Добрыня на ременчат стул,
 Очи райские впустил во кирпичный пол.
(Жалко стало из дому ехать.)
 Увидала Добрыню рóдна матушка:
165. — «Ай же чадочко мое й любíмоѣ,
 Что не весел пришол ты с честнá пирá?
 Али место былó тебе не пó чину?
 Али чарочкой тибя приббнесли?
 Али пьяница-дурак ти приогáлился?»
170. Говсрит Добрыня таковы слова:
 — «Ай же свет моя ты государыня,
 Государыня ты й рóдна й матушка,
 Ты на что меня, й несчастного, спорóдила?
 Лучше б ты меня, й несчастного, спорóдила
175. Ты горячим бы белым камешком!
 Звязала б этот белый камешок
 В тскный белый полóтняный рукавничек
 Да й бежала б к океян-морю глубокому
 И бросила б этот белый камешок
180. Да й во тот во океян-морѣ глубóкоѣ, —

- Там лежал бы этот камешок
 Вѣки по-веку без шевелимости, —
 Ветры буйные б по нем не веяли,
 Добры б люди про Добрынюшку не баяли!
185. Нет, — так лучше бы несчастного спородила
 Во Пучай-реку да гоголиночкой!
 А стояла б эта мала й гоголиночка
 Вѣки по-веку без шевелимости, —
 Ветры буйные по ней не веяли,
190. Добры люди про Добрынюшку не баяли!
 Нет, — так ты б меня, несчастного, спородила
 Да й на скат горы деревинкой!
 А стояла б эта й мала й деревиночка
 Вѣки по-веку без шевелимости, —
195. Буйны б ветрушки об ей не веяли,
 Добры люди про Добрынюшку й не баяли!
 Тут съезжались бы богатыри могучия
 Да привязывали б коней богатырских,
 Насыпали б им пшено да белоярово. . .»
200. Ай тут свет честна вдова заплакала
 Женским голосом да й во всю голову:
 — «Ай же чадочко мое любимое,
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Кабы знала над тобой бы ты й невзгодушку,
205. Я б не так тебя, несчастного, спородила!
 Я бы возрастом тибя спородила
 Я б во старого казака в Илью Муромца!
 Я бы силушкой тибя спородила
 Ай во славного Святогора во богатыря!
210. Красотой бы й тибя спородила
 Да й во ласкового князя во Владимира!
 Я бы смелостью тибя спородила
 Во того ли во Олешеньку й Поповича!
 Я б поездочкой тибя б спородила
215. Во того ли во Михайлу да во Потька!
 Я б походочкой тибя ль спородила
 Во того ли Ваську Долгополого!
 Я б богатством тибя й спородила
 Во того во Дюка во Степанова!»
220. Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Одевает Добрыня снаряженьице,
 Одевает рубашечки, манишечки,
 Одевает одѣжицу опальную,
 А опальную одѣжу всё, военную,
225. А берет с собой саблю острую,
 Свое длинное копьѣ да й муржамѣцкое,
 Да й берет свой тугой лук разрывчатой,
 Да й набрал он много стрелочек каленных,
 Да й берет с собой шельгу подорожную.
230. Выходил Добрыня й на широкой двор,
 Заходил в конюшню во стоялую,
 Брал коня за повода шелковыя,

- Выводил коня он на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 235. Стал засёдлывать коня да закольчѣживать, —
 На коня покладывает войлучок,
 Ай на войлучок накладывал подпотничѣк,
 На подпотничѣк — седѣлышко черкальское,
 Да й которое седѣлко изукрашено
 240. Разноцветным камѣнем усажено,
 Драгоценными шелками изушивано,
 Да й червонным золотом обивано;
 Ай обтяжечки его шелковыи,
 Они тянутся да й еще и нѣ рвутся,
 245. Да й ведь пряжечки то й красна золота,
 Ай они ли мокнут, так не ржавеют,
 Ай шпинечки есть чѣста сѣребра,
 Ай они не гнутся, так не ломаются,
 Стремена — железо есть булатное,
 250. Ай оно ли мокнет, так не ржавеет.
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Заседлал коня он богатырьского,
 Да й хотит вскочить он на добра коня,
 Да й он хочет поехать с широка двора,
 255. Так тут свет честна й вдова й заплакала
 Женским голосом во всю голову:
 — «Ай же ты, любимая й семеюшка,
 Молодая Настасьюшка Микулишна!
 Ай ты спишь во тереми в златом верху,
 260. Над собой невзгодушки не ведаешь:
 Закатается ведь нашо солнышко,
 Уежжает твой Добрыня й с широка двора,
 Так беги-тко й на широкой двор,
 Подбегай к Добрынину й добру коню,
 265. Да й ко правому ко стремени булатному!
 Говори Добрыне не с упадкою:
 Да куда он едет, куда путь держит,
 Да й когда ждать велит да когда подждать,
 Да й когда велит в окошечко посматривать!»
 270. Услыхала тут Настасья Микулишна,
 Выбегала поскореньку й на широкий двор
 Ай в одних чулочиках без чоботов,
 Ай в одной рубашечке без пояса,
 У ней женски волосы не убраны.
 275. Подбегала к Добрынину й добру коню,
 Да й ко правому й ко стремени булатному,
 Говорила Добрыне не с упадкою:
 — «Ай же ты, мое любимое й семеюшка,
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 280. Ай куда ж ты едешь, куда путь держишь,
 Когда ждать велишь, когда подждать,
 Да й когда велишь в окошечко посматривать?»
 Говорит молоденькой Добрынюшка:
 — «Ай же ты, моя любимая семеюшка,

285. Молодá жена Настасьюшка Микулишна!
 Когда стала у меня про то й выспрашивать,
 Так я стану про то й высказывать:
 Перво й шесть годов ты прѳжди за меня,
 Друго й шесть годов ты прѳжди за себя.
290. Так пройдет-от поры-времячка двенадцеть лет,
 Тут поглядывай в косящето окошечко,
 Да й ходи-тко ты во зѳлен сад,
 Да й поглядывай на сахарьяна на дѳревецю.
 Тут подлѳтит голубь с голубинкою;
295. Еще станет голубь тут прогуркивать,
 Что погиб Добрыня во чистѳм полѳи,
 Во чистѳм полѳи да й на добрѳм конѳи, —
 Прибежит мой конь тут из чистá полѳа,
 Из чистá полѳа да й без наездника,
300. Так тогда й, Настасьюшка, замѳж поди,
 Хоть замѳж подѳи, а хоть вдовой живи,
 За крестьянина иди, хоть за боярина,
 Нет, — так за сильного, могучего богатыря,
 Не ходи-тко только замуж за Олешеньку,
305. За Олешеньку Поповича, за бабьего й насмешника,
 Ай Олешенько Попович мне названѳй брат!»
 Только видели Добрыню й сядучись,
 Ай не видели Добрынюшку й поедучись.
 Со двора он ехал не воротами,
310. Ай он с города он ехал да не дорогами,
 Его й добрый конь-от богатырскией
 Проскакал все стены городѳвыя,
 Проскакал он башни трехугольные,
 Ай он мелкие озера между й ног пускал.
315. То й не молния в чистѳм полѳи просвистнула,
 Так приехал мѳлодой Добрынюшка Микитянец
 На своѳм на Бурушки косматѳем,
 Нагоял он своих братьицов крестовых.
 Они съехали так поздоровались
320. Да й сходили на матушку й сыру землѳю,
 Онѳ делали сговѳр между собой,
 Ай куда им ехать во темнѳ орду.
 Ай садились на добрых коней, поехали;
 Они день едѳт по красному по солнышку,
325. Они ночь едѳт по светлому по месяцу, —
 А ведь день за днем, как будто дождь дождит,
 Ай неделька за неделкой, как река бежит, —
 Да й проходит времени по год поры,
 Да й проходит времени по дрѳгой год,
330. Да й проходит времени по трѳ годѳ.
 Приежжают они во темнѳ орду
 Ко тѳму ли королю й литовскому;
 Заежжают к королю да й на широкий двор.
 Становили кѳней богатырских.
335. Мѳлодой Васильюшка Казѳмиров
 Поскорѳшеньку соскочит со добрá коня,

- Он вздынул копьё да выше головы,
 Да спустил копьё он ниже пояса,
 Ниже пояса во матушку сыру землю,
 340. Тут привязывали коней богатырьских.
 Говорит Васильюшка Казимиров:
 — «Ай же братица мои крестовыя,
 Какова пора, какое времячко,
 Постсим-ка, братица, за друг друга!»
345. Да пошли в полаты белокаменны:
 На пету тут они двери тут поразмахнули,
 Они крест кладут по-писаному,
 Да и поклон ведут по-ученому,
 На дее, на три, на четыре сторонки поклоняются,
350. Ай они королю и в особину,
 Ай и всем князьям да и подколенным.
 Говорит король тут Ботиян тут Ботиянович:
 — «Вы откудашни, дуродни добры молодцы,
 Вы какой земли да и какой орды?»
355. А какого ж есь роду и племени?
 А какого ж есь отца и матери?
 Еще как же и вас именём зовут,
 Удалий взвеличают по отечеству?»
 Говорит Васильюшка Казимиров:
360. — «Ай же король Ботиян ты Ботиянович,
 Мы приехали со матушки святой Руси,
 Мы от стольнего от города от Киева,
 Мы от ласкового князя от Владимира
 Привезли вам дани все да и выходы
365. За все старые все годы да за ныншяни
 Да и за все ведь времена да за досюлешны.»
 Говорит король тут Ботиян да Ботиянович:
 — «А и где ж у вас бесчетна золотá казна?»
 Говорит Васильюшка Казимиров:
370. — «Ай же ты, король Ботиян да Ботиянович!
 Мы поехали из стольнего из Киева,
 Мы от ласкового князя от Владимира,
 А Владимир-князь да стольне-киевской
 А телеги-то покладывает ветхие,
375. А монет накладывал все медных, —
 Да и телеги наши поломалися,
 Ай монеты там остались,
 Да и не будут вам монеты веки по-веку,
 Веки по-веку и пока Владимир жив!»
380. Королю-то это, ясно, не влюбилоси,
 Не влюбилоси да не в любовь пришло.
 Говорит король да таковы слова:
 — «Ай же вы, удалы, добры молодцы!
 У вас есть ли в стольном городе во Киеви
385. А играют ли у вас во шашки-шахматы,
 Ай во те-ли велели во немецкия?»
 Говорит Васильюшка Казимиров:
 — «Ай же король Ботиян да Ботиянович!

- А не знали мы утехи королевской
 390. Да не знали мы ухватки молодецкой,
 У нас все игроки дома остались;
 Только есь у нас одна надеюшка
 А на спаса, на пречисту й богородицу
 Да на своего братца крестового —
395. На молодого Добрынюшку Микитинца!»
 Прихсдили да за столики дубовыя,
 Да й за те ли за скамеечки окольные,
 Заводили играть во шашки-шахматы,
 Да й во те ли велёи во немецкии.
400. Да й ведь король Ботиян Ботиянович
 Становил свою бесчетну золоту казну,
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Залагает своего добра коня.
(У короля есть всё, а ему коня закладывать надо!)
 Так сыграли они тут игру первую, —
405. Как король Добрынюшку побыграл,
 Он и выиграл Добрынина добра коня,
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Опасля-то ён пути-дороженки
 Прсмотрел да ступень доски шашечной,
410. Проиграл он своего добра коня,
 А он малого Бурушка косматого,
 Так сядились играть тут игру другую.
 Так ведь король Ботиян Ботиянович
 Залагает Добрынина добра коня,
415. Молодой Добрынюшка Микитинец
 Залагал свою головку молодецкую.
 Как сыграли оне игру другую.
 Как Добрынюшка короля побыграл,
 А он выиграл своего й добра коня.
420. Королю-то это дело й не слюбилося, —
 Как сядились играть тут игру третью.
 А ведь король Ботиян Ботиянович
 Залагал свою бесчётну золоту казну,
 Молодой Добрынюшка Микитинец
425. Залагает своего добра коня.
 Так сыграли они тут игру третью,
 Так Добрыня короля побыграл,
 А он выиграл бесчётну золоту казну.
 Королю-то это дело не взлюбилося,
430. Не взлюбилося да й не в любовь пришло, —
 Проиграл свою бесчётну золоту казну!
(Добрыня, повидимому, умнее его парень был; сначала проиграл своего коня, а потом выиграл все!)
 Говорит тут король Ботиян да Ботиянович:
 — «Ай же ты, дородний добрый молодец,
 У вас есть ли во стольноём городи во Киеви
435. А стреляют ли со луков со каленых.
 Попадают ли в колечико серебряно?»
 Гозорит Васильюшко Казимиров:

- «Ай же король Ботиян Ботиянович,
Ай не знали мы утехи королевской,
440. Да й не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все стрельцы дома остались;
Только есть у нас одна надеюшка
Ай на спаса, на пречисту богородицу,
Ай на своего братца крестового —
445. На молодого Добрынюшку й Микитинца!»
Как тут король Ботиян да Ботиянович
Посылал татаровой поганных,
Ай своих прислуг он очень верных:
— «Ай идите-тко на пограба глубокие,
450. Принесите-тко вы мой да тугой лук,
Чтобы было с чего молодцу повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому ли по острёю по ножовому,
Да й попасть во колечичко серебряно!»
455. Тут идут татарова поганные,
На носилках несут да тугой лук,
Подают молодцу да во белы руки.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Стал тетивочку шелковую натягивать, —
460. У Добрыни тугой лук да стал полапывать, —
Да й полапывал, полапывал, взял рзорвал.
Говорит молодой Добрынюшка Микитинец:
— «Ай завозная лучёночко й помётная,
Ай поношено да й было брошено!
465. А мне не с чего, молодцу, й повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому по острёю по ножовому,
Да й попасть в колечичко серебряно!»
Говорит тут король Ботиян да Ботиянович:
470. — «Ай же вы, мои тут слуги верные,
Ай идите-ткс вы на пограба глубокие,
Принесите-тко вы мой да й тугой лук,
Чтобы было с чего молодцу й повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
475. По тому ли по острёю по ножовому,
Да й попасть в колечичко серебряно!»
Тут идут татарова поганья
На носилках несут да й тугой лук,
Подают молодцу й во белы руки.
480. Молодой Добрынюшка Микитинец
Стал тетивочку шелковую натягивать —
У Добрыни тугой лук да стал полапывать, —
Ай полапывал, полапывал, взял рзорвал.
Говорит молоденькой Добрынюшка:
485. — «Ай завозная лучёнышко помётная,
Ай поношено да й было брошено!
А мне и не с чего, молодцу, повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому ли острёю по ножовому,

490. Ай попасть в колечичко серебряно!»
 Говорит молоденькой Добрынюшка:
 — «Ай же ты, мой да и крестовый брат,
 Молодой Иванушка Дубрович-то,
 Ай бежи-ко ты поскореньку на широкий двор,
495. Подбегай к Добрынину добру коню,
 Ай ко правому ко стремени булатънему,
 Принеси-тко ты мне тугой лук,
 Чтобы было с чего молодцу повыстрелить,
 Пропустить стрелочку каленую
500. По тому острёю по ножовому,
 Да й попасть в колечешко серебряно!»
 Молодой Иванушко Дубрович-то,
 Поскорёшеньку бежит он на широкий двор,
 Подбегал к Добрынину добру коню,
505. Ай-ко правому ко стремени булатънему,
 Отстегнул он тугой лук разрывчатой,
 Подавает Добрыне во белы руки.
 У того ль молодого Добрынюшки
 Были вплётены гусельки ярóвчаты,
510. А не для красы, не для уборества,
 А для ради утехи королевской,
 Что когда он ездил в поле за охотою.
 Заиграл в гусельшки ярóвчаты, —
 Да и все тут кругом да й приослушались,
515. Приослушались татару, придумались:
 — «А й ведь жили мы, братцы, веки по-веку,
 А такой игры на свете не слыхано,
 Да й на белоём еще таки не видано!»
 Молодой Добрынюшка Микитинец
520. Натягивал тетивочку шелковую,
 Наложил он стрелочку каленую,
 Отошел с того колечка за пять шагов
 Да й спустил тетивочку шелковую
 Да й во тую ль во стрелочку каленую.
525. Тут просвистнула стрелочка каленая
 Да й попала в колечко серебряно, —
 Разлетелось колечушко серебряно
 На две равны обе половиночки.
 Ай тут король Ботиян да й Ботиянович
530. Ай берет тугой лук разрывчатой,
 Ай он первый раз стрелил — не дострелил,
 Ай он другой раз стрелил — так перестрелил,
 Ай он третий раз тут стрелил — так попасть не мог.
 Королё-то это дело не взлюбилось,
535. Не взлюбилось да й не в любовь пришло.
 Говорит тут король Ботиян да Ботиянович:
 — «Ай же вы, дорóдни добры молодцы,
 У вас есть ли да и во стóльноём во городи во Киеви,
 У вас есть ли борьба да й рукопашечка?»
540. Говорит молоденький Васильюшка:
 — «Ай же король Ботиян ты Ботиянович,

- Ай не знали мы утечи королевской,
 Ай не знали мы ухватки молодецкой,
 У нас все борцы дома остались,
 545. Только есь у нас одна надеюшка
 А на спаса, на пречисту й богородицу
 Да и на своего й на братца на крестового,
 На молбодого Добрынюшку Микитинца!»
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 550. Выхсдил Добрыня на широкой двор
 Ай подраться боем-рукопашкою.
 Молодой Васильюшка Казимиров,
 Молодой Иванушка Дубровинич
 Ай пошли с королем на балхоны королевские
 555. Посмотреть тут на борьбы да й рукопашечку.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Видит — страшные татары преужасные, —
 Ай между плечами широка сажень,
 Ай между глазами широка пядень,
 560. Голова на плечах как пивной котел,
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Стал Добрыня по дворику похаживать,
 Стал Добрынюшка татар ведь тут поталкивать,
 Ай, поталкивать, стал попинивать,
 565. Так тут стали татарова по двору валятися.
 Так пошло к Добрынюшке тут по-двою,
 Так пошло к Добрынюшке тут по-трою,
 Так пошло к Добрынюшке десятчком,
 Отворялися ворота на широкий двор,
 570. Повалило силушки черным-черно,
 Ай черным-черно как черна вбрана,
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Видит — дело есть тут нехорошее,
 Ай побьют его татарова поганья.
 575. Воскричал Добрыня громким голосом:
 — «Ай же братыца мои крестовья,
 Поспевайте-тко, братцы, да на выруку.
 Потеряем здесь головки молодецкия!»
 Сам схватил татарина как за ноги,
 580. Он как начал тут татарин помахивать,
 Да й как начал татар тут поколачивать,
 Да й куда ударит — падет улица,
 Перевернет — дак переулками.
 Молодой Васильюшка Казимиров
 585. Поскорешеньку с болхонов скочит на широкий двор,
 Да й схватил Васильюшка ось тележную,
 Да й как начал осью той помахивать,
 Да й как начал татар тут поколачивать,
 Да й куда ударит — падет улица,
 590. Перевернет — дак переулочками,
 Да й тут бьют их, как траву косят,
 Ай ведь сила в них не уменьшилась.
 Выходили за ворота за широкия,

- Выходили на матушку й на темnú орду,
 595. Она бились боем-рукопашкою,
 Они дрались ровно трои суточки,
 Не едаючись да й не пиваючись,
 Да й себе отдóху не даваючись.
 Этст ли король литовский
600. Видить — дело есть тут нехоршее,
 Ай побьют тут татаровой поганных,
 Говорит молóдому Иванушку:
 — «Ай же ты, удалый добрый мóлодец,
 Ай богáтырь есть ты святоруськийй,
 605. Уговори-тко братицев крестовых, —
 Пусть оставят мне силы хоть на сéмена.
 Ай буду платить вам дани-выходы,
 Дани-выходы да все невьплаты
 По той поры, пока король сам жив.
610. Пусть оставят силы мне на сéмена!»
 Молдой Иванушку Дубрович-то
 Пóскорéшеньку садился й на добра коня
 Да й поехал по матушке темной орды,
 Нагонял он своих братицев крестовых, —
615. Они силу бьют, а й как траву кося́т,
 Ай сила в них да и не умéньшилась,
 Он не смел заехать с личка белого,
 Ай заехал он да й с плеч могучих,
 Принакинул храпы́ есть очень крепкии,
620. Становил он сильного могучего богáтыря,
 Молодого Васильюшку Казýмирова.
 Говорит он сам да й таковы слова:
 — «Неужели, братец, ты не наобедался?
 Ты оставь-ко мне силы хоть позавтракать,
625. Вы оставьте кóролю силы хоть на сéмена,
 Да й он будет платить нам дани-выходы,
 Дани-выходы, пока корóль сам жив!»
 Сам поехал по матушке темной орды,
 Нагнал он сильного русского богáтыря,
630. Ай он своего братца́ крестового.
 Молодого Добрынюшку Микитенца.
 Ай он силу-то бьёт, как траву коси́т,
 А сила ведь не умéньшилась.
 Он не смел заехать с личка белого,
635. Ай заехал к нему й с плеч могучих,
 Примакинул храпы́ есь очень крепкие;
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 А он первые храпы́ приóборвал, —
 Не мог он становить своего братца́ крестового;
640. Принакинул опять храпы́ есь очень крепкия,
 Очень крепкия храпы́ есь очень тугия,
 Становил он русского й богáтыря,
 Молодого Добрынюшку Микитенца,
 Говорит он ему да й таковы слова:
645. — «Неужели, братец, ты не наобедался?

- Ты оставь ко мне силы хоть позавтракать,
 Ты оставь силы королю хоть на семена,
 А ведь будет король платить нам дани-выходы
 Дани-выходы пока король сам жив.»
650. Тут брались они за рученьки за белыя,
 Да й за те ли за перстни за злачёныя,
 Да й пошли по матушке темной орды,
 Приходили к королю да й на широкий двор,
 Говорит тут король Ботиян да Ботиянович:
655. — «Ай же вы, дуродни добры молодцы,
 Проходите-тко в полаты белокаменны,
 Проходите-тко за столики дубовыя,
 Да й за те ли за скамеечки брусовыя,
 Да й поешьте-тко ествица сахарныя,
660. Да й попейте-тко вы питьица медвяных!»
 Говорят дуродни добры молодцы:
 — «Ай же глупый ты король литовский,
 Ай ведь глупый Ботиян да Ботиянович!
 Не участвовал нас молодцов, приедучи,
 665. Не участвовать нас, молодцов, поедучи!»
 Они сели на добрых коней, поехали.
 Они день едут по красному й по солнышку,
 Они ночь едут по светлому й по месяцу, —
 Ай ведь день за днем, как будто дождь дождит,
670. А неделька за неделкой, как река бежит, —
 А ведь едут времени по год-поры,
 Да й ведь едут поры-времечка по другой год,
 Да й ведь едут поры-времечка по три году, —
 Приежжают на матушку светую Русь,
675. Да й на те й ли на дорожки на крестовыя,
 Ко тому ли ко каменю й ко Латырю,
 Ко тому ль дубу, дубу крехновисту.
 Они друг с другом тут распростилися.
 Молодой Васильюшка Казимиров,
 680. Молодой Иванушка Дубрович-то
 Ай поехали ко городу Чернигову;
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Он поехал ко городу ко Киеву.
 Да й отъехал от дорожек от крестовых
685. Да й под той под главный под крехновист дуб,
 Становил коня он богатырского,
 Сам сходил на матушку сыру землю,
 Да раздёрнул Добрыня свой бел шатёр,
 Насыпал коню пшена он белоярова;
690. Опосля ведь он пути-дороженьки,
 Опосля он того бою-драки-кроволития
 Спать ложился Добрыня во белом шатре.
 Не успел еще Добрыня заснуть он верно крепким сном,
 Как ведь в тую пору, в тое времячко
695. Подлетает голубь с голубинкою
 Ай на тот на славный на крехновист дуб.
 Начинает голубь тут пригуркивать:

- «Ай же ты, молоденькой Добрынюшка,
Ай ты слышь во белом шатре да прохлаждаешься,
700. Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя жена, Настасьюшка Микулишна,
Да й выходит замуж за Олешеньку й Поповича,
Ай у князя есть ведь у Владимира
Да й хороший честен пир ведь, пированьице...»
705. Молодой Добрынюшка Микитинец,
Разомкнул свои он очи ясныя,
Поскорёшеньку соскочит на резвы ноги,
Да й задёрнул Добрыня свой бел шатёр,
Поскорёшеньку скочил да на добра коня,
710. Да й поехал во славный во стольней Киев-град,
Приеждал Добрыня в стольней Киев-град,
Заеждал на свой он на широкий двор,
Становил коня посреди двора,
Сам идет в полаты белокаменны,
715. Ай он крест кладет да й по-писаному,
Ай поклон ведет он по-ученому,
На две, на три, четыре стороны поклоняется,
А своей-то государыне в особицу:
— «Здравствуй, свет честна вдова Мамерфа Тимофеевна!
720. Ай сегодня был я во чистом поли,
А я видел твоего сына й любимого;
Он поехал ко городу Чернигову,
Ай меня послал ко городу й ко Киеву,
Да ё велел тебе еще й поклон сvezти.
725. Да й велел тебе сходить на погребя глубокия,
Да й принести его одёжу скоморвчату
Да его гусёлышка ярóвчаты.»
Как тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
730. — «Ай же ты, мужик да й деревенщина!
Если б была тая слава на светой Руси,
А что ездит мой Добрыня на добром кони,
Не пришлось бы вам сюда съезжаться,
Над моим двором да насмехатися!»
735. Молодой Добрынюшка Микитинец,
Ай он бьет челом еще по другоу раз,
Ай он желтыми кудрями до кирпичных пол:
— «Ай же свет Мамерфа Тимофеевна!
Ай сегодня я был в раздольице чистом поли,
740. Ай я видел твоего й сына любимого;
Он поехал ко городу й к Чернигову,
Ай меня послал ко городу ко Киеву,
Да й велел тебе еще поклон сvezти,
Да й велел сходить на погребя глубокия,
745. Принести его одёжу скоморвчату
Да й его гусёлышка ярóвчаты.»
Да й как тут честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
— «Ай же ты, мужик да й деревенщина.

750. Если б была бы тая слава на светой Русе,
А что ездит мой Добрыня на добром коне,
Не пришлось бы вам сюда съезжаться,
Над моим двором да и насмехатся!»
Молодой Добрынюшка Микитинец.
755. Ай он бьет челом еще во третьей раз,
А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
— «Ай же свет честна вдова Мамерфа Тимофеевна!
Ай сегодня был во раздольице чистом поли,
А я видел твоего сына и любимого;
760. Он поехал ко городу и к Чернигову,
Ай меня послал ко городу и ко Киеву
Да и велел тебе еще и поклон свезти,
Да и велел сходить на погребя глубокия,
Принести его одёжу скоморбчату
765. Да и его гусёлышки ярбчаты,
Да и велел одеться малой скоморошенькой,
Да и велел сходить ко князю и на почестен пир.»
Да и как тут свет честна вдова да и пораздумалась,
Да и брала скорёшенько да и золоты ключи.
770. Да и идет на погребя глубокия,
Да и брала рубашечки-манишечки,
Брала кунью шубку на одно плечо,
Брала шапочку соболью на одно ушко,
Да и брала сапоженьки сафьяныя,
775. Да и брала лапотики шалковыя,
Да и брала его гусёлышки ярбчаты,
Приносила молодцу и да во белы руки.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Говорит Добрыня, таковы слова:
780. — «Ай же свет честна вдова Мамерфа Тимофеевна!
Ай ведь жили мы с Добрыней близко и по-близку.
Вместе грамоте мы с ним училися,
Да и играл я с Добрыней во шашки-шахматы.
Ай ведь часто я с Добрыни да и езды брал.»
785. Сам одел рубашечки-манишечки,
Одел кунью шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушко,
Да и одел сапоженьки сафьяновые,
Да и одел лапотики шелковыя,
790. Брал с собой гусёлышки ярбчаты,
Сам пошел ко князю на почестен пир;
Ай приходит ко князю на широкий двор,
У ворот стоят да и приворотнички,
У дверей стоят везде и придвернички,
795. Не пускают молодца да и на почестен пир.
Так ведь этот малый скоморошенька
От ворот приворотников отталкивал,
От дверей он придверников отпывал,
Да железныя замочки в руках порвал,
800. Сам зашел ко князю на почестен пир;
Говорит он князю таковы слова:

- «Ай же ты, Владимир-князь да стóльнѣ-киевский,
Укажи мне место скоморóвчато!»
Указали ему место скоморóвчато
805. А по край ли печи на скамеечке.
Так ведь этот малый скоморошинька,
Говорит он князю таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ-киевской,
Ай спозволь сыграть мне йгру перьвую,
810. Ай спотешить тебя, князя Владимира,
Со своей Апраксей-королевишной.»
Князь позволил сыграть тут йгру й перьвую.
Этот малый скоморошинька,
Стал он струночки наваживать,
815. У скомороха стали струночки поигрывать, —
Как и все тут на пиру да й приослушались,
Молодые скоморохи приодумались:
— «А ведь жили мы, братцы, вѣки по-веку,
Да й такой игры на свети не слыхано,
820. Скоморохов-игроков таких не видано!»
Молодая Настасьюшка Микулишна,
Ай сидит за столом она да й призадумалась:
«Ай игра-то есть очѣнь знакомая,
Хоть не мой ли молоденькой Добрынюшка?
825. Не приехал ли Добрыня из чиста поля?»
Как тут князь Владимир стóльнѣ-киевской,
Ай берет он свою чару й во белы руки,
Наливает полну чару зеленá вина,
Да й не малую стопу й он — полтора ведра,
830. Разводили медáми все стоялыми,
Подносил он малой скоморошеньке.
Так ведь тот малый скоморошенька
Принимает чарочку одной ручкóй,
Испивает чарочку одним душком,
835. На ногах стоит тут скоморох — ведь не шатается,
Ай он с князем говорит — ведь не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ-киевской,
За твоѣ за сладко й винцо-водочку,
За твоѣ за сладкие напитокочки!
840. Ай же князь Владимир стóльнѣ-киевской,
Ай позволь сыграть мне йгру й дрúгую
Да й спотешить князя Олешеньку Поповича!»
Князь спозволил сыграть йгру дрúгую.
Этот малый скоморошенька
845. Заиграл в гусѣлышка й ярóвчаты,
Он наигрыши выигрывал хорошия.
Так тут все на пиру приослушались,
Молодые скоморохи приодумались:
— «Ай ведь жили мы, братцы, вѣки по-веку,
850. Ай такой игры ведь на свете не слыхано
А на белоем еще и не видано.»
Как тут князь Владимир стóльнѣ-киевской
Поскорѣшеньку он поворот держал,

- Да й берёт он чару во белы руки,
 855. Наливает полну чару зеленá вина,
 Ай не малую стопу — полтора ведра,
 Разводил медáми всё стоялыми,
 Подносил он малой скоморошеньке.
 Как ведь этот малый скоморошенька
 860. Поскорёшеньку соскочит на резвы ногй,
 Принимает он чарочку одной ручкóй,
 Испивает он чарочку одним душком, —
 На ногах стоит скоморох — да не шатается,
 А он с князем говорит — так не мешается:
 865. — «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ-киевской,
 За твоё й за сладко й винцѣ-водочку,
 За твоё за сладкия напитокки.
 Так когда я сыграл йгру перьвую,
 Ай спотешил тибя, князя Владимира;
 870. А когда я сыграл йгру другую,
 Я спотешил князя Олешеньку Поповича;
 Так позволь сыграть йгру третью
 Ай спотешить Настасьюшку обручную!»
 Князь спозволил сыграть йгру третню.
 875. Так ведь этот малый скоморошенька
 Заиграл во гусѣлышка ярóвчаты.
 Он нангрыши выигрывал хорошия,
 Да й тут все на пиру приослушались,
 Молодые скоморохи приодумались:
 880. — «Ай жили мы, братци, вѣки по-веку,
 Ай такой игры ведь на свете не слыхано
 Да й на бѣлоём еще не видано!»
 Так тут князь Владимир стóльнѣ-киевской,
 Поскорёшеньку он поворот держал.
 885. Ай берет он чару во белы руки,
 Наливает полну чару зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да полтора ведра,
 Разводил медáми всё стоялымы,
 Подносил он малой скоморошеньке.
 890. Как ведь этот малый скоморошенка
 Поскорёшенку скочил на резвы ногй,
 Принимает чарочку й одной ручкóй,
 Испивает чарочку й одним душком, —
 На ногах стоит он — не шатается.
 895. Ай он с князем говорит — так не мешается:
 — «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ-кеевской!
 Ай когда сыграл я йгру перьвую,
 Я й спотешил тебя, князя Владимира,
 Со твоей Апраксией-королевишной,
 900. Ты мне налил чару зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да полтора ведра,
 Разводил медáми все стоялыми;
 Так позволь налить чару й зеленá вина.
 Да й не малую стопу — да полтора ведра,
 905. Поднести тибя, князю Владимиру!»

- Князь позволил налить чару й зеленá вина.
 Так ведь этот малый скоморошинка,
 Ай берет он чару й во белы руки,
 Наливает полну чару й зеленá вина,
910. Да й не малую стопу он — полтора ведра,
 Подносил он тут князю Владимиру.
 Так ведь князь Владимир стóльнѣ-кеевской
 Принимает чарочку одной ручкóй,
 Испивает чарочку одним душком, —
915. На ногах стоит он — не шатается,
 Со скоморохом говорит — так не мешается:
 — «Благодарствую те, малый скоморошенька,
 За твоѣ за сладко и винцо-водочку,
 За твоѣ за сладкие й напитокочки!»
920. Так ведь этот малый скоморошинка
 Говорит он князю й таковы слова:
 — «Ай же князь Владимир стóльнѣ-кеевской,
 Ай когда сыграл я йгру дрúгую,
 Я спотешил князя Олешеньку й Поповича,
925. Ты мне náлил чару зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да й полтора ведра, —
 Так позволь налить мне чару зеленá вина,
 Да й не малую стопу — й полтора ведра,
 Поднести Олешеньке Поповичу!»
(Своему-то братцу! Тут сейчас смешное пойдет!)
930. Князь позволил налить зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да й полтора ведра.
 Как тут этот малый скоморошинка
 Ай берет чару во белы руки,
 Наливал он полну й чару зеленá вина,
935. Да й не малую стопу он — полтора ведра,
 Подносил Олешеньке Поповичу.
 Молодой Олешенька Попович-то
 Принимает чарочку одной рукой,
 Испивает чарочку однѣм душком, —
940. На ногах стоит он — не шатается,
 Со скоморохом говорит он — не мешается:
 — «Благодарствую те, малый скоморошинка,
 За твоѣ за сладкое й винцо-й-водочку,
 За твоѣ за сладкие й напитокочки!»
945. Как ведь этот малый скоморошинка,
 Говорит он князю й таковы слова:
 — «Ай же князь Владимир стóльнѣ-кеевской,
 Ай когда сыграл я й йгру й третью,
 Ты мне náлил чару зеленá вина,
950. Да й не малую й стопу — й полтора ведра.
 Так позволь налить чару й зеленá вина,
 Да й не малую стопу — да й полтора ведра,
 Поднести Настасьюшке Микулишной!»
 Князь позволил налить зеленá вина.
955. Так тут этот малый скоморошинка,
 Ай берет он чару й во белы руки,

- Наливает полну й чару й зеленá вина,
 Да й не малую стопу — й полтора ведра,
 Да й спустил он в чарку свой злачён перстень,
 960. Со которым с Настасьей обручались,
 Подносил Настасье Микулишной.
 Говорит тут скоморох да й таковы слова:
 — «Ай же ты, Настасьюшка Микулишна,
 Если хошь добра, — так чару й пей до дна,
 965. А не хошь добра, — так и не пей до дна!»
 Ай Настасьюшка Микулишна,
 Она женушка й была неглупая,
 Выпивала чарочку й до донушка,
 Прикатился перстень к устам сахарниим,
 970. Прикатился тот злачён перстень,
 Ай с которым в церкви божьей с Добрыней обручались.
 Она топнула чарочку о злот стол:
 — «Вот она где, моя любимая й семёюшка!»
 Ухватилась за плечи за Добрынины,
 975. Она прыгнула к Добрыне через зóлот стол,
 Говорила она Добрыне не с упадкою:
 — «Ты прости, моё й любимоё й семёюшко.
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Что я твоего наказа не послушалась,
 980. За Олешеньку й Поповича замуж пошла, —
 Ай у бабы волос долог — ум корóток есь!
 Не пошла б я замуж за Олешеньку, —
 Ай Владимир-князь да й стóльнѣ-кеевской,
 Как уехал ты в поле биться-ратиться,
 985. На беседушку й стал ко мне й похаживать,
 Со своей Опраксой-королевичной,
 За Олешеньку замуж стал он подговаривать,
 Подговаривать, а сам угроживать:
 «Не пойдешь ты замуж за Олешеньку,
 990. Так не будет тебе места в нашем Киеви,
 Да й не будет тебе места и за Киевом.»
 Ай ведь этот-то Олешенько й Попович-то,
 Он приехал с раздольица чистá поля,
 Ай привез да й мне он весточку й нерадосну,
 995. Что побит Добрыня со добром конем,
 Ай распороты у него груди белыя,
 Ай ведь брошен твой Добрыня за ракивов куст!»
 Так пошла тут я замуж за Олешеньку!
 Ты прости меня в вине во жёнскоёй!»
 1000. Так тут этот малой скоморошинка,
 Протянул свои он ручки резвяя,
 Протянул он ручки через зóлот стол,
 Захватил он Олешу за желты кудри,
 Да как дернет он Олешу через зóлот стол,
 1005. Да как топнет он Олешу о кирпичный пол...
 (Несчастлиго жениха!)
 Распахнул свою одежду скоморовчату,
 Доставал шельгу подорожную;

- Да как стал шельгою охаживать, —
 Ай Владимир-князь да й стольнѣ-кеевской,
 1010. Он по горенке да й в кру́ги бегаёт,
 Куньей шубкой он да й укрывается:
 — «Молодой Добрынюшка Микитинец.
 На пиру, брат, драться дело й нехорошее! . . .»
 Тут случилось быть да й на честном пиру
1015. А ведь старому каза́ку Ильи Муромцу,
 Говорит Илья да й таковы слова:
 — «Ай же ты, Добрынюшка Микитинец!
 Не убей-ка ты из-за женщины богатыря:
 Ай Олѣшенька силою не силѣн, так напѣском смел!»
1020. Говорит молодой Добрынюшка Микитинец:
 — «А й же глупый князь стольнѣ-кеевской!
 Ай свою-то ты жену так ты . . . . .
 Ай чужую-то жену так замѹж даешь!»
 Сам схватил Настасью за рученьки за белыя,
1025. Да й за те за перстни́ за злачѣныя,
 Целовал ее в уста сахарни́я,
 Называл своей любимой семеюшкой.
 А тот ли Олешенька Попович-то
 Ай садился на скамеечку дубовую,
1030. Свои жѣлты кудри рученькѣй поглаживал,
 Говорит Олеша таковы слова:
 — «Ай ведь всем женитьба удаётся.
 Ай ведь все живут да й каждый женится;
 Ай ведь только я, Олешенька, й женат бывал,
1035. Ай ведь только я, Олешенька, и с женой живал!»
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Захватил жену за рученьки за белыя,
 Да за те ли за перстни́ за злачѣныя,
 Сам сошел от князя со честна́ пира́;
1040. Приходил Добрыня на широкий двор,
 Увидала й их тут рѣдна й матушка,
 Выбегала поскореньку й на широкий двор,
 Она плакала тут женским голосом,
 Женским голосом да й во всю голову:
1045. — «Ай же ты, мое любимое семеюшка,
 Ай же ты, мое да й чадо милое,
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Молода́ Настасьюшка Микулишна!»
 Говорила она да й таковы слова:
1050. — «Воссияло наше й красно й солнышко.
 Распекает наш да й светлый месяц ведь!»
 Да й брала́ их за рученьки за белыя,
 Да й брала́ их за перстни́ за злачѣныя,
 Проводила их в палаты белокаменны,
1055. Проводила их за столички дубовыя,
 Да садила за скамеечки окольныя,
 Подносила им ествушки сахарни́я,
 Подливала им пѣтьца медвяныя,
 Спать пошли на кроваточку тесовую.

1060. Да й на тую-ли перинушку й пухóвую,
Закрывала одеяльцем их теплым.
Стали жить да век корóтати.
Ай и тем былиночка й покончилась.

П. И. Рябинин-Андреев пел эту былину 2¹/₂ часа. Он рассказывал: «Я с одного разу понял. Папаша пропел мне раз, когда было мне десять лет. Я сказал: «Спою». Пропел. Отец сказал: «Коли пропел — хорошо, а не пропел бы — тебе не петь старин!» Во время войны собирались женщины; я им пел «Добрыню», так они все слезами заливались, как он на войну собирался, — все им близкое.»

№ 98. ДОБРЫНЯ И ЗМЕИ (ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ)¹

- Как спорóдила й Добрыню рóдна й матушка,
Да й возрóстила да й до полного да й возраста.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он охоч был ездить в поле й за охотою,
5. Да й стрелять он в поле гúсей-лéбедей,
Серых малых перелётных утёнышей.
Говорила Добрыне рóдна матушка:
— «Мóлодой Добрынюшка Микитинец!
А ты ездись в поле за охотою,
10. А стреляешь в поле гúсей-лéбедей,
Серых малых перелётных утёнышей;
Да й не ездит-тка на горы Сорочинские
Не топчи-тка малых лютых змеёнышей;
Да не ездит-тка в Пучай-реку купатися, —
15. А Пучай-река есь очень быстрая:
Перва струечка идет она быстрým-быстрó,
А вторая струечка быстрее того,
Третья струечка идет — да как огнем сечет!»
Молодой Добрынюшка Микитинец,
20. Рóдной матушки своей послушался
Одевал рубашечки-манишечки,
Одевал одёжицу опальную,
А й опальную одёжу всё военную,
Да й берет с собой он саблю вострую,
25. Свое длинное копье да муржамецкое.
Да й берет свой тóгой лук разрывчатой,
Да й набрал он стрелачек каленых,
Брал с собою шельгу подорожную;
Выходил Добрыня на широкий двор,
30. Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за пóвода шелкóвы,
Выводил коня он на широкой двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал засёдлывать коня он, закольчуживать, —

¹ Начиная петь былину, П. И. Рябинин сказал: «Второй бой папаша раз пропел, но я не беру!».

35. На коня подкладывает войлочок,
А на войлочок подкладывал подпотничек,
На подпотничёк сёдлышко черкальское:
Да которое седёлко изукрашено,
Разноцветным каменем усажено,
40. Драгоценными шелками изушивано,
Да й червонным золотом обивано.
Да й сажился Добрыня й на добра коня,
Да й поехал Добрыня й с широка двора,
Да й поехал в раздольице чисто полё.
45. Да й проездил молодец по день поры,
Да й проездил молодец по другою день,
Не наехал он не гуся да й не лебедя,
Да й не серого перелётного утёнышка.
Тут скочил на горы Сорочинские,
50. Стал топтать он малых лютых змеенышей.
А ведь эти малы лютые змееныши
Подточили Добрынино добро копьё,
Ему резвы ноженки по щеточкам;
Молодой Добрынюшка Микитинец,
55. Так тут вспомнил Добрыня й родну матушку:
— «Не велела мне ведь родна й матушка
Она ездить на горы Сорочинския;
А топтать ведь малых змеенышей!»
Там берет он в руки плеточку шелковую.
60. А он бил коня сперва между ушей.
А потом меж ноги. ноги задния,
А он бил коня, сам приговаривал:
— «Ай ты, волчья сыть, ты, травяной мешок!
Ты везти не хошь али итти не мошь? . . .»
65. У Добрыни добрый конь да стал поскакивать,
Стал от ног змеёнышей отряхивать.
Тут молоденький Добрынюшка Микитинец,
Он спускался с той горы высокой,
Да спускался в раздольице чисто полё,
70. Да подъехал ко матушке Пучай-реке,
Становил коня на крутой на берег,
Сам сходил на матушку сыру землю
Раздевал свои рубашечки-манишечки,
Раздевал одежду опальную,
75. А опальную одежду, всё военную.
Так случилось быть на крутом берегу
Рукомойницы да й беломойницы, —
Они мыли платица все белыя.
Говорят тут эти красны девушки:
80. — «Ай же ты, дуродний добрый молодец!
А во нашей матушке Пучай-реке
Еще наги добры молодцы не купляются, —
Они купляются в полотняных рубашечках!»
Молодой Добрынюшка Микитинец,
85. Говорит Добрыня таковы слова:
— «Ай же вы, да й беломойницы,

- Беломойницы да й красны девушки,
 А вы знайте-тко да сами про себя,
 Про Добрынюшку да вы не ведайте!»
90. Сам скочил во матушку Пучай-реку,
 Стал нырять от бережка ко другому;
 Захотелся Добрыне в другу струечку,
 Он нырнул от бережка ко другому;
 Захотелся Добрыне в третью струечку,
95. Заплывал Добрыня в третью струечку,
 Стал нырять от бережка ко другому.
 Так тут в тую ль пору, в тоё времячко
 Из-под той ли из-под западней сторонюшки
 Что не шум шумит да и не гром гремит, —
100. Налетело й Змейнице Горынице,
 О четырех главах — двенадцать хоботов.
 Взлепетало Змейнице крылатоё:
 — «Еще многи стары люди мне пророчили,
 Что побьет Змейнице Добрынюшка,
105. А теперь Добрынюшка в моих руках —
 Что я знаю, над Добрыней то и делаю:
 Хоть сей час Добрынюшку в полон возьму,
 Хоть сей час Добрынюшку в себя пожру,
 Хоть сей час Добрынюшку огнем пожгу,
110. Хоть сей час Добрыне голову срублю!»
 Она сыплет его искрой безутьшною,
 Она жгет Добрыне й тело белоё.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Видит дело есть тут нехорошее,
115. А пожгет ее (sic!) Змейнице крылатоё, —
 А тут вспомнил Добрыня родну матушку:
 «Не велела мне ведь родна матушка
 А в Пучай-реку ведь здись купатися!»
 Он нырнул от бережка ко другому,
120. Поскорешенько скочил на крутой на берег:
 Яму не с чем с Змеём приоправиться.
 Усмотрел колпачик земли греческой,
 Он схватил колпак, — да й ему мал попал,
 Ему й мал попал да ровно три пуда, —
125. Он ударил Змейнице й по хоботам,
 А он сбил Змею да на сгрудьях.
 Еще пала та Змея да на сыру землю,
 На сыру землю да во ковыль-траву;
 Поскорешеньку скочил на грудь змеиную,
130. Во руках он держит свой булатный нож,
 Хочет ей срубить он головы змеинья.
 Так ведь это Змейнице проклятое
 Взлепетало языком человеческим:
 — «Молодой Добрынюшка Микитинец,
135. Не руби ты мне й голов змеиных,
 Не оставляй-ко сиротами моих лютых змеёнышей.
 А мы сделаем записи великия:
 «Не съежжаться й, не слетаться во чистом поли,

- А не делать бою-драки-кроволития.»
140. Молодой Добрынюшка Микитинец
Поскорёшенько скочил с грудей змеинных,
Они делали й записи й великиё:
Не съежжаться й, не слетаться во чистомъ полй.
Да й не делать бою-драки-кроволития.
145. Полетела Змея тут запокрякала:
— «Как же сыто я сиводни пообедала!»
Тут летела й Змея через Киев-град,
Приподала ко князю на широкий двор,
Унесла его любимую племянницу,
150. Молодую Забаву дочь Путятичну,
Унесла ее на горы Сорочинския
Да во ты й во норы во змеинья.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Одевал свою одёжицу опальную,
155. Он опальную одёжу, всё й военную.
Да й садился Добрыня на добра коня,
Да й поехал Добрыня в стольный Киев-град,
Приежжал домой Добрыня на широкий двор,
Становил коня да й посреди двора,
160. Отдавал он паробкам любимым,
(Слугам, которые за ним ухаживали.)
Сам пошел во палаты белокаменны;
А он крест кладет по-писаному,
А поклон й ведет да й по-ученому,
А своей ли государыне-матушке в особину.
165. Да й поел он ествушке сахарнии,
Да й попил он питьецев медвяных,
Спать ложится на кроваточку тесовую,
Да й на тую ли периночку пуховую
Опосля ведь он пути дороженьки, —
170. Родной матушке ничем не хвастает.
Да ведь тем былиночка й покончилась.

№ 99. КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

- Из того из города из Крякова,
Из того села да из Берёзова,
Да из той из улицы Рогатицы.
У того ли подворья королевского
5. Выежжал дуродный добрый молодец,
Молодой Петры Петрович, королевский сын.
Выежжал он в поле за охотою —
Пострилять там в поле гусей, лебедей,
Серых малых перелетных утёнышей.
10. Да й проездил молодец по день поры,
Да й проездил молодец по другой день.
Не наехал он ни гуся да й ни лебедя,
Да ни сэра перелётного й утёныша.
Подъезжал ко славному й синю морю.
15. Усмотрел на славноём синём морй.

- Да на том на тихоем на зѣгуби,
 Да на том зеленоем на зѣтреси,
 А ведь плавало там две й лебѣдушки,
 Две прекрасны Настасьи Митриевичны.
20. Молодой Петры Петрович королевский сын
 Скоро тугой лук разрывчатый расстѣгивал,
 Натенул тетивочку й шелковую,
 Наложил он стрелочку й каленую,
 Да й хотѣт спустить тетивочку шелковую
25. Да й в тую во стрелочку й каленую,
 Хочет подстрелить бѣлых лебѣдушек.
 Так ведь эти ли да й две лебѣдушки
 Взлепетали языком человеческим:
 — «Ай же ты, удал дородный добрый мѳлодец,
30. Молодой Петры Петрович королевский сын!
 А ведь мы-то есть не две лебѣдушки,
 А ведь мы-то — две красных девушки,
 Две прекрасных Настасии Митриевичны
 Митриевичны, ведь мы царевичны.
35. А летим мы от пана от понаного,
 От того от Федора й Иванова,
 Улетали за слѣвноѳ й синѳ морѳ
 Да на вашу на матушку светую Русь.
 Хоть подстрель ты нас, двух белых лебѣдушек,
40. Не укрѣтаешь плеча й себе могучего,
 Не утѣшишь себе сердца богатырского,
 Нашу кровь прольешь ты во сыру водѳ,
 Наши перья разнесешь да й по синю морю,
 Нашу тѳщицу ты спустишь в глубокѳ водѳ.
45. Выежжай в раздольицо чисто полѳ,
 Да под тот под славный под Нѳвид дуб:
 А сидит там птица-ворон черная,
 А ведь крыльица у вѳрона черным-черны,
 А ведь перьяца у вѳрона бѣлым-бѣлы,
50. Пораспущены крыльица до матушки сырой земли.
 О такой ведь птице на свете не слыхано,
 Да й на бѳлоѳм еще не видано!»
 Так стал тут мѳлодец да й пораздумался:
 «Хоть подстрелить двух белых лебѣдушек, —
55. Не укрѣтати плеча могучего,
 Не утѣшить сердца богатырского,
 Ихну кровь пролью я й во сыру водѳ,
 Ихну тѳщицу спущу в глубокѳ водѳ,
 Ихни перья разнесет да й по синю морю, —
60. Не укрѣтать мне плеча могучего,
 Не утѣшить мне-ко й сердца богатырского!»
 Тут снимает тугой лук разрывчатый,
 Да снимал ту стрелочку й калѳную,
 Да спускал тетивочку й шелковую,
65. Скоро тугой лук разрывчатый пристѣгивал,
 Пристягнул ко правому ко стремени булатному,
 Повернул коня он богатырского

- Да й поехал в раздольицо чисто полё.
 Подъежжал под славный под Невид дуб;
70. Усмотрел он птицу черного вёрона,
 А сидит там птица черная,
 А ведь крыльица й черным-чёрны,
 А ведь перьяца й у ворона й белым-белы,
 Пораспущены крыльица до матушки сырой земли, —
75. Молодой Петры Петрович королевский сын
 Скоро тугой лук разрывчатый отстёгивал,
 Натянул тетивочку шолковую,
 Наложил он стрелочку каленую,
 Хочет подстрелить он птицу черного вёрона;
80. Так ведь эта птица-ворон черныя
 Взлепетала языком человеческим:
 — «Ай же ты, дуродний добрый мóлодец,
 Молодой Петры Петрович королевский сын,
 Хоть подстрель ты меня, птицы черного ворона,
85. Мою кровь прольёшь ты по сыру дубу,
 Мою тушицу ты спустишь на сыру землю,
 Мои перья разнесет да й по чисту полю
 Не укрятаёшь плеча могучего,
 Не утешишь тем сердца богатырского.
90. А слышал ли поговору на светой Руси:
 В келье старца убить — ведь есть не спасенье.
 Чорна вёрона пострелить — не корысть получить!»
 Так стоит тут мóлодец, пораздумался:
 «Хоть подстрелю я птицу-ворон черного,
95. Не укрятаю плеча й могучего,
 Не унять мни кого й сердца богатырского.
 Яво кровь пролью я по сыру дубу,
 Яво й тушицу спущу я на сыру землю,
 Яво й перья разнесет по чисту полю,
100. Не укрятать мне плеча й могучего,
 Не утешить мне-ка й сердца богатырского.
 А слышал я поговору на светой Руси:
 «В келье старца убить — ведь есть не спасенье.
 Чорна ворона подстрелить — не корысть получить!»
105. Так ведь эта птица-ворон черныя
 Говорит опять да таковы слова:
 — «Поежжай-ко ты во славный Киев-град,
 Ко тому ко князю й ко Владимиру,
 А у ласкового й князя у Владимира
110. Есть хорош почестен пир да пиروваньице
 На многых князей, на многых бояров,
 Да й на славных могучих богатырей,
 Да на славных полениц разудалых.»
 Так тут в тую пору, в тое времячко
115. А кричит татарин во чистом поли,
 Подъежжает татарин на добром кони,
 А он кличет, выкликает поединщика,
 Супротив себя он супротивника,
 А кричит, сам скажет таковы слова:

120. — «А Владимир князь ты стóльнѣ-кеевской!
 Как не дашь ты мне да ѝ поединщика,
 Из чистá поля ты ѝ мне наездничка,
 Как проеду прямо я в тот в стóльней Кеев-град.
 Твоих черных мужиков я всех повырублю,
125. Ваши церкви божия на дым пуцу,
 А тебя, князя Владимира, в полон возьму
 Со своей Опраксией-королевичной,
 А в полон возьму да ѝ голову срублю!»
 Так стоит тут мóлодец да пораздумался:
130. «Если ехать в поле ѝ бѣться-рátиться,
 Так побьёт меня татарин на добрóm коні;
 Если ехать мне прямо в стóльнѣй Киев-град,
 То не честь-хвала мне будет от богáтырей
 Да не выслуга ѝ от князя от Владимира!»
135. Тут просил себе он бога нá-помочь,
 Припустил коня он во чистó полѣ,
 Едет к той он полянице разудалой;
 Он заехал к полянице с лѣчка с белого,
 Они съехались, так поздоровались,
140. Они делали сговóр междú собой,
 Как им силушки у друг другá отведали:
 — «Нам разъехаться на конях богатырских,
 Приудариться во палицы булатныя!»
 Разъежжались на конях богатырских,
145. Приударились во палицы булатныя, —
 Ихни палицы да ѝ погибалися,
 А в руках по маковкам сломалися, —
 Не могли сбить друг другá с добрых коней,
 Никоторого ѝ местечка ни кровавили.
150. Они делали сговóр междú собой,
 Как же силы им у друг другá изведати:
 — «Нам разъехаться на конях богатырских,
 Приудариться во копя муржамѣцкие!»
 Разъежжались на конях богатырских,
155. Приударились во копя муржамѣцкие, —
 Ихны копя в руках да погибалися,
 Погибалися, по маковкам сломалися, —
 Не могли сбить друг другá с добрых коней.
 Никоторова местечка ни кровавили.
160. Они делали сговóр междú собой,
 Как же силушки у друг другá отведали:
 — «Нам разъехаться на конях богатырских,
 Приудариться во сабли, сабли вострыя!»
 Разъежжались на конях богатырских,
165. Ихни сабли тут в руках да ѝ погибалися,
 Погибалися да ѝ все сломалися, —
 Не могли сбить друг другá с добрых коней.
 Они делали сговор междú собой,
 (Вот сильныи были. Три раза сражались, не могли друг друга
 сбить.)
 Как им силушки у друг другá отведали:

170. — «Нам слезть на матушку сырú землю
 Да й подраться боем-рукопашкою!»
 Тут сходили на матушку сырú землю
 Да й подраться боем-рукопашкою.
 Молодой Петры Петрович королевский сын.
175. Приучон ведь он бороться об одной ручкóй,
 Об одной ручкóй он маленьким ребеночком.
 Подходил он к поленнице-то близёшенько,
 Захватил он паленицу ведь одной ручкóй,
 Да й здынул он паленицу выше гóловы,
180. Да й спустил он поляницу ниже пояса,
 Ниже пояса спустил он во кониный ступ,
 Поскорёшеньку соскочит на белы́ грудí.
(Победил все-таки русский!)
 Во руках он держит булатный нож,
 Хочет он срубить ей буйную головушку, —
185. Явó правая рука в плече да й застоялася.
 В очах у него свет да й помущается,
 Говорил он палянице да й таковы слова:
 — «Ты скажи мне, паляница разудáлая,
 Ты с какой орды есть, из какой земли?»
190. Ты какого же отца да ты есть матери?
 Ты какого же да й роду й да племени?
 Еще как же тебя ведь да именём зовут,
 Удалю́ звеличают по отечеству?»
 Говорила поляница, слезно плакала:
195. — «Ай же ты, мужик да й деревенщина,
 Тебе просто надо мною насмехатися,
 Как стоишь ты на моих на грудях белых,
 Во руках ты держишь свой булатный нож,
 Хочешь ты срубить мне буйную головушку!
200. Как я был бы на твоих на грудях белых.
 Не спросил бы я ни батюшка й, ни матушки,
 Ай рубил бы тебе буйную й головушку!»
 Разгорелось сердце у богáтыря,
 Молодого Петры Петровича,
205. А вздыхну́л он ручку й пра́ву й выше гóловы,
 И спустил он ручку да й ниже пояса, —
 Явó правая рука да й застоялася
 В очах у него й свет да й помущается
 Говорил он палянице таковы слова:
210. — «Ты скажи мне, поляница разудáлая,
 Ты какой земли да какой орды?
 А какого отца ты есть, матери?
 Да какого й будешь роду-племени?
 Еще как же й тебя да именём зовут,
215. Удалю́ звеличают по отечеству?»
 Говорила поляница, слéзно плакала:
 — «Ай же ты, мужик да й деревенщина.
 Тебе просто надо мною насмехатися,
 Как стоишь ты на моих грудех бёлых,
220. Во руках ты держишь свой булатный нож.

- Хочешь ты срубить мне буйную головушку!
 Если б был бы я да на твоих грудях,
 Не спросил бы я ни батюшки, ни матушки,
 Ай рубил бы тебе буйну́ и головушку!»
225. Разгорелось сердце у богатыря,
 У молодого Петра Петровича,
 Тут здынул он ручку й праву выше головы,
 Да й хотит спустить он ниже пояса, —
 Его правая рука в плече да застоялася,
230. Во очах у няго свет да помущается,
 Говорил он поляницы таковы слова:
 — «Ты скажи мне, поляница разудáлая,
 Ты с какой, скажи, земли да из какой орды?
 А какого есть роду-племени?»
235. А какого отца й матери?
 Еще как же тибя да именём зовут,
 Удалого звеличают по отечеству?»
 Говорила поляница, слезно плакала:
 — «Ай же ты, богатырь светорусьския,
 (*Сейчас сознаётся!*)
240. Когда стал ты у меня выпрашивать,
 Ты й ведь стану я й про то й высказывать.
 А ведь есть я из города из Крякова,
 Из того села я из Берёзова,
 Да из той из улицы Рогатицы,
245. Из того ль подворья Королевского,
 Молодой Лука Петрович королевский сын:
 Увезли мене татарова поганя,
 Увезли мене й со широка́ двора,
 С широка́ двора ведь маленьким ребеночком;
 (*Его татаровы украли у матери. Один сидел на дворе.*)
250. Стал иметь силу велику в полном возрасте,
 Подбирать себе стал коня богатырского,
 Да й поехал на матушку светую Русь,
 Поискать ведь я да й роду-племени,
 Роду-племени да й отца й матери!»
255. Молодой Петра́ Петрович королевский сын
 Поскорёшеньку соскочил со белой груды́,
 Брал его за рученьки за белыя,
 Да за ты за перстни́ за залачёныя,
 Да й кормил его ёствушком сахарниём,
260. Да й поил его питьицем медвяным,
 Целовал его в уста сахарния,
 Да й давал он яму́ да́ры драгоценныя,
 Называл его братцем родимым,
 Молодым его Лукой Петровичем.
265. Оне друг с другом тут спознавалися,
 Спознавалися. в кресті расцеловалися,
 Да й сядились на коней богатырских
 И поехали в раздольицо чисто́ полё.
 Приежжали домой они на широкой двор,
270. Становили коней посреди двора.

- Молодой Петры́ Петрович королевский сын
 Побежал в свои полаты белокаменные,
 А он крест кладет да й по-писа́ному,
 Да й поклон ведет он по-ученому,
275. А своей ли государыне й в особину:
 — «Здравствуй, свет моя ты государыня,
 Государыня й ты рѳдна й матушка!
 Я сегодня был в раздольици чистѳм полѳи,
 А наехал я татарина поганого,
280. А кормил явѳ е́ствушкой сахѳрнием
 Да й поил явѳ пѳтьицем медвѳяным,
 Ай дарил я ему дѳры драгоценныя!»
 Как тут свет честнѳ вдова заплакала
 Женским голосом да во всю голову:
285. — «Ай же ты, да мое чадо мѳлоѳ.
 Молодой Петры́ Петрович королевский сын!
 Как наехал ты татарина в чистѳм полѳи,
 Не кормил бы его е́ствушкой сахѳрнией,
 Не поил бы его пѳтьицем медвѳяным,
290. Не дарил бы ты ему дѳры драгоценныя,
 А колѳл бы явѳ рогатиной звериною, —
 А ведь эти ведь татаровья й поганыи
 Увезли ведь твоего братца с ширѳкѳ двѳра,
 Молодого оне Лука Петровича!»
295. Молодой Петры́ Петрович королевский сын
 Говорит мамаше таковы слова:
 — «Ай же свет моя ты государыня,
 Государыня ты й рѳдна й матушка.
 А сегодня я наехал на татарина,
300. А сегодня я наехал братца й рѳдного,
 Молодого ведь я й Луку й Петровича,
 А теперя он у нас на ширѳкѳм двѳрѳи,
 Да по нашему двѳру пошѳл погуливать,
 Да добрых коней за пѳвода поваживать.»
305. Как тут свет честнѳ вдова заплакала,
 Выбегала поскорѳшеньку на ширѳкой двѳр.
 Увидала й она сынка любимого.
 Молодого она Луку Петровича, —
 А он ходит пѳ двѳру, похаживает
310. Да добрых коней за пѳвода поваживает, —
 Подбегала к добру мѳлодцу близѳхонько,
 Да й брала его за рученьки за белые,
 Да й за те ли за перстнѳи за злѳчѳные,
 Целовала его в уста сахѳрния,
315. Называла ведь сынком любимым.
 Приводила их в полаты белокаменны,
 Проводила их за стѳлички дубовыя,
 Д й за те ли скамеечки окѳльныя,
 Да й кормила их е́ствушкой сахѳрной,
320. Да й поила пѳтьицем медвѳяным,
 Да й дарила дѳры драгоценныя,
 Спать ложила на кроватушку тесовую,

- Да й на тую на перинушку пухóвую,
 Закрывала одеяльцами их теплыми, —
 325. Стали пить да быть да век корóтати.
 Да ведь тем былиночка й покончилась.
 (Королевичи и есть!)

№ 100. (ПРО ХУДУЮ ЖЕНУ И ЖЕНУ ДОБРУЮ)

- Жил у батюшка да и у матушки,
 Жил у них да й одинакий сын.
 Он ел сладко да й работál легко,
 Работál легко да и носил краснó.
5. Захотели тут да й отец с матерью
 Пожанить дурóдна дóбра мóлодца.
 А жанили его в своей дерéвеньки,
 А брали замúж жену очень бохатую.
 Да й придáноё висит да й на грядочки,
10. Молодá жена на ручки спит.
 Еще й нé с кем мóлодцу погладиться,
 Да й погладиться да й призабавиться, —
 И с того ль тут мóлодец да й во гульбу пошол
 Из земли в землю да из орды в орду.
15. Заходил тут мóлодец в хоробру Литву,
 Ко тому ли кóролю литовскому,
 Ко тому ли Ботияну Ботиянову.
 А й служил ему да верой-правдою,
 Верой-правдою служил он неизменною.
20. А у этого й ли кóроля литовского
 Бýла дочь одна да й одинéшенька.
 Она возрастом была да й высокёшенька,
 Умом-разумом ведь не глупёшенька;
 Ясны очушки у ней, как ясна сокола,
25. Чорны бровушки у ней, как у чóрна й вóрона,
 Она личком была, как снегу й белого.
 А ще этот ли дурóдний добрый мóлодец
 А ведь жил с ней в полатах белокаменных,
 А он спал с ней на кроваточки й тесовой,
30. На её перинушке й пухóвой,
 А в иное время на белóй грудí,
 Понеслась прекрасна королевична. —
 Этот-ли дурóдной добрый мóлодец
 Видит — дело есть тут нехорошае,
35. Говорит тут молодéц да й таковы слова:
 — «От (вз)грустнулося моё сердечушко
 По своей ли то по родимой по сторонушки,
 Посмотреть хоть на отцóвское поместьицо,
 Где там выросла й зеленая й крапивушка?»
40. Тут доклáдают да й кóролю литовскому,
 — «Что уходит твой слуга да й с широкá двора,
 С широкá двора й на матушку светую Русь».
 Этот ли король литовский
 Призывает к себе дурóдня дóбра мóлодца,

45. Говорит ему да й таковы слова:
— «Ай же ты, дуродний добрый мѳлодец,
А ты верный мой слуга да неизменны,
А служил ты мне да й верой-правдою,
Верой-правдою служил ты неизменною,
50. Пѳры-времечке служил ты мне двенадцать лет, —
Так бери-тко ты, молодѳц, добра коня,
Поежжай на матушку светую Русь,
Посмотри-тко й на отцѳвскоѳ помѳстьецо,
Где там выросла зеленая крапивушка.»
55. Так ведь эта й ли прекрасна й королевична
Видит — дело есть тут нехорѳшее, —
Уежжает мѳлодец с широка двора,
С широка двора в раздольице й чисто полѳ
Да й брала его за рученьки за белыя,
60. Да за тее ли за перстни золочѳныя,
Подводила й к комодику крущѳтому,
Да брала скоренько золоты ключи,
Отмыкала й комодичек хрущѳтои,
Подняла бесчетну золоту казну,
65. Положила ручку праву во глубок карман
И оставила бесчетну золоту казну.
Они друг с другом тут распрѳщались,
Распрѳщались, в кресты росцеловались.
Проводила мѳлодца да на широкой двор,
70. Этот ли дуродний добрый мѳлодец
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирал жеребчика неежжана,
Брал коня за пѳвода шелкѳвыя,
Выводил коня на широкий двор,
75. Становил коня он посреди двора.
Стал засѳдывать коня он, закольчуживать.
На коня покладывает войлучок,
А на войлучок покладывал подпотничок,
На подпотничок седѳлышко черкальскоѳ
80. Да которое седѳлко изукрашено,
Разноцветным каменем усажено,
Драгоценными шолками изушѳвано,
Да червонным золотом обвѳвано.
Сам скочил скоренько й на добра коня,
85. Да поехал молодѳц с широка двора,
А поехал молодѳц в раздольице й чисто полѳ.
А он день ѳдет по красному й по солнышку,
А он ночь ѳдет по светлому й по месяцу, —
А ведь день за днем, как будто й дождь дождит.
90. А неделька за неделкой, как река бежит.
Приежжал он на матушку светую Русь.
Приежжал в свою он собственну й деревеньку,
Усмотрел худѳю малу хижину,
Подъежжал он к худѳой малой хижине;
95. А стоит худѳа мѳла хижина,
Обросла она ведь травушкой зеленою,

- Подогнулась ко матушке сырѳй земле.
(Чуть не сгнила уж!)
 А вокруг той худѳй хижины
 Обвивается два малых глупых выѳношка,
100. Этот ли дурѳдний добрый молодец,
 Говорит он малым глупым выѳношкам:
 — «Ай же вы, мѳлы глѳпы выѳношки,
 А и есть ли у вас да й родный батюшка?
 А и есть ли у вас да й рѳдна матушка?»
105. Говорят ведь эти мѳлы выѳношки:
 — «А ведь есть у нас да й рѳдна матушка, —
 Наша мать да й на крестьянской роботушке;
 А ведь есть ли у нас да й родный батюшка, —
 Наш вот батюшка да й во гульбу пошол.»
110. А ведь этот ли дурѳдний доброй мѳлодец
 А он цельный день с утра до вечера,
 А он ждал худую жѳну умную.
 А идет худая жѳна умная
 А и с той ли со крестьянской роботушки, —
115. Во правѳй руке да й кѳса острая,
 Во левѳй руке да й грабли частыя,
 На плечах бѳдна горюшица дрова несет.
 Подходила ко малой худѳй хижины.
 Говорит дурѳдний добрый молодец:
120. — «Ты жена ли есть, жена замужняя?
 Ай вдова ли есть, вдова й безмужняя?»
 Говорила она да й слѳзно й плакала:
 — «Не жена я есть, жена замужняя, —
 Сирѳта я есть, сирѳта горькая!»
125. — «Аще где же у вас супруг родимый?»
 Говорила она, ведь слѳзно плакала:
 — «А ведь мой-то муж во гульбу пошол. . .»
 Этот ли дурѳдний добрый мѳлодец,
 Говорит он ей да й таковы слова:
130. — «Подходи-тко к дѳбру мѳлодцу близѳшенько
 Да й спусти-тко праву ручку во глубѳк карман.»
 Эта ли худая жѳна умная,
 Она женщина была не глупая,
 Подходила к дѳбру мѳлодцу близѳшенько
135. Да й спустила руку праву й да й во глубок карман,
 Подняла его бесщѳтну й золоту казну.
 Они друг с другѳм да й спознавались,
 Спознавались да й в кресты расцеловались,
 Да й пошли в худую мѳлу хижину,
140. Стали вси да быть да век корѳтати.
 Да и тем былиночка й покончилась.

(Былину о худой и о доброй жене спел одному приятелю, который был на войне, возвратился с войны с чином и стал гнушаться своей прежней любовью. Его женили на другой — богатой, но пожилой. Он заплакал. Когда кого касается, так заплачешь!)

XXVI

РЯБИНИН Петр Васильевич, 23-х лет, крестьянин с. Гарниц Западных. 3 года как женат. Содержит двух младших братьев. Живет, отделившись от П. И. Рябинина. Внук Ивана Трофимовича Рябинина, сын Василия Трофимовича Рябинина, сына Ивана Трофимовича от второго брака. Живет в комнатке, где находилась молельня Ивана Трофимовича и где он принимал почетных гостей.

Петр Васильевич говорит, что в детстве слышал от деда и от дяди Ивана Герасимовича следующие былины: «Илья Муромец и Калин-царь», «Дунай Иванович», «1-ый и 2-ой бой Добрыни со змеем», «Соломан-царь», «Илья Муромец в ссоре с кн. Владимиром», «Три поездки», «Вольга и Микула», «Добрыня Никитич и Василий Казимирович». Помнит только две последние былины и те неполностью. Петь очень стесняется и очень долго заставляя себя уговаривать. Человек очень замкнутый. Голос — свежий, красивый тенор.

Комната П. В. Рябинина носит характер своеобразного музея. На стенах портреты Ивана Трофимовича масляными красками и фотографии, его иконы (частью поднесенные ему), на столе гипсовый бюст Ивана Трофимовича, работы Дм. Стеллецкого (7/III — 1902 г.), перед ним на стене зеркало, подаренное Ивану Трофимовичу 17 марта 1902 г., а также удостоверение о присуждении бронзовой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 17 октября 1894 года.

№ 101. (ВОЛЬГА И МИКУЛА)

- Жил Святослав девяносто лет.
 Осталось от него чадо милое,
 Чадо милое, дитё любимое,
 А що мѳлодой Вольга Святославович.
5. Стал Вольга растётъ-матерётъ,
 Подбирать себе дружиниушку хоробрую,
 Тридцать мѳлодцев да без единого,
 Сам Вольга во тридцатых.
 Захотелся Вольгѳе во чисто полѳе,
10. Во чисто́м полѳе погулять,
 Ясным соколом летать,
 Ясным соколом летать,
 Ратной силы попытать.
- Выежжал тут в раздольице чисто́ полѳе,
15. Услыхал в чисто́м полѳи о́ратая.
 Орѳт в поле о́ратай, понукивает.
 Сошка у р́атая поскрыпывает,
 Омешики по камешкам почиркивают,
 Каменья, коренья вывертывает,
20. Большие вси каменья в бороздѳу валит.

- День едут с утра до вечера
И не могут наехать на оратая.
Едут другой с утра и до вечера
И не могут наехать на оратая.
25. Орёт в поле оратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают,
Коренья, каменья вывертывает,
Большие вси каменья в борозду валит.
30. Третий день едут с утра до пабедья
И наехали в чистом поли на ратая.
Орёт в поле оратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрыпывает,
Омешики по камешкам почиркивают,
35. Коренья, каменья вывертывает,
Большие вси каменья в борозду валит.
— «Божья ты помощь, оратаюшко,
Орать да пахать, да крестьяновать
На своей кобылке на соловоей!»
40. Кобылка у ратая соловая,
Жгутики у ратая шелковые,
Сошка у ратая кленовая.
— «Куды, Вольга, едешь, куды путь держишь?»
— «Еду я в три града за получкою:
45. Первый город и Гурцовець,
Вот другой город — Крисьяновець,
Третий город — Ореховець.»
— «Был я третьёго дни за получкою,
Привез два меха соли по сороку пуд.
50. И живут там мужички все разбойнички,
Обярают гроши да подорожные.»
— «Ай ты, оратай-оратаюшко,
Едем-ка со мною во товарищах!»
Они сели на добрых коней, поехали.
55. У оратая кобылка ступью идет, —
У Вольги-то конь оставається.
У оратая кобылка рысью пошла, —
А Вольгин-то конь стал поскакивать.
— «Ай же ты, Вольга Святославьевич,
60. А оставил я сошку во бороздушке
Ни для прохожего, проежжего...»¹

№ 102. (ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

- Как было во стольнем городе во Киеве,
Что было у ласкового князя у Владимира,
Да й хорош был пир да пированьицо
На многих князей, на многих бояров,
5. Да й на сильных могучих богатырей.
Да й на славных полёницъ да на удалых

¹ П. В. Рябинин дальше не помнит.

- Князь по горенке у столиков похаживает,
Таковы слова да приговаривает:
— «У нас красно солнышко на вечере,
10. А славной почёстен пер идёт на вёселе.
Вси вы на честном пиру да й пьяны-веселы, —
Ай не знаю я, кого послать
Дань свезти-то во темну орду,
Во темну орду, да во храбру Литву,
15. Ко тому ли королю литовскому,
Ко тому ли Ботиану Ботианову,
Отвезти-то ему дани-выходы
Да й за все времена да за досюлишны,
Исполна, осударю, за двенадцать лет,
20. За двенадцать лет да с половиною!»
А що старший тулится за среднего,
Средний-то тулится за меньшого
А от меньшого тулится ответу нет.
Так тут из-за тех из-за столов дубовых,
25. Да из-за тех из-за скамеечек окольных
Как тут встал Спермеч да сын Иванович,
Стар казак да Илья Муромець.
— «Ай же князь Владимир стольнѣ-кеевской,
А ведь знаю я кого послать
30. Да й в тую ли орду да во храбру Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Ко тому ли Ботиану Ботианову,
Отвезти-то ему дани-выходы
Да за все за времена да за досюлишны,
35. Исполна, осударю, за двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною.
Ты пошли-ка молодого Добрынюшку Микитича.
А и съездит Добрынюшка к королю.»
Тут берёт Владимир чару во белы руки,
40. Наливал он чару зеленá вина,
А немалую стопу — полтора ведра,
Разводил медами все стоялыми,
Подносил молодому Добрынюшке.
Поскореньку встал Добрыня на резвы ноги,
45. Принимал он чару одной рукой,
Испивал он чарочку одним духом, —
На ногах стоит он — не шатается,
А он с князем говорит — не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир стольнѣ-кеевской,
50. За твое за сладкое винцо-водочку
За твое за сладкие напиточки.
А и еду я-то во темну орду,
Во темну орду, во храбру Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
55. Ко тому ли Ботиану Ботианову,
Отвезти-то ему все дани-выходы
За все старые годы за досюлишны,
Исполна, осударю, за двенадцать лет,

- За двенадцать лет с половиною.
60. Только дай еще мне во товарищи
Ай молодого Василья да Казимирова!»
Тут берет Владимир чару во белы руки,
Наливал он чару зеленá вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
65. Разводил меда́ми все стоялыми,
Подносил молодому Васильюшко.
Поскореньку встал Васильюшко на резвы́ ноги,
Принимал он чару во белы́ руки,
Принимал он чарочку одной ручко́й,
70. Испивал он чарочку одним духом, —
На ногах стоит он — не шатается,
А он с князем говорит — он не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнё-кеевской,
За твое за сладкое винцо-водочку,
75. За твои ль за сладкие напитокочки,
А и еду я да во темну́ орду,
Во темну́ орду да во храбру́ Литву,
Ко тому ли коро́лю литовскому,
Ко тому ли Ботиáну Ботиáнову,
80. Отвезти-то ему дани-выходы
За все старые годы да за досюлишны,
Исполна́, осударю, за двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною!
Только дай-ко мне еще во товарищах
85. Ты молодого Иванушку Дубровица, —
А тому ли Иванушке коней седлать,
А тому ли Иванушке рассёдлывать!»
Тут берёт Владимир чару во белы́ руки,
Наливал он чару зеленá вина,
90. А немалую стопу — полтора ведра,
Разводил меда́ми все стоялыми.
Поскореньку встал Иванушка да на резвы́ ноги,
Принимал он чару во одну руку́,
Испивал он чарочку одной руко́й, —
95. На ногах стоит он — не шатается,
А он с князем говорит — он не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнё-кеевской,
За твое за сладкое винцо-водочку,
За твои за сладкие напитокочки.
100. А ведь еду я во темну́ орду,
Во темну́ орду, да во храбру́ Литву,
Ко тому ли коро́лю литовскому,
Ко тому ли Ботиáну Ботиáнову,
Отвезти-то ему дани-выходы
105. За все стары́ годы да за нынешни,
Да за все времена да за досюлишны,
Исполна́, осударю, за двенадцать лет,
За двенадцать лет с половиною. . . »¹

¹ П. В. Рябинин дальше не помнит.

XXXVII

РЯБИНИН Кирик Гаврилович, 71 года, в прошлом малоземельный крестьянин дер. Середки. В течение 30 лет был сторожем на пристани в Кижском погосте. Родной внук Трофима Григорьевича Рябинина, сын его старшего сына Гаврилы Трофимовича¹, не любимого отцом за пьянство и поэтому раньше всех выделенного из дому. Гаврила Трофимович был плохим хозяином, и Кирику Гавриловичу пришлось самому поднимать все хозяйство. Он был очень работающий крестьянин. В 1910 г. произошло с ним несчастье: во время молотбы в барабан молотилки нечаянно попала его левая рука, и кисть была вся переломана. На руке остались три пальца, торчащие в разные стороны. Тем не менее старик держится очень бодро и продолжает работать. Вместе с Кириком Гавриловичем живет его сын, Михаил Кирикович, крестьянин нового склада и новых взглядов, общественный работник, поэт и хороший земледелец. В то же время Михаил Кирикович — прославленный в округе дружка. От него были записаны нами присказки (более 1200 стихов). Былин Михаил Кирикович не заучивал и поэтому спеть их не мог. Кирик Гаврилович рассуждал так: «Конечно, есть много и выдуманного, но есть и много правды; богатыри были: вот в городах в музеях показывают их доспехи. Вот у нас поля покрыты камнями; камни выворочены в сторону. Кто как не Микула Селянинович мог такие камни свернуть?» Былины Кирик Гаврилович усвоил от своего дяди Ивана Трофимовича. Тот, возвращаясь из Петербурга с деньгами, побоялся зимою ехать через озеро с чужим человеком. Кирик Гаврилович работал тогда в Петрозаводске и взялся проводить его домой. По дороге Иван Трофимович пел былины. Кирик Гаврилович, несмотря на свой возраст, сохраняет бодрость духа, любит шутить и недавно сочинил два стихотворения, которыми очень гордится. Одно из них посвящено красноармейскому празднику, и написано оно в духе старинных солдатских песен, а другое является сатирической поэмой о краже коня в пасхальную ночь. У Кирика Гавриловича семья состоит из жены-старушки, двух женатых сыновей, дочери-вдовы и старушки-сестры. Старший сын живет в Петрозаводске и помощи отцу не оказывает. У Михаила Кириковича — жена и трое детей (о дочери Марии Кириковне см. ниже). Сестра Аграфена Гавриловна — старушка лет под 80, бездетная вдова. До 1917 года почти всю жизнь работала в Петербурге в барском доме. В настоящее время получает пенсию. Былин не помнит.

№ 103. (ВОЛЬГА И МИКУЛА)

Жил Святослав девяносто лет,
Оставалось от него да чадо милоё,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть-матереть,
5. Похотелоси Вольги да много хитростей,

¹ У Гаврилы Трофимовича было 9 детей, из которых шестеро умерли в детском возрасте.

- Хитростей да й много мудростей:
 Шукой-рыбой ходить-то по синиим морям,
 Серым зверем рыскать во тёмных лесах,
 Птичкой-соколом летать-то под оболоки.
10. Стал Вольгá все ростётъ-матерётъ,
 Прибирал дружиниушку хоробрую —
 Тридцать человек без единого,
 Сам Вольгá во тридцатых.
 Выехал Вольгá во чистó полё
15. Со своей дружиниушкой хорóброёй,
 Услыхал Вольгá да в по́ли рáтая.
 Ай орёт-то орáтай, понукивая,
 У рáтая сошка поскрипливая,
 Да й омешики по камешкам почиркивают.
20. Ехал Вольгá цельный день с утра,
 Цельный день с утра да й до вечера.
 Ехал Вольгá на другой-то день,
 Услыхал да й во поли он рáтая.
 Ай орёт-то орáтай, понукивая,
25. Ай у рáтая всё сошка поскрипливая,
 Да й омешики по камешкам почиркивают, —
 Не наехал Вольгá в поли рáтая.
 Поехал Вольгá да на трéтей день
 Со своей дружиниушкой хоробрую,
30. Ехал Вольгá трéтей день с утра,
 Третий день с утра да й до пáбедья, —
 Наехал он во поли ратáюшка.
 Орёт-то орáтай, понукивая,
 Ай у рáтая сошка поскрипливая,
35. Да омешики по камешкам почиркивают.
 — «Бог тебе помочь, орáтаюшко,
 Орáть да пахать, да крестьянствовати!»
 — «Поди-ко, пожалуй, Вольгá да Святославгович,
 Со своей дружиниушкой хорóброю.»
40. Орёт-то у рáтая кобылка-то солóвенькая,
 Ай у рáтая сошка кленовенькая.¹

№ 104. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

- Как из славного из города из Муромля,
 От того подворья богатырьського
 Там едет старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович.
5. Он заутрену служил да всё й во Муромли.
 Ай к обедни хотел он в стольний Киев-град.
 И он выходит из божьей да от заутреной,
 Да й выходит во палаты белокаменны
 Ко своим родным да ко родителям.
10. Говорит-то он им да таковы слова:

¹ Конец Кирик Гаврилович пересказал кратко прбзой. Про Микулу сказал: «Да и как не быть такому!»

- «Ай ты, свет родимый ты мой татенька,
Да и родная да моя маменька,
Ащо дайте-то мне ведь благословение,
Да й поеду я да й в стóльней Киев-град
15. Ко тому-то я ко князю ко Владимиру
На почестен пир да й пировáньицѣ!»
Говорят они ему да й таковы слова:
— «Ай ты, свет наше чáдьишко любíмоѣ,
Ты любíмоѣ наше, единое,
20. Тридцеть лет у нас сидел да ты в убожестве,
Ай убогой-то да всё безногой-то.
Накопил ты силы богатырьской,
Поежжаешь ты во путь-дороженку,
Там есть много застав великих,
25. Там есть много пóлениц удáлых,
Там есть много могуцих богáтырей.
Да й убьют головушку невинную,
Да й бросят-то головушку под ракивов куст!»
Говорит он им да таковы слова:
30. — «Дадите вы да мни благословеньице — поеду я,
Ай не дадите вы — да всё й поеду я!»
Говорят они да таковы слова:
— «Бог подаст теби благословеньица,
А мы от себя да всё й прощеньица.
35. Ай поедешь ты да й в стóльней Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Ты постой-ко там за отечество,
Да й постой за города да за окольнии,
Да й постой за церкви да богомольнии!»
40. Тут скорешенько идет он на широк на двор,
Брал седёлышко да всё й черкáльское,
Брал уздечку он да княженечкую,
Заходил в конюшенку стоялую,
Ай седлал коня да й богатырьского,
45. Он подтягивал подпруги вси шелкóвыи,
Ай подвязывал да стремечки булáтнии, —
Как булат-жалезо дак не пóгнется,
Ай шелки не рвутся и не тянутся.
Выводил коня да на широк на двор,
50. Брал доспехи он да й богатырьские:
В первых взял он палицу булатную,
Во вторых копьѣ да муржамецкое,
А що в третьих взял да лук разрывчатый.
Только видли его как сядучись,
55. А не видли его как поѣдучись.
Подъежжает он ко городу к Чернигову,
Подъежжает он ко силушке татарской, —
А силушки там черным-черно́,
Ай черным-черно́, как чóрна вóрона,
60. У того-то у собаки-царя Кáлина.
Приужахнулось сердецько богатырьское:
«Как пуститься в эту армию великую?

- Там есть много-то князей да много бо́яров,
Ай там есть много полёниц уда́лых,
65. Ай там есть много сильниих могучиих богáтырей, —
Да й побьют головушку невинную,
Да й бросят головушку под ракивов куст,
Ай оставят как мни город при погибели.
То не честь-хвала мни, добру мо́лодцу,
70. Да й не выслуга от князя от Владимира!»
Он просил себе спáса нá помочь
Да й матушку пресвятую богородицу
И пустился в эту армию великую,
Он конем топтал да й копьём колол:
75. Куда сам вернёт, — улицо́й падёт,
Ай повернется, — так переулочком,
Притоптал он эту силушку поганую.
Подъезжает он ко городу к Чернигову.
Выходили мужички да й всё черниговцы,
80. Говорят они да й таковы слова:
— «Благодарствуй же, уда́лой доброй мо́лодец!
Ты скажи-ка, уда́лой доброй мо́лодец,
Из ко́ей орды да из ко́ей земли?
А що как же мо́лодца именём зовут,
85. Молодого величают по отечеству!»
Говорит-то он им да й таковы слова:
— «Я есть из города из Муромля,
Из того ли я подворья богатырьського,
Есть я старый казак да Илья Муромець,
90. Илья Муромець да Иванович.»
Говорят они ему да поклоняются:
— «Ты поди-ко к нам во город воеводою!»
Говорит-то он им да таковы слова:
— «Я не йду к вам воеводою.
95. Вы скажите мне дорожку в стольний Киев-град.»
Говорят они да поклоняются:
— «Прямоежжею дорожкой пятьсот-то вёрст,
А окольною дорожкой да цéла тысяча.
Прямоежжая дорожка заколóдела,
100. Заколóдела дорожка й заму́равела,
А никто этой дорожкой ни прохаживал,
Туды чорный ворон-птиця ни пролетывал,
А и серый зверь да ни прорыскивал,
А що конный той дорожкой да й не проежживал,
105. Пешеход да той дорожкой ни прохаживал:
Сидит Сóловей Разбойник да Одихмáнтьев-сын.
Как закричит-то Соловёй да по-соловьему,
Да й залает как собака по-звериному,
Да вси травушки-му́равки уплетаются,
110. Все лазуревы цветочки высыпаются,
Буйны лёсушки да приклоняются,
А що есть людей, дак вси мертвы́ лежат!»
Приужахнулось сердечко богатырьское,
Меж собой он пораздумалси,

115. Ай раздумался, сам распечалился:
«Как поехать мни дорожкой окóльнёй,
Да й окóльнёй да в стольний Киев-град, —
То не честь-хвала мни, мóлодцю,
Да й не выслуга от князя от Владимира.
120. Да й поеду я дорожкой прямоежжею,
Прямоежжею дорожкой в стольний Киев-град!»
Он просил себе да спáса нá помочь,
А що матушку пресвятую богородицю.
А що бил коня да не жолúхою.
125. Поднималси конь да й на вси ноженки,
Выше лесу да он стоячего,
Ниже óблаки да он ходячи,
С гóры нá гору да й перескакивал,
Мелки реченьки-озёра между ног пускал.
130. Подъезжает он ко Сóловью Разбойнику, —
Сидит Сóловей Разбойник во сырóм дубу.
Засвистал как Соловёй да й по-соловьему,
Да й залаяла собака по-звериному, —
Дак вси травушки-муравки уплятаются,
135. И вси лазúревы цветочки усыпáются,
Буйны лесушки к земли да й приклоняются,
А що есть людей, — да вси мертвú лежат.
Да й его-то конь да й на коленка пал.
Ай вынёл он плеточку шелкóвую
140. Да й и бил коня да й не жолúхою:
— «Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок,
Ты нести не хошь аль вести не мошь?
Али ты надо мной да й насмехаешься?»
Отстегал он скоро каленый лук разрывчатый,
145. Натегáл тетивочку шелкóвую,
Налагал он стрелочку каленую,
Да й спустил как он тетивочку шелкóвую
Да й в этую во стрелочку каленую.
Да й просвиснула та стрелка да во сырóй дуб,
150. Она выбила у Сóловья-то прáвой глаз,
Ай да прáвой глаз да й со косицёю.
Да й и выронил Сóловья из сырá дубá.
Из сырá дубá да й на сырú землю.
Тут удáленькой да й добрый мóлодец,
155. Он с коня скорó да он соскакивал,
Ручки-ножки Сóловью да он омматывал,
Пристегал его он к стрéменам булатниим
И садился на добрá коня,
Отправлялся в дальнюю да й во дорóжёнку.
160. Да й случилось дорогою несчáстьице:
Да й и ехать ему мимо Сóловьиного гнёздышка.
Увидала его Соловьёв да й больша дочь,
Говорит она да таковы слова:
— «А що едет-то да родный татенька,
165. Он и едет-то да на добрóm кони
Да везёт да мужичища-деревеньщину!»

- Посмотрела Соловья да й средня дочь,
 Говорит она да таковы слова:
 — «А що едет родимый наш-то татенька,
 170. А що едет он да на добром кони,
 А везёт-то мужичища-деревеньщину,
 У того-то он у правого у стремечки булатного!»
 Посмотрела Соловья да й меньша дочь,
 Говорит она да й таковы слова:
 175. — «А що едет мужичища-деревеньщина,
 Да й везёт-то он да родного татенька
 Ай у правого у стремечки булатного!»
 Тут скочили зятевья да все любимья,
 Похватили все рогатинки каленья,
 180. Выходили стречу добру молодцю.
 Говорит им Соловей да й таковы слова:
 — «Ай бросайте-ко рогатинки каленья,
 Да й зовите на почестно да й пированьице!»
 Побросали тут рогатинки каленья,
 185. Стали звать на честно да й перованьице.
 Тут удаленький дородней доброй молодець
 Меж собой-то он да й пораздумался:
 Как пойти на честно да й перованьице, —
 Да убьют меня да й добра молодця,
 190. Да и бросят тут да й под ракигов куст!»
 А що бил-то он коня да й не жолухою,
 Поднимался его конь да й на вси ноженьки,
 Поднимался выше лесу да он стоячего,
 Ниже облаки да он ходячеей,
 195. С горбы на горы он да й перескакивал,
 Мелки реченьки-озера между ног пускал.
 Подъезжает он ко городу, в стольний Киев-град,
 Ай ли в Киев-град ко князю ко Владимиру,
 Прибежал он на широкий двор да конюшенный.
 200. Ай соскакивал он с добра коня,
 Он привязывал коня да й к золоту кольцу,
 Сам пошел в полаты белокаменны.
 И заходит он в полаты белокаменны,
 А що князь Владимир за столом сидит.
 205. Он поклон-то вел да по-ученому,
 А що крест-то клал по-писаному,
 И поклонился на две, на три, на четыре на сторонушки,
 А що князю-то Владимиру в особину:
 — «А що хлеб да соль да й хлеба кушати,
 210. Князь Владимир-то, да Владимир Алексеевич!»
 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
 — «Просим жаловать, калика ты прохожая,
 Ты скажи-ка нам, калика ты прохожая,
 Из коей орды да из коей Литвы,
 215. А що как же тебя, молодця, именем зовут,
 Молодого величают по отечеству?»
 Говорит он тут да й таковы слова:
 — «Я из города да есть из Муромля,

- Из того подворья богатырьского,
 220. Есть я старый казак да Илья Муромец!
 — «Ты еще скажи нам, старóй казак Илья Муромец
 Ай когда ты выехал из города из Муромля?
 Ай какой же ты дорожкой ехал, куды путь держал?»
 Говорит он им да таковы слова:
225. — «Ай заутрену стоял я й во Муромли,
 Ай к обеденке хотел попасть в стольний Киев-град.
 Тут дороженька моя да й призамешкалась:
 Как во славном во городе Чернигови
 Принагна́но силушки татарьськоей
230. Да й черным-черно́ как чо́рна во́рона,
 У того у собаки-царя Ка́лина.
 Не оставил-то я ведь города в погибели, —
 Ай конем топтал да й копьём колол,
 Притоптал эту армию великую,
235. Ай приехал я дорогой прямоежжею,
 Прямоежжею дорогой в стольний Киев-град.»
 Говорит тут Владимир да таковы слова:
 — «Ай ты, старая базы́га, насмехаешься,
 Да в глазах, собака, подлыга́ешься,
240. Прямоежжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замура́вела.
 Да й никто этой дорожкой не проежживал,
 Туды и птиця чорный ворон ни пролетывал,
 Да й и серый зверь да ни прорыскивал,
245. А що конный туды да ни проежживал,
 Пешаход этот дорожкой да ни прохаживал!»
 Говорит он им да таковы слова:
 — «А ведь Со́ловей Разбойник да на твоём дворí,
 На твоём дворí, да на моем конí,
250. Да й у правого у стремечки булатьнего.»
 Тут скочил-то скорó князь Владимир Алексеевич,
 Кунью шубочку он надевает да на одно плечко́,
 Шапочку соболью на одно ушко́,
 Да й скорёшенько выходит на широк на двор,
255. Да й подходит он к конюшеньки стоялые,
 Видит — Со́ловей Разбойник Одюхма́нтьев-сын.
 Руки, ноги Со́ловью тут связаны,
 К стременам были они привязаны.
 Говорит-то Владимир таковы слова:
260. — «Засвищи-ко, Соловей, да й по-солóвьему,
 Да й залай-ко ты, собака, по-звериному!»
 Говорит Соловёй да таковы слова:
 — «Не у тебя я ел, да не у тебя ведь кушал-то,
 Не тебя я буду ведь и слушать-то!»
265. Говорит Владимир да таковы слова:
 — «Да вели-ко ты засвистать да й вполголоса,
 Пусть залает же, собака, да и в полпо́крыку!»
 — «Ты засвищи-ка, Соловёй, да в полго́лоса,
 Ай залай, собака, ты в полпо́крыку!»
270. Говорит Соловей да й таковы слова:

- «Не могу-то я засвистать всё й в полгблоса
 Да залаяти, собака, в полпóкрыку,
 Ай от сильных ран уста да й запечатались!»
 Говорит-то он да таковы слова:
275. — «Князь Владимир Алексеевич,
 Заходи-ко в полаты белокаменны,
 Наливай-ко ты ведь чару зеленá вина
 Да й давай ествушки сахáрьнии,
 Подноси-ко Сóловью Разбойнику!»
280. Тут скорéнько князь Владимир Алексеевич,
 Заходил-то он в полаты белокаменны,
 Наливал он чару зеленá вина,
 Да не мáлу стопу — да полтора ведра,
 Разводил медáмы всё стоялыма,
285. Да й принёс ему ествушки сахáрьнии.
 Тут как взял Сóловей да он одной ручкóй,
 А що выпил чару да одним душкóм.
 Засвистал как Сóловей да й по-солóвьему,
 Да й залаял он, собака, по-звериному, —
290. Да й во граде вси стекóлышка полопались,
 Из церквей вси маковки посыпались,
 А шо есть людей — вси покаталися;
 Князь Владимир-то по дворику катается,
 Куньей шубкой он да й окрывается.
295. Разгорелось тут сердечко й богатырьское.
 Взял он палицу да всё й булатнюю,
 Да и бил он тут ни жолúхою,
 Да й уж бил да й до смёрти-то.
 Да й ли Сóловью тут славу поют,
300. Да й славу поют, да й в вéки пó-веку.
 Заходили тут в полаты белокаменны
 И садилися за столики дубовыи,
 Да й пошол у них пир да й пировáньицё.
 На пиру-то вси да напивалися,
305. На пиру-то вси да порасхвасталися,
 А що умный хвастал отцём-матерью,
 А безумный хвастал молодой женой,
 А богатый хвастал золотой казной,
 А богáтырь хвастал силушкой великою, —
310. Да и вси они тут да й побратáлиси.

XXVIII

САРАФАНОВА Мария Кириковна (рожд. Рябинина), дочь Кирика Гавриловича. Вдова. Ей около 40 лет. 22 года прослужила в Петрозаводске, из них 5 лет в Николаевском женском приюте и 12 лет в железнодорожной больнице, где намерена служить и дальше. Муж ее был с Кóсельги. У них дочь Таня, 8 лет, живет при матери. Мария Кириковна неграмотна. По ее словам, была памятью раньше очень крепка. Перегляла былинку о Дюке Степановиче от внучатого дяди — Ивана Трофимовича, когда тот исполнял ее в Петрозаводском приюте на вечере.

№ 105 (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

- Что ль ни белая ль берёзка й нагибается,
Сын с родной со маменькой прощается,
Со честной вдовой Олимпой Тимофеевной,
— «Уж ты дай мни, дай, родима маменька,
5. Дай прощёньице, дай благословёньице
Мини съездить да на гору Сорочиньськую,
Мне й ко этому ко князю киевсьскому.
Я везде ведь, добрый млодець, да й побывал,
Только в городи во Киеви да й не бывал,
10. Не видал-то всё я князя со княгиною,
Со княгиною да стольнё-киевской.»
— «А й какое вышло дитятко занобливо,
Ай занобливо да й сам захвастливо!
Всё ты хвасташь животишкамы сиротскыма,
15. Всё сиротьскыма, да всё вдовинама.
Ай до этого до города до Киева
Есть три заставы великии,
Великии заставы да й страховити, —
Что й и там тебе да й не проехати.
20. Перва застава есть горы потолкуции,
Друга застава есть змен поедуции,
Третья застава есть птици поклевуции, —
А що там тебе да не проехати!»
Говорит ей тут удалый Дюк Степанович:
25. — «Уж ты дашь мни прощёньице — поеду я,
И не дашь прощёньице — да и поеду я.
А поеду я в той во стольний Киев-град,
Ко тому ко князю ко Владимиру!»
Он из горенки во горенку похаживал,
30. Он ведь жолтыми кудёрками потряхивал.
Заходил он во конюшеньку,
А що брал-то он узду недержану,
Да й берет седло да й недержено,
Он седлал коня да й зауздывал,
35. Выводил-то он коня да й на широкий двор.
— «Уж ты, конь ли да конь верный!»
Привязал-то коня ко столбу да ко точеному,
Ко кольцу да й ко золоченому.
Шолковой плёткой всё он да тут помахивал,
40. Громким голосом да тут покрывивал,
А що Бурушка-Кавурушка поскакивал,
А що маленькой-косматенькой повертывал.
Только видли добра млодца сядучи,
Ай не видли добра млодца поедучи.
45. Как пошел тут Бурушка поскакивать,
А що маленькой-косматенькой повертывать.
Вси-то озера между ног спущал,
С горы на горы да с холмы на холмы.
Перва застава пришла — да й горы потолкуции.

50. Не успели горы стóлкнуться да й растóлкнуться,
 Как ведь Бурушка-Кавурушка поскакивал,
 А що маленькой-косматенькой повертывал.
 Все-то реки, озера между й ног спущал
 С гóры нá горы да с хóлмы нá холмы.
55. Дрúга зáстава пришла — змеи поедúчи.
 Не успели змеи хоботóв расправити
 Как ведь Бурушка-Кавурушка й поскакивал
 Маленькой-косматенькой провертывал,
 Все реки, озера между ног спущал,
60. С гóры нá горы да й с хóлмы нá холмы.
 Третья зáстава — да й птицы поклевуции.
 Не успели птицы крылышков расправити,
 Тут ведь Бурушко-й-Кавурушко й поскакивал,
 А що маленькой-косматенькой провертывал,
65. Все реки он, озера й между ног спущал,
 С гóры нá горы да с хóлмы нá холмы.
 Он с дому-то поехал от заутренной,
 А во Киев-град приехал он к обеденки.
*(Теперецьку не могу хорошо запомнить — выходила,
 а Иван Трофимович уж пропоет!)*
 Дюк спросил, где Владимир, а сказали, что Владимир ушел
 в черковь. Не помню, как они тут сошлись. Стали угощать.
 Всё й задёрнули там столики дубовые,
70. Да й принасланы там скáтерчки столовыи,
 Да й поставлены там пítыця медвяныи,
 Да й положены там кушанья сахáрьнии,
 Наливали эту й чару зеленá вина.
 — «Пей-ко й, кушай эту чару зеленá вина
75. Да й покушайте ведь кушаньев сахáрных»
(Не могу в голос взять, — плохо в уме держать!)
 Вот он и говорит: «Где это у вас все готовится?» Те ему стали
 показывать: «У нас есть бочки дубовые, обручки железныи,
 печечки кирпичныи, помяльца сосновыи — вот мы колачики и
 печём». Вот Дюк и стал говорить: «У нас-то есть бочечки
 кленовые, обручки медные, печечки изразцовые — в них и
 колачики печём.»
 Как колачик съешь — другого хочется,
 А другой как съешь — по третьему душа горит.»
 Побился потом о велик заклад да на три года. Поехали
 в чистое поле пробовать силы богатырьскии.
(Чем они пробовали, — уж я не помню)

XXIX

СЕМЕНОВ Павел Семенович — крестьянин-середняк из села Леликова, 61 года. Лет пять, как погорел. «До пожара, — рассказывал он, — жили хорошо: семейство было непьющее, неболтущее.» Женат. Из трех сыновей один умер, из трех дочерей — две замужем, одна живет при родителях. Павел Семенович — слегка сутуловатый мужчина, высокого роста, с темными, свисающими на обе стороны лба прямыми волосами. Отличается тихим, скромным нравом. Болен какой-то серьезной бо-

лезною, повидимому, туберкулезом. Петь в полный голос не может, поэтому часто переходит на речитатив, что отражается на стройности ритма. Во время пения ритм сохраняет превосходно. Жалуеться на ослабление памяти. Раньше, по его словам, знал много былин. Теперь мог вспомнить только шесть. По рассказу одного из сыновей, еще недавно «очень красиво» пел веселую песню про «Платова-казака», теперь ее забыл.

Былинам научился Павел Семенович в детстве от жившей в их доме старушки Ирины Сидоровны Семеновой (умерла 40 лет назад в столетнем возрасте). Ирина Сидоровна в свою очередь былины «поняла» еще в юности от своей родной тетки по матери, тоже столетней старушки. «Обои они (Ирина Сидоровна и ее тетка) — природные леликовские.» Ирина Сидоровна, по словам Павла Семеновича, будто бы знала 33 былины. Гилфердинг, в бытность свою в Леликове, не записал от Ирины Сидоровны былин потому, что ее в это время не было дома — она уходила на богомолье в монастырь. В ответ на наше указание, что текст былины о Добрыне и Василии Казимировиче очень близок к тексту Трофима Григорьевича Рябина, Павел Семенович сказал, что былину он перенял от Ирины Сидоровны, но не помнит, чтобы она говорила о каких-либо встречах с Трофимом Григорьевичем. Из хороших сказителей сам Павел Семенович встречался с И. Т. Рябиным и с К. И. Романовым.

Первое наше знакомство с Павлом Семеновичем состоялось у него в доме 7 июля 1926 г. Это был местный деревенский праздник (Иванов день). Дом Павла Семеновича новый, еще не достроенный до конца, был полон гостей. Сам Павел Семенович чувствовал себя нездоровым. Поэтому запись былины о Дюке Степановиче была не из удачных. Павел Семенович еще очень стеснялся, с трудом припоминал (с помощью дочери), часто переходил на речитатив, сбивался с ритма. Через два дня он приехал в Сенную Губу и там исполнил остальные былины уже в более спокойной обстановке, что и сказалось на исполнении. Павел Семенович — один из хороших сказителей, с любовью и серьезно относящихся к исполнению былин.

№ 106. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ)

- Как на наш на стольный Кеев-град
 И на князя на Владимира
 Напала на него напасть великая —
 Наехала да хоробра Литва,
 5. Хоробра Литва, собака Ка́лин-царь, —
 Хотит-то взять он княгиню да Опраксию.
 Вот приехал он да со всей силою,
 Собрано у него сорок царей, сорок царевичей,
 Сорок королей и королевичей,
 10. А у кажного по сорок тысяч силы да призабрано;
 Вот она под Кеев-град пособрана, у собаки Ка́линца
 попригнана,
 И во чистом поли́ сила приоставлена.
 От того теперь от пару лошадиного
 Не пекёт на стольный Кеев-град да красно солнышко,
 15. От того от переступа лошадиного

- Да дрожит-то мать сыра земля во Кееви.
 А сам собака в Кеев-град приехал со посланники,
 Приказал-то он накúрить сорок бочек вина пьяного,
 Пятьдесят-то наварить да пива хмёльного.
20. Сроку-то дано нынь ведь нá три дня
 Ко всему да к этому да приготовиться, —
 А сам собака в чистó полé уехала.
 Вот тут пришла Владимиру беда да неминучая, —
 Надобно созвать богáтырей могучиих,
25. Выходит он на лестницу высокую,
 Закричал он во всю голову,
 Во всю голову да по всему городу:
 «Ах сильнѣ-русьский могучии богáтыри,
 Подсобите сбыть да от такой бидé,
30. Не отдать бы мне да ни своей женé!»
 Вот идет к нему Васька Долгополище,
 Идет в палату, — в пóлах заплетается,
 Приходит он к ему да поклоняется:
 — «Чего ты, князь Владимир, нас да требуешь?»
35. Объясняет князь Владимир стóльнѣ-кеевской:
 — «Вот пришла напáсть на стóльнѣ Кеев-град
 И на меня, на князя на Владимира;
 Принаехала да хоробрá Литва,
 Хоробрá Литва, собака Кáлин-царь.
40. Он хотít во Кееви жениться
 Да и взять мою княгиню да Опраксию!»
 Говорит тут ему Васька Долгополище;
 — «А ще ай же ты, Владимир стóльнѣ-кеевской
 По твоему-то мы наряду, по посланию
45. Ездили мы в Чужь да белоглазую,
 Корили-били Чужь мы белоглазую,
 Прибавляли там земельку святорусьскую,
 Наши узки плецьки приусталися,
 Наши белы руцьки умахалися,
50. Бьючи тую Чужь да белоглазую,
 А прибавляючи земельку святорусьскую,
 Не могу идти служить, я в поле биться-рátиться!»
 Вот пришла да тут Владимиру беда неминучая, —
 Надо тут созвать богáтырей могучиих,
55. Выходит он на лестницу высокую,
 Закричал-то он да во всю голову,
 Во всю голову да по всему городу:
 — «Ай же сильнии, могучии богáтыри!
 Подсобите сбыть да от такой беде,
60. Не отдать бы мне ему своей женé!»
 И идет к нему Добрыня свет Никитинец,
 Идет к нему на лестницу да поклоняется:
 — «А ще здравствуй ты, Владимир стóльнѣ-кеевской,
 Чего же ты нас беспокоишь да и требуешь?»
65. — «Да вот пришла-то беда да неминучая,
 Напáсть на наш на стóльнѣ Кеев-град
 Да на меня-то на князя на Владимира:

- Наехала хоробра Литва, собака Кáлин-царь,
Хотит он в Кееви жениться,
70. Хотит-то взять княгиню да Опраксию!»
Говорит тут Добрыня сын Никитенец:
— «А ще ай же ты, Владимир стóльнѣ-кеевской,
По твоему же мы теперь распоряжению
Ездили мы в Чужь да белоглазую,
75. Били мы, корили Чужь да белоглазую,
А прибавляли мы земельку святорусьскую.
У нас как узки плецьки приустилися,
И наши белы ручки примахалися,
Бьючи тую Чужь да белоглазую,
80. Прибавляючи земельку святорусьскую.
Не могу я ехать в поле биться-ратися!»
Вот пришла да тут беда неминучая,
Надобно позвать богатырей могучиих.
Выходит он на лестницу высокую,
85. Закричал он во всю голову,
Во всю голову и по всему городу:
— «А ще ай же сильнии могучии богатыри!
Подсобите-тко мне сбыть да от такой беде,
А не отдать бы мне да нынъ своей жене!»
90. Вот идет к нему Ермак да Тимофеевич,
Мслодѣшенек — двенадцать лет от юности.
Не бывал-то он в боях да биться-ратися,
Нету у него що й добра коня,
Нету у него поспехов молодецких.
95. — «Если вот ты мне, Владимир стóльнѣ-кеевской,
Дашь ты мне теперь да ты добра коня,
Дашь мне-ка поспехи молодецкие,
Дашь мне палицу ковану, булатную,
Дашь ты мне копье да мурзамецкое,
100. Дашь ты мне да лук разрывчатый
С темы со стрелами со калеными!»
Дал ему Владимир стóльнѣ-кеевской,
Дал ему коня да самолучшего,
Дал ему тут палицу булатную,
105. Дал ему копье да мурзамецкое,
Дал ему да лук разрывчатый
С темы со стрелами со калеными.
Сел ведь тут Ермак да Тимофеевич,
Сел-то он, удалый, на добра коня,
110. Он поехал, малолетний, во чисто поле
А во силу в татарскую биться-ратися.
Он во силе во татарской как сокол летал:
В одну сторону-то едет — свалит улочку,
А в другую поворотит — переулочки.
115. Вот уж бьется тут Ермак да Тимофеевич,
Сутки трое он уж бьется во чисто поле,
В той-то он во силе во татарской.
Не едаётся да не пиваётся,
Да Ермаку ему оддоху не дается.

120. Жалко стало тут и Ваське Долгополищу:
— «Очень молод-то Ермак да Тимофеевич,
Переведёт-то он себя да нынь не во-время,
Дай-ко съездить мне теперь да во чисто полé
Ко русьским богатырям да во бело́й шатёр!»
125. Приежжает-то Васька Долгополище в чисто полé,
Да к тыйм-то русьским богатырям да во бело́й шатёр.
А ще спит-то атаман да Илья Муромец,
Спит он на кровати да на рыбий зуб,
Приокрывши одеяльцем соболиным.
130. Говорит тут ему Васька Долгополище:
— «Ай же атаман да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Уж ты спишь теперь да забавляешься,
Над собой невзгоды не начаешься, —
135. Как нынь твой теперь любимый крестничек,
Молодой Ермак да Тимофеевич,
Он уж трос сутки бьется-ра́тится
Во той-то силы во татарско́ей.
Не еда́ется да не пива́ется,
140. Да Ермаку отдо́ху не дава́ется!»
Да как встал-то тут Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
— «А ще ай же вы, русьский могучи богатыри,
Да садитесь-ко вы на добрых коней,
145. Ну поедем-ко мы да во чисто полé,
Переведе́м-ко мы эту силушку татарскую
Да и рать-то белоглазую!»
Вот сажались-то оне да на добрых коней,
А поехали оне да во чисто полé,
150. Приразбили тут они силу татарскую,
Добрались они до собаки Ка́лин-царь.
Спит он тут на кровати на рыбий зуб,
Приокутавшись одеялом соболиным,
Спит он тут да забавляется,
155. Молодú жену себе да он нача́ется.
— «Нет, тут дело так теперича не сложится!»
Взяли-то они да тут собаку Ка́лин-царь,
Отрубили ему ножки да по коленочкам,
Выкопали ему да очи ясные,
160. Завалили-то посланнику за-плечи:
— «Неси-тко ты, посланник, в свою сторону,
А ты, собака Ка́лин-царь путь-дорогу показывай, —
А вперед не приежжай на чужой жене жениться!»

№ 107. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

Илья Муромец да сын Иванович
Утреню стоял ён во Муроми,
К обедне попевал он в сто́льнэ Кеев-град.

- Поприехал он на три дорожки на крестовья.
 Уж он стал да тут да пораздумался:
 «А не честь-хвала мне, дѳбру мѳлодцу,
 Дѳбру мѳлодцу да Ильѳ Муромцу,
 Ехать мне дорожкой окольною, —
 А поеду я дорожкой прямохожею,
 10. Прямохожею да прямоежжеей.
 Хоть она, эта дорожка, заколѳдела,
 Задубрѳвела она да замурѳвела
 По случаю-то трех зѳстав великих:
 Перва зѳстава-то — Сѳловей Рахмѳнович,
 15. Дрѳга зѳстава — ѳго да сыновѳ родимые,
 Третья зѳстава — зятевьѳ его любимые.»
 Вот поехал он дорожкой прямоежжею, —
 Она уж задубрѳвивши да замурѳвивши.
 Вот уж конь его с горѳ нѳ горки помѳхи завел,
 20. Реки да озера между ног пускал.
 Стал как подѳежжать ко Сѳловью Разбойнику,
 (Ко его гнезду)
 Засвистал он тут, злодей, по-змеинѳму
 И закричал он, злодей, по-звериному, —
 У Ильѳ Муромца конь да на коленка пал. °
 25. Бил он коня да по тугим ребрѳм,
 Ударил ѳн коня да между уши.
 — «Ай же ты, Сивкѳ-Буркѳ мой поворотистый,
 Разве не слыхал ты посвисту змеинѳго,
 Разве не слыхал ты покрику зверинѳго?»
 30. Конь тут у Ильѳ да поисправился.
 Он берет свой тѳгой лук разрывчатѳй,
 Наложил стрелу да он каленую,
 Стрѳлил Сѳловью да в око правѳе,
 Пovyшибла она да ухо лѳвое.
 35. Пристегнул он тут ведь Сѳловья Разбойника
 Ко правому ко булатному ко стремени.
 — «Поскакивай-ко тут, да Сѳловей нынь ты Разбойничек,
 У правого булатного у стремени,
 За то, что не впускал ты ни конного, ни пешаго.
 40. Застѳнил ты путь-дорожку прямохожую!»
 Вот подѳежжает он теперь да к другой зѳставы,
 Ко родимым сыновѳм да Сѳловья Разбойничка.
 Говорит тут да ѳ ведь младший сын:
 — «Здесь-то едет наш батюшка да из чистѳ поля,
 45. А везет-то он нахвальщину у стремени!»
 А и старший сын говорит:
 — «Веком-то ты молод, а оком тупее меня, —
 А едет нахвальщина из чистѳ поля,
 А везет нашего батюшка у стремени!»
 50. Закричал им да Разбойничек:
 — «Ай вы, сыновѳ мои родимы,
 Берите вы рогатинки зверинѳи,
 Приколите мужика вы деревенщину!»
 Пока его сыновѳ да собиралисе, —

55. Мужика на веку уж не встречалисе.
 Приежжает он да к третьей заставы.
 Третья застава — зятевья его любимыи.
 Закричал тут Соловей да тут Разбойничек:
 — «Ай же вы, зятевья мои любимыи,
60. Берите-ка рогатинки звериныи,
 Заколите мужика вы деревенщину!»
 Пока зятевья тут да собиралисе, —
 Мужика-то деревенщину они тут не видалисе.
 Вот приехал Илья Муромец да в стóльнѣ Кеев-град,
65. Заехал ён ко князю ко Владимиру да на широк на двор,
 Привез Соловья он тут у стремени.
 Повышел князь Владимир на крылечко на перёное,
 Посмотреть да Соловья он да Разбойничка.
 Вот приказал ён ему, да Разбойнику,
70. Тот ли князь Владимир-стóльнѣ-кеевский:
 — «Засвищи-тко, Соловѣй, ты по-змеинному,
 А закричи-тко ты, злодей, да по-зверинному!»
 Говорит-то Соловей Разбойничек:
 — «Не твоя слуга, да не тебе служу,
75. Не тебе служу, не тебя и слушаю!»
 Говорит тут Владимир стóльнѣ-кеевской:
 — «Ай же Илья Муромец сын Иванович,
 Прикажи-тко Соловьѹ-ка ты Разбойнику
 Засвистать-то ему да по-змеинному,
80. Закричать-то ему да по-зверинному!»
 Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
 — «Аще ай же Соловей да ты Разбойничек,
 Засвищи ты по-змеинному вполголоса,
 Закричи по-зверинному вполголоса!»
85. Ну он свистнул-от, злодей, да в целый свист,
 Да и крикнул он, злодей, да в полный крик, —
 Затряслись тут во городи во Кееве
 Все палатки белокаменны
 От того оны от свиста соловьиного,
90. От того оны от крыку соловьиного,
 И изделалась тревога тут во Кееве:
 Беременные бабы тут все да разродилиси,
 И жерёбы-то кобыли сжеребилиси
 От того от крыку соловьиного.
95. Вот за тую за неуслугу верой-правдою
 Взял отвез Илья Муромец Соловья да во чисто полѣ,
 Прекратил ему жизнь да соловьиною:
 — «Полно жить тебе на свете да нынь разбойничать,
 А пугать-полóхати прохожих-проежжих!»

№ 108. (ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

Во стóльном городе во Кееве,
 Как у ласкового князя у Владимира,
 Собирался у него там почестен пер,

- Почестен пер и пированьицо
5. На всех князей, на всех бояров,
На всех сильных могучих богатырей,
На всю поленицу удаюю.
Все оны на пер тут собиралися,
Все они на перу да напивалисе,
10. Все они на перу да наедалисе,
Все есть на перу пьяны-веселы.
Ну тут говорит Владимир стóльнѣ-кѣевской:
— «Ах друзья мои да вы дружинушка,
Сильни русьски могучи богатыри,
15. Все вы на пер теперь посóбраны,
Все вы принакормлены, напоены,
Все вы на перу нынь пьяны-веселы.
Солнышко идет на вечере,
Наш хорош-пригож почестен пир идет на вѣсели.
20. Все вы на перу нынь пьяны-веселы,
Ну уж вы думайте-тко думу, не продумайте,
Нам кого послать во землю во литовьскую,
Отвести туды да дани-выходы,
За все стáры годы да за нынешни,
25. За все прежни времена да й за досюлешны,
И за все теперь да за двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною.
Нам Олешеньку послать — он молодѣшенек,
А Илью Муромца послать — старик старѣшенек!»
30. Вот они сидят да закручинились,
Закручинились они да запечалились,
Запечаливши они да затулялися.
Бóльшой туляется на среднего,
А средний туляется на меньшаго.
35. А от меньшаго от брата — ответу нет.
С того ли со местецька со мѣньшаго,
Со той ли скамеецьки окóльнѣей,
Вставал старенький старик да старѣшенек,
А сединой старичок уж изукрашенный.
(Давно не сказывал, — годов пятнадцать!)
40. Подходит он ко князю ко Владимиру:
— «Ай же ты, Владимир-князь да стóльнѣ-кѣевской,
Ты позволь мне-ка-ва слóвцо вымолвить,
Ты позволь мне-ка-ва словечко высказать.
Если я скажу от старости по глупости
45. А тебе я, князь Владимир, не по совести,
Не казни-ка старика да за напрáсницу!
А ще есть у нас в перу теперь три мóлодца,
А що есть у нас в перу да три удáлины:
Есть теперь воёвод Василей-то Казимеров, —
50. Други́х самы́ они повыскажут.»
Благодарил тут князь Владимир старика да за красны́ речи,
Скорым Владимир да поворот держал,
Строго он слугам своим приказывал:
— «Ай же вы, мои слуги верные,

55. Вы налейте-тко мне чару зеленá вина,
 Вы не малую стопу́ — да полтора ведра,
 Ну и весу в ней кладите полтора пуда,
 Вы подлейте эту чарочку сладкím вином,
 Вы подсыпьте-тко теперь да белым сахаром.»
60. Наливали эту чару зеленá вина,
 Да не малую стопу́ — да полтора ведра.
 В ю весу положили полтора пуда.
 Подливали эту чарочку сладкím вином,
 Подсыпáли эту чару белым сахаром.
65. Берет князь Владимир во белы́ руки,
 Положил на подносы золоченыи,
 Подносит ён Василью-от Казíмерову:
 — «Ай же ты, Василей-от Казíмеров,
 Стань-ка нынь на ноженьки на резвые,
70. Приупрись-ка на сапожки козловыи,
 Ты бери-тко эту чарочку одной ручкóй,
 Выпивай эту чарочку на единой здох!»
 Ащо ставился Васильюшко на ноженьки на резвыи,
 Приуперся на сапожки козловые,
75. Уж он крест кладет по-писáному
 И поклон провел по-ученому.
 Берет-то ён эту чарочку одной ручкóй,
 Выпивал ён эту чару на единой здох,
 На ногах стоит Василей — не качается,
80. Говорит с князем — не мешается:
 — «Благодарю я, Владимир стóльнѣ-кеевской.
 На твоѣх на напитках медвя́ных,
 На твоѣх на закусках сахáрных.
 Еду, еду я во матушку темnú орду,
85. Отвезу я туды дани-выходы
 За все стары годы и за нынешни,
 За все прежни времена и за досюлешны,
 За всех кругóm за двенадцать лет,
 За двенадцать лет с половиною.
90. Только дай-ко ты ешшо да во товарищах
 Мне смелого Добрынюшку Никитича!»
 Скорым Владимир поворот держал,
 Строго он слугám своим приказывал:
 — «Ай же вы, мои нынь слуги верные,
95. Налейте-тко мне чару зеленá вина,
 Не малую стопу́ — да полтора ведра,
 Уж вы весу в ней кладите полтора пуда,
 Вы подлейте эту чарочку сладкím вином.
 Вы подсыпьте эту чару белым сахаром.»
100. Наливали эту чару зеленá вина,
 А не малую стопу́ — да полтора ведра,
 В ней как весу положили полтора пуда,
 Подливали эту чарочку сладкím вином,
 Подсыпáли эту чару белым сахаром.
105. Берет князь Владимир на белы́ руки,
 Положил на подносы золоченыи,

- Подносит ён Добрынюшке Никитичу:
 — «Ай же ты, Добрыня сын Никитинеч,
 Ну-тка стань теперь на ноженьки на резвыи,
 110. Приупрись ты на сапожки на козловые,
 Ты бери-тко эту чарочку одной рукой,
 Выпивай нынь эту чару на единой здох!»
 Ставился Добрынюшка на ноженьки на резвыи,
 Приуперся на сапожки козловые,
 115. Уж он крест кладет по-писа́ному,
 Поклон провел по-ученому,
 Берет он эту чарочку одной ручко́й,
 Выпивал ён эту чару на единой здох,
 На ногах стоит Добрыня — не качается,
 120. Говорит ён с князем — не мешается:
 — «Благодарю я те, Владимир сто́льнё-кеевской,
 За твоё я за напитки медвя́ныи,
 За твоё за закуски саха́рнии,
 Еду-буду я во матушку темну́ орду,
 125. Еду-буду я Василью во товарищах,
 Отвезем как мы туды дани-выходы
 За все стары годы и за нынешни,
 За все прежни времена и за досюлешни,
 И кругом за все за двенадцать лет,
 130. И за двенадцать лет с половиною.
 Только дай-ко нам ты во товарищах,
 Нам коней кормить-поить да их ухаживать,
 Седлать, уздать и окольчуживать,
 Уж ты дай-ко нам Иванушка Дубровиця!»
 135. Скорым Владимир поворот держал,
 Строго он слугам своим приказывал:
 — «А що ай же вы, мои нынь слуги верныи,
 Вы налейте-тко мне чару зеленá вина,
 Вы не малую стопу́ — да полтора ведра,
 140. И весу в ней кладите полтора пуда́,
 Подлейте эту чарочку сладким вином,
 Подсыпьте эту чару белым сахаром.»
 Наливали эту чару зеленá вина,
 Но не малую стопу — да полтора ведра,
 145. В ней как весу положили полтора пуда́,
 Подсыпáли эту чару белым сахаром.
 Берет князь Владимир во белы́ руки́,
 Положил на подносы золоченыи,
 Подносит ён Иванушку Дубровицю:
 150. — «А що ай же ты, Иванушко Дубровиць,
 Стань-ко нынь на ноженьки на резвыи,
 Приупрись на сапожки козловые,
 Ты бери-тко эту чарочку одной рукой,
 Выпивай-ко эту чару на единой здох!»
 155. А ще ставится Ванюшечка на ножки на резвыи.
 Приуперся на сапожки козловые,
 Крест кладет он по-писа́ному,
 Поклон провёл по-ученому.

- Берет он эту чару одной ручкѡй,
 160. Выпивал он эту чару на единой здох,
 На ногах стоит Ванюша — не качается,
 Говорит он с князем — не мешается:
 — «Благодарю я ти, Владимир стѡльнѣ-кеевской,
 За твоѣ я за напитки медвяныя,
 165. За твоѣ я за закуски сахарнии.
 Еду-буду я во матушку темнѡ орду,
 Еду-буду я Добрыни да Василью во товарищах,
 Буду я коней кормить-поить да их ухаживать,
 Их седлать, уздать и окольчуживать!»
 170. Тут ведь скорѡм Владимир поворот держал.
 Садился он да за дубовый стол,
 Читал-то он бесчѣтну золоту казну,
 Выбирал он тут дани-выходы.
 Пораздѣрнули тут столы да все дубовыи
 175. И пораздѣрнули скамеечки кленовыи,
 Повыстали три удалых дѡбра мѡлодца,
 Повышли оны серед палат да белокаменных.
 Крест кладут да по-писаному,
 Поклон кладут да по-ученому,
 180. На все стороны оне да поклоняются,
 Князю-то Владимиру в особину,
 Со княгиней-то оне, со Опраксией.
 Подходит-то Василий ко дубовѡ столу,
 Берет он бесчѣтну золоту казну,
 185. Спустил-то он казну да во глубок карман, —
 Тут-то со палат три удалых добрых мѡлодца отправились.
 Пораздѣрнули они да двери на пету,
 Повышли-то они да на широк на двор,
 Два удалых добрых мѡлодца, пошли к добрым коням,
 190. А третий удалина остался на крылечке на перѣном.
 Тут-от между собой оны да речь вели:
 — «Как ехать нам, удалым, на темнѡ орду,
 А где бы нам в чистѡм полѣ посѣехаться?
 Посѣехаться у тово ли то у камени у Латыря,
 195. У тово ль теперь у дуба у Синявина,
 На тых на трех дорожках на крестовых!»
 Два удалых добрых мѡлодца
 Сели на добрых коней, поехали,
 А третий удалина пешѡм пошел,
 200. Пешѡм пошел по городу по Кееву,
 Уклонил теперь ѣн свою голову,
 Ниже он плечь могучиих,
 Утупил он очи ясныи
 Во матушку сыру землѡ.
 205. Приходит он да к рѡдной матушке,
 Ко честной вдове Офимье Олександровны,
 Приходит он прикручинивши да и припечаливши.
 Говорит ему родитель его матушка,
 Да честна вдова Офимья Олександровна:
 210. — «Молодой Добрыня сын Никитинец,

- Ты чего пришел со честна перу да прикручинивши,
 Прикручинивши да припечаливши?
 Мѣстецько ль тебе во перу было не по любви?
 Аль чарочкой тебя в перу да приобнесли?
 215. Аль пьяница-собака приоблаяла?»
 Говорит-то тут Добрыня сын Никитинец:
 — «Мѣстецько было ми в перу по любви,
 Чарочкой меня не обнесли,
 И пьяница-собака не облаяла.
220. А только ты зачим меня, матушка, несчастного спородила?
 И на сей на белый свет меня попустила?
 Спородила бы меня ты, родна матушка,
 Во синѣ морѣ бы каменем валучим на глубоко дно, —
 Лежал бы я там век по веку без шевелимости!
225. Или на морской берег меня да гоголиноцькой, —
 Стоял бы я век по веку без шевелимости!
 Или во чисто поле меня сырым дубом, —
 Стоял бы я тут век по веку без шевелимости!»
 Говорит ему тут родна матушка,
230. Честна вдова Офимья Олександровна:
 — «Ай же ты, рожно мое дитятко,
 Молодой Добрыня сын Никитинец,
 Рада бы была теби я спородить
 Силой я тебя в Илью Муромца,
235. Смелостью в Олешку Поповица,
 Красотой в Самсона-богатыря, —
 Так ну-ка бог не повелел!»
 Говорит ему тут родная-то матушка,
 Та честна вдова Офимья Олександровна:
240. — «Аще ай же ты, рожно родно дитятко,
 Молодой Добрыня сын Никитинец,
 На кого же оставляешь родну матушку?
 На кого ты покидаешь молодую жену?»
 Говорит-то тут Добрыня сын Никитинец:
245. — «Оставляю-ко я матушку я на бога,
 А молодую жену — вдовей, моя Настасья, три года.
 А если три году не дождешься, —
 Так жди меня и шесть годов.
 А шести годов и дождешься, —
250. Так жди меня и девять лет.
 Девети годов и дождешься, —
 Так жди меня и двенадцать год.
 Двенадцать год не дождешься, —
 Хоть вдовой живи, хоть замуж иди,
255. Хоть за князей иди, хоть за бояров,
 Хоть за сильных могучих богатырей.
 А не ходи-тко за Олешку Поповица, —
 Олешка Поповица мне крестовой брат.»
 Идет Добрынюшка во глубок погреб,
260. Снимает он с себя платье цветныи,
 Надевает-то он военныи
 И берет с собой поспехи молодецкии,

- Берет-то ён палицу булатную,
 Берет-то ён копьё да мурзамецкое,
 265. Берет-то ён тугой-то лук разрывчатый
 С темá со стрелáмы со каленыма.
 А берет-то на коня-то он напотницьки,
 На напотницьки берет ён подпотницьки,
 На подпотницьки берет ён мяжки войлуцьки,
 270. И берет-то он седёлышко черкальское
 О двенадцати подпругах о шелкóвых,
 О двенадцати о пряжках золоченых,
 И о двенадцати шпинёцьках железных.
 Подпруги-то шелкóвыи,
 275. Не простого они шолку — шаматынского,
 Пряжечки теперь да золоченые,
 Не простого они золота — червонного;
 А шпинёцьки теперь да железные,
 Не простого-то железа есть — булатного.
 280. На коня-то он берет уздечку золоченую
 С тема поводáма со шелкóвыма.
 Повышел-то Добрыня на широк на двор
 Седлать-уздать он своего коня доброго.
 Накладывал уздещьку золоченую,
 285. Накладывал на коня-то он напотницьки,
 На напотницьки — подпотницьки,
 На подпотницьки — мяжки войлуцьки,
 На войлук клал седёлышко черкальское
 О двенадцати подпругах о шелкóвых.
 290. Он подпруги тут подтягивал, покрывивал, —
 Они только тянутся, да только не рвутся.
 А пряжечки теперь да золоченыи,
 Не гнутся они да и не ломятся.
 Шпинёцьки жалеза есть булатного.
 295. Хоть гнутся-то они, да тут не ломаются.
 Видели только дóбра мóлодца, что он коня седлал,
 А слышали его, что он наказывал,
 Не видли-то ведь сидуци
 И с широка двора поедучи.
 300. Со двора он поехал не воротыма,
 Да и по городу поехал не дорогыма, —
 Переехал он через тыны дворовыи,
 И переехал через стены городóвыи.
 И повыехал в раздóлье во цистó полé,
 305. Не буря ль в поле подымается, —
 А добрый мóлодец да отправляется,
 Он катом катйт, так только пыль стоит.
 Вот посъехались удáлы дóбры мóлодцы,
 В том-то ведь оны да во цистóm полí,
 310. У того они у дуба у Синявина,
 У того они у камня у Лáтыря,
 На тых на трех дорогах на крестовых.
 Они съехались да поздоровались,
 Слезли тут оны с добрых коней,

315. Пораздёрнули шатры белополóтняны,
 Принасыпали пшенё да белояровой
 Оны своим коням да добрым,
 А самы оны, да дóбры мóлодцы, гулять пошли,
 Гулять пошли да по чисту полю.
320. Тут оны между собой советовали:
 — «Как нам ехать, как нам быть да во темну орду?
 Нам торопиться быть туды да нёчего.
 (Оны не скучали)
 А поедем-ко мы в батюшко да Ярослав-горóд,
 Говорят, — он стоит на горы да во всёй красоты.
325. Заедем-ко мы да полюбуемся!»
 Вот заехали оне да в Ярослав-горóд,
 Побыли оне да в Ярослав-горо́ди,
 Ну всё-таки уж их путь призаежжая, —
 Надо ехать во матушку во темну орду.
330. Вот они отравились уда́лы дóбры мóлодцы во темну орду.
 Скоро скажется, да тихо деется.
 Приехали оне да во темну орду.
 Заехали оне да к Ботиáну да на широк на двор.
 Соскочил-ко тут Добрынюшка с добра коня.
335. Воткнул-то он во матушку сыру землю да пику острую,
 Привязали оне да трех коней да богатырских,
 Самы оны во полатки белокаменны отправились.
 Пораздёрнули они да двери на́ пету,
 Зашли они в полатки белокаменны,
340. Крест кладут да по-писа́ному,
 Поклон ведут да по-учоному,
 На все стороны оне да поклоняются,
 Князю Ботиáну да в особину.
 Подходит тут Василей к дубову́ столу,
345. Положил он на стол да золоту́ казну.
 Садился тут Ботиáн да за дубовый стол,
 Считать-то он да золоту казну,
 Золоту казну, да дани-выходы, —
 Золота казна у них да поистрачена.
350. Вот тут Ботиáну эта шутка не слюбиласи:
 — «Где у вас теперь казна да очутиласе?»
 Говорит-то тут Василий тут Қазімеров:
 — «Как у нашего у князя у Владимира
 Приотсчитаны монеты были медныи,
355. А положены в телеги-те железныи, —
 Телеги-то железны поломалисе,
 А монеты на пути уж все осталисе!»
 Ботиáну эта шутка не слюбиласе,
 Говорит-то Ботиáн да таковы слова:
360. — «Ай же вы, сильные русские могучие богатыри,
 Вы уда́лы полени́цы нынь дородные!
 Есть ли у вас во городе во Кееви,
 Есть ли там у вас да доска шашечна,
 Играют ли у вас да в шашки, в шахматы,
365. Забавляются ль в велёи золоченые?»

- Говорит-то тут Василей тот Казімеров:
 — «Есть у нас во городе в Кееви,
 Есть там у нас доска шашечна,
 Играют у нас там в шашки, в шахматы,
 370. Забавляются в велѣи золоченыи, —
 Но не знали мы утехи княженецкую,
 Да не знаем мы забавы молодецкую,
 А игроки у нас во Кееве оставлены!
 Есть у нас с собой теперь да надеюшка:
 375. На спаса пречистого и на мать пречисту богородицу
 И на товарища, — на смелого Добрынюшку Никитича!»
 Вот сажались тут оны да за дубовый стол,
 Играть-то тут оне ведь в шашки, в шахматы,
 Забавляться тут в велѣи золоченыи.
 380. Ботийн тут залагает золоту казну,
 А Добрыня залагает кóня доброго.
 Вот играли оне тут да перву́ игру.
 Со той с пути-дороженьки со дальноей
 Проглядел Добрынюшка ступень да в дóске шашечной,
 385. Проиграл он да своего да кóня доброго.
 Говорит Добрыня таковы речи:
 — «Ах мы, сильнии могучии богáтыри,
 Уда́ла полени́ца мы дородня,
 А придется заложить нам буйны головы!»
 390. Вот сажались оны играть да во втору́ игру,
 Ботийн залагает золоту казну,
 А Добрыня залагает буйну голову.
 Во второй игры Добрыня поисправился,
 Повыиграл себи да кóня доброго.
 395. Вот сажались оне играть тут третью́ игру.
 Ботийн залагает золоту казну,
 А Добрыня залагает кóня доброго.
 Играли они третью́ игру.
 В третьей игре Добрыня поисправился, —
 400. Ботийну эта шутка не слюбилася,
 Говорит-то Ботийн да таковы речи:
 — «Ай же сильнии русьскіи могучіи богáтыри,
 Вы уда́ла полени́ца да дородня,
 Есть ли у вас во городе в Кееви,
 405. Есть ли у вас в городе да из лукóв стрельба?
 Стреляют ли у вас да по острею по ножовому,
 Попадают ли у вас да в золотó кольцо?»
 Говорит-то тут Василий-то Казімиров:
 — «Есть у нас во городи во Кееви,
 410. Есть у нас да из лукóв стрельба, —
 Стреляют по острею по ножовому,
 Попадают-то у нас да в золотó кольцо,
 Но не знаем мы забаву княженецкою,
 Но не знаем мы утехи молодецкою,
 415. А стрельцы у нас во Кееви оставлены!
 Есть у нас теперь с собою да надеюшка:
 На спаса есть у нас теперь и на матушку пресвятую богородицу.

- И на товарища, — на смелого на Добрынюшку Никитеча!»
Вот начинают оне тут из луков стрелять.
420. Принесли да ведь тугой лук,
Принесли ему и стрелочку каленую.
Берет-то тут Добрынюшка ведь тугой лук да во белы руки,
Начал ён тут тетивки-ти натягивать,
А и начал тетивочки полапывать, —
425. Полапывал, полапывал, да вовсе и рóзорвало.
— «Ай не дородная лучёнка есть, — поношена,
Поношена лучёночка да брошена!»
Говорит тут Ботиян да Ботиянович:
— «Ай же вы, мои да слуги верные,
430. Идите вы да во глубок погрёб,
Принесите вы что не лучший княженецкой лук!»
Идут-несут лучёночка на носилочках да шестеро,
Приносят-то так Добрынюшке Никитичу.
Берет-то тут Добрынюшка одной рукой,
435. Начинал ён тут тетивочки натягивать,
Начал ён тетивочки полапывать, —
А полапывал, полапывал, да вовсе и рóзорвало.
— «А не дородная есть лучёночка, — поношена,
Поношена лучёночка, заброшена!»
440. Говорит-то тут Добрыня таковы слова:
— «Ай же ты, Иванушка Дубрович сын,
Сходи-тка ты теперь да на широк на двор,
К моему коню да ты ко доброму,
Ко правому булатному ко стремени,
445. Отстегни-ка ты лучёночка завозная,
Завозная лучёнка и дороженья.»
Шол Иванушка да на широк на двор,
Ко его коню да ко доброму,
Ко правому булатному ко стремени.
450. Отстегнул да вот лучёночка завозная,
Завозная лучёночка дороженья.
Несет ён в полатки белокаменные,
Захватил ён ошибочно да тетиночки. —
Да начали и струночки поигрывать.
455. Вот и стал тут Добрыня стрелять из своего лука.
Положил как ён тут стрелочку каленую,
Стрелил по острёю по ножовому,
И попал-то тут да он, Добрыня, да в золото кольцё.
Начинает нынь стрелять Ботиян да Ботиянович.
460. Первый раз стрелил — не дóстрелил,
А другой раз стрелил — перéстрелил,
А третий раз стрелил он — попасть не мог.
Ботияну эта шутка не слюбиласи.
Говорит-то Ботиян да таковы речй:
465. — «А есть ли у вас во городи во Кееви,
А есть ли у вас борьба да рукопашечка?
А борятся ль у вас да рукопашкою?»
Говорит-то тут Василий-от Казимеров:
— «Есть у нас во городе в Кееви,

470. Есть у нас борьба да рукопашечка,
 Борятся у нас да рукопашкою, —
 Только не знали мы забавы княженецкою,
 Да не знали утехи молодецкою.
 А борьцы у нас во Кееви оставлены!
475. Есть у нас теперь с собой надеюшка:
 На спаса пречистого, на матушку пресвятую богородицу,
 На товарища, — на смелого Добрынюшку Никитича.
 Вот они выходят и борются на широк на двор,
 Два уда́лых добрых мо́лдца с Ботия́ном на крылецько на
 пере́ное,
480. А Добрыня Никитич спустился на широк на двор —
 Борются он с татаровам поганыма.
 Пошли-ка тут татары да на широк на двор, —
 В плечах-то у них да ведь коса́ сажень,
 Меж глаз у них да ведь больша́ пядень,
485. А головы у них так что пивной котёл.
 Пошли-то да на Добрыню они по одина́чке, —
 Стал-то их Добрынюшка попихивать,
 Стал-то их Добрыня потолы́кивать.
 Пошли-ка на Добрынюшку тут по́-двою,
490. Пошли-ка на Добрынюшку тут по́-трою, —
 Добрыня их отпи́хивает да оттолы́кивает.
 Потом повалило силушку на двор что чо́рна во́рона;
 Тут видит Добрынюшка Никитинец,
 Что дело-то приходит тяжелёшенько,
495. Схватил-то тут Добрынюшка татарина да за́ ноги,
 Пошел ён тут татаринoм помахивать,
 В одну сторону идет, — так свалит улицькой,
 А сделает поворот, — так переулоцьком.
 Жалко стало Василию Казимéрову тут товарища,
500. Что приустанет он бью́щй да тата́ру поганую.
 Соскочил-то он прямо с крыльца пере́ного,
 Повыхватил с телеги ось тележную,
 Пошел тут осью он помахивать,
 В одну сторону идет, — так валит улицу,
505. А сделает поворот, — так переулоцьком, —
 И силушки в темной орды уж редко ста́ется.
 Говорит тут Ботия́н да Ботия́нович:
 — «Ай же ты, Иванушка Дубрович сын,
 Садись-ка ты теперь да на добра́ коня,
510. Успокой-ко ты своих да нынь товарищей,
 Пускай они оставят хоть на се́мена!»
 Вот сажился Иван да на добра́ коня,
 Берёт-то он с собой храпы́ жалезные,
 Не смел-то он заехать с личка белого,
515. А заехал-то Добрыне с плеч могучиих,
 Накинул-то ему храпы́ жалезные.
 Из хrap-то тут Добрынюшка повывернулся,
 Расходилась его сила богатырьская,
 Не мог-то он удержать хrapамы-то жалезныма.
520. Заехал-то ён да тут вторичной раз,

- Накинул на ягó храпý жалезные,
 Одержал ён тут Добрынюшку Никитича:
 — «Ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
 Просит Ботийн Ботийнович
525. Оставить хоть татаровей на сёмена, —
 А будет тут платить ён дани-выходы.»
 Ну вот как тут поехал он к Василию Казимерову,
 Не смел-то он заехать с личка белого,
 А заехал ён ему да с плеч могучиих,
530. Накинул на ёгó храпý жалезныи,
 Из храп Василий да повывернулся.
 Вот заехал ён да во вторичной раз,
 Накинул на него храпý жалезныи,
 Одержал тут ён да своего товарища:
535. — «Ай же ты, Василий да Казимеров,
 Украти-тко свою силу богатырьскую,
 Нас-то просит Ботийн да Ботийнович
 Оставить-то татаровей на сёмена, —
 Он составит нам теперь да угощение
540. Да будет нам платить да золоту казну, да дани-выходы!»
 Вот тут они приехали к Ботийну Ботийнову,
 Пили-то оне да угощались, на святую Русь да собиралися.
 Их кормил-поил да Ботийн да Ботийнович,
 Угощал-то их, как дорогих гостей,
545. Отсчитал-то им бесчѣту золоту казну.
 Что ж спросили-то они, так беззадѣржно им.
 Вот они тут сели, дѣбры мѣлодцы, на добрых коней,
 С Ботийном-то оне да распрощалисе,
 А на святую Русь они да отправлялися.
550. Скоро скажется, да тихо деется.
 А приехали они да на святую Русь,
 На святую Русь да и под Кеев-град,
 Ко тому ли оны ко дубу ко Синявину,
 Ко тому ли оны ко каменю ко Латырю,
555. Поставили оны своих-те коней добрых,
 Пораздѣрнули шатры белополѣтняны,
 Принасыпали пшаны да белояровой
 Оне-то своим да коням добрым,
 А сами-то удѣлы да гулять пошли,
560. Гулять пошли да самы речь вели:
 — «А не поедем мы ко князю ко Владимиру,
 Все одно он нам не делат угощения!»
 Вот тут едут путѣм-дорожкой старенькие,
 Впереди едут молоденькие.
565. Едут-то они из города из Кеева,
 Едут-то оне да разговаривают,
 Что двенадцать лет миновалосе,
 Уежжал Добрыня во чистѣ полѣ,
 А теперь младая Онастасья замуж пошла,
570. За того, за кого у него да не приказалосе,
 Пошла она за Олешку за Поповича.
 Дело делалось во пятницу,

- В субботу они ходили в божью церкву на оклики,
 В воскресенье они уж принимают золотые венцы,
 575. А повысватал Владимир стóльнѣ-кеевский,
 Не хотела она князя-то разгневати, —
 Изменила она мѹжня наказаное.»
 Вот услышал тут Добрыня сын Никитинец,
 Про свое-то он семейство он невзгодушку.
580. — «Ну прощайте-тко мои да нынь товарищи,
 Мне-ка некогда ведь больше здесь разгѹливать!»
 Позадѣрнул тут Добрынюшка белѹй шатѹр,
 Да садился он, Добрыня, на добра коня,
 Да и в стóльный Кеев-град Добрынюшка отправился.
585. Приехал ѣн во стóльной Кеев-град,
 Заехал ѣн ко матушке да на широкой двор.
 Ко той к Офимье Олександровне,
 Запустил да он коня да в конюшеньку,
 И пришел он во полатки белокаменны,
590. Крест кладет да по-писаному,
 Поклон провел да по-ученому,
 На все стороны да поклоняется,
 Рѹдной матушке да он в осѹбину,
 Поклоняется, не объясняется:
595. — «Здравствуй, здравствуй-ка, честна вдова Офимья
 Олександровна,
 Со молодой-то Настасьей Микуличной!»
 Говорит-то родитель его матушка,
 Та честна вдова Офимья Олександровна:
 — «А же ты, детинушка да гусѣльщина,
 600. Так и ль ты надо мной да надругаешься?
 Так и ль ты надо мной да надсмехаешься?
 Кабы знал то живое моѹ рожное дитятко,
 Молодой Добрыня сын Никитинецъ,
 Не дошло б теби да надрыгáтися,
 605. Не дошло б тоби да надсмехатися!
 Как двенадцать лет у меня да миновалосе,
 Как красное-то солнышко да укаталосе,
 А нынь-то укатается да млад светѣл месѣц, —
 Младая Настасья замѹж пошла!
610. Дело-то ведь делалось во пятницу,
 Во субботу-то оны были в божьей церквы.
 (На оклики)
 А в воскресенье принимают золоты венцы!»
 Берет-то он да золоты ключи,
 Идет-то ведь Добрыня да во глубѹк погрѣб,
615. Сымает он одѣжицу военную.
 Надевает он да плáтьѹ цветное,
 Надевает он лапѹтики на ноженьки семи шелкѹв.
 Берет-то он гусѣлышка под пазуху ярѹвчаты,
 Да на почѣстен пер веселой скоморошинкой отправился.
620. Пришол-то скоморошинкой ѣн да на почѣстен пер,
 У дверей стоят да тут придвѣрники,
 У ворот стоят да приворотники.

- «Да пустите-тко меня, крепкі стóрожи,
Вы не гля-ради Олешки Поповича
625. И не гля-ради князя Владимира,
А гля-ради Добрынюшки Никитича!»
Отвечают тут ему да крепкі стóрожи:
— «А у нашего Владимира спомянуто:
А кто Добрыню вспомнит, так убить-повесити!»
630. Помахнул-то ён рукой правою,
На правую-то руку повáлились,
А на левую на руку — расскóчились;
Ослабели-то тут на перу да крепкі стóрожи.
Зашол-то тут Добрыня на почестен пир,
635. Но места уж на перу скоморошья попризаняты.
Досталось ему место на печке, на запéченьке,
На той простой сосновой скамеечке.
Вот садился тут играть Добрынюшка Микитинец,
Сел играть в гусёлышки ярóвчаты.
640. Игры он-то играет от Царя-градá,
Розыгрыши играет от Ерусóлима,
Да тут-то притягает стóльнёй Кеев-град.
Да тут-то есть притянут Владимир стóльнё-кеевской.
Да тут-то есть Владимиру-князю эта игра да прилюбиласе:
645. — «Ну чем бы тебя нáскори пожаловать?»
Говорит-то тут Добрыня сын Никитинец:
— «А не надо мини злата и ни сéребра,
Ни скатного-то мелкого жемчуга,
Золотой казны да дома бог послал!»
650. — «Ну дам я тебе за княженецким столом три места любимыи:
Первое место — да протйв меня,
Другое место — да рядóm со мной,
А третье место — где ти слйбится!»
Садился тут Добрынюшка Никитинец
655. Напротйв он молодых людей да новожóбных.
Вот поднесли тут Добрынюшке да чарочку,
Не пил он своей чарочки,
А спустил-то во чару золотой перстёнь,
С которым с Настасьей обручались, —
660. Во дни он чары, как огонь горит,
Во верху он чары, как во ключ кипит.
Вот подносит ён Настасье да Микуличне:
— «Аще ай же ты, Настасья да Микулична,
Если хошь добра, — так ты пей до дна,
665. А не хошь добра, — так не пей до дна!»
Посмётит дело тут Олешка да Попович сын:
— «Ай же ты, калека перехожая,
Ай же ты, сума да переметная!
Не сдадим Настасье Микуличне
670. А твоей-то ведь чарочки прóшеной!»
Берет-то Настасья чарочку одной ручкóй,
Выпивала она да на единой здох,
Говорит она да таковы рецй:
— «Не тот мни муж, кто возлі сидит,

675. А тот мни муж, кто противъ стоит!»
 Не обходит она кругом дубовá стола,
 А скачет она прямо через дубóвый стол,
 Пала во ноженьки во резвыи,
 Целовала во уста его сахарнии:
680. — «Ай же ты, моя законная семеюшка,
 Молодой Добрыня сын Никитинец!
 За мой-то ведь за рáзумы глупые
 Сведи ты меня да во чистó полё,
 Привяжи к жеребьям к неученым,
685. Пусть они растерзают мое мясо по чисту́ полю!»
 — «Не дивуюсь я разуму женьскому,
 А дивуюсь я братцу крестовому,
 Смелому Олешке Поповицу,
 Да еще я да князю Владимиру,
690. Князю Владимиру стóльнѣ-кеевскому, —
 Свою-то жону так он сам . . . .,
 А чужую жону — так людямъ дает!»
 Берет-ко тут Добрынюшка Никитенец,
 Берет-то он Олешку за желты́ кудри́,
695. Бросил-то он его да о кирпичной пол,
 Хочет-то он стегнуть плетью шелкóвою.
 Оддержали тут его да вся тут публика:
 — «Аще ай же Добрынюшка Никитинец,
 Не бей-ка ты Олешеньки плетью шелкóвоей.
700. А всякой-то на сем светѣ поженится,
 Да не всякому женитьба удавается, —
 А Олешке нынѣ женитьба неудачная!»
 Со того стыду́ со сраму со великого,
 Садился Олешка на добра́ коня,
705. Да и уеждал Олешка во чистó полё.
 А берет-то Добрыня свою Настасью Микулишну,
 Свою-то он супругу за белы́ руки́,
 Да идут-то они да к рóдной матушки,
 Ко честной вдовы Офимьи Олександровной.
710. Вот узнала тут его да рóдна матушка,
 Та честна́ вдова Офимья Олександровна:
 — «Аще ай же ты, рожóно мое дитятко,
 Молодой Добрыня сын Никитинец!
 Когда ты приехал из темной орды,
715. Из темной орды да и сказался б мни,
 Не так бы я тебе и встретила,
 А лучше бы того да я провáдила!»
 Тым ы та былинушка покончилась.

№ 109. (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

- Не буря ли в поле подымается,
 Не белá ль березка споклоняется,
 Сын со матушкой да распрощается,
 Молодой боярин Дюк Степанович.
 5. Просит ён у родителя у матушки

- Прощеньница-благословеньница
 Повыехать на матушку святую Русь.
 — «Во всех городах у меня побывано,
 И всех князей-бояр у меня повидано;
10. Исполна княгиням всем послужано,
 Но не было во городе во Кееве,
 Не видано князя Владимира
 И не служано княгини Апраксии.
 Ну вот дай мне-ка, родитель-матушка,
15. Прощеньницё-благословеньницё
 Повыехать на матушку святую Русь!»
 Говорит ему рóдная матушка,
 Честна́ вдова Офимья Александровна:
 — «Ай же ты, рожоно мое дитятко,
20. Молодой боярин Дюк Степанович.
 Спородя́ ты вышло, дитятко, занóсливо.
 Занóсливо дитятко, захвастливо.
 Во Кееве ты, дитятко, похвастаэш
 Животишками вдовинома сиротьскима.
25. На Руси народишко прехитрый есть, —
 Ты погинешь, Дюк Степанович, занасраплиную!
 Не дам я ти прощеньницё и благословеньницё
 Ехать ти на матушку святую Русь.»
 Не буря ль в поле подымается,
30. Не белá ль березка поклоняется,
 Сын со матушкой да распрощается.
 Просит он у родителя у матушки
 Прощеньницё и благословеньницё
 Повыехать на матушку святую Русь:
35. — «Ай же ты, родитель моя матушка,
 Честна́ вдова Офимья Александровна,
 Дай мне-ка прощеньницё и благословеньницё
 Повыехать на матушку святую Русь.
 Во всех городах побывано,
40. Всех князей-бояр повидано,
 Исполна княжням всем послужано,
 Но не бывано во городе во Кееви,
 Не видано князя Владимира
 И не служано княгини Апраксии!»
45. Говорит ему родимая матушка,
 Честна́ вдова Офимья Олександровна:
 — «Не дам я ти прощеньницё-благословеньницё
 Ехать ти на матушку святую Русь.
 Спородя́ ты вышло, дитятко, занóсливо,
50. Занóсливо дитятко, захвастливо.
 Во Кееве ты, дитятко, похвастаэш
 Животишками вдовинома сиротьскима,
 А на Руси народ прехытрый есть, —
 Погинешь ты, Дюк Степанович, занасраплину!»
 (Ну вот и опять третий раз.)
55. Не буря ли во поле подымается,
 Не белая ль березка поклоняется,

- Сын со матушкой да распрощается,
Молодой да Дюк Степанович:
— «Ай же ты, моя родитель-матушка,
60. Честна́ вдова Офимья Александровна,
Дашь мни-ка прощёньице, — поеду я,
И не дашь мни-ка прощёньице — поеду я!»
Вот идет он во конюшню конностойлюю,
Где стоят жеребцы поежжаныи.
65. Не мог он себе выбрать жеребчика по разуму.
Вот он перешол в конюшню конностойлюю,
Где стоят жеребцы неежжаны,
И на узды они, удалыи, недержаны.
Повыбрал он Бурька́ сивогривого, —
70. Двенадцать лет Бурька́ на узде недержаный,
Двенадцать лет Бурька́ и неежженный.
У Бурька́ уж грива закольчужилась,
Хвост до матушки до сырой земли,
Заметаэт он сзади следы лошадиныи.
75. Вот повывел он Бурька́ да на широк на двор.
Вот начал тут Бурька́ он подёргивать,
Чтобы он навоз стал отряхивать, —
От того от топу лошадиного
Задрожали полатки белокаменны.
80. Ну вот он седлал-уздal да Бурька́ да окольчуживал:
На коня кладовал он напотнички,
На напотники мягки войлуки,
На войлуки клал седельышко черкальское
О двенадцати подпругах о шелковьих,
85. А подпруги он подтягивал, покрякивал,
А тринадцату, похоже, он для крепости, —
Чтобы из седла Бурьке́ не вывернул
Да и добра молодца не вытряхнул.
Вот подходит к нему родитель-матушка,
90. Честна́ вдова Офимья Александровна.
Говорит ему да таковы речи:
— «Ай же ты, рожоно мое дитятко,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Отправляешься на матушку святую Русь,
95. Так там есть три за́ставы великие:
Пёрва за́става есть — птичи за́клевуции,
Друга за́става есть — звери за́дучии,
Третья за́става есть — горы сотолкучии.»
Вот подъезжал молодой боярин Дюк Степанович
100. К этим трем за́ставам великним.
Бил Бурька́ да по тугим ребрам.
И ударил Бурьку́ он между ушй.
— «Ах, сенна копна, Бурьке́ мой поворотистый,
Проскочи эти три за́ставы великие!»
105. Вот проскочил он птицы за́клевуции,
Вот проскочил он зверей за́дучиих,
Подъезжал он к горам да сотолкучним.
Начали тут горы содвигатися,

- Стало у Дюка Степановича сердце ужахатися. —
110. Тут кончина верно Дюку Степановичу, —
 Ну проскóчил он горы сотолкуцин,
 Провез Бурькé да поворотистый,
 И повыехал в раздолье во чисто поле.
 Скоро скажется да тихо деется.
115. Приехал ён в стóльнэй Кеев-град,
 Вот заехал ён да к князю ко Владимиру,
 Вот заехал ён да на широк на двор,
 Становился он да среди двора,
 Коня привязать ему некуда —
120. Ко тому ко столбу — столбы сосновые,
 Столбы сосновые, а кольца железные,
 А поводики шелкóвые привязать — они повытрутся.
 — «Как у моей родитель-матушки
 На широком двори столбики тоцёныи,
 125. Столбики тоцёныи, у столбов колецьки золоцёныи,
 Так что повода шелкóвые не трутся и не рвутся!»¹
 Идет он в палатки белокаменныи
 Ко князю-то Владимиру.
 Пораздернул ён да двери на́ пята.
130. Зашол он в палатки белокаменны,
 Крест кладет по-писáному,
 Поклон провел по-ученому,
 На вси стороны да поклоняется,
 Князю Владимиру в особину,
135. С княгинею со Опраксией.
 А Чурилы Пленкóвичу челом не бьет,
 Челом не бьет, не жалует.
(Вот два-три слова тут забыл. Тут они заспорили с Чурилой Пленкóвичем. Вот забыл, как они заспорили.)
 Сели они за столы за дубовые,
 Сели они пити, кушати;
140. Молодой боярин Дюк Степанович
 Колачик ест, а другой за окошко роет.
 — «Что же ты, молодой Дюк Степанович,
 Роешь колачик за окошечки, а не кушаешь?»
 — «Да у моёй у родителя у матушки
145. Так помёльца шелкóвые, а вóды льет она медóвые.
 Колачик ешь — о другом душа горит.
 А у вас здесь во Кееве помя́льца-то сосновые,
 А вóды льет ведь простые, заржавленные, —
 И вот пахнут на сосенку, —
150. Калачик ешь, а другой колется.»
(Колом стоит.)
 Вот они склюдились итти в церковь богомольную.
 У него лапотки, у Дюка Степановича, шелкóвые,
 А на улице грязь по колену.
 Вот он вышел на крылецько перёное.
(Да остановились.)

¹ Стихи 119—126 восстановлены П. С. Семеловым при помощи его дочери.

155. — «Не могу итти я в церковь богомольную,
 Нет у вас ни панели деревянные,
 Ни проходов хрустальных.
 (Как будто так. . .)
 А у моей-то у родитель у матушки
 От крылечика перёного да до церкви богомольной¹
160. Постланы коврики шелкóвые:
 Вот идешь в церковь богомольную,
 Так лапóтики уж не мараются,
 Лапóтики не дёржатся,
 И мóлодци не старятся,
165. И одёжа не носится.
 У моёй родители у матушки
 Сапожники с дому не выводятся,
 И портные с дому не выводятся,
 И товар со лавочек не выводится.
170. Мы день носим и два носим,
 А потом в лавку снесем,
 Да на Русь продаем.»
 (Погоди, как тут еще?)
 Говорит тут Чурило Плénкович:
 — «Это не молодой боярин Дюк Степансвич,
175. А это нахвальщина с чистá поля.
 Убил молодого Дюка Степановича
 И на его кони приехал во стóльнёй Кеев-град,
 На его кони, во его одёжы.»
 (На могив красивее, ну не могу, — болен.)
 А положили на его на три года и нá три дня,
180. Чтобы три года и три дня
 На каждый день ходить к обедне в церковь богомольную,
 На каждый день одёжу сменную,
 И в поле выехать поляковать коня сменного.
 Вот сидел тут Дюк Степанович, призадумался,
185. Писал тут ярлыки скоропечатные,
 Отправлял к своёй родитель-матушке,
 Чтобы выслала ему одёжу на три года и нá три дня.
 На каждый день, на каждый переменная.
 Вот ему выслала родитель-матушка
190. Одёжи на трé года и нá три дня,
 На каждый — переменную.
 Ему попал старик больно старенький,
 Сединой он изукрашенный,
 И говорит он Дюку Степановичу:
195. — «Вот что, молодой боярин Дюк Степанович,
 Вставай ты по утрушку ранёшенько,
 Все ты три года и три дня,
 Выкатывай ты Буркá в росы скорёшенько,
 И вот на Бурки каждый день шерсть переменится.»
200. Вот скоро скажется, да тихо деется:
 Истекло того времени три года и три дня,

¹ Начиная с этой строки, сказитель не пел, а говорил былинку.

Не могли они Дюка Степановича загнать ни в чем:
Хватило у него своего всего на три года и на три дня.
Вот тут задал Чурило Пленкович:

205. — «Если ты молодой боярин Дюк Степанович,
Так тогда через матушку через Нерпь-реку
Перескочи на ту, на другую сторону.»
Ну вот и сидел молодой боярин Дюк Степанович на добром коня,
Сели они с Чурилой Пленковичем на добрых коней,
210. Подъехали ко матушке они ко Нерпь-реки,
Перескочил Дюк Степанович через Нерпь-реку,
Сухой ногой из реки выбрался.
С разбегу перескочил Чурило Пленкович,
По колено в реку вверзился.
215. Вот поразъехался Дюк Степанович
По той стороне реки,
Перескочил через матушку через Нерпь-реку
Безо всякой для себя потери.
А скочил Чурило Пленкович,
220. Да серед реки да он вверзился со добрым конём,
Скрыло у Чурилы буйну голову
Да и с добрым конём.
Тем эта былина и покончилась.

№ 110. (СТАВЕР ГОДИНОВИЧ)

- Во стольномъ было во гради во Кееве
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у него почестен пир
На всех князей и на всех бояров,
5. На сильных могучих богатырей,
На всю на поленицю удалую.
Все они тут на пер собиралися,
Все на перу напивалися,
Все на перу наедалися,
10. Все на перу и порасхвасталися.
Умной похвастал отцом-матерью,
Безумной похвастал молодой женой,
Инной похвастал золотой казной,
Инной похвастал конём добрым,
15. Инной — копьем вострым,
Инной — ухваткой молодецкой,
Инной — поезкою удалой.
А сидит-то Ставер сын Годинович,
Торговый князь он с Чернигова,
20. Не ест, ни пьет ён, не кушает
И белого лебедя не рушает,
Сам он, молодёц, сидит не хвастает.
Подходит Владимир стольнѣ-кеевской.
Говорит Ставрѹ да таковы речи:
25. — «Ай же Ставер сын Годинович,
Торговый князь из Чернигова,

- Сидишь — не ешь, не пьешь да и не кушаешь,
Лебеда ты белого не рушаешь,
Сам ты, мболодец, нечим не хвастаешь!»
30. — «А нечем мне, Ставрú, теперь похвастати;
Отцом-матерью похвастати — их в живых нет,
Мне похвастать — не похвастати молодой женой —
Той ли славной Натальей Микуличной.
Как теперь моя да молодá жена,
35. Тая славная Наталья Микулична,
Ваш-то стольной Киев-град она повыманит,
И князей-бояр во городе продаст, повыкупит,
Ну й тебя Владимир, с ума повыведет!»
Вот за тыи ли за хвастá за великии,
40. За тыи за речи неумельныи
Приказал Владимир Ставрá засадить в погреба заключеныи —
Не на много, не на мáло — на тридцать лет,
Пропитольство ему дать овсеца с водой.
С того ли места со меньшего,
45. С той со скамейки окольнеей
Выстал старенький старик, да старёшенек,
Седеной уж он изукрашенный,
Вышел он серёд палатки белокаменной,
Крест кладáл по-писáному,
50. Поклон провел по-ученому,
Благодарил князя Владимира за почестен пир, за приглашение,
Сам повышел, старинка, на широк на двор,
Садился старйнка на добрá коня,
Во Чернигов-град старинушка отправился.
55. Вот приехал ён старинушка в Чернигов-град,
Заяхал ён к Ставрú-купцу да на купецкой двор,
Пристегнул коня да середи двора,
И идет ён во палатки белокаменны.
Пораздёрнул ён двери нá пету,
60. Зашел ён во палатки белокаменны,
Крест кладет по-писáному
И поклон провел по-ученому,
Племяннице Наталье он в особину:
— «Здравствуй, моя ты племянница,
65. Тая славная Наталья да Микулишна,
Сидишь ты с няньками да с мамками,
Со верьными а да служанками,
Сидишь ты да забавляешься,
А над собой невзгоды не начаешься.
70. Засáжен Ставёр сын Годíнович,
Засáжен ён во городи во Кееве,
Засáжен в погреба заключёныи,
Не на много, не на мало — на тридцать лет,
Пропитольсьва дано — овсеца с водой,
75. А за тыи за речи неумельныи,
За тыи за хвастá за великии.
Он похвастал тобой, да . . . . . бабьею!»
Говорит-то тут Наталья да Микулишна:

- «Ай же мои нянюшки да мамушки,
 80. Верны вси мои служаночки,
 Подьте-ко вы вси да по своим домам.
 По своим домам да по своим семьям,
 Ай же, богодана моя матушка,
 Тая славная Мамерьфа Тимофеевна,
 85. Дай-ка мне ка ножницы жалезныи,
 Отрежь-ка мни-ка волосы по-мужечьи,
 Надену-ка я платья все мужичии,
 Возьму-ка я поспехи молодецкие,
 И возьму-то я дружины тридцать мблодцов.
 90. Тридцать мблодцов да без единого,
 А сама я, Наталья, поеду во тридцатые,
 Поеду-ка я свахой в стольней Кеев-град
 Сватать у князя Владимира племянницу,
 Тую славную Забаву дочь Путятичну.»
 95. Вот приехала она да под стольней Кеев-град,
 Дружину она в поли приоставила,
 А сама-то в стольней Кеев-град проехала,
 Она свахой ко князю ко Владимиру,
 Сватать-то Забаву дочь Путятичну,
 100. Его-то рбдную нунь племянницу.
(Вот короля забыл, за которого первого она сватала. Вчера помнил, да сейчас не могу вспомнить!)
 Говорил-то князь Владимир стбльнб-кеевской:
 — «Ах ты сваха-то теперь драгбчбнная,
 За кого сватаешь — не выдам я племянницу,
 А если за тебя я, добрый мблodeц.
 105. Ну повыдам я во перьвых племянницу,
 Тую славную Забаву дочь Путятичну!»
 Вот долбжили оне да тут племяннице,
 Той оны Забавы дочй Путятичне.
 Повышла поглядеть она да сватушку,
 110. Ну сваха ей ничего ей нунь понравилась,
 Но только она оглядела, поразобралá её,
 Говорит она теперь да своему дядюшке,
 Тому славному князю Владимиру:
 — «Ай же ты, мой рбдный дядюшка,
 115. Владимир-князь да стбльнб-кеевской,
 Ты ведь правишь городамы с пригородкамы,
 Ты ведь правишь уездамы со деревниа,
 А не сделайто ты большой ошиббчки —
 Не выдай-ко ты дбвшину за женщину,
 120. Не наделай-ко ты смеху по всему свету,
 У ней . . . . . крбтенька по-женьскому,
 И походка чбстенька по-женьскому,
 Где жуковины были, тут и место знать,
(В прежнее время жуковинами перстни звали.)
 На лавочку сядет и . . . . . жмет.»
 125. Говорит-то князь Владимир стбльнб-кеевской:
 — «Можем безошибочно мы ю повыведать,
 Повыведать да повыпытать.

- Вот повышустим-ко мы борьцёв да на широк на двор,
Повыпустим ю с борьцами потягаться.
130. Если женьско дело, — то не выстоять.»
Вот повышли они бороться на широк на двор.
Она в праву руку взяла три мѳлодца,
А во левую-то взяла она два мѳлодца —
Эти мѳлодцы уж призахѳдели,
135. Не могли они ей тут да и повыпытать.
Говорит-то князь Владимир стѳльнѳ-кеевской
Он своей теперь родной племяннице,
Той Забавы дочѳри он Путѳтичны:
— «Нет, хорош-пригож, верно, тут детинушка, —
140. Не могли борьцы стоять на широкѳм дворѳ!»
Говорит ему родная-то племянница,
Тая славная Забава дочь Путѳтична:
— «Аще ай же ты, родитель мой ты дядюшка,
Не выдай-ко ты дѳвщину за женщину,
145. Не наделай уж ты смеху по всему светѳ,
У ней . . . . . крутенька по-женьскому,
И походка частенька по-женьскому,
Где жукѳвины былѳ, тут и место знать,
На лавочку присядет и . . . . . жмет.»
150. Говорит ей тут рѳдной дядюшка,
Тот ли славный Владимир-князь да стѳльнѳ-кеевской:
— «Возьмем-ко мы еще да ю повыпытаем,
Возьмем-ко мы еще да ю повыведаем.
Ну-тко спустим мы во пѳле пополяковать,
155. Мы ведь с нашей-то поленницей со удѳлойей!»
Вот повыехали они в чистѳ полѳ пополяковать, —
Не могла тут стоять поленица их удѳлая,
Поразбежалась-то она да поразъехалась
От этого она от дѳбра мѳлодца.
160. Вот говорит тут ей опять да рѳдной дядюшка,
Тот ли славный князь Владимир стѳльнѳ-кеевской:
— «Аще ай же ты теперь, моя племянница,
Тая славная Забава дочь Путѳтична,
На Руси, верно, молодѳц лучше не нѳйдется!»
165. — «Ах ты мой, да рѳдный дяденька,
Ты Владимир-князь да стѳльнѳ-кеевской,
Ты не выдай нонче дѳвщину за женщину,
Не наделай смеху по всему светѳ,
У ней . . . . . крутенька по-женьскому,
170. И походка частенька по-женьскому,
Где жукѳвины былѳ, тут и место знать,
На лавочку присядет и . . . . . жмет!»
Говорит тут князь Владимир стѳльнѳ-кеевской:
— «Ну еще мы ю повыпытаем,
175. И еще мы ю повыведаем:
Повытопим теперь мы парну баенку,
И схожу я, князь Владимир, в славу баенку,
Вдвоем мы сходим с этой свахою.»
Как предлѳжила да им да парну в баенку,

180. Пока тут справлялся князь Владимир стóльнё-кеевской,
 Той порой сходила сваха в баенку.
 Идет князь Владимир в парну баенку,
 А ёна ему навстречу с парной баенки.
 — «Что ж ты скоро приумылся да упарился?»
185. — «За мои за повороты за скóрые
 Батюшка-король любит и жалует,
 А матушка-королевна ко души держит!»
 Говорит князь Владимир стóльнё-кеевской
 Своей-то он племяннице,
190. Той ли славной Забавы дочёри Путятнчны:
 — «На всё хорош есть детинушка:
 На повороты на скорые, на ухваты молодецкие,
 А и силу и прибрать нельзя!»
 Больше ей теперь нельзя повыпытать,
195. И нельзя ей ничем и повыведать,
 Но только если она сама да не сознаётся.
 Вот говорит она де таковы речи:
 — «Везди меня вы испытывали,
 Везди меня вы угадывали,
200. Не могли вы меня нигде повыпытать
 И угадать-повыведать.
 А нет ли у вас засажóнного какого-нибудь, затюремного.
 Вот только этот если со мной во по́ли да потягается.»
(Они не могут решить.)
 Видать Ставра́ — и не видать Ставра́.
205. Выпустили оны Ставра́ Годíновича,
 Сели оны да на добрых коней
 И поехали в поле поляковать,
 Там они не борьбой, а пословесно поляковали,
 Дело выговаривали.
210. Не может узнать Ставёр сын Годíнович
 Своей ён молодой жены,
 Той ли славной Натальи Микуличны.
 Говорит она ему таковы речи:
 — «Помнишь ли, памятуешь ли,
215. Как в одном месте учились мы во грамоты,
 Мы в сваи играли, в колечко попадали.
 Я рюхами играл, с тебе ёзды брал?»
 Но все-таки не может Ставёр сын Годíнович одуматься,
 Пришлось тут сознаться Наталье Микуличны.
220. Говорила она ему да таковы слова:
 — «Ведь ты мой ли муж, Ставёр сын Годíнович,
 Я твоя жена Наталья Микулична!»
 Говорит тут Ставёр сын Годíнович:
 — «Поедем-ко мы на уезд мы, Наталья Микулична.
225. От стóльного града от Кеева
 И от ласкового князя от Владимира!»
 — «Нет, — говорит, — не поеду я на уезд,
 А поеду в стóльный Кеев-град
 Ко князю Владимиру пер перовать,
230. Пиво пить и гуся́ ис(т)ь!»

Вот они и приехали в стóльнѣ Кеев-град.
 Говорит князь Владимир стóльнѣ-кеевской:
 — «Не пустым больно похвастал Ставѣр сын Годінович,
 Ты своей теперь молодой жены —

235. По твоим хвастам она сделала,
 Стóльнѣ Кеев-град она повыманила,
 И князей-бояр прѣдала, повыкупила,
 Ну и меня, Владимира, из ума свела!»
 (Созналси!)

№ 111. ПРО ХУДУЮ ЖЕНУ

- Ну вот мы споем старину стародавнюю,
 Споём старичка со старушкою.
 У них был повѣрѣнный одинакой сын;
 Похотели-то они его жениться,
5. Поженили они в своей деревеньке,
 А худую брали жену покрутную.
 Покрут повешенный на грядочке,
 А худая жена спит на рученьке.
 Скучно стало добру молодцу жить да со худой женой.
10. А с досады он во гульбу пошел.
 Гулял-то он да в своей волости.
 Вот товарищи-то стали надсмехаться,
 И старенькие стали тут ругаться:
 — «Ты чего теперь гуляешь, добрый молодец?»
15. Вот переехал он в земельку иностранную,
 Во ту ль-то он да во ту ль землю,
 К тому ли он ко князю ко Ботиянову.
 Упросился он на три годá там во дворники.
 Поижил-то три годá он во дворниках, —
20. Служил-то он ему да верой-правдою;
 На три года упросился он в придверники, —
 Служил-то он три годá верой-правдою;
 На три годá упросился он во стольники, —
 Служил-то он три годá верой-правдою;
25. На три годá Ботиян его поставил да во ключники.
 Хоть в чужой земли, житье да привележное:
 Спит он на кровати да на рыбий зуб,
 Окрывается одеяльцем соболиным,
 С той он с королевною на белы груди.
30. Скучно стало добру молодцу да во чужой земле.
 — «Дай-ка съездить мне теперь в свою деревенку,
 На тое на родительско помѣсьице, —
 Там повьросла зеленая крапивушка!»
 За тую за услугу за двенадцать лет
35. Ботиян-то дал ему добра коня,
 Дал ему все поспехи молодецкии,
 Поехать на матушку святую Русь.
 Вот седлает он, уздает да добра коня,
 Отправляется теперь да на святую Русь.
40. Увидала королевна из окошечка;

- Вот бежит она теперь да на широк на двор
И в одной ночной сорочке без пояса,
И одних белых чулочках без чоботов.
Прибегала-то она да на широк на двор,
45. Лобзала-то она да добра молодца.
Вот спустила-то в глубокий карман бессчётну золоту казну.
Садился тут удалый добрый молодец на добра коня,
На святую Русь удалый приотправился.
Вот приежжает он в свою деревенку,
50. На то ли на родительско помесьице.
Стоит-то тут теперь да мала хижина
На том-то на родительском помесьице,
У хижины-то плавают маленьких два выюноши.
Он спросил у этих малых выюношей:
55. — «Какого отца да какой матери,
Какого теперь роду-племени?»
Отвечали ему малые юноши:
— «Батюшка у нас да во гульбу ушел,
А матушка ушла да на крестьянскую работушку!»
60. Подождал-то тут удалый добрый молодец,
Подождал-то он до позднего вечера.
Вот идет его жена да со крестьянской работушки.
В руках несет да косу вострую,
Во другой несет да грабли частые,
65. На плечах она несет дрова горядые, вдовинные,
Вот она идет да призадумалась.
У ейной-то теперь да малой хижини
Стоит-то поляк да на добром коне,
Вот боится подойти она да к хижине.
70. А он стал её звать да и приманывать:
— «Подойди сюда, молода жена,
А не убойся ты да своего мужа!»
Вот подошла она тут к нему, да молода жена,
Вот и тут оне да поздоровались,
75. Приотправились они да в малу хижину.

XXX

СЕРОВ Дмитрий Алексеевич, 79 лет. Высокий, седой, длиннобородый старик. Грамотный. С 1892 г. по 1896 г. он был волостным старшиной. Единственный сын был убит в 1919 г. на войне (в Крыму, где командовал красноармейской частью) и оставил после себя вдову и троих детей. Пришлось к невестке принять в дом мужа (из Оятевщины), который, однако, оказался плохим помощником. Песню об Иване Грозном Д. А. Серов перенял от жены своего дяди — Феклы Антоновны Ольхиной из Глебова. Кроме того, знал былины из книги, но их теперь не помнит. Былину о Дунае слышал от Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина в Гарницах, когда с ним вместе ездил ловить рыбу.

№ 112. ДУНАИ

Ай же ты, солнышко Владимир стóльне-кеевский,
Уж он собирал пер-перованьицо.
Вси ли на перу напивалиси,
Вси ли на перу пьяны-веселы.

5. А один тут солнышко Владимир-князь да стóльней киевский
Он по горенке похáживаёт.
С ноги нá ногу перескáкиваёт.
— «Ай же вы, вси сильнии могучии богáтыри,
Уж вы вси пьяны-веселы, —
10. Приищите ли мни невесту,
Чтобы ростом она высокая,
Станом была она станёшенька,
Очи былі да ясна сокола,
Брови былі да чорна соболя!»
15. Большой туляется за среднего,
Средний туляется за меньшего,
А от мёньшого тóлечки ответу нет.
Тут вставаает старóй казак Добрыня Никитич,
А он стаёт на резвыи ноженъки,
20. Уж он молвил таково́ слово́:
— «Ты позволь-ка мни, Владимир да стóльнѣ-кеевский,
Ты вели мни слово́ молвити, —
Ты пошли-тко со мной Илью Муромца.
Если послать Олешеньку Поповича, —
25. Он обманщик-изменщик есть.
Ростом со мной Илья Муромец равнёшенек,
На походочку Илья Муромец скорёшенек.»
Они брали золоту казну да несчётную,
Они сели на добрых коней, поехали.
30. Видли добрых мóлодцов сядучи,
А не видли добрых мóлодцов поедучи.
Они с гóры нá горы перескакивали,
Реки, мелкие озера промеж ног пропущали
И подъехали под тот Цáри-град.
35. Они раскинули палатки белокаменны,
Они считают казну да все несчетную,
День они считают, сосчитать не могут,
Другой день считают, пересчитать не могут.
На третий день письма записывают,
40. На каленые стрелки надѣивают,
На той ли на Царь-град пускают,
Ко тому ли кóролю ко царю Константину.
(Или как его не помню!)

Войско наехало. День дерутся — силы сметы нет, на другой день
дерутся, на третий день Россия победила. И как они пришли в полаты
белокаменные, взяли невесту эту.

(Дальше забыл; Иван Герасимович из Гарниц пел.)

№ 113. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

- Ай же ты, Грозный царь Иван Васильевич,
Царь Иван Васильевич да Вытосеевич.
Уж он собрал пер-перованьицо.
Все ли на перу да наедались,
5. Все ли на перу да напивались,
Все ли на перу да порасхвастались.
Умный хвастал отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой,
Молодой женой да золотой казной.
10. А ничим-то тут не хвастает
Один Федор Иванович.
Грозный царь Иван Васильевич,
Иван Васильевич да Вытосеевич,
Он по горенке похаживает;
15. Он сапог о сапог поколачивает:
Он уж крикнул своим громким голосом,
Громким голосом богатырьским:
— «Ай же ты, сила моя силушка,
Сила сильняя, сила могучая,
20. Я ли тебя, силушка, куды не кладу!
Кто повыведет изменушку с каменной Москвы?
Кто повыведет изменушку со Астрахани?
Кто повыведет изменушку со Новá-городá?
Кто повынесет царьскую перфíрьюшку?»
25. Со того ли с-за стола за окольного,
Со того ли местечка из-за большего, —
Большой туляется за среднего,
А средний туляется за меньшего,
А от меньшего тóлечки ответу нет.
30. Грозный царь Иван Васильевич,
Иван Васильевич да Вытосеевич,
Он по горенке похаживает,
Он сапог о сапог поколачивает,
Уж он кричит своим громким голосом,
35. Уже он кричит да богатырьским:
— «Ай же ты, Федор Иванович,
Ты ставай-ко на резвыи ноженьки,
Ты бери-тко рать-силу великую,
Ты бери-тко казну да все несчотную.
40. Поежжай-ко московсима переулками,
Уж ты старых, малых конём топчи,
А сильных могучих богатырей саблей всё руби,
Ты повыведи изменушку из каменной Москвы,
Ты повыведи изменушку со Астрахани,
45. Ты повыведи изменушку со Новá-городá,
Ты повынеси царьскую перфíрьюшку!»
Из-за того ли за стола да с-за окольного,
Из-за того ли из-за местечка с-за бóльшего.
Тут стаёт-то Федор Иванович,

50. Тут стаёт на резвы ноженьки,
 Уж он крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет да по-ученому,
 На две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
 Грозному царю Ивану Васильичу в особину поклон.
55. Он берет-то рать-силу великую,
 Он берет-то казну несчетную,
 Уж он едет московсима переулками,
 Уж он кричит своим громким голосом,
 Уж он кричит да богатырьским:
60. — «Дайте мне дсроженьку широкую!»
 Уж он старых, малых конем не топтал,
 Сильних могучиих богатырей саблей не рубил,
 Не повывел он измены с каменной Москвы,
 Не повывел он измены со Астрахани,
65. Не повывел он измены со Новá-городá,
 Не повынес он царьской перфильюшки.
 Грозный царь Иван Васильевич,
 Иван Васильевич да Вытосеевич,
 Собрал он пер да перованьицо.
70. Все ли на перу да наедалисе,
 Все ли на перу да напивалисе,
 Все ли на перу да порасхвасталисе.
 Умный хвастает отцом-матерью,
 А безумный хвастает молодой женой,
75. А молодой женой да золотой казной.
 А ничím-то тут не хвастает один Федор Иванович.
 Грозный царь Иван Васильевич,
 Он по горенке похаживаёт,
 Он сапог о сапог поколачиваёт.
80. Уж он крикнул своим громким голосом,
 Громким голосом да богатырьским:
 — «Кто повывел измену с каменной Москвы:
 Кто повывел измену со Астрахани?
 Кто повыведет изменушку со Новá-городá?»
85. Кто повынес царьскую перфильюшку?»
 Из-за того стола с-за окольного,
 Из-за того местечка с-за большего, —
 Большой туляется за среднего,
 Средний туляется за меньшего,
90. А от меньшего тулечки ответу нет.
 Грозный царь Иван Васильевич,
 Он по горенке похаживаёт,
 Он сапог о сапог поколачиваёт.
 — «Не твоя ли тут измена во большом углу сидит?»
95. Не твоя ли измена да на вас глядит?»
 Уж он крикнул своим громким голосом,
 Громким голосом да богатырьским:
 — «Ай же ты! Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
 Уж ты ставай на резвы ноженьки,
100. Ты бери-тко да Федора Ивановича
 За белы руки да за желты кудри.»

- С-за того ли с-за стола с-за окольного,
 С-за того ли с-за мѣстечка из-за большого
 Тут встает Малюченька Потанюшка Курлатов сын.
105. Он встает на свои-то на резвы ноженьки,
 Уж он крест кладет по-писаному,
 Он поклон ведет по-ученому,
 На́ две, на́ три, на четы́ре сторонки поклонился,
 Грозному царю Ивану Васильевичу в особину поклон.
110. Он берет тут Федора Ивановича,
 Он берет его из-за стола из-за окольного,
 Он берет-то его всё неистово,
 Он везет-то его во чисто полѣ,
 Ко той ли ко лужи ко поганой,
115. Ко той ли ко плахе, ко липовой,
 И отрубить-то ему да буйну голову,
 Ай вынуть сердечко со печенью.
 Тут проведала рѣдна маменька,
 Одевала кунью шубку на одно плечо,
120. Туфелѣчки одевала на босую ногу,
 Ай выходит тут ли на широкой двор.
 На тот ли на почестен пир.
 Она крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет да по-ученому,
125. На́ две, на́ три, на четы́ре сторонки да поклоняется,
 Старому казаку Никите Романовичу в особину поклон:
 — «Ай же ты, братец, старый казак Никитушка Романович,
 Уж ты ешь тут, пьешь и прохлаждаешься,
 Про мою невзгодушку не ведаешь!
130. Как тут нету Федора Иваныча, его в живности,
 Как взял-то его тут Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
 Он взял ли его из-за стола с-за окольного,
 Из-за мѣстичка он из-за большого,
 Уж он брал его да всё неистово,
135. Он повез-то его да во чисто полѣ,
 Ко той ли ко луже ко поганой,
 Ко той ли ко плахе ко липовой,
 Отрубить-то ему буйну голову,
 Вынуть сердце ему со печенью!»
140. Тут стаѣт старый казак Никитушка Романович,
 Крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому,
 Он одевает кунью шубоньку на одно плечо,
 Он садится на коня да во одно стременѣ,
145. Уж он крикнул своим громким голосом,
 Громким голосом да богатырским:
 — «Народ, сторонись, народ, сторонись!
 Если ты, народ, не посторонишься,
 Уж я старого и малого конем затопчу,
150. Сильных могучих богатырей саблѣй зарублю.
 Дайте мне дороженьку продѣлговату,
 Ехать мне да во чисто полѣ,
 Ко той ли ко луже ко поганой,

- Ко той ли ко плахе ко липовой!»
155. Тут повален-то Федор Иванович
На тую ли плаху на липову.
Уж он крыкнул своим громким голосом:
— «Ай же ты, собака Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
Уж ты нальешь чару, — так ты заклékнешься,
160. Съешь ты кус, — им подавишься!»
Он берет да Федора Ивановича,
Он берет, старый казак Никита Романович, за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Он бросает ли Малюченьку Потанюшку Скурлатова
165. На тую на плаху на липову,
Отрубил ему буйну голову,
Вынул ему сердце со печенью.
Поехал-то он ко той ко божьей церкви.
Вот заходит он во божью церковь,
170. Старый казак Никита Романович,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон он ведет по-ученому,
На две, на три, на четыре стороны поклоняется,
Грозному царю Ивану Васильевичу в особину поклон:
175. — «Ай же ты, Грозный царь Иван Васильевич,
Есть ли грешному прощеньице?
Есть ли ему благословеньице?»
— «Простил бы я, — так некого,
Благословил бы я, — да уж поздно!»
180. Тут выходил Никита Романович
На тую ли на паперть на церковную,
Он берет-то Федора Ивановича,
Он берет его да за белы руки,
Он вводит его в церковь божию,
185. Он крест ведет по-писаному,
Поклон он ведет да по-ученому,
На две, на три, на четыре стороны поклоняется.
— «Ай же ты, старый казак Никитушка Романович,
Чем мне тебя за это чествовати?»
190. Ты бери-тко да золоту казну,
Ты бери-тко города с пригородками,
Ты бери-тко села с приселками,
Ты бери-тко место подлэ меня,
А другое, где тебе любó!»
195. — «Мне не надо городов с пригородками,
Мне не надо сел да с приселками,
Ты дай-ко мни Никитину вотчину:
Кто в Никитину вотчину уйдет, того бог простит.»
Это дело делалось в самую великую субботу,
200. На той на обедне на ранней.

№ 114. (О БУТМАНЕ)

В деревне Усть-реке был завод Бутмана во времена Петра Первого.
Вот каждую неделю каждый крестьянин должен был отработать на заводе.

три дня. Доставали руду у деревни Бурьиных Космозерского общества. Оттуда руду доставали. Когда Петр Первый проежжал, велено было собрать народ. А народ весь у Бутмана был собран. Ну объясняют, что народ весь у Бутмана. «Кто такой Бутман?» — Петр Первый его и решил — и завод и всё. (Приежжали крестьяне оттуда и рассказывали.)

№ 115. ПЛАТОВ-КАЗАК¹

- Мать Россея, мать Россея,
 Мать Россейская земля.
 Про тебя ли, мать Россея,
 Широко слава прошла,
 5. Что ль про белого царя
 И про Платова-казака.
 У Платова-казака
 Была не стрижена брода (2)
 И не бреты волоса.
 10. Платов-казак нам отец, —
 Со своих честных сердец (2)
 Совьем Платову вьюнец. (2)
 На головушку оденем,
 Самы песню запоем.
 15. Мы затынем, запоем,
 Да как во армии живем. (2)
 Во арменюшке живали,
 Провианты получали, (2)
 Ни об чем горя не знали.
 20. Много пуляк и картечи
 Нам не для чего беречи. (2)
 Начинай, наши ребяташки,
 Со правого крыла.
 Начали наши палить.
 25. Только дым столбом валит:
 С жару, головы не ломит, (2)
 С дыму слезы ни тянут.
 Такова ли красна солнышка
 Не видно из дыму.
 30. Не есен сокол лятае,
 Платов-казак разъежжая, (2)
 Разъежжая по горы,
 Он на вороным конь.
 Шибко-громко проскакал,
 35. Два словечушка сказал:
 — «Вы, военный казаки,
 Разудалы молодцы,
 Без мерушки вы пьете (2)
 Зеленое вино,
 40. Да без расчета получали (2)
 Государеву казну, (2)
 Генеральску честь-хвалу.

¹ Д. А. Серов предложил спеть эту песню, указывая, что Кс. Вас. Разбивная пела ее неверно (о Разбивной см. ХХХIV).

- Да что не пыль в поли пылит, (2)
 Не дубравушка шумит —
45. Француз с армией валит,
 Он валит-таки валит.
 Генералам он грозит:
 Генералы не удáлы,
 Я вас всех и прибью, (2)
50. Стену каменну пробью,
 Да в каменну Москву зайду, (2)
 Золоты кресты сниму. (2)
 У Платóва-казака
 Обритáя борода.
55. Платóв бороду обрёл,
 Ко французу полетел.
 Он Платóва не узнал, —
 За купчика почитал.
 Я недолго побывал,
60. Д' много силы потерял.
 — «Кто бы Платóва узнал,
 Я бы много казны дал!»
 — «Да й не нужно казны дать,
 Можно так его узнать,
65. Погляди-ко на меня —
 Он такой же, как и я,
 Будто братец мне родной —
 Отца-матери одной!»
 — «Покажи нам свой патрет!»
70. На добра коня скакал
 И такую речь сказал:
 — «Ты, ворóна, ты, ворóна,
 Ты французская ворóна.
 Не умела ты, ворóна,
75. Соколá имáть в хоромах.
 Не видать тебе, сова,
 Ясна sóкола в глаза,
 Да Платóва-казака!»
 Мы не думали-гадали,
80. А Ниполеона с Москвы прогнали.
 — «Мне нельзя здесь оставаться, —
 Надо с Москвой мне расставаться!»

XXXI

БАЛАГУРИНА Акулина Еремеевна, старушка под 70 лет. Живет с сыном, нянчит внучат как от сына, так и от замужней дочери, недавно ушедшей от мужа. Ее мать — Авдотья Гавриловна Кичугина (родом из Телятников), вышедшая в Сычи, — много знала былин. Когда Гильфердинг записывал от Трофима Григорьевича Рябинина, то и она хотела пойти, но тещь ее не пустил с пóжни — нéкем на работе заменить было. Умерла она более 30 лет назад. От матери и переняла Акулина Еремеевна былины. Слышала она и Василия Петровича Щеголенка, которого звали «ропаком» (изъеденным оспой).

№ 116. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

- Во стольнѣм городе во Кieve
 У ласкового князя у Владимира,
 Был у него почестен пир;
 Все на пиру наедались,
 5. Все на пиру напивались,
 Все на весельи расхвастались.
 Умный хвастат отцем-матерью,
 Безумной хвастат молодой женой,
 А Добрынюшка хвастат добрым конем,
 10. А Олешенька Попович своей силою.
 Ай спроговорит царь Владимирский:
 — «Ай же вы, князи-бояры,
 Все вы у меня были поженены, —
 Приищите-ка мни супротивнику:
 15. Станничком была б становитая,
 Лицем бы была красовитая —
 Нуничку вы меня пожените.
 Приищите-ка мни супротивнику,
 Станничком была б становитая!»
 20. Лицом бы была красовитая!»
 Испроговорит Дунаюшко Иванович:
 — «Во тоей-то земли татарские,
 У того ли короля литовьского
 Больша дочь — Настасья Королевична,
 25. Меньша дочь — Опракса Королевична:
 И станничком она становитая,
 И личем она красовитая,
 Тело у ей снегу белого,
 Очи сокольи, а бровы соболю!»
 30. Испроговорит царь Владимирский:
 — «Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
 Бери силы у меня сорок тысячей
 И поежжай во землю татарскую,
 И бери ты Опраксу Королевичну!»
 35. Испроговорит Дунаюшко Иванович:
 — «Мне не надобно силы сорок тысячей,
 Спросите у Добрыни добра коня,
 Зовите Олешу Поповича смелого.»
 Просили у Добрыни добра коня,
 40. Призвали Олешу Поповича смелого.
 Видли добрых молодцов сядучи,
 Да не видли добрых молодцов поедучи.
 Видли добра молодца замáхнутси,
 А не видли добра молодца где хлыстнитси.
 45. Они реки, озера промеж ног спускали.
 Приехали во землю татарьскую
 Ко тому ли королевскому величеству,
 Приехали они на широк на двор.
 — «Ай же ты, Олешенька Попович смелый,

50. Держи-тко ты ко́ней добрых,
А я пойду с татарами поправиться!»
И стоял Олешенька Попович смелый,
Во право́й руки́ кони добрыи,
Кони добрыи, поводы шелко́выи,
55. А во левой руки трость тридцати пудов.
Пошел Дунаюшко Иванович,
Уж он крест кладет по-писа́ному,
Поклоны ведет по-ученому —
На́ две, на́ три, на четы́ре сторонки поклоняется,
60. Королевскому величеству в особину:
— «Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
Куда же ты путь держи́шь?»
— «Я приехал со сватосъством,
За твоей за Опраксой-королевичной.»
65. — «Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
Меньшую дочь сватаешь,
Старшую ли дочь засорить!
Ай же Дунаюшко Иванович,
На моей-то на Опраксе-королевичной
70. Всим я свáтухам голо́вы срубил,
И тоби, Дунаюшко, жи́ву не бывать!»
И вышел татарин на круто́ крыльце́,
И крикнул татарин по-звериному,
Свиснул татарин по-змеиному:
75. — «Идите, татаре, ко моему двору!»
И скрычал Дунаюшко Олешеньку смелого:
— «Ай иди, Олешенька, с татарами поправиться!»
А у Олеси ничего не случилось,
Кроме тросточки тридцати пудов.
80. Начал он тросточкой помахивать,
Куда махнет — тут татар улица,
Перемахнет — переулками.
У Дунаюшки в руках да не случилось, —
Он взял татарина за резвы́ но́ги,
85. И стал он татаринoм помахивать,
Куды махнет — тут падет татар улица,
Перемахнет — тут падет переулками.
Видит татарин такову беду:
— «Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
90. Украти ты свою силу богатырьскую,
Оставь-ко ты татар еще на се́мена,
Бери мою Опраксу-королевичну!»
И брал он Опраксу Королевичну
За ёйны за руки за белыи,
95. За те ли за перстни злаченыи,
Целовал во уста во сахарънии.
Поехали ко городу ко Киеву.
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Выехали оны во чисто́ полё,
100. Раздернули свои белы шатёры да спать легли.
А Дунаюшко спать — не спит, на улицку похаживает.

- Видит он татарина в чистом полѣ,
Видит он татарина на добром конѣ,
По три пудика камешки вывертывал,
105. За три поприща камешки отлѣтывали.
— «Ай же ты, Олешенька Попович смел,
Поежжай-ко ты с Опраксой королевичной
Ко стольнему ко городу ко Кееву,
А я пойду к татарину в чистое полѣ!»
110. Разъехались с татариним в чистом полѣ,
Ударились палицями военными,
Ай татарин попал под испод,
Ай Дунаюшка на верех,
И стал татарина выпрашивать:
115. — «Скажи мне, татарин, попроведай-ко,
Ты чьего же роду, чьего племени?
Чьего роду и отца-матери?
Я по пелькам вижу, что ты женьщина!»
Испроговорит Настасья-королевична:
120. — «Был бы я, татарин, на твоих грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени
И не спрашивал бы отца твоего, матери,
А отрубил бы я, татарин, буйну голову
И распластал бы я груди белые!»
125. Испроговорит Дунаюшко Иванович:
— «Ты скажи-ка-то, татарин, проповедай мни,
Ты чьего же отца-матери?
Я по пелькам тебе вижу, что ты женьщина!»
Испроговорит Настасья-королевична:
130. — «Ай же ты, Дунаюшко Иванович.
Жил ты у нас ровно тридцать лет,
А нунечку меня, Дунай, не узнал!»
И брал он Настасью за белые руки,
Целовал во уста ей сахарьнии
135. И поехал к стольному-ко городу ко Кееву
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Опракса-королевична от венца идет,
А Настасья-королевична к венцу пошла,
Венцяласи Опракса-королевична,
140. И венцяласи Настасья-королевична.
Солнышко идет на вечери,
А почестей пир у них на весели.
Вси на перу наедались,
Вси на перу да напивались,
145. Вси на пиру да расхвастались:
Умный хвастат отцем-матерью,
А безумной хвастает молодой женой.
Испроговорит Дунаюшко Иванович:
— «Нет на выстрел удалее Дунаюшки Ивановича!»
150. Испроговорит Настасья-королевична:
— «Нет на выстрел удалее Настасьи-королевичны!»
Не синее море сколыбалоси,
Не сырой бор разгоряетси, —

- Разгорелосе сердечушко Дунаево.
 155. — «Ай же ты, Настасья-королевична,
 Поедем-ко мы во чисто полё,
 Наладим с тобой мы по стрелочки!»
 Съехались с Настасьей во чисто полё,
 Наладили оны по стрелочки;
 160. Стрѣлила Настасья-королевична,
 Попала она во злачен перстѣнь,
 Во злачен перстѣнь, во булатный нож.
 Стрѣлил Дунаюшко Иванович,
 Уж он первый раз стрѣлил, — не дѣстрелил,
 165. Уж он дрѹгой раз стрѣлил, — перѣстрелил,
 Третьей раз наладил Настасье во белы грудѣ.
 Настасья Дунаю сумолѣласи,
 В рѣзвы ноженьки Дунаю поклониласи:
 — «Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
 170. Не губи моей буйной гѣловы,
 Не пластай-ко ты мне грѹдей белых!
 Есть в чѣреве младенечек зарѣжаной,
 По локѣтики ручки в золоти,
 По коленца ножки в сѣребри,
 175. Во лби-то крѣсно солнышко,
 По косицям часты звѣздочки.
 Я повыношу младенця, повырощу, —
 И за мои речи за глѹпыи,
 За глѹпѣи речи за женьськии,
 180. Ты сруби-тко, Дунаюшко, голову
 И распластай мои груди белыи.»
 Ни на что тут Дунаюшко не взирается,
 Он срубил Настасье буйну голову
 И распластал Настасье груди белыи, —
 185. Есть во чѣреви младенец зарѣжаной,
 По локѣтички его ручки в золоти,
 По коленца ножки его в сѣреби,
 Во лби пекѣ крѣсно солнышко,
 По косицям текут часты звѣздочки.
 190. Взял Дунаюшко свой вострый нож,
 Он тупым концѣм во сырѹ землю,
 А вострым концѣм поставил во белы груди.
 От Настасьи протекала Настасья-река
 Во тую ли землю во татарскую
 195. Ко тому ли королевскому величеству.
 От Дуная протекала Дунай-река
 Ко стольнему ко городу ко Киеву
 Ко ласковому князю ко Владимиру.

№ 117. (ЧУРИЛА И КАТЕРИНА)

Шол-то Чурилушко Шаплѣнкович,
 Сапѣжки на ножках — зелѣн сафьян,
 Под пяты-пяты — воробей пролетит,
 Около носа — яичко кати.

5. Девки глядят — золоты пяльця ломя́т,
 Бабы глядят — они прѣличья ломя́т.
 Кто-й-то там за воротамы колотится?
 Колотится Чурилушко Щаплѣнкович.
 Бежала-то девка челя́чична,
10. Она в тоненькой рубашке бѣз пояса́,
 В бумажных чулочиках, бѣз чобота́.
 У ней черны волосы растрепаныи,
 Царьськи вѳрота растеганыи:
 — «Что-же ты, Чурилушко, вечер не пришол?»
15. Сладкии напитокчи непитыи стоят,
 Крупицаты колачики не съеденыи,
 Чорная куница не трепаная!»
 — «Ай же ты, девушка челя́чична,
 Я тебе, девка, сарафан куплю,
20. Я тебе, девка, сапоги сошью.»
 Испроговѳрит тут Катерина Микулишна:
 — «Я сарафан тот сама сношу,
 Я башмаки ты сама стопчу!»
 Бежала та девка челя́чична,
25. Скоро бежала-то уличкамы,
 Скорее того переулкамы.
 Она крест-то кладѣт по-писа́ному,
 Поклонушки вела по-учѣ́ному —
 На́ две, на́ три, на четѳре на сторонушки,
30. Ерман сударѳ Васильичу в особину:
 — «Ай же ты, Ерман сударѳ Васильевич,
 Богу молишься да спасаеешья,
 Над собой ты невзгодушки не ведаеешь.
 У тебя-то в доми нелюбимой гость,
35. Нелюбимой гость да Чурилушко!»
 — «Ай же ты, девка челя́чична,
 Буде правду говоришь, так замѳж возьму.
 А неправду говоришь, голову́ срублю!»
 Бежала та девка челя́чична,
40. Скоро бежала-то улицькамы,
 Скорее того переулоцькамы.
 Кто там за воротамы колотится?
 Колотится Ерман сударѳ Васильевич.
 Ай же шапка на стопке Чурильиная.
45. — «А шо же тут шапка Чурильиная?»
 — «А ездил мой братец во чисто полѣ,
 С Чурилушкой и шапками менялиси!»
 — «А шо же тут рукавки на лавки Чурилиная?»
 — «А ездил мой братец во чисто полѣ,
50. С Чурилушкой рукавкамы менялиси!»
 — «Плетка на гвоздике Чурилиная?»
 — «А ездил мой братец во чисто полѣ,
 С Чурилушкой плеткамы менялиси!»
 А пришол он в конюшенку — Чурилин конь.
55. — «Что же в конюшенке Чурилин конь?»
 — «С Чурилушкой конямы менялиси!»

- А пришол он в теплую спальню — Чурила спит.
Схватил со гвоздѣ саблю вострую,
Отрубил он Чурилушке буйну голову.
60. Ай спогóворит Катерина Микулисына;
— «Где пала головушка Чурилина,
Тут пади головка Катеринина!»
Схватил с гвоздѣ саблю вострую
И срубил Катерины буйну голову, —
65. Где пала головка Чурилина,
Тут пала головка Катеринина!»

№ 118. СОЛОМАН-ЦАРЬ
(ЦАРЬ СОЛОМАН и ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)

- Прекрасный был Василей да Окулевич.
Ащó й был у него да всё почестей пир,
Ащó й вси на перу да й наедались,
Ай вси-то на перу да й напивались,
5. А щó й вси тай на весельици да порасхвастались.
А щó умной-то ведь хвастал отцём-матерью,
Ай безумной-то видь хвастал ай молодой женой.
Испрогóворит прекрасный Василей да й Окульевич:
— «Ащó ай же вы, вси князи-бóяра,
10. Ащó ай же поленици вси уда́лыи,
Ащó вси вы у меня были пожéняны,
Вам повыбраны были да й супротивницьки.
Они станицьком были да й становитыи,
Ай лицём были да й красовитыи,
15. Ай у их телó было да снегу белого:
Ащó нунечко меня да вы пожéнитя.
Вы повыберите да супротивничку,
Чтобы станичком была да становитая,
Ай лицём всё й была да й красовитая,
20. Ай у ей телó-то й было да снегу белого!»
Ай спрогóворит Ванюшка вор Повáряной:
— «А за таким ли вот за мóрем, вот за зáморем,
У царя-то есть да всё Солóмана
Есть прекрасная царица Солóманя.
25. Она стáницьком-то есть да становитая,
Ай лицём всё она да й красовитая,
У ней телó-то й ведь есть снегу белого!»
— «Ащó ай же ты, Ванюшка вор Повáряной,
Ащó как же можно от живá мужá да жанá отнять?»
30. Испрогóворит Ванюшка вор Повáряной:
— «Мы наладим-ко всё на́сады черлэные,
Мы кладем туды кроваточки тесовыи,
Мы кладем туды перинушки пухóвыи,
Занавесточки кладем да тут ситьцевы,
35. Мы кладем-тó тут птицяньку тут царьскую,
Чтобы пела она песни райские.
Мы кладем-то туды пítья забудúщи!»
Ай наладили-то на́сады черлэныи,

- Ай поехали за славно за синё морё,
 40. Ай приехали к царю оны к Соломану.
 Ай царя ведь всё й дома не случилось.
 Ай приходит-то й Ванюшка вор Поваряной:
 — «Ащо ай же ты, царица Соломания,
 Ты пусти-тко всё й миня, пусти-тко торговать,
 45. Ты бери-тко-то с миня да всё й ты пошлину!»
 — «Ты торгуй-ко всё й, Ванюшка вор Поваряной,
 Хоть ты год торгуй, всё й по два году,
 Нам не надо-то с тибя всё й ведь пошлины!»
 — «А що ай же ты, царица Соломания,
 50. Ты пойдём-ко к нам на сада (sic!) черлёныи,
 Ай посмотришь у нас насады черлёныи!»¹
 Кунью шубоньку й надела на одно плечо,
 Чорны чоботы обула на босу ногу,
 Ай приходит-то она на сада черлёныи.
 55. — «Выпей, выкушай, царица Соломания,
 Еще чару зеленá вина!»
 Она выпила всё й чару зеленá вина,
 Как напиласи ёна да обвалиласи.
 Ай поехали за славно за синё морё.
 60. Пробудиласи царица Соломания,
 Пробудиласи ёна да й порасплакалась:
 — «Ай неумная, да неразумная я жонщина,
 Кабы б́ыла бы разумная й всё й жонщина,
 Я б не шла бы на сада черлёныи,
 65. Я й не п́ила бы всё й питьеv забуду́щих;
 Я й от бережка, горюша, откачуласи,
 Я й ко дру́гому, горюша, не прикачуласи!»
 Испро́говорит Ваню́шка вор Поваряной:
 — «Ты не плачь, не плачь, царица Соломания:
 70. Как ведь бог снесёт за славно за синё морё,
 Да к красíвому Василью да й Окульеву!»
 Оны съехали за славно й за синё морё,
 К прекрасному й Василью да й Окульеву.
 Всё боялись ту й оны Солóмана.
 75. Ай приходит-то й ведь царь к ним Солóман-от,
 Ай приходит к ним он укалёкою,
 Ай Василья-то Окульевича в то время не случиласи.
 Ай кормила-то й ягó да она дóсыти,
 Ай поила-то й ягó да й она й дóпьяна,
 80. Посадила й ягó да й в оковán ларець.
 Ай приходит прекрасный Василей да й Окульевич,
 Испро́говорит царица Соломания:
 — «Ай кого-то мы по трé году боялиси,
 А що той сидит под бабьей под . . . . .»
 85. Ай наладили яны́ да всё й ведь петелки.
 Повели то всё й оны Солóмана во петелку.
 Испро́говорит всё й царь да ведь Солóман той.,

¹ По замечанию одной из слушавших старушек, сказительница пропустила здесь часть былин.

- Как ступил-то он на перву петелку:
— «Дайте волюшку сыграть да во тўрей рог, —
90. Я охвоч был всё й смóлода коров пасти!»
Дали волюшку сыграть во тўрей рог, —
А що птиценьки к нему да всё слеталиси,
А що звёрушки да к им да всё й сбегалиси,
На губы-то всё й вода с песком смутиласе,
95. На Онегушки волна да всё сходиласи,
Лесы к зёмли тут тогда приклонилиси,
С горы камешки в то времи покатилиси.
— «Это сбераются глядеть-смотреть моёй смерётушки!»
Как вступил-то ён на ступененьку:
100. — «Дайте волюшку сыграть да мни во тўрей рог, —
Я охвоч был да всё смóлода коров пасти!»
Дали волюшку сыграть ему й во тўрей рог, —
Как и звёрушки-та й тут да всё й сбегаются,
А що птиченьки-та й тут да к ним слетаются,
105. Во губах-то всё вода с песком смутиласи,
На Онеги-то й волна-то всё й сходиласи,
А що лесушки к земли да й преклонилиси,
А що камешки-то й с гор-то всё й скатилиси.
— «Собираются глядеть моей смерётушки!»
110. Как ступил-то он на третью ступененьку:
— «Дайте волюшку сыграть да всё й во тўрей рог, —
Я охвоч был смóлода коров пасти!»
Дали волюшку сыграть-то всё й во тўрей рог.
Как наехали силушка всё й сильняя,
115. Сила сильняя наехала, могущая,
Ай наладили оны всё й три петелки:
Перву петелку й Ванюшке вору Повáряну,
Другу петелку прекрасивому Василию Окульевичу,
Третью пётелку царице Соломáнии.
120. — «В первой винушке, царица, все й ведь бог простит,
Как кормила й то ёна меня ведь дóсыти;
В другой винушке все й ведь бог простит,
Как поила-то ёна меня да й дóпяна;
В третьей винушке-то я ведь не прошу́,
125. Как клалá-то меня в оковán ларец,
Как приходил Василей Окульевич,
А ему-то похвастала:
— «Ай кого мы три годú боялиси,
Ащо тот сидит под бабьею под . . . . .»
130. Тут ее и повесил.
(Вот ведь говорят: «На царе сижу — с царем говорю», а было ли
это в старинке или нет, не знаю!)

XXXII

ФИЛИППОВА Пелагея, 73 лет, из дер. Комлево на Онежском озере.
Былины от Филипповой записаны Е. В. Ржановской.
О вариантах старин «Братья-разбойники и сестра», «Казань-город».

песен «Платов» и «Смерть Александра I», спетых П. Филипповой, см. в примечаниях.

№ 119. СТАРИНКА ПРО ВЛАДИМИРА КРАСНО-СОЛНЫШКО

- Во стольнем во гради было Киеви
 У ласкового князя у Владимира,
 Забраў ён себе да почёсной пер.
 Все на перу тут напивались,
 5. Все на перу да наедались,
 Тут ёны все да порасхвастались,
 Той-то тым, иной-то иным.
 Князи похвастались золотом,
 Бояры похвастались серебром,
 10. Умной похвастаў отцом-матерью,
 Безумной похвастаў молодой женой.
 Со ўнышко Владимир стольно-киевской
 По перу, по піру похаживаў,
 Ножку об ножку поколачиваў:
 15. — «Все у нас по городу пожонены,
 Красны дёвицы взáмуж выданы,
 Един я у вас нынча холост хожу,
 Холост хожу, холостым слыву.
 Не знаете ли мне-ка супротивницы,
 20. Супротивницы супротивку меня?
 Чтобы очи были ясна сокола,
 Ай бровы были чорна соболя,
 Ягодицы — будто маковицы,
 Походочка была бы да павлиная,
 25. А и ричь-поговор да лебединая.
 Только бы мне да супротивница,
 Супротивница ды супротив меня!»
 Гх-эй и все да на перу тут призамоўкнули,
 Да и все тут на перу да приужахнулиси.
 30. За стола, с-за стола дубового
 Называется братец крестовой.
 — «Ай же соўнышко Владимир стольне-киевской,
 Как женили меня, молодца, неволею,
 Дородного женили не охотою.
 35. Не в любовь я браў, как молоду жону,
 Было платицов много — человек худой.
 Платицо лежит да на грядочки,
 А нелюба жона на моей руки.
 На руки ёна лежит, во глаза глядит,
 40. Во глаза глядит ды целовать велит.
 От того я, молодец, во гульбу пошоў
 Из орды в орду ды из Литвы в Литву.
 Был я, молодец, у короля в Литвы,
 Жиў я, молодец, да верой-правдою,
 45. Дариў меня король да честно жаловаў,
 Как у евтого у короля литовского,
 У его как есть там да дви дочери.

- Одна есть Настасья-королевишна,
Она эка полэница есь уда́лая.
50. Она ехат и палит да на добрых конях, —
От Киева проеде до Чернигова
Промежу́ обедней, меж заутреней,
Промежу́ христовыми молебнами.
А другая — Окулина-королевишна
55. Ена́ экая девица прекрасивая.
Очи у ей — да ясна сокола.
Бровы у ей — да черна соболя
Ягодицы — будто ма́ковицы,
Походочка у ей — павлиная.
60. Ричь-поговор — да лебединая.
Вот-то теби да супротивница.
Супротивница ды супротив тебя!»
Тут садилися ёны да на добрых коней,
Поежжали ёны да во Литву-землю,
65. Во Литовскую зёмлю, во Польскую.
Приежжяли ёны да во Литву-землю,
Во Литовскую, во зёмлю Польскую,
Нанимались ёны да тут во конюхов.
— «Гх-эй и ай же ты, король да что ль Литовскойей,
70. Ты возьми-тко нас к себе во конюхов,
Во конюхи возьми да нас коней пасти!»
Тут сманили ёны да Око́лину-королевишну,
Садилися ёны да на добрых коней,
Уежжяли как ёны да в свою сторону.
75. Как напали поганые татаровья,
Отнимали Окулину-королевишну.
Соўнышко Владимир стольно-киевской,
Ён хватат, как о́сищо тележное,
Прибиу́ поганых всех татаровьев.
80. Ён уехау́ во свою-то во сторонушку,
Ён увез туды да Окулину-королевишну.

**№ 120. СТАРИНКА ПРО ДОБРЫНЮШКУ
(ДОБРЫНЯ и АЛЕША ПОПОВИЧ)**

- Поежжая Добрыня во чисто поле
На поёзди мо́лодой жоны наказыват:
— «Уж ты, мо́лода Настасья дочь Микулична,
Положу я теби мужнюю заповедь,
5. Положу я на времечко на шесть годов.
Как минуется-то времечки шесть годов,
Ни видать буде Добрынюшки с чиста́ поля, —
Ты вдовой хошь живи, да хошь заму́ж поди.
Уж ты за́ князя поди да за бо́ярина,
10. Ты за смелого Алешу, смотри, не ходи,
Да за моего братца за крестового,
За смелого Алешиньку Поповича!»
Ай и ви́дли Добрынюшку сядучи,
Ай не ви́дли до́бра мо́лодца уедучи,

15. Только видли в чистом по́ли кúрево.
Гх-эй денечик за днем как трава ростё,
Неделя по недели как цветы цвели, —
Миновалось того времечки видь шесть годов,
Ни видать буде Добрыни со чиста поля.
20. Смелой стал Алешинька похаживати,
Стал ён мблodu Настасью подговаривати:
— «Уж ты, мблoda Настасья дочь Микулична,
Ты видь прбжила мужнюю заповедь!
— «Уж хошь прбжила я мужнюю заповедь,
25. Уж как пбложу я женьскую заповедь,
Положу я на дрúго на шéсть гóдов.
Как минуется того времечки двенадцать лет,
Не видать будя Добрыни со чиста поля, —
Я вдовой хошь живи, да хошь замúж поди,
30. Уж я за князя пойду да за боярина,
За тебя, смотри, Алешинька, я нé пойду, —
За него, за братца за крестового,
За смелого Алешиньку Поповича!»
Дёнечок за днем, как трава росла,
35. Неделя по недели, как цветы цвели,
Миновало того времечки двенадцать лет, —
Не видать буде Добрыни со чиста поля.
Смелой стал Алешинька похаживати,
Стал ён мблodu Настасью подговаривати,
40. Тут и мблoda Настасьюшка понáкнуласи,
Понáкнуласи ёна, взамúж пошла.
Перовали как ёны, когда почёсной пер,
Наехал тут Добрыня со чиста поля,
Ён не спрашивал да у дверей придвёрничков,
45. У ворот-то видь ён да приворотничков,
Как ён крест-то нес по-писаному,
А поклон как ён вел да по-ученому,
Уж ён маменьки кланяўса в особину.
— «Уж ты здравствуй-ко, родитель моя маменька.
50. Гх-эй чесна вдова Офимья Александровна!
Я наехаў нунь, Добрыня, со чиста поля.»
— «Отойди-тко ты, холопинка незнаема,
Ты чего же надо мной да насмехаешься,
Над сиротским долишком надрыгаешься!
55. Закатилоси мое как красно соўнышко,
Закатилоси ёно́ тому двенадцать лет,
Закатается теперичу светёу мисяц!»
Ён скочит как на печьку на мура́влену,
Брал свои ён гусёлышка черка́скии,
60. Заиграит ён во гусёлышки черка́скии.
Тут расплакалась родитель его маменька.
— «Уж ты здрасуй же, рожоно мое дитетко,
Уж ты зрасуй-ко, Добрынюшка Микитинец!»
Поежжая как Добрыня на почестной пер,
65. Ён ни спрашивау там у дверей придвёрничка,
У ворот-то ён приворотничков.

- Как крест-то ён нес по-писа́ному,
А поклон ён ве́ да по-ученому.
Настасьюшки кланя́йся в особину.
70. — «Уж ты здравствуй-ко, Настасья дочь Микулична!»
Приотпѣтится холопинка ко липинки,
Заиграет как во гусѣльшки черка́скии,
Тут ставала как Настасья дочь Микулична,
Ена́ с-за́ стола ставала со дубового,
75. Наливала цельну чару зеленá вина,
Подносила холопинки незнаемой:
— «Уж ты выпей-ко, холопинка незнаема,
От меня да выпей чару зеленá вина!»
Гх-эй уж как бра́у тут холопинка графин с вином
80. Наливае чару зеленá вина,
Кладывáет в ёту чару золочен перьстѣн
Которым же перьстнѣм да обручались,
Ён подносит Настасьи Микуличной:
— «Ты бери-тко ты, Настасья дочь Микулична,
85. Ты бери-тко ёту чару единой́ рукой,
Выпивай-ко ёту чару единым́ духом,
Будешь пить до дна, — увидáшь добра,
А не пьешь до дна, — не видашь добра!»
Ена́ бра́ла эту чару единой́ рукой,
90. Выпивала ёту чару единым́ духом,
Увидла ль в той чары золочен перьстѣнь,
Гх-эй которым перьснѣм да обручались.
— «Гх-эй не тот мой муж, что за столом сидит.
А и тот мой муж, что у стола стоит.
95. Вот как наш брат, да молоды́ жоньы:
Муж в лес по дрова, жона замуж пошла!»
— «Не дивую я женьскому разуму,
Я дивую, я, братцу что ль крестовому:
У жива мужа да ён жону укра́!»
100. Тут смелому Алеши ён и смерть прида́у,
Только Алешенька и жив быва́у!
Всякой на сем свету женится,
Да ни всякому женитьба удавается!

№ 121. БЫВАЛЬЩИНА
(ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН)

- Когда выпала звезда подвосточная,
Потухла зоря рано-утренняя,
Рассѣлиўса у нас когда Грозный царь,
Грозной царь Иван Васильевич.
5. Собра́у ён себи да почѣстной пер.
Вси да на перу напивались,
Вси да на перу наедались,
Тут ли ёны да поросхвастались
Тот ли тым, иной ли другим,
10. Князи похвастались золотом

- Бояры похвастались сѣребром,
 Умной похвастаѹ отцом-матерью,
 Безумной похвастаѹ молодой жоной.
 — «Нунь-ко я сам, царь, похвастаюсь.
15. Какую я вам удаль объявлю.
 Вывеѹ я изменушку из Топского,
 Вывеѹ я изменушку из Лопского,
 Вывеѹ я измену из Перфильского!»
 Гх-эй младый-то как Федор Иванович,
20. Ён сказаѹ как родителю напротиво:
 — «Хоть ты вывеѹ измену из Топского
 Хоть ты вывеѹ измену из Лопского,
 Хоть ты вывеѹ измену из Перфильского
 Ты не вывеѹ измены из Новá-городá!»
25. Гх-эй и ето как стало царю напротиво.
 — «Эки ребятишки поваренные,
 Вы срубите-тко царевичу голову!»
 Большой туляется за середнего,
 Средний туляется за мѣньшого,
30. От мѣньшого того — ответу нет.
 Назваѹса Малюточка Шкурлатов сын:
 — «Я срублю ли царевичу голову!»
 Гх-эй и браѹ его за рученьки белые,
 За его ли за перстни золоченые.
35. Вывеѹ как его да во чисто полѣ,
 Как на эвто на болотишко на житное.
 Как проведала родитель его маменька,
 Младая да Фекла Романовна.
 Она поскоро бежала во божью церквѹ, —
40. Она в одной сорочки бежи без пояса,
 Она в одных чулочках бежи без башмаков, —
 Ко своему ко братцу ко родимому,
 Ко младому Павлу Романовичу,
 Во эвтую она да во божью церквѹ.
45. — «Гх-эй и ай же ты, сестрица родимая,
 Что жо поскоро бежишь ты во божью церквѹ..
 Бежишь в одной сорочки без пояса,
 Бежишь в одных чулочках без башмаков?»
 — «Гх-эй, а ай же ты, братец родименькой,
50. Видно над собой незгоды не ведаешь:
 Когда выпала звезда да подвосточная,
 Потухла заря да рано утренняя,
 Расселиѹса у нас когды Грозной царь,
 Грозной царь Иван Васильевич,
55. Гх-эй собраѹ ён себи когды почестной пер,
 Все на перу да напивалиси,
 Все на перу да наедилиси.
 Тут как оны да порасхасталиси:
 Той-то тым, инной-то инным.
60. Князи похвастались золотом,
 Бояры похвастались сѣребром,
 Умной похвастаѹ отцом-матерью,

- Безумной похвастаў молодой жоной,
Грозной царь да тут похвастаўса:
65. «Какую я вам удаль объявлю:
Вывеў я изменушку из Топского,
Вывеў я изменушку из Лопского,
Вывеў я измену из Перфильского.»
Гх эй и младой как Федор Иванович,
70. Ён сказаў ли родителю напрóтивно:
«Хоть ты вывеў измену из Топского,
Хоть ты вывеў измену из Лопского,
Хоть ты вывеў измену из Перфильского,
Ты не вывеў нунь измены с Новá-города.»
75. Гх-эй и то стало царю напрóтивно.
«Да и эх, экие ребяташки поварённые.
Вы срубите царевичу голову.»
Большей туляется за среднего,
Средней туляется за меньшого,
80. А от меньшого ответу не было.
Назваўса Малюточка Шкурлатов сын:
«Я срублю ли царевичу голову.»
Браў его за рученьки за белинькие.
За его ли за перстни за злаченые
85. Увеў ли его как во чисто полé
На эвто на болотицо на житноё!»
Млáды как Павлы и Романовичи
Ён свечу оставиў не потушены
Книги ён оставиў не дочитанныи,
90. Поскóро бежа ў ён во чисто полé
На эвто на болотицо на житноё.
Хватает как Малютку за жоўты кудры,
Бросает как Малютку во сырú землю, —
Ой и только Малютка и жив бываў.
95. Браў ён Федора Ивановича,
Браў ёго за рученьки за беленькие,
За ёго за перстни за золоченые,
Ён увез как ёго ды во божью церькву.
Гх-эй схватиўся как царь Иван Васильевич,
100. Ён схватиўся за млáдого за детища,
За эвтого Федора Ивановича,
Уж ён рваў как свои русы волосы,
Со головушки как жоўты кудерышки,
Пошсў как искать да во чисто полé,
105. На эвто болотицо ни житное, —
Не нашоў тут ён Федора Ивановича.
*(Измена — это табачицо проклятое. Не вывез бы
его с Нова-города, не было бы его на свете!)*

XXXIII

ОЛЬХИНА Федосья Ивановна (рожд. Корнилова из Курьяниц),
70 лет. Племянница Семена Корнильевича Корнилова, от которого за-

писывал Гильфердинг. По ее словам, дядюшка ее был «речистый», памятливым, грамотный, знал много. Когда сын Александра II, Николай Александрович, «был проездом в Кйжах и списывал былины, то на Кйжский наволок были тогда свезены Трофим Григорьевич Рябинин, Василий Петрович Шевелев (Щеголенок) и дядюшка наш Семен Корнилович Корнилов. Я была тогда маленькой, лет десяти.» Федосья Ивановна живет с мужем Иваном Ивановичем Ольхиным. Детей у них никогда не было. Хозяйство вели исправно. В их доме, в другой половине, живет их племянник, женатый на дочери Антона Борисовича Сурикова из Конды. Федосья Ивановна спела два отрывка былин, перенятые ею от дядн. (См. Гильфердинг, №№ 113 и 117).

№ 122. (ВОЛЬГА И МИКУЛА)

- Ора́тай о́рёт да по́свистываёт,
 У ора́това сошка по́скрыпливаёт,
 У ора́това сошка — красна дерева,
 Омешики серебрянны,
 5. А присо́шек позоло́ченный.
 У ора́това сапо́жки на ножках — зелён сафьян,
 Под пята́-пята́ воробей пролетит,
 Около носу яйцо прокатить. . .

№ 123. ХУДАЯ ЖЕНА

- Не у голого женился — у богатого,
 Приданого много — человек худой.
 Худая жонушка на руцке лежит,
 Цветное портишечко на грядочке висит.
 5. Пошол добрый мо́лодец от жены да неудачливой.
 Из земли в землю да из орды в орду,
 Из орды в орду да к королю в Литву,
 К Эмануйлу Эмануйловичу.

XXXIV

РАЗБИВНАЯ Ксения Васильевна, дочь известного сказителя Василия Петровича Щеголенка. Вдова. Одинокая. Сама ведет хозяйство. Живет в избушке на краю дер. Мальково. Знает причети и нередко исполняет роль плакуши-подголосницы. Бодрая, живая старуха. Кроме исполненных нам былин, исторических песен и духовных стихов, Ксения Васильевна знала раньше от отца Илью Муромца и Соловья, Добрыню (сюжет Ставра) и «про птиц»; теперь их настолько забыла, что, несмотря на просьбу, не решилась их петь.

О вариантах песен «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», «Платов» и отрывка из песни о смерти Александра I, спетых К. В. Разбивной, см. в примечаниях.

№ 124. СТАРИНА ¹
(СТАВЕР ГОДИНОВИЧ)

- Во стольнѣм ² во гóроди во Киеви,
У ласкового князя у Владимира,
Был собран-созван-от почестен пир
Были собраны вси князи-бóяра.
5. Солнышко да было на вечери,
А почестен пир был на вѣсели.
Оны вси на перу да пьяны-веселы.
Оны вси на перу да напивалиси,
И оны вси на перу да наедалиси,
10. Оны вси на перу да порасхвасталиси.
А що инной-то хвастал отцом-матерью,
А безумной-то хвастал молодой женой.
Молодá жена — Настасья Микулична.

№ 125. (ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1825 г.)

- Турка с русским да й кумился,
Хочет турка воевать.
Ладит турка воевать,
Он не мог Россееи взять. (2)
5. Не в показанное время
Царя требуют в Синóт. (2)
Ну царь не долго снаряжался,
На нанятых он уежжал,
Никому он не поведал,
10. Только брату весть он дал. (2)
— «Приежжай да поскорей,
Попроведай обо мни!» (2)
Ко синóту-то брат подѣхал,
Сенатóрам цесть воздал. (2)
15. — «Уж вы здравствуйте, ребята,
Сенатóры-сторожá,
Сенатóры-молодцы!
Не видали ль вы, ребята,
Не прошол ли белой царь?»
20. Все друг на друга зглянули, —
Говорят, что нет его. (2)
Один чѣрненькой солдатик
По полатушки идѣт.
По полатушке прошол (2)
25. Да черным глазиком провѣл.
Черным глазичком то ли провѣл. —
Говорит, что царь прошол.
*(Только что бы класть на плаху казнить, так брат и спас его;
если бы маленько запоздал, так не спасти!)*

¹ Этот отрывок К. В. Разбивная также назвала: «Про солнышко».

² Второй раз пропела в фонограф: «Ну во славном в городе во Киеви».

№ 126. (ТУРЕЦКАЯ ВОИНА)

- Ездил, ездил русьский царь,
 Православный государь.
 По Москвы царь белый разъеждал,
 Сам с князьями рассуждал:
5. — «Уж вы, князи-генералы,
 Посоветуйтя со мной, (2)
 Пишет, пишет к нам солтан турецкой —
 Хочет землю от нас отобрать. (2)
 Да хочет с голоду-то нас уморить.
10. Мы рогатую то ли скотину начистó перевели.
 Мы погану, погану лошадину мы варили и пекли!»

XXXV

ЕЛИСЕЕВА Ирина Васильевна, дочь В. П. Шеголенка, 75 лет. Вдова. Имеет двоих внуков. «Один в Питере пьянствует, ничего не помогает», другой живет с бабушкой, воспитывает племянницу 13 лет. Старушка почти совершенно глуха. Уверяет, что В. П. Шеголенок дома былин почти не пел, а все больше на стороне. Ирина Васильевна спела одну былинку, которая представляет собой смесь из трех былин: Добрыни, Ивана Грозного и сына и Ставра Гоудиновича.

№ 127. СТАРИНА

- Как во славном было городе во Киеве
 У славного князя у Владимира
 Был созван-собран почестен пир,
 Были созваны вси кнѣзи-бóяре,
5. Вси русские могучие богáтыри,
 Вси полѣницы удáлыи.
 Вси на перу наедалиси,
 Вси на перу напивалиси.
 Честен пир идет на вечери,
10. А вси на перу пѣяны-вѣселы,
 И вси на перу порасхвастались.
 Умный похвастал отцѣм-матерью,
 А ѣнный похвастал золотой казной,
 А ѣнный похвастал молодой женой.
15. Там сидит Потанюшка Скурлатов сын,
 За тым за столом за дубовым,
 За тым за местом за бóльшим.
 Спрогóворил он да таково слово:
 — «Я повыведу измену с каменнóй Москвы,
20. Я повыпушу туман да во синѣ морѣ!»
 Там сидит-то Добрынюшка Микитиць сын.
 — «Тибѣ не вывести измены с каменнóй Москвы,
 А не выпустить тумана со синя моря!»

- За эту за речь за неумильную
25. Выводил Потанюшка Скурлатов сын
Из-за того из-за стола из-за дубового.
Повели тут Потанюшку Скурлатова
На тоё на болото на Куликово.
О самую о христосьскую заутреню
30. Ударили в самый большой колокол,
Снесли Потанюшке голову и с плечь.
Приеждал тут солнышко Владимир-князь киевский
На тоё на болото на Куликово.
Распроговорит он да таковó словó:
35. — «Простил бы я — да полно нёкого,
Взял бы с собой — да нёгде взеть!»
Там проведала молодая Настасья Микулишна,
Поехала она проведывать,
Волоса ли она подстригла по-мужьскому,
40. Що одёжу одела по-богатырьскому,
И всю приправу брала военную.
Села на добра коня, поехала.
Приеждала на почестен пир,
Крест кладет по-писаному,
45. Поклон ведет по-ученому,
На две, на три сторонки пораскланялась,
Владимиру-князю в особицу.
Распроговорит да таковó словó:
— «Не наделай-ко ты смеху по белу свету —
50. Не выдай-ко девушку за женьщину!»
А он выдал.
*(Когда провела, так и отдал за бабу. Легли спать, а она
женщина.)*

XXXVI

ТИХОНОВА Анна Тимофеевна (или Тихонкова), 56 лет. Родом из Вертилова. Научилась старинам и стихам от старушки-соседки в Вертилове и от своей бабушки. Служила нянькой у Сенногубского священника — Василия Ржановского, у старших детей. Там встречала В. П. Щеголенка. Изба Тихоновой стоит как раз напротив того места, на котором в свое время стоял маленький дом Щеголенка. Дом его давно уже исчез. Хозяйство у Анны Тимофеевны небольшое. Изба черная. Живет с мужем и 26-летней дочерью.

О вариантах песен «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра», спетых А. Т. Тихоновой, см. в примечаниях.

**№ 128. СОЛОМАН-ЦАРЬ
(ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)**

Соберáласи на пер да сорóк царёв.
Ай сорóк царёв, да сóрок кóролëв.
Оны вси на перу да напивалиси,
Оны вси на перу да наедалиси,

5. Оны вси на перу да порасхвасталиси.
 Еще умной-то хвастал золотой казной,
 А разумной хвастал отцом-матерью,
 А безумной хвастал молодой жоной.
 Пovýскоцил прекрасный царь Василий Окульевич:
10. — «Ай же вси цари-бóяре,
 Знаете ли мне да супротивницку,
 Чтобы ростом она была да высокёшенька,
 Чтобы стáнечком она была складнёшенька,
 Брови бы были как чёрна соболя,
15. Глаза ясны бы были, как у сокола.»
 Ай пovýскочил Ивашка вор Повáрянён;
 — «Уж я знаю да супротивницку,
 Она ростом ведь есть высокёшенька,
 Она станечком ведь есть всё складнёшенька,
20. Брови черные у ней кáк у соболя,
 Глаза ясные у ей как да у сокола,
 И за славным за синим за морюшком
 У того царя да у Солóмана
 Есть царица Соломáния!»
25. Он ударил Ивашка по правóй шшоки́,
 Переправил Ивашка по другой сторонý:
 — «Уж ты как жо увезешь молодú жону,
 Молодú жону да от живá мужá?»
 И на то тут Ивашкя всё не сёрдился,
30. Уж он бьет царю цёлóм да поклоняется:
 — «И ты поладь всё корáблицек небóльшенск,
 Ты наладь-ко тонки белыи и пáруса,
 Ты клади туды столицьки дубовыи,
 Кушанья клади туды сахáрнии,
35. И питьица наладь-ко забудúщи,
 И ты наладь ту кроватоцьку тесовую,
 Ай перинушку клади туды пухóвую,
 А подушецьки клади туды перовыи,
 И столбицьки наладь-ко ты тоцёныи,
40. Грядоцьки наладь да золоцёныи,
 Ты клади-тко туды птиценьку райскую,
 Чтобы пели песенки царьскии,
 Ай царю с царицей ты подароцек, —
 Ай царю кунью шубку да соболиную,
45. Ай царице камóцику крущáтую!»
 Всё ведь справил царь, всё да тут наладил,
 Ванюшу за синё морé отправил.
 Приежжает Ивашкя за синё морё,
 Ай приходит к царице Соломáнии.
50. Ай царя всё дома не случилось,
 Ай дарил царю кунью шубку да соболиную,
 Ай царице камóцику крущáтую,
 Ай подарочки царици всё ведь в цесть пришли.
 — «Ай же ты, царица Соломáния,
55. Можно мне-ка-ва здесь потóрговать?»
 — «Ты торгуй, Ивашкя, хоть год порý,

- Ты торгуй, Ивашка, хоть по два годú,
Ты торгуй, Ивашка, у нас хоть по три годú, —
Ай с тебя нам пошлины не надомно.»
60. — «И сходи-тко, царица Соломáния,
На мой-то на корáбличек небóльшенек,
Посмотри-тко товару да нá садах,
И будем мы вмисти потóрговать!»
А скорёшенько царица одеваласи,
65. Чоботы обула на босы ногí,
Кунью шубку одела на онно плещё,
Приходила на корáблицёк небóльшенёк,
Ай садилась за стóлицёк дубовенькой,
Она кушанья ведь принаеласи,
70. Она питьиця ведь да принапиласи,
На тесовую кроватку привалиласи,
Она слушала птиценьки рáйскоёй,
Как поют-то они песенки царьскии.
И скорёшенько расправил Ивашка тóнки пáруса,
75. И отправился Ивашка за синё морё.
Пробудилася царица Соломáния:
— «Ты куды повез, Ивашка, молодú жону,
Молодú жону да от живá мужá?»
Начала ту царица слёзно плакати:
80. — «Я от берега, горюша, отшатиласи,
К другому-то я и ведь не пришатиласи;
Коли баба была бы я, баба умная,
Уж я нé шла бы на нáсады церлэныи,
Я не пíла бы пítъёв забудúщих!»
85. — «Ты не плачь, не плачь, царица Соломáния,
Уж мы съездим с тобой да за синё морё,
Уж я выдам тибя да там за дрúгого,
За прекрасного царя Василья Окульева!»
Прижжали оны да за синё морё,
90. Выходил-то прекрасный царь Василий Окульевич,
Уж он брал ю за белыи руценьки,
Ай за ей перстни да за злаченыи;
Они в божью церковь ведь схóдили,
Ай золотые веньци оны да вси прíняли,
95. Оны жили ведь были с ей по три годú,
Ай боялись Солóмана ведь на кажней день.
(Нелóвка приходится дальше петь. Дальше не поют.)

Царь Солóман пришел нищей кáликой волокидной. Она его узнала и говорит: «Садись царь Солóман, в оковán ларец, а то придет прекрасный царь Василий Окульевич и снесет тебе буйную голову» — и посадила его в оковán ларец. Приходит прекрасный царь Василий Окульевич, и говорит царица Соломáния: «Кого мы три годú бóялись, тот сидит под бабьей . . . . Ты иди-тко, прекрасный царь Василий Окульевич, во чистó полé, ты веди-тко царя Солóмана в чистó полé. Ты наладь-ко три петельки шелковых: перьву петельку пройдет хитростью, другу петельку пройде мудростью, а в третью петельку подавится.» И скорёшенько пошел царь во чистó полé и наладил три петельки шелкóвых.

- Перву петельку он про́шол хитро́стью,
 Дрúгу петельку он про́шол мудро́стью,
 И говорит тут царь Солóман:
100. — «Ай же ты, прекрасный царь Иван Окульевич,
 Уж ты дай-ко мне вольную волюшку.
 Я ходил со малого ребячества,
 По пастушкáм ходил, по работничкам,
 Я охвотник был трубетъ в турей рог!»
105. Затрубил как он во турей рог,
 Со всего лесу лист посыпался,
 Во реках вода да приусохнула,
 В озерах да приудрогнула,
 Ай по морям пошел да шум велик.
110. — «Это что же по морям да шум велик?»
 — «А що едут кони да люди крылатые,
 Ай летят смотреть на царскую смеретушку!»
 Налетели кони и люди крылатые.
 В первую петельку повесили Ивашку да Поваряна,
115. А в дрúгу петельку повесили прекрасного царя
Василья Окульева.
- И говорил он царице Соломáнии:
 — «В первой винушке тебя да бог простит,
 Что ты пошла да на сады церлѣныи,
 В другой винушке тебя бог простит,
120. Что ты пѣла пѣтья забудúщи,
 А в третьей вины не могу простить,
 Что велела ты наладить три петельки шелкóвыхих!»
 И повесил ее Солóман.

XXXVII

ЮХОВА Агафья Кузьминична, свыше 60 лет. Невестка Юховой, от которой Ф. М. Истомин записал три былины (см. Тихонравов и Миллер, «Былины старой и новой записи» №№ 33, 47, 99). Веселая, добрая старушка. Муж ее глухой. Замуж ее выдали насильно, и она мужа, по ее признанию, очень не любила, но потом свыклась. У них больная дочь 27 лет — горбунья — и еще крестница, принятая в дом с мужем и девочкой. Крестница держит весь дом в руках. По словам соседей, бабушка ее побаивается. По объяснениям соседок, бабушка поэтому и не хотела сначала петь. В разговоре Юхова заметила, что старину о Добрыне и стих об Алексее ее свекровь знала хорошо. Былину о Чуриле и Катерине сама Агафья Кузьминична припомнила с трудом. Когда проговала рассказать, то все время сбивалась; когда немного вспомнила напев и стала петь, пошло лучше.

№ 129. (ЧУРИЛА И КАТЕРИНА)

Ездил мой братец во чистóм полѣ,
 Во чистóм полѣ да на добрóm конѣ.
 Со Шурилушкой конями сменялесе.

- Как гулял Гермас сударь Васильевич,
 5. Да уехал Шурилушко Шоплѣнкович,
 А уехал Шурилушко к Катеринушке...
(Вот тут-то я что-то забыла)
 Кто-то за воротамы колотится, —
 Колотится Шурилушко Шоплѣнкович,
 Шурилушка Шоплѣнкович да шеголѣнкович.
10. Выходила Катерина Николаѣвна
 В одной тоненькой сорочечке без пояса,
 В одних тоненьких чулочиках без чобота,
 Отворяла ворота она широко,
 Запускала Шурилушку Шоплѣнковича,
15. А добра коня да во конюшеньку клала.
 А Шурилушку взяла, в нову спаленку клала.
 — «Раздевайся-ко, Шурилушко Шоплѣнкович!»
 Она шапочку сняла да тут на стопочку клала,
 Рукавички сняла да на полочку клала.
20. Ай тулупчик сняла да на гвоздик клала,
 А Шурилушку взяла да в нову горницу ввела,
 Приежжает тут Гермас сударь Васильевич.
 А що кто-то за воротамы колотится.
 Говорила Катерина Николаѣвна:
25. — «Ты сходи-тко нуньку, девушка чернявишна!»
 — «Ты едешь, Ермас сударь Васильевич,
 Над собой да ты невзгодушки не ведаешь!
 А що есть у тебя нунь немилый гость,
 Немилый гость да нелюбимый гость, —
30. Есть у тебя ещё Шурилушко,
 Шурилушко да ён Шоплѣнкович,
 Шоплѣнкович да шеголѣнкович!
 Ты взойди-ко, Ермас сударь Васильевич,
 Ты зайди-тко нунь во конюшенку,
35. Во конюшеньку, в стойло всё лошадушки,
 А зайди-ко ты, Ермас сударь Васильевич,
 Уж ты взглянь-ко там на гвоздичек.
 Уж ты взглянешь там, — тулупчик найдешь,
 Уж ты взглянешь там на полочку, —
40. Там шапочку найдешь;
 В нову спаленку войдешь, —
 Да ты Шурилушку найдешь!»
 — «Ай же ты, девушка чернявишна,
 Если ты, девушка, правду говоришь, —
45. Я тебе, девушка, сарафан куплю,
 Если ты, девушка, неправду говоришь, —
 Я тебе, девка, буйну голову снесу!»
 — «Ай же ты, Ермас сударь Васильевич,
 Ты взойди да в нову спаленку!»
50. Он берет в руки саблю ведь вострую, —
 Шурилушки головка покатиласи,
 Катеринушки головка не осталаси.
(Тут он и снес жене голову, а эту девушку замуж взял)

XXXVIII

СУРИКОВ Антон Борисович, крестьянин дер. Конды, 67 лет. Крепкий, рослый, несколько сутуловатый мужчина. Трудолюбивый, предпримчивый, умный. Мастер на все руки. Гордится разнообразием своих способностей и практичностью. Занимается земледелием и рыболовством. Умеет складывать печи. Сам вместе с детьми построил избу. Знает сапожное мастерство. Обладает довольно большим самомнением. Любит почет и уважение. Неграмотен, но выделяется своими большими познаниями, особенно в области истории. Много усвоил от своих детей и внуков, учившихся в школе. К былинам и историческим песням относится с огромным уважением. Глубоко верит в правду, реальность излагаемых в них сюжетов. Любит размышлять о содержании былин и песен, пытаюсь примирить встречающиеся противоречия. Проверяет данные былин свидетельствами исторических и географических учебников. Большинство былин и песен усвоил от своей матери Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал былины А. Ф. Гильфердинг. Былину «Королевичи из Крякова», по словам Антона Борисовича, он слышал от Ивана Трофимовича Рябинина, когда тот приезжал с зерном на мельницу. Вариант Сурикова сохраняет особенности рябининского извода. Односельчанин Сурикова, Николай Филиппович Дутиков, от которого записи производились как Рыбниковым, так и Гильфердингом, переложил редакцию былины. Горячо любя былины и стихи, Антон Борисович с азартом усваивает тексты, ему ранее неизвестные, или подвергает их своей ревнивой критике. Художественное самолюбие его очень обострено. Не обладая музыкальным слухом, часто сбиваясь с темпа и ритма, Антон Борисович, например, нас долгое время не пускал к своему брату, Егору Борисовичу, превосходящему его, как оказалось, и памятью, и художественным тактом, и музыкальностью, и вокальными данными. Антон Борисович, контрастно к своей крупной внешности, наделен от природы чрезвычайно слабым, тонким, дребезжащим голосом. Богатством и разнообразием мотива его былины не отличаются: он их сказывает почти все на один манер, речитативно, со сбитым ритмом.

№ 130. СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

(ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

Как во городе-то было тут во Муроме,
 Как в сели-то было в Карачаеве,
 Как жил-то был крестьянский сын да Илья Муромец.
 Сидел он без рук, без ног да ровно тридцать лет.

5. На тридцатом году пришли к нему два старца старые,
 — «Дай-ка нам, Илья да Муромец,
 Дай-ка нам попить воды студёной!»
 Говорит им Илья Муромец:
 — «Не имею я ни рук, ни ног.»
10. — «Выпей-ка от нас, от старых старцев перехожих, чару!»
 Как выпил Илья чару от них,
 И почувствовал в себе силу великую.

- «Есть у меня силы, да у Ильи Муромца,
Владею я руками-ногами, Илья Муромец,
15. А было бы кольцо в небе и в земли,
Я бы их вместе стянул!»
Потом налили другую чару ему.
Выпил Илья как другую чару,
Спросили у Ильи, у Ильи Муромца.
20. Отвечает Илья да Илья Муромец:
— «Третья часть против старого!»
И скрылись старцы перехожие.
Пошел он к отцу-матери.
Они работали уж семь-то дней, —
25. Он наработал только один-то час.
И говорит-то родным отцу-матери:
— «Я поеду, да приищу себе коня богатырского,
Я поеду да во славный во Кіев-град!»
Заседлал да зауздal коня богатырского
30. И сел, поехал он во Кіев-град.
И видели доброго мѳлодца сядуци,
А не видели поедуци.
А дорога лежит во Киев-град.
А сорок лет из Мурома не ежжано.
35. Стоит-то там три заставы великие,
И первая застава великая —
Сорок разбойников великих,
Вторá застава великая —
Сидит там Сѳловей Рахмáнович,
40. На трех дубах, да на семи суках:
Свищет он да по-змеиному,
Крычит-то он да по-звериному.
А третья застава великая —
Девѳть сынов Соловѳй Разбойника.
45. Как поехал Илья в Муроме к заутрени,
А ко обеденке-то поехал да во Киев-град
Приехал он на заставу великую, —
Напал на сбѳрок он на разбойников,
Прикончил всех до единого.
50. Приехал на вторую заставу великую, —
Сидит Сѳловей Рахмáнович
На трех дубах, да на семи суках.
Засвистал-то он по-змеиному,
Закрычал-то он по-звериному.
55. От того ли от свисту от змеинову,
От того ли от крику от зверинову
Пал конь его добрый на колени.
— «Поганое ты мясо, кого ты боишься?
С свисту ль ты зменного?
60. С крику ль ты звериного?»
Натянул тетивочку шелкѳвую,
Спустил он стрелочку каленую.
Выбил он у Сѳловья око правое,
Привязал его ко стремени.

65. Поехал далече, далёко да во Киев-град.
 Приехал на третью на заставу великую,
 На девять сынов Соловья Рахмановича.
 И смотрят они на Соловья Рахмановича.
 Говорит молодá жена Соловья Рахмановича:
70. — «Что едет Соловёй Рахманович мужика везе!»
 А они говорят:
 — «Мужик-то ёдя, батюшку везет!»
 Хватили они палицу булатную,
 Хватили они копья мурзамецкие,
75. Хватили они сабли вострые, —
 Встречайте гостя драгоценного.
 Размахнулся тут Илья да Илья Муромец,
 Прибил-то всех до единого.
 Поехал он дорогой прямоежжею.
80. Тут приехал он да во Киев-град,
 Привязал коня да среди двора,
 Зашол скорёшенько да на высок терём,
 Кресты-то кладет да по-писаному,
 Поклоны-то кладет да по-ученому.
85. — «Здравствуй ты, солнышко князь стольно-киевской!
 Я есть из города из Мурома,
 Крестьянской сын Илья да Муромец.
 Я сегодня постоял утреню да в Муроме,
 Я сегодня к обедне приехал да во Киев-град.
90. Ехал не окольными дорожками,
 А прямой-то дороженькой, прямоежжией.
 Стоят там три заставы великия,
 Я проехал три заставы великия,
 Прикончил сбóрок тут разбойников,
95. И полонил Соловья Разбойника,
 И убил его деветь сынов!»
 Прибежали тут слуги верные:
 — «Стоит на вашем дворе княжеском,
 Сидит привязан на лошади Соловёй Рахманович,
100. Порычит и по-звериному,
 Посвищит и по-змеиному!»
 — «Я не у вас сегодня завтракал,
 Не у вас буду обедати,
 Не хочу вас и слушати!»
105. Говорит князь стольно-киевской:
 — «Ай же ты, Илья да Илья Муромец,
 А вели закричать по-звериному,
 Да вели засвистать по-змеиному.»
 Сказал тут Илья да Илья Муромец.
110. А тут сказал Илья Муромец
 Соловьёу он Рахмановичу:
 — «Засвести ты по-змеиному,
 Закрычи ты по-звериному!»
 А тот ему на ответ сказал:
115. — «В полголосы, или в четверть голосу?»
 Завопил-то он во полкрику,

Завопил-то он и во весь-то крик, —
 Князь со княгиней без души лежат,
 Все князи да бояры с ума сошли.

120. Уж тут убил Илья Муромец Соловья Рахмановича
 Тут поехал Илья Муромец казаковать с тех пор.

№ 131. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ)

- Реки-озера ко Белу-озеру,
 А что чисты поля к Еросолиму,
 А что матушка Казань под Острокань,
 А что устьем подошла во синё морё,
 5. А во тое во мёрюшко во Черное.
 Справляется-сподобляется,
 Сподобляется царь Кáлина
 А ко стольному ко городу ко Киеву
 А ко ласкову да князю ко Владимиру.
 10. Приказал-то князь стольно-киевской
 Приказал своей силе-то великоюй
 В одно место бросить по камени,
 А що тут-то стало гора-то превеличающа, —
 А що тут-то силы что сметы нет.
 15. Пóдходил царь Кáлина под Киев-град.
 А послал он тут да посланников
 Ко стольному ко городу ко Киеву
 А ко ласковому князю ко Владимиру:
 — «Солнышко ты князь стольно-киевской,
 20. Чтобы улицы были опаханы,
 А що дворы были бы очищены,
 А тыи бы дворы богатырские,
 А тыи полаты княженецкие.
 А що было бы где стоять да князям-боярам!»
 25. Тут Владимир стольно-киевской,
 Заводил он тут почестен пир
 На всех на князёй да на бояров,
 На русьских могучих богатырей,
 На всех полёниц на удалых.
 30. Солнышко князь да стольно-киевской
 Говорит он да таковы слова:
 — «А що было бы где стоять царю Кáлину!»
 А тут вышел старик Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович:
 35. — «А что ты, солнышко князь да стольно-киевской,
 Заложил ты коляску княженецкую,
 Меня-то возьми во запятнички,
 Свези-ка туда дóроги подарочки,
 А упросим времени на три месяца,
 40. Чтобы было где стоять царю Кáлине, —
 Ты очисти дворы богатырские,
 Ты очисти палаты княженецкие,

- Положи ты миску красна золота,
На другую чиста сѣребра,
45. А третью скатного жемчуга!»
Заложили они коляску княженецкую,
Стал Илья на запяточки,
И съездили они во чисто полѣ.
Упросили времени на три месяца,
50. Было бы где стоять царю Калине,
Чтобы было где стоять князьям-боярам,
Чтоб очистить палаты княженецкие,
Чтоб очистить дворы богатырские.
Тут собрались богатыри помалу,
55. Собирались-сподоблялись.
Справляется-сподобляется
Старый казак да Илья Муромец
Ко тому кресту к Леванидову,
На заставу тую великую.
60. Мало-по-малу справляются,
Мало-по-малу сподобляются,
Собралось-то двенадцать богатырей.
Тут Владимир стольно-киевской,
Он по городу побегивает, —
65. А под Киевом-то стоять некому.
Выходит-то младый Ермак Тимофеевич из кабака,
Из-за тых из-за бочек 'за винных,
Владимиру-князю поклоняется:
— «Солнышко ты князь стольно-киевской,
70. Мой же ты крестный батюшко,
Дай коня да богатырского,
Поеду на заставу великую,
Ко тому-то ко дубу Неведу,
Ко тому-то кресту Леванидову!»
75. Спроговорил князь стольно-киевской:
— «Ты, млáдой вьюнош, перѣрвишься,
Тоби-то вси двенадцать лет!»
— «Дашь коня — поеду, не дашь коня — пешой пойду,
Владимиру-князь стольно-киевской!»
80. Пал Ермак на добра коня,
Хватил-то дубину подорожную,
Приехал он далече во чисто полѣ,
Ко тому-то дубу ко Неведу,
Ко тому кресту да Леванидову.
85. Сидят тут двенадцать богатырей,
Сидят у Ильи Муромца в белом шатре,
Играют в шашки-шахматы заморские.
Говорят ему могучие богатыри:
— «Ай же ты, Ермак Тимофеевич.
90. Пovýстой, ты поди во сырой дуб,
Сосчитай-то силу по знаменью.»
Ушол-то млáдый Ермак во сырой дуб,
Поглядел он силу великую.
Скочил Ермак со сыра дуба,

95. Скосчил на коня богатырского
И уехал в силу великую.
Сидели тут русьские богатыри,
Говорит им Илья Муромец:
— «Ай же вы, русьские богатыри,
100. Поди-ка ты, Добрыня Никитец сын, .
Сходи-ка ты во сырой дуб, —
Не упал ли Ермак со сыра дуба?»
Пришел Добрыня Никитинец сын,
Прибегает он во бел шатер:
105. — «Не ясный сокол полетывает,
Там не черный ворон попурхивает,
Поскакивает удалый добрый молодец,
Бьет рать-силу великую
Куда махнет — да там улица,
110. Куда перемахнет — с переулками!»
Спроговорил старый казак Илья Муромец:
— «Ай да вы, русьские богатыри,
Садитесь вы на добрых коней скорешенько.
Поезжайте вы во чисто поле,
115. Поезжайте в силу великую,
Накидывайте храпу железную
На его плечи могучие,
Пословесно его уговаривайте:
Ой же ты, млад Ермак Тимофеевич,
120. Ты сегодня позавтракал,
Ты сегодня пообедал,
Дай хоть нам поужинать!»
Тут поехали двенадцать богатырей,
Брали они храпы железные.
125. Стали они Ермака уговаривать:
— «Ой же ты, Ермак Тимофеевич,
Ты сегодня пообедал,
Дай нам хоть поужинать!»
Тут выехал Ермак Тимофеевич
130. Ко стольному ко городу ко Киеву.
Ко ласкову князю ко Владимиру.
Который заехал от Новгорода,
А иной заехал от Белозера,
А иной заехал от Еросолима.
135. Прибили рать-силу великую.
Тут они все порасхвастались:
— «Была бы лестница на небо,
Перебили бы всю силу небесную!»
Убьют татарина — станет два да три.
140. Перебили друг друга вси до едина на побоище великое.
Поехал Илья Муромец один с побоища.
В чистом поле стоит гроб открыт.
Он скосчил с коня богатырского,
Хотел примерить гроба великого.
145. Только не успел гроб закрытися,
Тут Илья Муромец и решился.

- Только возвратился из этого побоища
 Один Ермак Тимофеевич.
 Поехал Ермак в стольный Киев-град
150. Ко ласковому князю ко Владимиру:
 — «Ах ты, ласковый-то князь стольно-киевской,
 Ах ты, крестный ты мой батюшка!»
 Спрогóворил князь стольно-киевской:
 — «Ай же ты, млад Ермак Тимофеевич.
155. Возьмешь ли города с пригородками,
 Возьмешь-ли сёла да с присёлками?»
 Да спрогóворил Ермак Тимофеевич:
 — «Не надо мне городов с пригородками,
 Не надо мне сел да с присёлками,
160. Дай-ко мне привелегию:
 Во каждом уездном городе
 Пивцо-винцо пить безденежно-беспощлинно!»
 И собрал свою дружинушку хоробрую,
 На Сибирь пошел Ермак Тимофеевич.

№ 132. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ
 (ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА)

- Как во слáвноём во городе во Киеве,
 Как у ласкова у князя у Владимира,
 У него-то было заведено столованьице почестен пир
 На всех на князей да на бóяров,
5. На всех на сильных могучих на богáтырей
 Да на всех полениц да на удáлых.
 Красное солнышко да на вечере,
 А почестен пир йде на вёселе.
 Аще вси да на перу пьяны-веселы,
10. А вси да на пиру да наедалисе,
 А и все-то на пиру да напивалисе,
 Аще все-то на пиру да похваляются.
 А и умный-то похвастал отчем-матушкой,
 А безумный — молодой женой,
15. А иной да похвастал конёма добрыма,
 А иной-то платьями-то цвётными,
 А изо того перу да почёстного,
 А из того-то стола да со дубового
 Ка(к) выходит солнышко князь стольно-киевской,
20. Бьет челом да поклоняется:
 — «Князи мои, бóяра,
 Все вы на пиру принакóрмлены
 И все вы на пиру принапóбены,
 Все вы на пиру и поженены,
25. Я у вас один холбст, не женатый.
 Дайте-ко мни супротивную,
 Чтобы стáнецьком была ровнёшенька,
 Чтобы ростом-то была да высокёшенька.
 Чтобы ростом была да высокёшенька,

30. А лицо-то у нее — снегу белого,
А очи да у ней — ясна сокола,
Чтобы брови у ней — да черна соболя,
Волосом бы желта да умом сверстна!»
С-за того с-за стола за дубового,
35. За того пиру да почётного
Да выходит Дунай сын Иванович,
Он и бьет челом да поклоняется:
— «Ай же ты, князь да стóльнѣ-киевской,
Я-то теби знаю супротивную.
40. Есть в земли да лиховецкой
Да у короля Никулы Лиховицкого
Аще есть у него две дочери хорошие.
А старшая дочь — Настасья Микулишна,
Что ездит во чистом поли полякует.
45. А что младшая дочь — Опраксия Микулишна,
Она сидит за тридевять замочками,
А сидит она да за сторожочками!»
А спроговорит князь стóльно-киевской:
— «Ай же ты, Дунай сын Иванович,
50. Да достань-ка мне Опраксию Микуличну!»
А спроговорит Дунай сын Иванович:
— «Ащи дай-ко ты мне млáдого товарища,
А молодого Добрыню Никитича,
А пишите-ка да письма скорописчаты
55. О добром деле о сватовьсве!»
Написали письма скорописчаты
Да о добром деле да о сватовьсве,
Да засédлали они добрых коней.
Да на коней-то клали тут попутницьки,
60. На попутницьки да клали да тут нáмети,
А на нáмети — седельшка черкаськіе.
Подвязывали шелка шомохáньскими,
А стремянки жалеза-то булатного,
Клали-то пряжки меди-то казанской.
65. А и видели добрых мóлодцев сядучи,
А не видели мóлодцев поедучи.
Они воротамы поехали раскатныма, —
А скочили кони добрые через стену городóвую. —
Одно курево стоит во чистом поли
70. От ёго копыта лошадиного.
Скоро скажется да тихо деется.
Они приехали во земли лихови́ньские
К королю Никуле Лихови́ньскому.
В тую пору, в тое времячко
75. Заведено столованьице, почестен пир.
Не спросили-то они у ворот приворотников,
Не спросили у дверей придверников,
А скоцили их кони добрые,
Скоцили через стену городóвую,
80. А скорёшенько слезали со добрых коней.
А Дунай-то сын Иванович

- Давал-то своего коня доброго
 Да держать-то Добрыне Никитичу,
 А скорешенько пошел да в высок терём
 85. А що крест-то кладет по-писаному,
 А поклоны ведет по-ученому.
 — «Здравствуй, король да Лихови́нский!»
 А спроговори́л ко́роль земли лихови́нский:
 — «Аще вы, горланы святорусьские,
 90. Зачем заехали безданно-беспошлинно,
 Не спросили у дверй да придверников,
 Не спросили у двора придворников,
 Не спросили у ворот да приворотников?»
 А и вынимал-то письма скорописных,
 95. Положил на столики дубовые,
 Пословесно он да их вычитывал.
 — «Ах ко́роль да Лихови́нский,
 Мы во добром деле приехали — во сватовьсьве!»
 А спроговори́т ко́роль земли да лихови́мския:
 100. — «Ай же вы, горланы святорусьские,
 На́ год кладу тебя во конюхи,
 А на дру́гой кладу тебя во повары,
 А на третий кладу — в погребы глубокие,
 Пропитомство кладу — овса с водой!»
 105. Тут Дунай да свет Иванович
 Утопил-то свои ясные очушки,
 А и вынул свою руцьку белую,
 Ударил о столики дубовые, —
 А столики-то да вси рассу́пались.
 110. Явó-то двора да королевского
 Прибежали да слуги верные:
 — «Ай же ты, король да Лихови́мские,
 Что ты ешь да пьешь да прохлаждаешься,
 Над собой беды не ведаешь?»
 115. На твоём дворе на королевском
 Не ясный сокол-то полетывает,
 Не черный ворон там полетывает,
 А стоит-то там добрый млодец.
 А во левой-то руки два повода шелко́вые,
 120. А во правой-то руки дубинка вязо́вая.
 Он убил крупных татар сорок тысяч,
 А мелких татар — да и сметы нет!»
 Ай король да Лихови́мские
 По терему он тут побегивает,
 125. Шубкой куньей укрывается.
 — «Ох-те мни, ребята, на беду нонé,
 Ох-ти мни, ребята, на великую!
 И не знаю, как ее разв́язати!»
 А спроговори́л король Лихови́мские:
 130. — «Ай же вы, слуги мои верные,
 Отмыкайте вы тридевя́т замочиков
 И снимайте тридевя́т сторожо́чиков,
 Ведите-ко Опраксию Никулишну,

- Сокрутите ю хорошохонько,
 135. Заседлайте коня богатырьского
 Да отправьте в земли святорусьский!»
 А привели Опраксию Никуличну,
 Намыли-ту белешенько,
 Сокрутили-то хорошохонько
140. И заседлали ё коня доброго
 И отправили во землю святорусьскую.
 Поехали дороженькой путистою,
 И сустигла их ночька темная,
 Они бел шатер раздернули да спать легли.
145. Возле себя копыя мурзамецькие
 Тут клали в головы,
 Саблями тут они да опутались.
 Среди да той ночьки темныя
 Встает Дунай сын Иванович,
150. Выходит на путисту дороженьку
 А едет-то в погону
 Поленица свет удала, —
 По колено конь в землю да тут угрязавет,
 Прибежал скорехонько во бел шатер:
155. — «Вставай-ка, Добрыня Митинич сын,
 Привези-ка Опраксию свет Микуличну
 А ко ласковому князю ко Владимиру
 Со княгиней его путем-дорогою,
 Скажи-то поклон с челобитием.
160. Я поеду к поленице ко удалы!»
 Съехал к поленице ко удалые,
 Съехались с поленицей со удалы,
 Ударилась копыями мурзамедскими, —
 Копыца в одно место свиваются.
165. Ударилась они палицами булатные, —
 Палицы до рук сломались.
 Как ударилась саблями острыми, —
 Сабли до рук притупилися, —
 Боле нечем биться да игратися.
170. Он сбил поленицу со добра коня,
 Сел-то поленице на белы груди,
 Вынул с ножен свой вострый нож,
 Хотел пластать груди белые,
 Вынуть сердечько тут со печенью, —
175. Рука в плече да застояласи,
 А не мог распластать да белых грудей.
 Спроговорит Дунай свет Иванович:
 — «Ай же поленица ты удалая,
 Какой ты земли да какой орды?»
180. А какого отца, какой матери?»
 — «Кабы я сидела на твоих грудях,
 Не спросила бы никакой земли да никакой орды,
 Распластала бы груди белые,
 Вынула б сердечко да со печенью!»
185. Да спрговорил Дунай да свет Иванович:

- «Не могу пластать да белу грудь,
А рука в плечи да застояласи.
Только скажи, какой земли да какой орды!»
— «Коли ты стал да нунь выспрашивать,
190. То и стану топерь да высказывать.
Я есть земли да лиховимьский
Короля Микулы Лиховимьския
Старшая дочь Настасья да Микулишна.
А ежду во чисто поле, полякую.»
195. — «Ай же ты, Настасья Микулишна,
Поди-ка ко мни да во супружество!»
Целовал ее во уста сахарные,
Садилсь оны да на добрых коней,
Отправились ко стольному ко городу ко Киеву.
200. А скоро скажется да тихо деется.
Приехали оны ко старому ко городу ко Киеву, —
Тут обе сестренки встретились,
На церковном крыльце поздорькались, —
Одна-то идет да со божьей церкви,
205. Другая идет во другу церковь.
Тут приняли они да золоты венцы,
А жили-то они ровно три году, —
В совете-любви да три годы.
Как солнышко князь да стольно-киевский
210. Заводил почестен пир
На всех на князей да на бояров,
На всех полениц да удалых.
Все на пиру да наедались,
Все-то на перу да напивались,
215. А и все-то на пиру да порасхвастались.
Из-за того стола из-за дубового,
Из-за того пиру да почестного
Выходит Дунай да сын Иванович.
А и бьет челом да князю поклоняется:
220. — «Ай же ты, князь да стольно-киевской,
А я-то есть тот молодец Дунай Иванович,
Вытащыл лебеди две белые.
Князя женил да и сам женился!»
Не могла стерпеть Настасья Микулична,
225. Говорит ему таковое слово:
— «Хоть ты вытащил белые лебеди,
Ай не бывал ты во землях лихойимьских,
Не натягивал тетивочку шелковую,
Не стрелял ты стрелочку каленую,
230. Не попадывал в колечко золоченое,
Сниму колечко с руки да золоченое,
Надену его на голову, —
Не попасть тебе в колечко золоченое!»
Разгорелось его сердце богатырьское:
235. — «Садись-ка ты, Настасья Микулична, на добра коня.
Поедем, Настасья Микулична, во чисто поле.»
Она сняла со правой руки перстень золотой,

- Клала-то Дунаю Ивановичу на буйну голову,
Натягивала тетивочку шелковую,
240. Наставила стрелочку каленую,
Попала в колечко золоченое.
Начала Настасья Микулична слёзно плакати:
— «Не попадешь ты в кольцо золоченое,
Убьешь ты Настасью Микуличну,
245. Зачатого в моем-то во чéреве!»
Снял-то кольцо да золоченое,
Клал Настасье Никулишне на буйную голову,
Натянул да тетивочку шелковую, —
Не попал в кольцо золоченое,
250. Попал Настасье во бѣлую грудь
Да и убил да Настасью Микуличну.
И вынул Дунай свой острый нож,
Распластал ей груди белые
Да видел — два мальчика в чéреве у Настасьи Микуличной.
255. А свернул он острый нож
Тупым концом во сыру землю.
Вострым концом сибѣ он во белы груди.
— «А где пала Настасья Микулична,
Пускай падет Дунай Иванович!»
260. От Настасьи текла да речка Черная,
От Дуная текла да вот Дунай-река
Вода с водой да не стекается, —
Теките от вѣка и дѣ века,
В одно место сходитесь и расходитесь,
265. Вода с водой не мешайтесь!
(*Дуная-то вода, говорят, тоже разная расходится.*)

№ 133. (ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ)

- То не белая березка к земле клонится,
Поклоняется Добрынюшка Никитец сын
Ко своей родимой матушке,
Ко честной вдове Офимье Александровне.
5. — «Ай же ты, матушка родимая,
Ты честная вдова, Офимья Олександровна!
Зачем меня, несчастного, ты родила?
Когда же меня ты родила,
Завернула бы в рукавчики полóтняны,
10. А выставила бы на матушку Сивонь-гору,
Опустила бы меня во синё морё!
А и лучше бы я, добрый мóлодец, не рѣжен был!
Как поразгневался на меня солнышко да князь стольно-
киевской,
Отправляет меня во землю во татарскую
15. Собирать пошлину с татаровий!»
Тут седлал-уздал своего добра коня.
На коня-то он клал да попутницки,
На потницки он клал да намётницки,
На намётницки седѣлышко черкацкое,

20. Подвязывал шелками шомуханьскими.
Клал стремянки железа булатного,
А пряжка — меди-то казанской,
Молодой-то женке наказывал,
Молодой жене, Настасье да Микулицьной:
25. — «Ай же ты, молода жена Настасья Микулична,
Коль не вернусь я через шесть годов,
Хоть вдовой живи, хоть замуж пойди,
Хоть за князей, хоть за бояров,
Не ходи только за Олешу за Поповича,
30. За того за бабьего насмешника!»
А и видели доброго мблюдца сядучи,
А не видели во чисто поле поедучи, —
Одна куревá стоит от его копыт от лошадиных.
А шесть годочков миновалось,
35. Не видать Добрыни из чистá поля
Бежит-то лошадка ступистая
С той дорожки путистой.
Ко тому крылечку ко высокому
Приезжал-то разудалый добрый мóлодец.
40. Привязал-то он коня доброго
Ко тому столбу ко перёному,
Ко тому ли кольцу ко золоченому,
Шол он скорёшенько на высок терём
А кресты кладет да по-писáному,
45. А поклоны-то ведет по-ученому.
— «Здравствуй, Добрынина матушка
Здравствуй, Добрынина молода жена,
Я приехал из чистá поля,
Я привез вам весточку нерадостную.
50. А и видел я Добрыню во чистóm поли уонт.
Резвы ноженьки лежат под ракивов куст,
В головах стоит да добрый конь.»
Стал он к Настасье подхаживать,
Стал он Настасью подговаривать,
55. Положила она сроку дру́га на шесть
Двенадцать годочков миновалось,
Не видать Добрыни из чистá поля.
Стал Олеша Попович похаживать,
Стал Настасью подговаривать.
60. Тут солнышко князь стольно-киевской
Стал Настасью подговаривать.
Завели они пир да и свадьбу,
И шла одна свадьба у них двенадцать ден.
Из того ли из чиста поля,
65. Из той дорожки путистой
Прибежит лошадушка ступистая
Ко тому ли сиротскому крылечку.
Ко тому кольцу ко золоченому
Привязал своего коня доброго,
70. Выходил скорешенько на высок терём.
— «Здравствуй, Добрынина матушка!

- Где же Добрынина молода жена?»
 — «Закатилось ясное солнышко,
 А Настасья Микулишна замуж ушла!»
75. — «Я вам привез весточку радостную:
 Видел Добрыню в чистом полі,
 Скоро приедет Добрыня из чиста поля,
 Велел сходить в спаленку теплую,
 Велел взять гусельки ярбчатые,
80. Взять сходить на почестен пир!»
 Сходил-то он в спаленку теплую,
 Взял он гусельки ярбчатые,
 Пошел он да на свадебку.
 У дверей-то приставлены придверники,
85. У ворот-то были приворотнички,
 Дал-то он им по золотой по денежке,
 Пустили они разудала добра молодца да на свадебку.
 Скорь-тихошенько прошел да он на печку на кирпичную
 И заиграл-то песни он веселые.
90. Да и заиграл песни от Царя-града,
 Да и заиграл-то он песни от Еросолима,
 И песни припевал к Настасье свет Никуличной, —
 По припевочкам Настасья тут заметила.
 Выходила она из-за столика дубового.
95. Наливала чашу зеленá вина,
 Подавала на печку на кирпичную.
 — «Пей, скоморох ты да развеселое,
 Пей от княгини молодой!»
 Он налил-то ей меду сладкого,
100. Снял с правóй руки перстень, которым они с Настасьей
 обручались.
- Налил чару да меду старого
 И говорил-то он Настасье таковó словó:
 — «Ай же ты, княгиня молбáя,
 Пей-то от меня чару зеленá вина,
105. Коли пьешь до дна — увидешь добра!»
 Пила чару она да меду сладкого,
 К устам перстень прикасалоя.
 Спроговорила тут Настасья Микулишна:
 — «А не тот мой муж, что за столом сидит,
110. А тот мой муж, что на печи сидит.
 Ай прости меня, Добрыня Никитинец,
 Бери-ка ты плеточку ременную,
 Бей меня жонку, по нагузне, —
 Муж в лес за дровам, а жена замуж ушла!»
115. — «Не виню я тебя, Настасья Никулишна,
 А виню я Алешу Поповича.»
 Схватил он Олешу за желты кудри,
 Начал Олешу гусями поваживать.
 Тут сказал Олеша Попов сын:
120. — «Три раза я женился, а жены не видал!»
 А взял тут Добрыня свою жену Настасью Микулишну
 И свел ее в свой дом.

№ 134. ФЕДОР ПЕТРОВИЧЕВ СЫН
(КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА)

- Как во городи во Оча́кови,
В отчине Берё́зинской,
Во улице Рогáтинской
Жил-был Федор Петрови́ч княжеви́цкий сын.
5. Ездил во чистом поли да на добром кони,
На добром кони и за охотою,
Стрелять он гусей и лебедей,
Перелетных серых и малых утушек.
Не застрелил он ни гусей и ни лебедей
10. И ни перелетных малых утушек,
Увидел он, на сыром дубу сидит старого черного ворона,
Да и взял он тугой лук,
Натянул тетивочку шелковую
И направил стрелочку каленую,
15. Хотит убить старого черного ворона на сыром дубу.
Хочет старый черный ворон на сыром дубе:
— «Не корысть тебе, удалый добрый молодец,
Убить птица бескорыстная,
Поежжай ты ко синю морю,
20. Там плавает три лебедушки
На тихом затрясьи.»
Он снял стрелочку каленую
И выбрал свой тугой лук,
И отправился он ко синю морю.
25. Приехал он ко синю морю, —
Доподлинно, тихо плавает в затрясьи три лебедушки,
Как три девушки.
Да взял-то свой тугой лук
И направил стрелочку каленую,
30. Натянул тетивочку шелковую.
Говорят лебедушки, как и девушки:
— «Не корысть тебе, разудалу добру молодцу,
Убить трех девушек.
Лучше поежжай ты в чисто поле,
35. Там сидит татарин во чистом поли
И кидает палицу удалую под оболочку
И грозит на землю святорусьскую.
Тут он снял стрелочку каленую,
Спустил тетивочку шелковую
40. И обрал свой тугой лук,
И поехал опять во чисто поле.
И наехал на татарина поганого.
И съехались с татариним
Ударились копыями,
(Длинные, должно были!)
45. Ударились палицами булатными, —
Палицы до рук в одно место спалились.
Ударились саблимы острыма, —

- Сабли тут до рук притупилиси.
Потом сбил он татарина с добра коня,
50. И сел он татарину на белы груди,
И из ножней вынул свой вострый нож,
Хотит распластать груди белые.
В плечи рука застояласи.
— «Не могу пластать твоих белых грудей!»
55. — «Кабы я сидел на твоих грудях,
Не спросил бы у тебя, что отколь да откуда,
Расплостал бы тебе груди белые.
Когда ты стал меня выпрашивать,
Я тебе буду высказывать:
60. Есть я не татарин и не поганы,
Я у татаровой увезен трехлетний;
Есть я города Очакова,
Отчины Березинской
И улицы Рогатинской, —
65. Лука Петрович княженецкой сын.»
Тут брал Федор Петрович
За ручки за белые
И целовал во уста во сахарнии;
Тут сажались они на добрых коней,
70. Приехали оны в город Очаков,
В отчину Березинску
И в улицу Рогатиньску.
Слезали оны со добрых коней,
Оставил ен татарина среди двора
75. Держать двух коней добрых.
Пришел он на высок терем
В свой дом князь Федор Петрович княженецкий сын.
Говорит он своей матушки родной:
— «Ай же ты, моя матушка родная,
80. Ездил я во чистом поли
Да на добром кони
И нашол во чистом поли татарина поганого,
И привез я его во свой дом!»
Спроговорит матушка родная:
85. — «Была бы у меня сила прежняя,
Разорвала бы татарина поганого!»
— «Ох ты, матушка родная,
Ведь я не татарина привез и не поганого,
Привез я Луку Петровица, брата родного!»
90. Бежала тут престарелая матушка на белый двор,
Целовала его во уста во сахарнии.
Увидела своего чада милого,
Увезен ен был трехлетним,
Увела его в палаты белокаменны.
(Иван Трофимович Рябинин приезжал на мельницу. Перестану работать, он и скazujeает. Он спел тридцать лет назад. С одного раза я и перенял. Так было у отца, а сын-то Ивана Трофимовича перепевал, а как он перепевал, так мне и в голову засело.)

№ 135. (СТАВЕР ГОДИНОВИЧ)

- Во славном-то во городи во Кееве
 У ласкового князя у Влодимира
 Заводилось пирование, почестен пир
 На всех на князей, на бъяров,
 5. На руських могучих богатырей,
 На всех полениць на удалых,
 Все-то на пиру наедались,
 Все-то на пиру напивались,
 А и все на пиру порасхвастались:
 10. А умный похващает маменькой.
 А безумный — да молодой женой,
 А глупый — конями добрыми,
 А иной — платьями-то цветными.
 Сидит Ставёр Годинович
 15. За столом за дубовым,
 Ничего не ест, не пьет, не кушает.
 Подходит да ласковый к нему Владимир-князь:
 — «Ай же ты, Ставёр Годинович,
 Почему ты не ешь, не пьешь, не кушаешь?»
 20. Почему ты ничим, добрый молодец, не хвастаешь?»
 — «А и чем мне, добру молодцу, хвастати?»
 А у меня, у удалого доброго молодца.
 Добрые кони у меня не ездятся,
 Золотые кареты не ломаются,
 25. Сапожки на ножках не держатся
 И цветные платья не носят!»
 Спроговори Владимир-князь да стольно-киевской.
 — «Почему у тебя да кони не ездятся?»
 — «Потому у меня да кони не ездятся, —
 30. У меня есть заводы конския,
 Потому у меня жеребчики хорошие.
 Вот я год ежжу на жеребчике хорошим,
 А на другой год я вам продам, —
 Вы ездите на моих жеребчиках объезженных.
 35. Золота карета не ломается, —
 Есть у меня мастера да хорошие, —
 День ежжу и другой ежжу, а на третий я вам продам.
 Есть у меня у доброго у молодца, одежда хорошая, —
 День ношу и другой ношу, а на третий день я вам продам, —
 40. Держите вы мои обдержечки.
 Есть сапожки, — на ножках не носят, —
 Есть у меня мастера придворные.
 Делают обутку хорошую, —
 День ношу и другой ношу, а на третий день я вам продам, —
 45. Держите вы мои обтопочки.
 Есть у меня женка молодая,
 Всех князей-бъяров обманула,
 Самого-то князя с ума выведет!»
 Тут спрговорит князь да стольно-киевской:

50. — «За те за речи неумные,
За те за хвастки неумные,
Тут за его хвастки великие
На́ год кладу — конюхи,
На другой кладу — повары,
55. А на третий год кладу в погребы глубокие,
Пропитомство кладу овса с водой!»
Запер тут Ставра́ в погреба глубокие,
Задвинул железны дощечки.
У Ставра́ да тут у Годиновича
60. Была женка молодая.
Волосы подбирала по-мужицъему,
Оде́жу одела мужицью,
Села она на добра́ коня.
Приехала ко стольному ко городу ко Киеву,
65. Ко ласковому князю ко Владимиру.
— «Ай же ты, солнышко князь стольно-киевской,
Есть же я земли тальянские,
Короля тальянского племянничек,
Я хочу ко твоей дочке посвататься!»
70. Спроговори́л солнышко князь Владимир стольно-киевский.
— «Я хочу выдать дочь родимую
За тальянского короля племянника!»
— «Ай же ты, родимый батюшка,
Не наделай смеху по всей земле,
75. Не выдай девицу за женьщину,
У ней-то груди мякенькие,
У ней-то . . . . крутенька по-женьскому, —
Быть это жонке Ставр́овой!»
— «Сходим мы с ней в па́рну баенку!»
80. Приказал князь стольно-киевской
Истопить теплую баенку.
— «Не угодно ль в баенке попариться?»
Она была очень догадлива,
Завернула в княжью конюшенку,
85. Выпустила жеребчиков неежжяных;
Загляделся князь на жеребчиков неежжаных,
А она-то скоро со баенкой справилась.
А князь-то навстрету попал.
— «Ай же ты, королевский племянничек,
90. Что же ты. скоро ты умылся, управился,
И с баенкой скоро справился?»
— «У нас ведь спра́вы не по-княжески,
У нас-то эта спра́ва по-дорожному.»
— «Справьте постелюшку пуховую,
95. Положите на постелюшку пуховую,
Буде женщина — яма под . . . . .,
Буде мужчина — под плéчами!»
А она-то была очень догадлива,
Сповернулась в другую сторону.
100. Спроговори́л Владимир стольно-киевской:
— «Не угодно ль поиграть в шашки-шахматы заморские?»

- Сели они играть в шашки-шахматы заморские.
 Стала она князя обыгрывать.
 Возгóворит Владимир-князь стóльно-киевской:
105. — «Ай же ты, кóроля племянничек
 Есть у нас во Кieve,
 Есть ли у нас во всей России?»
 — «Был один Ставёр Годинóвич,
 Не знаю, жив таперь али нету, —
110. Тóлько он меня обыгрывал!»
 Приказал привести Ставрá Годинóвича.
 Сели они играть в шашки-шахматы заморские,
 И стал тут Ставёр обыгрывать,
 Стала она загудки загадывать:
115. — «Ай же ты, Ставёр сын Годинóвич,
 Ты ходил жеребчиком некладеным,
 Я была кобылицей-златырицей,
 . . . . .
120. Тут-то начал он загудку разгадывать,
 Да этой загудки разгадать не мог.
 — «Помнишь, я была чернильницей-златырницей,
 А ты-то был пером лебединым.
 . . . . .
125. . . . .
 Ай же солнышко ты князь стóльно-киевский,
 Дай-ка ему коня богатырского,
 Съездим мы во чистó полé,
 Попробовать силы богатырския!»
130. Дал ему коня богатырского.
 Видели их сядучи, да не видели, куда поехали.
*(В то время ведь ни телеграмм не было, ничего не было, так
 уехали вот, и пропали.)*

№ 136. (ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ)

- Как во славном да й во Новй-городé
 Как и жил Буслав девяносто лет,
 Что и жил Буслав да целу тысящу,
 Живучй Буслав, да он не старился,
5. На дóстали Буслав переставился.
 С Новым-градом не перечился,
 С каменной Москвой да спору нé было,
 Оставалось у него да чадо мйлоё,
 Чадо мйлоё, дитя любймоё, —
10. Оставался Василий сын Буславъевич.
 Начал по улицы похаживать,
 Он с робятами шуточек пошучивать,
 Кого за руку дйрнё, — та рука с плеч вон,
 Кого за ногу дйрнё, — нога с колен вон,
15. Кого за голову дёрнет, — голова с плеч вон.
 Собирались-то мужики да новгородские
 Ко честной вдове Офимье Тимофеевне.

- «Ай же ты, честна́ вдова Офимья Тимофеевна,
Как жил у тебя Буслав девяносто лет, —
20. Пусть да жил да он целу тысящу, —
Живучи́ Буслав, да он не старился,
На до́стали Буслав да переставился.
Со Новы́м-градом не перечился,
С каменно́й Москвой спору не́ было.
25. А вот оставалось цядо милое,
Оставался Василий свет Буслаевич.
Начал он на улицу похаживать
Да с ребятками шутки-то пошучивать, —
Только шутки шутит нехорошие:
30. Которого за́ руку дёрнет, — рука с плеч вон,
Которого за́ ногу дёрнет, — нога с колен вон,
Которого за́ голову дёрнет, — голова с плеч вон!»
Тут честна́ вдова Офимья Тимофеевна,
Она чоботы надернула на босы́ ногы́,
35. Она шубу-то накинула на одно плечё,
Бежала она тут на улицу,
Хватила она свое чадо милое,
Хватила тут под правую под пазушку,
И несла она его да тут со улицы.
40. — «Ай же ты, Василий свет Буславьевич,
Ай и жил у нас Буслав да девяносто лет,
Пусть бы жил хоть целу тысячу, —
Живучи́ да не старился,
На до́стали переставился.
45. С Новы́м-градом не перечился,
С каменно́й Москвой да спору не было!»
Принясла она его во свой-то дом.
Тут Василий свет Буславьевич
Заводил-то он да тут почестен пир,
50. Накурил-то он да тут почестен пир,
Накурил-то он да зеленá вина,
Наварил-то он да пива пьяного,
На бочках подписи подписывал,
На ведрах по́резы подрезывал.
55. Весом чара полтора пудá,
Мерой чара полтора ведра.
— «Я ударю дубиной подорожною, —
Тот идет ко мне во дружины,
Кто выпьет чару зеленá вина!»
60. Как идет-то маленький Потанюшко,
На правую ножку припа́дает,
Он на небо-то поглядáет.
Говорят мужики Потанюшке:
— «Ай же ты, маленький Потанюшка,
65. Не пивать тебе зеленá вина,
Не вытерпеть дубины подорожно́ей!»
А идет-то маленький Потанюшка,
На правую ножку припа́дает,
На небо да он тут поглядáет.

70. Хватил-то он чару одной рукой
 Да выпил чарочку одним духом.
 Ударил Василий его дубинкой подорожной, —
 Стоит маленький Потанюшка, не стряхнется,
 Явó желтые кóделки не ворохнутся.
75. — «Вот поди, маленький Потанюшка,
 Во дружинушку хоробрую!»
 Заводили тут мужики новгородские,
 Заводили тут да почестен пир,
 Накурили они зеленá вина,
80. Наварили они пива пьяного,
 На белый двор бочки выкатывали,
 Всих князéй-бояров на пир пóзвали,
 А Василия Буслаевича и не пóзвали
 Со своей дружиной со хоробрую.
85. Как говорит он честнóй вдове Офимье Тимофеевне,
 Своей-то ведь матушке-то рóдноёй:
 — «И я и пойду, матушка, на почестен пир
 Со своей дружиной со хоробрую!»
 — «Всем званным там честь вóздают,
 Теби-то, незваному, не вóздают!»
90. — «А пустишь, мать, пойду, и не пустишь, мать, пойду,
 И вот буду и есть и пить!»
 Приходит Василий сын Буслаевич
 Со своей дружиной со хоробрую.
95. Встретили его мужики да новгородские,
 Садиле его за стóлица дубовыи
 И поили его они дó пьяна,
 И кормили его дó сыта.
 Говорили мужики да новгородскии,
100. — «Ай Василий свет Буслаевич,
 Ударься с нами о велик заклад,
 Что надо итти нам на Вóлхово,
 А нам биться всим на вýправу,
 А ты — двóима со дружиною.»
105. Сидит-то Василий сын Буслаевич во своем дому,
 Головушка тут повешена.
 Спрогóворит матушка ведь рóдная:
 — «Чарой ли тебя поóбнесли?
 Пьяница ль собака обесчестила?»
110. Спрогóворит его дружинушка хоробрая:
 — «Чарой Василья не óбнесли.
 Пришли-то мы на почестен пир,
 Садиле нас во большой угóл.
 Поили нас ведь, нас все дó пьяна,
115. Кормили нас всех дó сыта.
 Ен глупым умом да пьяным рáзумом
 Удариле он да о велик заклад,
 Что завтра итти на речку Вóлхово,
 А им-то биться всим Новým-градóm,
120. А нам-то вдвоима со дружиною!»
 Тут честнáя вдова Офимья Тимофеевна

- На миску клала чиста золота,
 На втору́ она — скатна жемчуга,
 На третью — чистого серебра,
 125. Понесла она подарки на почестен пир.
 Приходила она на почестен пир.
 А кресты клала по-писа́ному,
 А поклоны ведё по-ученому:
 — «Здравствуйте, мужики новгородские.
130. Вот вам дóроги подарочки,
 Простите вы Василья во той вины,
 Что с вами ударился о велик заклад
 Говорят мужики новгородские:
 — «Не возьмем с тебя дóрогих подарочков,
135. А завтра уьем Василья на речке Вóлхове
 Повладеем его платьима цветныма,
 Повладеем его конем добрым,
 Повладеем всем именем-богачеством!»
 Она крест на личó да с терема долой,
140. Как ударила да чоботом о липину,
 А улетела липина во задний тын,
 А тут-то он и рассыпался.
 Вставал Василий сын Буслаевич,
 Вставал по ўтру ранешенько,
145. Пошел на Вóлхов-реку помытися.
 Как идет-то девушка черна́вушка:
 — «Ай же ты, Василий свет Буслаевич,
 Знал ты загудки загадывать,
 Не знаешь ты загудки отгадывать.
150. Ведь давно ушла дружинушка хоробра
 Убежали мужики новгородские, —
 Там убита твоя дружинушка хоробрая!»
 Тут Василий сын Буслаевич
 Он чоботы надернул на босú ногú,
155. Шубу-то накинул на одно плечо.
 Охватил дубину подорожную,
 Побежал на реку на Вóлхово.
 Идет-то старчище Андронище,
 Его-то крестный ведь батюшка.
160. Одет у него на буйную на голову,
 Надет софейный колокол.
 — «Ай же ты, старчище Андронище,
 Мне-то крестный батюшко,
 Зачем ты софейный колокол
165. Одел на буйную на голову,
 Софейный ну-тко колокол?»
 Как ударил дубиной подорожную, —
 Раскололся софеен колокол,
 Да и убил свое крестного ведь батюшка.
170. Прибежал Васильюшко на Вóлхово,
 Начал он по Вóлхову поскакивать,
 Начал он дубиной тут помахивать.
 Бегут мужики да новгородские,

- Кистелями головы переломаны.
 175. Кушаками перевязаны,
 Да к той честной вдове Офимье Тимофеевне:
 — «Ой же ты, честная вдова Офимья Тимофеевна,
 Жил у тебя Буслав да девяносто лет, —
 Пусть да он бы жил целу тысячу, —
180. Живучий Буслав не старился,
 На достали да переставился.
 Со Новым-городом не перечился,
 С каменной Москвой спору не было.
 Оставалось у него чадо милое, —
185. Уйми ты свое чадо милое,
 Своего Василья свет Буслаевича,
 Не оставит людей он на семена!»
 Тут ли говорит честная вдова Офимья Тимофеевна:
 — «Зачем с меня не взяли вечер дорогих подарочков.»
190. Не простили Василья свет Буслаевича?
 Пусть убьет вас всех до единого!»
 Сама чоботы надернула на босые ноги,
 Сама шубу-то накинула на одно плечо,
 Да бежала-то она на реку Волхова.
195. Хватила она чадо милое Василья Буслаевича,
 Хватила она его под правую под пазуху
 Да понесла его со реки Волхова
 И начала его да уговаривать:
 — «Ай же Василий свет Буслаевич,
200. Жил у нас Буслав да девяносто лет, —
 Пусть бы жил он тут еще тысячу, —
 Живучий Буслав да не старился,
 На достали Буслав да преставился,
 Со Новым-городом не перечился,
205. С каменной Москвой спору не было!»
 Принесла Василья с реки Волхова,
 Говорит Василий сын Буслаевич:
 — «Ай же ты, матушка да родная,
 Я вечер дома не ужинал,
210. Пошел да утром, я не завтракал,
 Дай ты мне ты пообедати!»
 Спроговорил Василий сын Буслаевич:
 — «Ай же ты, матушка родимая,
 Сделал много я прегрешения,
215. Убил много голов бесповинных.
 Я поеду в Еросолим-град
 Святой святыне помолитесь,
 Христову гробу приложитесь,
 В Ердане-реке окупатися.»
220. А спроговорит честная вдова Офимья Тимофеевна:
 — «Можно дома молитися,
 Можно дома спасатися!»
 Говорит Василий свет Буслаевич:
 — «Спустишь, маменька, поеду, и не спустишь, поеду!»
225. Заседлали они тут добрых коней,

- Сели они тут на добрых коней
 Со своей дружинишкой хороброю.
 Поехали они да в Еросолим-град
 Святой святыне помолитися,
230. К христову гробу приложитися.
 Приехали они в Еросолим-град
*(В старый Ерусалим не попасть ему на лошади. Это он:
 в новый, верно, ездил.)*
 Святой святыне помолитися,
 К христову гробу приложитися.
 Заехали они на Сивонь-гору.
235. Лежит-то кость да сухоявола.
 Начал он кости да попинывать,
 Начал он кости полягивать.
 Спроговорила кость да сухоявола
 Гласом она человеческим:
240. — «Ты бы меня не попинывал,
 Ты бы меня не полягивал, —
 А лежать тебе во товарищах.»
 Спроговорила Василий свет Буслаевич:
 — «Сама ты спала, да сама сон видла!»
245. *(Стал в Ердан-реке купатися.)*
 Приехали они да в Еросолим-град.
 Святым святыням помолилися,
 Христову гробу приложилися,
 Стали они в Ердан-реки купитися.
250. Идет тут девушка чернавушка,
 Говорит Василью свет Буслаевичу:
 — «Ай же ты, Василий свет Буслаевич,
 Нагим телом здесь купался сам Исус Христос
 А ты ногим телом здесь куплялся!»
255. А кто куплется, тот жив не будет.
 А ты куплешься ногим телом
 Да жив не будешь.»
 — «Сама ты спала да соби сон видла!»
 Заболела у Василья головушка.
260. Говорит он своей дружинишке хороброей:
 — «Вечор я с костью побранился,
 Я поехал, с костью не простился!»
 Да ехали на матушку Сивонь-гору,
 Заехали на матушку Сивонь-гору.
265. Приехал, — где лежала кость,
 Тут лежит сить-камень,
 В долину камень двадцать сажон.
 Спроговорила тут Василий свет Буслаевич:
 — «Ай же ты, дружинишка хоробрая.
270. Ты скачи поперек камня,
 А я скачу вдоль камня!»
 Дружинишка скочила — перескочила,
 А он скочил да вдоль камня,
 Да и пал-то он о сить-камень,
275. Да сказал дружинишке хороброей:

— «Скажи-ка матушке-то родной,
Пущай поминает Василья сына Буслаева.
Что убит Василий сын Буслаевьевич!»

№ 137. (САДКО)

- Жил-был Садко купец богатый гость
Во Новѣ-городѣ.
У него-то все было по-небесному:
На небе звезда — в тереме звезда.
5. Как-то спроговори́л Садко богатые,
Говорит он своим прикащикам:
— «Берите вы денег по надоби,
Откупите весь товар новгородские,
Откупите, чтобы не было товару новгородского!»
10. Откупили весь товар во Новѣм-городѣ.
На дру́гой день товаров больше того.
— «Ай же вы, слуги мои вы прикащики,
Откупите все товары во Новѣм-городѣ!»
Откупили они вси товары новгородские.
15. А третий день товаров больше того.
— «Ай же вы, слуги мои вы прикащики.
Берите денег по надобью,
Откупите вси товары во Новѣ-городѣ!»
А на четвертый день от товаров и прохода нет.
20. — «Ай же вы, слуги мои вы прикащики,
Не я, верно, богат, богат великий Новгород!»
Приказал Садко купец богатый:
— «Ай же вы, слуги мои прикащики,
А и стройте-ка тридцать три кора́бля.
25. Нос, корму сводите по-звериному,
Бока-то сводите по-змеиному,
Вместо очей вставьте по яхонту,
Наместо бровей — соболу заморскому,
Заместо ушей — по доро́гой лисице заморской.»
30. И состроили тридцать три кора́бля.
И полетел Садко-купец
За славное за синѣ морѣ,
А тут кора́б ко дну пошел.
Морской царь с царицей раздорились.
35. Царь говорит: «злато дорого!»
А царица говорит: «була́то дорого!»
Царь хочет царицу усостыжить:
— «Булат-то, как война, так нигде и купить нет!»
А тихим матом сказал: «На злато покупается!»
40. Спроговори́т Садко купец богатый:
— «Выкидывайте доску дубовую,
Привязывайте ко доске дубовой,
Кидайте меня на дно.»
Кинули жеребий.
45. Жеребий пал на Садко-купца, купца богатого.
Как кинули — корабли пошли;

- А спустили Садко в синё морё;
 Там водяной показал вал жемчугу;
 Сделался Садко богатыи,
 50. Что не было такого во Новоем-городе.

№ 138. СОЛОМАН-ЦАРЬ

(ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)

- Как за славным было да синём морём
 У славного царя у Василья у Окульевича,
 А у него-то было заведено столованьице
 На всех на князей, да на бъяров,
 5. На всех на могучих богатырей,
 На всех полёниц удалых.
 А ще вси-то на пиру да наедались,
 Все-то на перу да напивались,
 А ще вси-то на перу да порасхвастались.
 10. А умный-то похвастал отцем-маменькой,
 А безумный-то — молодой женой,
 А кто-то — конима добрыма,
 А иный-то — платьима цветныма.
 С-за того пиру да за почётного,
 15. С-за того ли стола за дубового,
 Как выходит-то прекрасный царь Василий да Окульевич.
 Уж он бьет челом да поклоняется:
 — «Все вы, князи мои да бъяра,
 Все вы, сильные могучие богатыри,
 20. Все вы на перу да принакормлены,
 Все вы на пиру да принапоены,
 А ще все вы на пиру да й поженены.
 А я один у вас холост, не женат.
 Вы найдите-ко мне супротивную,
 (Невесту!)
 25. Чтобы стәнецьком была да ровнёшенька
 И ростом бы была да высокёшенька,
 Чтобы телом была да снегу белого,
 А очи-то у нее — да ясна сокола,
 А брови-то у нее — черна соболя,
 30. Волосом-то желта да умом сверстна.»
 С-за того ли из-за пиру да почётного,
 С-за стола ли того да со дубового.
 Как выходит вор Ивашка он Поваренин,
 Он бьет челом да царю да поклоняется:
 35. — «Прекрасный царь Василий да Окульевич,
 Я-то тебе знаю супротивную.
 Есть у царя Соломана царица Соломания, —
 Она станицьком да тут ровнёшенька,
 Она ростом тут да высокёшенька,
 40. А тело-то у нее да снегу белого,
 А брови-то у ней да черна соболя,
 А очи-то у ней да ясна сокола,

- Волосом желта да и умом сверстна.»
 Как ударил Ивашку по той сторонѣ,
 45. Как переправил Ивашку по той сторонѣ:
 — «Ах ты, вор ты Ивашка Поваренин,
 Разве можно от жива мужа жену отнять?»
 Того Ивашка не пугается,
 Бьет челом да поклоняется:
50. — «Прекрасный царь Василий да Окульевич,
 Я ведь знаю, как у жива мужа да жену отнять.
 Построй ты мне кораблички червленые,
 На корабличке посади садичек зеленые,
 Поставь туда кроватецьку тесовую,
55. Постели перинушку пуховые,
 Клади занавесточки да крусчатой камки,
 А наволецьки клади ситцевые,
 А сделай грядоцьки орлены,
 Клади-то птицу райскую,
60. Чтобы пела песенки-то да царские,
 И поставь-ко питья забудущия,
 И сделай ты дороги подарочки:
 Соломону-то — шубу соболиную,
 А сорока соболей со кунницами,
65. А царице-то — камочку крусчатую,
 А не дорогй камочки крусчатые,
 Только дороги узоры-то заморские.»
 Тут послушал прекрасный царь Василий Окульевич,
 Он построил кораблики червленые,
70. На корабличкй садил садичек зеленые,
 Сделал тут ребьядую беседушку
 И поставил кроватку тесовую,
 Позастлал перинушки пуховые,
 Клад-то занавесточки крусчатой камки,
75. Наволоцьки-то ситцевые,
 Посадил-то тут птицы райские,
 Чтобы петь могла песни разны царские,
 Наклад-то питье забудущих
 И сделал-то разные дороги подарочки:
80. Соломону — шубу соболиную,
 Сорока соболей со кунницами,
 А царице — камочку крусчатую,
 А не дорогй камочка крусчатая,
 Только дороги узоры заморские.
85. А скоро скажется да тихо деется.
 Раздернул белы парусочки,
 Полетел Ивашка за синё морё.
 Как проехал Ивашка за синё морё,
 Подъехал Ивашка под крут красен бережок,
90. И подкидывал подмостецкй дубовые,
 Выходил на крут на красен бережек
 И подходил к царю да под окошечко,
 Закричал-то он громким голосом:
 — «Ай же ты, Соломон да Давыдьевич,

95. Воздай-ко да калике милостину, —
 Было бы чего калики волочиться,
 Было бы чего калики есть да пить!»
 Пала-то царица Соломания
 По плечо в окно, —
100. А Соломана-то дома не случилось, —
 Говорит-то Ивашке да таковое слово:
 — «Ступай-ка, Ивашка, да на высок терём!»
 Пришол-то Ивашка во высок терём,
 Кресты кладет по-писаному,
105. Поклоны-то ведет по-ученому,
 А царице Соломание в особину:
 — «Здравствуй, царица Соломания,
 Я привез-то дороги подарочки:
 Соломону шубку соболиную,
110. Сорок собелей со куницами.
 А тебе комочку крусчатую,
 А тебе комочка крусчатая недорога,
 Только дороги узоры-то заморские.»
 Кормила она Ивашку досьита,
115. Поила она Ивашку досьяна,
 Говорил Ивашка да таковое слово:
 — «Ай же ты, царица Соломания,
 Сходи-ка ты на насады червленые,
 Очней у меня живот на корабли,
 (Как будто тут торговать приехал!)
120. Чтобы было вам и есть и пить,
 Чтобы было вам платить да дани-пошлины!»
 Тут царица выговориет:
 — «Торгуй ты, Ивашка, хоть год, хоть два,
 Торгуй хоть три годь,
125. Мне ни дани, ни пошлины не надобно!»
 Того Ивашка не пыгается,
 Он бьет челом да поклоняется:
 — «Не могу быть без дани, без пошлины!
 Сходи на насады червленые,
130. На тех на насадах червленых
 Очней товары заморские!»
 Намылась она белешенько,
 Накрутилась она да хорошоохонько,
 Пошла она на насады червленые,
135. Начала-то она похаживать,
 Начала-то она погуливать,
 Увидела питья забудущие,
 Тут царица принапилася,
 И увидала кровати тесовые,
140. И поют-то птички райские,
 И поют-то песни разные царские, —
 Она тут на кровати да и привалиласи.
 (Только то и нужно было.)
 Что поют-то птицы райские,
 И поют-то песни разны царские.

145. Подуло тут повéтерье.
 А развернул он тóнки бéлы парусочки,
 Полетел Ивашка в свою сторону.
 А скоро скажется да тихо деется.
 А середь-то моря царица протрезвиласе,
150. Начала она тут слезно плакати:
 — «А вор ты, Ивашка Повáренин,
 Зачем украл меня, царицу Соломáнию?»
 Спрогóворил Ивашка Повáренин:
 — «Буде бог спасёт на синём морí,
155. Выдам я тебя за дрúгого.
 За прекрасного царя Василья за Окульевича.»
 И приехали они за синё морé,
 Подкатили они сходни дубовые,
 Выходили на крут на krásен бéрежек.
160. Встретает прекрасный царь Василий Окульевич
 И брал царицу Соломáнию,
 Целовал во уста да во сахáрные.
 Сходили они и во божью церковь,
 Приняли они золоты венцы,
165. Жили в совете, в любви ровно трí годá.
 Туто Солóман царь Давидович
 Сбирал свою силушку великую.
 Кони-люди как крылатые,
(Под парусами на кораблях ехали, ведь Русалим-то за морем.)
 Собрал он силушку несметную,
170. Полетел он за слáвно синё морё,
 Прилетели они за синё морё,
 Оставил он силушку по край моря
 И пошол-то силу понаказывал:
 — «Ах ты, моя силушка великая,
175. Как я первый раз трублю во тóрий рог,
 Вы уздайте-ка, седлайте добрых коней.
 Как второй раз струблю во тóрий рог,
 Вы садитесь на добрых коней.
 Как в третий раз струблю во тóрий рог,
180. Приежжайте далече во чистó полé.»
 И сам пришел к царю да под окошечко,
 Закричал он громким голосом:
 — «Ай же ты, прекрасный царь Василий Окульевич,
 Воздай-ка мне милостыню,
185. Чтобы было мне и жисть и пить!»
 А как прекрасного царя Василия Окульевича
 Дома не случилось.
 Увидала царица Соломáния
 И говорит-то она да таково словó:
190. — «Ступай, Солóман, в высок терём!»
 Напоила она его дóпьяна.
 — «Ай же ты, Солóман-царь Давыдьевич,
 Скоро приедет прекрасный царь Василь Окульевич,
 Поди-ка сядь ко мне да в оковán ларец.
195. Скоро приедет прекрасный царь Василь Окульевич.»

- Сел он с глупым умом да пьяным разумом.
Сретаёт царица Соломáния,
Сретаёт царя Василь Окульевича.
— «Ай же ты, прекрасный Василий Окульевич,
200. Кого мы боялись три годы,
А тот сидит в окован ларьце,
Под моей под . . . . под бабьею!»
(*Ведь вот как баба обкрутит: уж такого царя куда завела, а
ведь на весь свет был мудростью прославленной. А уж нам-то
и не удивительно!*)
Спрогóворит Соломан-царь Василью Окульевичу:
— «Ай же ты, прекрасный царь Василь Окульевич,
205. Уж не бей ты меня по-холопьюму,
А уж бей ты меня да по-царьскому.
Прикажи казнить во чистом поли,
Прикажи поставить столбицьки точены,
Прикажи класть грядочку орлёную
210. И поставить лестницы клейменные
И повесить две петельки шелковы,
Чтобы знали, что царь царя казнил во чистом поли.»
Тут сказала прекрасная Соломáния:
— «Он и первую петлю пройде своей хитростью,
(*Баба подведет, а уж коли другого нашла, так и тем более!*)
215. А вторую пройдет своей глупостью.»
Тут прекрасный царь Василь Окульевич
Приказал своим слугам верным
Поставить столбики точены,
Положить грядочку орлёную,
220. Поставить лестницу клейменую,
Сделать петельки шелковы,
И повезли Соломана.
Первую-то керёжку конь везет,
А вторая-то керёжка сама идет,
225. А третью-то керёжку быдто чорт несет.
Приехали далече-далече во чисто полé,
Спрогóворит царица Соломáния:
— «Ай же ты, прекрасный царь Василий Окульевич,
Отпяшси от себи шелков пояс,
230. Повесь третью петлю шёлкову.»
Отпясала под собой
И повесила третью петлю шёлкову.
Испрогóворит Соломан царь Давыдович:
— «Ай же ты, прекрасный царь Василь Окульевич,
235. Дай же мне при смерти в тот рог сыграть.
Ты знаешь мое житье юное,
Что я пас скот в лесу
И стрелял я в гусей, лебедей
И перелетных серых малых утушек,
240. И стрелял зверей лесовоих. —
Чтобы все прилетели на царьскую смерётушку.»
Даль ему прекрасный царь Василь Окульевич
В турый рог потрубить.

- Как затрубил, — в реках вода застоиласи
 245. Да высокие горы пошаталиси,
 Сильный пошел у моря шум великий,
 Все птицы-звери заволновалисе, —
 Все летят на царскую смеретушку,
 И второй раз затрубил во турый рог Соломан-царь.
250. И поднялся у моря шум великий, —
 Все звери и птицы зрадовалися,
 И скликают друг другу они,
 Все летят на царскую смеретушку.
 Как поспешно затрубил и третий раз
255. Во турый рог Соломан-царь, —
 Как налетела тут сила великая,
 Которы люди-кони крылатыи.
 В первую петлю клали Ивашку Поваренина,
 Во вторую петлю клали прекрасного царя Василья Окульевича
260. Тут царица Соломанья начала слезно плакати:
 — «Прости меня, Соломан-царь, во той вины!»
 — «Во первой вины тебя бог простит,
 Что пошла на насады червленные,
 Что пила питься забудушие.
265. И во второй вине тебя бог простит,
 Что уехала к прекрасному царю Василью свет Окульевичу.
 А в третьей вине не могу простить,
 Что посадила меня в окован ларец
 И велела казнить далече во чистом поли,
270. Сделать шелковый пояс!»
 И приказал повесить Соломанью,
 И полетел Соломан в свою сторону.

№ 139. ИВАН ГРОЗНЫЙ (ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН)

- Как во славном во городе, в царском граде Москве,
 У Грозного царя Ивана Васильевича
 Было-то столованьцо, почестен пир
 На всех на князей, на бояров,
5. На всех московских на богатырей,
 На всех на полениц на удалых.
 Все-то на пиру да наедалисе,
 Все-то на пиру да напивалисе.
 Все-то на пиру да порасхвасталпсь.
10. А що умный-то хвастает отцом-матерью,
 А безумный дурак — молодой женой,
 Кто хвастает конема добрыма,
 А кто хвастает платьема цветныма.
 А спроговорил Грозный царь Иван Васильевич:
15. — «А и вывел я измену с каменной Москвы,
 А вывел я измену с понизовских городов!»
 А спроговорит тут Малюта сын Скуратова:
 — «Ай ты, Грозный царь Иван Васильевич,

- Хоть и вывел ты измену с каменной Москвы,
20. Есть у тебя измена под правым плечом:
А що-то есть у тебя Федор-то Иванович.
Ты-то ехал, казнил чисто-начисто,
Я-то ехал — тоже казнил чисто-начисто,
А твой сын Федор Иванович
25. Ехал — казнил чисто не начисто.
Он вперед сказывал, чтобы все да разбегались бы,
Да по ямам народ-де охичался бы.»
Тут храбрым умом да ярым разумом
Приказал да Малюте Скурлатову
30. Казнить Феодора Ивановича:
Привязать на шею вязанку дров березовых,
Свести его за болото за Житное,
Отсечй ему-то буйное головушко.
Как завязан был Федор Иванович,
35. Как привязана была вязанка дров березовых,
Повел его Малюта сын Скурлатович,
Повел его за болото за Житное.
Тут-то прознала матушка-то родная,
Чоботы надела на босы ноги,
40. Шубоньку накинула на правое плечо,
Бежала-то она к братцу Никите Романовичу.
— «Ай же ты, незваная гостыца, ко мне пришла!»
— «Ай же ты, братец Никита да Романович,
Не знаешь ты невзгоды великой —
45. Увели у меня сына старшого,
Увел Малюта да Скурлатов сын,
Увел за болото да за Житное.
Взяли его за ручки за белые,
Навязали на шею вязанку дров березовых,
50. Повели на тую на плаху дубовую
Отсечь ему буйную голову!»
Пал на коня Никита Романович,
Колпаком махал, голосом кричал
И захватил племянничка заживо,
55. Его вывез во свой-то дом.
Это было в христову пятницу.
Все идут в церковь божию,
Все идут ко христовой к утрене.
Возговорит Грозный царь Иван Васильевич:
60. — «Ай же ты, братец Никита Романович.
То ли невзгоды не ведаешь,
Ведь не стало у нас Федора Ивановича!»
— «Ай же ты, братец Грозный царь Иван Васильевич,
Даи ты мне Микитину вотчину,
65. Кто кого убьет, — войдет в Никитину вотчину, —
Того бог простит,
Кто человека убьет, — уйдет в Никитину вотчину, —
Того бог простит.
(Ушел, как в Никитину вотчину, — если кого долго нет.)
Кто коня угонит, — уйдет в Никитину вотчину, —

70. Того бог простит!»
 Возгóворит Грозный царь Иван Васильевич:
 — «Век того на свете не вóдится,
 А живой с мертвого не рóдится!»
 — «Тогда твой сын с мертвого рóдится.»
75. Он вывел племянника из-пóдпопы.
 И сделали Никитину вотчину.
 Кто коня угонит, — уйдет в Никитину вотчину, —
 Того и бог простит;
 Кто человека убьет, — уйдет в Никитину вотчину, —
80. Того и бог простит.

№ 140. (КОСТРЮК)

- Ай же ты, Кострюк Черкашенин,
 Пятьдесят борцов побил,
 Не мог своей силы отведати.
 Царица-то крымская,
5. Она, дочь царя турецкого,
 Приехала она
 С Кострюком Черкашенином
 Во славный-то, во славной Киев-град,
 — «Мы сюда ведь не исть пришли,
10. Мы сюда ведь не пить пришли;
 Есть ли у вас здись борцы дóбры мóлодцы
 С Кострюком поборотися,
 Его силы отведати?»
 — «Бежите-ко вы, чашники,
15. И вы-те туда, лошники,
 Бегите-ка на съезжий двор!
 Есть ли там борцы,
 Есть ли там да удáлы дóбры мóлодцы
 С Кострюком поборотися,
20. Его силы отведати,
 Испытать плеча богатырского?»
 Бежали туда чашники,
 Бежали туда лошники,
 Бежали да на съезжой двор.
25. Там умны-разумны все рáзошлись,
 А разумны все разъехались.
 Остались одни два братца родимые, —
 Один был с падённой стороны,
 Другой с Вáшенской земли.
30. Одного зовут Федором, а другого-то — Михайлою.
 А ще Федор-то не хвастает, а Михайла похваляется:
 — «Я с татаринoм бороться хочу,
 А татарина отведати хочу!»
 А татарин-то во глаза вйжен был,
35. Его сила-то сбегается.
 Прибежали туда чашники,
 Прибежали туда лошники.

- Все умные по домам ушли.
Кострюк глаза вытаращил,
40. Скочил через золот стул,
Через столики дубовы,
Через естыца сахарные,
Через питьица медвяные.
За скамью-то нога уцепиласи,
45. За скамью-то рука захватилася,
Пятьдесят голов повалил.
Зарычали тут татары,
Закричали громким голосом:
— «Дай бог тебе живу на двор сойти,
50. А не живому со двора прийти!»
Прибежал Кострюк Черкашенин,
Прибежал он на съезжий двор.
Как Михайла-то тут рассердится,
Как Михайла тут расходится.
55. Глаза-то ему выкопал,
А и руки-то ему выкрутил,
Да и ноги-то выломал,
Да из платьев-то вытряхнул,
(Голым сделал)
. . . . . рукой захватил,
60. А ушел по уходы государевы,
. . . . . рукой захватил.
А вышла царица-то крымская,
Дочь царя турецкого.
(Крым-то тогда был под туркой.)
— «Неумны вы, русьски борцы,
65. Не разумны вы, русьски молодцы:
Почто нужда была глаза выкопать?
Руки-то вырывать?
Из цветна платья-то вытряхнуть?»

№ 141. (ПРО ГРИШКУ ОТРЕПЬЕВА)

- Как на нас-то господь поразгневался,
На славное-то царство росейское,
На славное царство на московское,
А дал-то нам царя несчастливого¹,
5. Хоть назвался он, собака, прямым царем,
А прямым царем — царем Митрием,
А царевичем Митрием московским,
Не успел вор-собака тут вцариться,
Похотел вор-собака тут жениться, —
10. Не у нас брать в России в каменной Москвы,
В каменной Москвы, — да в хроброй Литвы,
Как у Юрия воеводы Сердобольского,
На самой он на меньшей дочери,

¹ Вместо: нечестивого.

- Как на душеньке Марины на Юрьевной.
15. А пир-свадьбу играли в велик пост,
А венец принимали да в Николин день, —
А у нас Микола была в пятницу.
А дошло это дело до великого дни,
До великого дни, да до христова дни.
20. Вот князй-бояры во церковь идут, —
Вот Гришка Расстрижка во мьльну идет
Со душенькой Мариной да со Юрьевной.
Как у Гришки тулуп восемьсот рублей,
На Марине салоп в целу тысячу.
25. Вот князй-бояры богу молятся, —
Вор Гришка Расстрижка в бане моется.
Вси князй-бояры от обедни идут,
От тоей от христовьской заутреней, —
Вор Гришка Расстрижка со мыльной идет
30. Со душенькой Мариной да со Юрьевной.
Спроговори́л Гришка Расстрижка громким голосом:
— «Ай же ты, душенька Марина ты Ефимьевна¹,
Поди-ка ты в палату белокаменну,
Ты не кланяйся ты чюдным образам,
35. Да не бей челом князьям-боярам,
Садись-ко, Марина, за дубовый стол
Да кушай-рушай белу лебедь!»
А спроговори́л Гришка Отрепьев-сын:
— «Кушаешь ты, рушаешь белу лебедь,
40. Проживем-то мы с тобой ровно тридцать лет.
Да прожить ли нам, Марина, три году?
А не прожить-то нам, Марина, три часу.»
А собирались-то бояры тут московские,
А думали-то думушку тут обчую:
45. «Как на нас-то господь да поразгневался.
А дал нам царя несчастного.
Как назвался собака прямым царем,
Царевичем Дмитрием Московским.
А не хотел вор воцаритися,
50. Захотел он, вор-собака, женитися
Не у нас в Москве, — да во хроброй Литве,
Да у Юрия пана Сердобольского.
Он сидел в тюрьме ровно тридцать лет,
Заростил он крест на белой груди,
55. Выпросил-то силу он великую.»
И пришли-то они ко иноке Марфе Ивановне
Разыскать царевича Дмитрия.
— «Не умны вы, бояры московские,
Не разумны, бояры московские.
60. Вы царю Дмитрию ведь смерть придали в Угличе!»
Тут Гришке Расстрижке смерть придали.
В поганое место мясо бросили.

¹ Оговорка сказителя, следует: «Юрьевна».

№ 142 (ПГИЦЫ)

- Отчего, братцы, зима становилася?
 Становилася зима от морозов,
 Становилася от солнца и лета.
 Налетали разные птицы,
 5. Прилетали разные звери.
 На море журавль — пономарь,
 Закричит-заварганит,
 Как в большой колокол ударит.
 Чайка на море — попадейка,
 10. А ворона — пупорезная бабка.
 А соловей-то на море ведь — удалец,
 (*Удалая головушка.*)
 А птичка малёнька — фатёрная ласточка.
 (*Домовая ласточка.*)

XXXIX

СУРИКОВ Егор Борисович — брат предыдущего, крестьянин той же деревни Конды, 56 лет. Тоже рослый, крепкий, коренастый человек. Семейный. Материально менее обеспеченный, чем Антон Борисович. Неграмотный. Антон Борисович рассказывал про брата, что тот до 18 лет был слаб здоровьем, «худовековатый», и все время находился при матери. Печать какого-то смирения и послушания до сих пор лежит на всем духовном облике Егора Борисовича. В характере обоих братьев огромная разница. Насколько Антон Борисович самоуверен, тщеславен и общителен, настолько Егор Борисович замкнут и скромнен. При этом он очень почтителен к своему старшему брату и боится доставить ему какую-либо неприятность. Лишь с большим трудом удалось его уговорить спеть нам былинку. Он согласился петь их в тайне от брата и был очень смущен, когда тот, узнав о производящейся записи, явился в избу Егора Борисовича.

Оказалось, что тексты былин Егор Борисович знает тверже, ближе к тексту матери — Домны Суриковой, а иногда даже дает лучший текст, чем записанный от нее Гильфердингом. Это объясняется тем, что Егору Борисовичу приходилось слышать сказывание былин Домной многократно и в обычной домашней обстановке. Недаром Гильфердинг говорит, что «петь с такой расстановкой, чтобы можно было записывать былинны «с голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть.» Поэтому понятно, что в передаче Егора Борисовича отдельные куски былин могли быть сохранены лучше, чем в записи Гильфердинга от его матери. Голос Егора тверже, чем у Антона, музыкальный слух вернее.

№ 143. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ)

- Мхи были болота от Беда-озера,
 Реки-то, озера ко Смоленскому,
 А матушка Казань подошла под Вóстрохань.
 Она устьём-то пала во Черно-морё,
 5. Ай во то ли во мёрюшко во Цёрное.

- Ай справляется-сподобляется,
 Сподобляется царь Кáлина
 Он ко стольному ко городу ко Киеву,
 Он ко ласковому князю ко Влади́миру,
10. Царя со царицей во полон обратъ,
 Душеньку царевну во замужество.
 Сбирал свою силушку великую,
 Сбирал свою силушку по трѣ году,
 Той ли силы что и сметы нет.
15. Приказал своей силы великоюй
 Уж он бросить в ѓдно место каленú стрелу,
 Тут стала гора превельчайшая, —
 Той ли силы, что и сметы нет.
 Выбирал своей силой великоюй
20. Самолучших он да татáровъѣв.
 — «Вы подите-ко. послы, от царя Кáлины
 А ко стольному ко городу ко Киеву,
 Вы ко ласкову ко князю ко Влади́миру,
 Чтобы он бы улицы опахивал,
25. Чтобы он бы дворы бы да очищивал!»
 Тут пошли послы царя Кáлины
 Ко стольному ко городу ко Киеву
 Что ко ласкову ко князю ко Влади́меру,
 У ворот не спросили приворотницьков,
30. У дверей не спросили придверницьков,
 Отворяли-то двери да на́ пятау,
 Поклали конверты на те ли столы,
 Пословесно ему выговаривали:
 — «Ай ты, солнышко князь стольно-киевской,
35. А ты улицы-то да опахивал,
 А дворы-то ты да очищивал,
 А котлы бы ты да навешивал.
 А ще жди ты царя Кáлины!»
 Тут солнышко князь стольно-киевской
40. Заводил-то он да почестен пир,
 Он на всех на́ князей, да на б́яров.
 Красно солнышко шло на в́селе,¹
 А почестен пир да на в́селе,
 А что вси на пиру п́яны-веселы,
45. Тут солнышко князь стольно-киевский
 Говорит он таков́о слов́о:
 — «Ай вы, у́си князи б́яра,
 Ай вы русьские могучие богáтыри,
 Посадите вы мени думу думати, —
50. Не отдать стольного города Киева,
 Меня, ласкова князя Влади́мера!»
 С-за того ли стола 'за дубового,
 С-за того ли п́еру 'за поч́стного,
 Выходит Олеша Попов-то сын,
55. Говорит Олеша таков́о слов́о:

¹ Оговорка сказителя, следует: «на вечере».

- «Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский,
 Не дадим мы стольного города Киева,
 Тебя ласкового князя Володымера,
 Мы тебя без боя, без драки без великой!»
60. Он седлает, уздает тут добра коня,
 На коня он кладет войлоцьки,
 А на войлоцьки потуги,
 А на потуги седельшко черкальское.
 А привязал-то шелками шомоханьськими, —
65. Не ради красы-босы ужожества,
 А ради укрепы богатырьской.
 Только видели молодца сядучи,
 А не видели во чисто поле поедучи.
 Одно курево да во чистом поле
70. От его копыт от лошадиных.
 Он приехал далеко-далече во чисто поле,
 Ко тому ли ко камню ко Латырю,
 Ко тому ли ко кресту, ко Леванидову,
 Он раздернул да бел шатёр.
75. Привязал добра коня он к белу шатру,
 Он насыпал пшени белояровой,
 Одно деревцо поставил десяти сажон,
 А на деревце повесил он кисточку, —
 А не ради красы-босы-ужожества,
80. А ради приметки богатырьской.
 С-за того ли стола 'за дубового,
 С-за того ли 'за пиру 'за почестного,
 А выходит-то Добрыня Микитинец сын,
 Он говорит да таково слово:
85. — «Ай же ты, солнышко князь стольно-киевской,
 Не дадим мы старого города Киева,
 Тебя ласкового князя Владимира
 Без бою, без драки великой!»
 Он седлает, уздает добра коня,
90. На коня он кладет войлоцьки,
 А на войлоцьки потуги,
 А на потуги седельшко черкальское,
 А привязывал шелками шумоханьскими, —
 А не ради босы-ужожества,
95. А ради укрепы богатырьской.
 Как видели добра молодца сядучи,
 Да не видели в чистом поле поедучи, —
 Одна курева стоит во чистом поле
 От его копыт лошадиных.
100. Приехал делёко-далеча во чисто поле,
 Ко тому ли ко камню ко Алатырю,
 Ко тому ли кресту ко Леванидову,
 Он раздернул бел шатёр,
 Привязал коня ко белу шатру,
105. Он насыпал пшеницы белояровой,
 Он поставил одно деревцо,
 Одно деревцо двадцати сажон,

- А на дѣревцо повесил кисточку,
 Одну кисточку да золоченую, —
110. Не ради красы-босы-угожества, —
 А ради признацьки богатырьской.
(Чтобы знали, что богатырь сидит там)
 С-за того за стола за дубового,
 С-за того за пиру за почётного
 Выходил старый казак Илья Муромец,
115. Говорил он да таково слово;
 — «Уж ты, солнышко князь стольнѣ-киевської,
 Ты послушай старого казака Илью Муромца,
 Мы поедим далѣко-далече во чисто поле,
 Мы упросим время на два месяца,
120. Чтобы улочки опахивати,
 Чтобы дворы да очищивати.
 Чтобы котлы да навешивати,
 Ты меня возьми да во запятницьки.»¹

№ 144. (ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ)

- Ай не белая березка к земли клонится,
 Поклоняется Добрыня Никитич свет,
 Он своей родимой матушке:
 — «Ай же ты, родимая ты матушка!
5. Ты зачем меня, несчастного, спородила?
 Уж как ты несчастного спородила,
 А завернула бы в рукавцы полотняные,
 А и выставила и меня на Сивонь на горю,
 Ай бросила б меня во синѣ морѣ,
10. Чтоб мни не ездить-то к двум, трем, четверем сторонам,
 А плакать отцю и матушке,
 Проклинать меня, Добрынюшку Никитича!
 А распрогневался на меня князь стольно-киевской,
 Посылает меня в земли во татарския
15. Сбирать дани-пошлины за двенадцать лет, —
 А кто там побывал, оттуда жив не приеждал.
 Ты прощай, матушка родимая,
 И жена-семья любимая,
 А шесть годов меня ты пождешь, —
20. Не можешь дожждаться, —
 Хоть вдовой живи. хоть замуж иди,
 Хоть за князей, хоть за бояров,
 Не ходи только за Алешу за Поповича,
 За того за бабьего посмешника!»
25. Только видели доброго молодца сядучи,
 Да не видели его поедучи.
 Время идет, как реки текут.
 Опосля Добрынюшки Никитича.
 И к тому времени прошло ровно шесть годов.
30. А и подъезжает удалый добрый молодец,
 Олешенька Попов-то сын,

¹ Дальше сказитель вспомнить не мог.

- И приходит к ним на высок терём,
Кресты кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому.
35. — «Здравствуй ты, Добрынина ты матушка,
Здравствуй, Добрынина молодá жена,
Я привез весточку нерадостну,
Видел там убитого во чистом поли,
И возли его лежит-то тут и добрый конь.
40. Резвыми ногама во чистом поли,
А головушкой-то лежит да во ракитов куст.
Головка у Добрыни разломана.»
И заплакала Добрынина матушка,
И заплакала Добрынина молодá жена, —
45. Родна матушка-то плачет до гробовых досок,
А жена-то, молодая жонка, — день до вечера,
А день до вечера да слушать нечего. —
Темна ночь пришла,
И жена танцовать пошла.
50. И начал тут Олешенька похаживать
И Настасью Микулишну посватывать.
Положила она завет другú на шесть лет
Подождать Добрыню из чистá поля.
(Молодухе-то не верится!)
- Времена идут, будто реки текут,
55. И другó прошли шесть годов.
И начал тут Олешенька похаживать
И Настасью Микуличну посватывать.
И завели они тут пер и свадебку.
Тут Добрынина матушка
60. Села под косивчато окошечко
И заплакала унылым старым голосом:
— «Закатилось ты, красное мое солнышко,
И не пекёт-то больше цветён месяц!»
Со того со полюшка со чистого
65. Бежит лошадушка ступистая
Ко тому ко терему сиротьскому.
Приежжаё уда-добрый мóлодец
И привязал коня к золоту кольцу,
И приходит-то он во высок терём,
70. Кресты-то кладет по-писаному,
Поклоны-то ведет по-ученому:
— «Здравствуй, Добрынина ты матушка,
Я привез вам весточку хорошую:
Скоро будет к вам Добрыня из чистá поля!»
75. — «Не смейся ты, удамый добрый мóлодец,
Над староей над Добрыниной ты матушкой;
Тому времени прошло ровно шесть годов,
Там видал Олешенька Попов-то сын,
Там видал Добрыню-то убитого!»
80. — «А где же Добрынина молодá жена?»
— «А Добрынина молодá жена
Сёдня замуж ушла.»

- «Ай же ты, Добрынина ты матушка,
Ты пусти меня сходить
85. Во Добрынину спальницу,
Взять там гусёлышки ярóвчаты,
И пойду туда я на почестен пир.»
Говорит Добрынина матушка:
— «Там к дверям приставлены придверницы,
90. А к воротам — приворотницы,
Не пустят тебя на почестен пир!»
Брал-то он гусёлышки ярóвчаты,
Приходит-то на почестен пир.
И приворотницам дал по золотой по денежке,
95. И пропустили его на почестен пир.
И сел он на печьку на кирпичную,
И начал он в гусёлышки поигрывать,
Начал в ярóвчаты наигрывать,
В гуселки-то играет от Царя-градá
100. И припевки-то припевает от Еросóлима, —
А по припевочкам Настасья и призаметила:
— «Надо быть, верно, Добрынюшке Никитичу!»
Наливала она стакан да зеленá вина
И подносила на печьку на кирпичную.
105. — «На-ка выпей, удал добрый мóлодец,
Стакан да зеленá вина
За твою игру да за веселую
И за твои припевки за прилюбные!»
И выпивал стакан да зеленá вина
110. И наливал ей стакан да меду сладкого:
— «Пей до дна, — так увидишь добра,
А не выпьешь до дна, — не увидишь добра!»
Выпила стакан да меду сладкого, —
Ко устóм её перстень прикатается,
115. А перстень ей да обрúченный.
Говорит она такóво словó:
— «Ай же мы псóвки — жены росейские!
Муж в лес за дрова,
А жена и замуж пошла!
120. И возьми-ка ты жонку за желты кудри
И бей-ка меня, женку, по нагузку!»
Скочил Добрыня с запечки, с закирпичной,
И хватъ Олешу за желты кудря.
И начал-то Олешеньку за волосы поваживать,
125. А гуселками по спине-то охаживать.
А взял свою Настасью Микулишну,
А пошли они во-свосяи на высок терём.

№ 145. (ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ)

Во словном было да Нов-гóроде
Що и жил Буслав да девяносто лет.
Живучи Буслав да он не старился,
Ай на дóстали да переставился.

5. Со Новым-градом да не перечился,
С каменной Москвой да спору не было.
Ай оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое, —
Молодой Василий он Буслаевич.
10. А стал он по улице похаживать.
Он с ребятами да шутоцьки-то пошучивает,
Только шутки были нехорошие:
А кого за ногу хватит, — то нога с колена вон,
А кого за руку хватит, — руку с плеча вон.
15. Собирались-то мужики да новгородские,
Ай собирались ко Васильевой ко матушке.
— «А що ай же ты, Васильева ты матушка,
Молодая Офимья Тимофеевна.
Ай ты уйми своё чадо милое;
20. А що не уймешь Василья Буслаевича,
Да будем учить всим Новым-градом,
А сведем-то ли ко Волхову,
А пихнем-то Васильюшку во Волхово!»
А що тут Васильюшкина матушка
25. А чоботы надела на босы ноги,
А шубу-то надела на одно плечё,
А побежала да всё на улицу,
Ахватила-то своё да чадо малое,
Ахватила-то под правую под пазуху,
30. Начала Василья уговаривать:
— «А що жил Буслав да девяносто лет, —
Хоть бы жил да целу тысящу, —
Живучий Буслав да он не старился,
А на достали да пириставился,
35. Со Новым-градом да не перечился,
С каменной Москвой да спору не было! . . .»
А що тут Василий сын Буслаевич,
А тут Василий сын Буслаевич,
Заводил-то он да всё почестен пир,
40. Накурил Василий зеленá вина,
Наварил Василий пива пьяного.
А на белый двор он бочки накатывал,
А на бочках-то подписи подписывал,
А на ведрах подрези подрезывал:
45. «Весом-то чарка полтора пудá,
А що мерой-то чарка полтора ведра.
А кто выпьет эту чарку зеленá вина,
А и то пойдй ко мни да на почестен пир!»
Собирались да мужики новгородские,
50. Собирались ко Василью на почестен пир.
Ай увидели подписи подписаны,
Ай увидели подрези подрезаны:
— «К чорту-то Василья со честным пером!
Нам не выпить чару зеленá вина,
55. А нам не вытерпеть вязу все черленого!»
А идёт-то маленькой Потанюшко.

- Он на правую ноженьку припадая,
Он да на́ небо все поглядая.
А и говорят-то мужики да новгородские:
60. — «Ай ли ты, маленький Потанюшка,
Не ходи ты на почестен пир,
Ай не выпить тебе цяры зеленá вина,
Ай не вытерпеть ти вязу все черленого!»
65. Ай пришил-то маленький Потанюшко,
А поднимал он чару одной рукой,
А выпивал он чару одним духом.
А прибежал Василий сын Буслаевич,
Ай хватил он его вязом-то черленным, —
А стоит-то Потанюшка, не стрáхнется,
70. Его желтые кудёрки не ворóхнутса.
Говорит Василий сын Буслаевич:
— «Ай же ты, маленький Потанюшка,
Ты поди ко мне во дружинушку хоробрую!»
Ели-то оны тут дóсыта.
75. А пили-то оны тут дóпьяна,
А гуляли-то оны тут да дó позднá.
А тут мужики да новгородские
Заводили-то оны да почестен пир,
Наварили-то оны зеленá вина,
80. Всех князей-бояров на пер пóзвали,
А Василия Буслаева не пóзвали.
Говорит Василий сын Буслаевич:
— «Ай же ты, матушка родимая,
Ты пусти меня сходить да на почёстен пир.»
85. Говорит Васильева тут матушка:
— «Ай же ты, Василий сын Буслаевич,
Ай придут-то тут все званые,
А що вы придете нёзваные,
А незвáным гостям в пёру места нет!»
90. А говорит Василий сын Буслаевич:
— «А що же ты, матушка родимая,
Ты пусти сходить да на почестен пир.
А где место укажут, там сидим,
А що можем достать, то едим и пьем.»
95. Пошли оны да на почестен пир.
Пришли оны да и на почестен пир,
А що крест кладут да по-писáному,
А поклоны-то ведут да по-ученому.
— «Здравствуйте, мужички да новгородские!»
100. — «Здравствуйте, Василий сын Буслаевич!
А поди сюда, Васильюшка Буслаевич,
Ты садись, Василий сын Буслаевич,
Ты садись прямо во большой угóл.»
А тут кормили-то Васильюшка дóсыти.
105. А поили-то Васильюшка-то й дóпьяна,
Говорят оны да таково словó:
— «Ай же ты, Василий сын Буслаевич,
Ты побейся с нами во велик заклад,

- Завтра итти да к реки Вѳлховой,
 110. Ащѳ нам-то битьсѳ всем Новѳм-градѳм,
 А вам-то — вдвоѳм со дружиною.»
 А он хмельным умѳм да пьяным рѳзумѳм,
 Он побилсѳ с ними да ѳ велик заклад,
 Чтѳ завтра-то итти к реке Вѳлховой,
 115. А щѳ им-то битьсѳ со всем Новѳм-градѳм,
 А щѳ двоима со дружиною.
 А приходит-то тут Василий сын Буслаевич,
 Он приходит оттуда со честнѳ пирѳ,
 А у Васильюшки головушка повешена.
 120. А говорит Васильюшке ведь матушка:
 — «Ай же ты. Василий сын Буслаевич,
 А щѳ что у тебя головушка повешена?
 Верно тебя чарѳй побѳбнесли,
 Либо пьяница-собака обесчестила?»
 125. А Василий матушке ответы-то не мог дать.
 А говорит дружинуска хоробрая:
 — «А щѳ же ты, Васильева матушка,
 Он вчерась побилсѳ да во велик заклад,
 А итти к реки да к реки Вѳлхову,
 130. А им-то битьсѳ всем Новѳм-градѳм,
 А нам — двоима со дружинуской.»
 А щѳ тут Васильева-то матушка,
 Она миску клѳла чиста сѳребра,
 На другуѳ-то положила чиста золота,
 135. А побежала-то она да на почестен пир.
 А щѳ крест клѳла по-писѳному,
 А поклоны-то вѳла по-учѳному:
 — «А здравствуйте, мужики новгородские,
 А вот вам дѳроги подарочки,
 140. А вы простите-ка Васильѳ во той винѳ, —
 Он хмельным умѳм да пьяным разумѳм,
 Он побилсѳ с вами ѳ велик заклад!»
 Говорят-то мужики да новгородские:
 — «Ай ты, Васильева ты матушка,
 145. Не простим Васильѳ мы во той вины,
 Чтѳ побилсѳ с нами ѳ велик заклад,
 А не вѳзъем мы дѳрогий подѳрочек.
 Повладеем мы его да всим именицѳм,
 Повладеем его конямы добрыма,
 150. Повладеем его платьѳма цветистыма!»
 А тут-то Офимья Тимофеевна
 Она крест-то на лицо да с терѳма долой,
 А ударила-то потѳм во липинки,
 А улѳтела-то липинка во задний тын.
 155. А вси крѳльцѳ-то, перильцѳ покосилсѳ,
 А вси старѳе тѳрема повалилсѳ.
 А тут вставал он утром ранѳшенько,
 Пошол он на Волховѳ помытисѳ,
 Васильюшка да сын Буслаевич.
 160. А идѳт тут девушка чернѳвушка,

- Говорит она Васильюшке Буслаевичу:
 — «Ай же ты, Васильюшко Буслаевич,
 Що ты спишь да все проклаждаешься,
 Да великоюй невзгодушки не знаешь ты:
165. А прибили твою дружинишку хоробрую!»
 А хватил-то Василий сын Буслаевич,
 А он шубу-то надел на одно плечо,
 А що шляпу он — на одно ухó,
 А хватил-то он свой черлений вяз.
170. Попадает ему стречу старчище Ондронище,
 А его-то старый крестный батюшко,
 А на голове несет софейный самый бóльший колокол.
 Он ударил старчищу Ондронищу.
 А расколол софеин тут и колокол.
175. А начал Василий тут, поскакивает,
 Своим-то вязом все помахивает,
 А куды махнет — лежат улицы,
 А що вот махнет — да переулками.
 А тут-то мужики новгородские
180. Побежали ко Васильевой ко матушке:
 — «Ай же ты, Васильева ты матушка,
 Молодая Офимья Тимофеевна,
 Ты уйми свое цядо милое,
 Ты оставь людей хоть на сéмена!»
185. Говорит Васильева-то матушка:
 — «Не уйму Василья-то Буслаева,
 Не простили вечор-то вы во той вины!»
 А сама-то шубу одеват на одно плечо,
 А чóботы одеват на босы ногй,
190. А побежала-то к реки тут Вóлховой.
 Ахватила да свое цядо милое,
 Под свою под правую под пазушку,
 Начала Василья уговаривать:
 — «А що жил Буслав да девяносто лет, —
195. Хоть бы жил он да целу тысячу, —
 Живучй Буслав да он не старился,
 На дóстали Буслав да переставился,
 С Новým-градóm да не перечился,
 С каменнóй Москвой да спору не было!»
200. Говорит Василий сын Буслаевич,
 Говорит он своей-то матушке:
 — «А ще же ты, матушка родимая,
 Я согрешил большое прегрешеньице.
 Ты спусти меня у Яросóлим-град
205. Ко христову гробу поклонитися,
 Ко христову телу приложитися!»
 А пошли они тут во Яросóлим-град,
 А пришли они на матушку Сивóнь-горú,
 А на Сивóнь-горы лежит да кость да сухойлова;
210. Он пинúл эту кость да сухойлову,
 Говорит-то кость да сухойлова:
 — «Ты бы меня, кость, не попинывал;

- А возьлі лежать тиби во товарищах!»
 — «Ты сама спалá, да сама сон видлá!»
215. Пришли они во Ярославим-град,
 Христову гробу помолилися,
 Ко христову телу приложилися,
 В Ердань-реке да окуналися.
 А идет тут девушка чернавушка,
220. Говорит ему да таково слово:
 — «Ай же ты, Василий сын Буслаевич,
 Да нагим телом в Ердáни-реке не куплются;
 А кто нагим телом окуплется,
 Тот и жив-то мало всё бывал.»
225. — «Ты сама спалá, сама сон видлá!»
 Пошли они взад да в свою стóрону.
 Где лежала кость да сухойлова.
 На том месте лежит синь-камень, —
 А в длину камень двадцать сажон,
230. А в ширину камень десять сажон.
 А говорит Василий сын Буслаевич
 Своей дружинушке хороброй:
 — «Ты скачи поперек-то этта камня,
 А я скачу да вдоль камня!»
235. Скочила дружинушка хоробрая,
 Скочила-то юна поперёк камня.
 А скочил Василий сын Буслаевич,
 Да скочил-то он да вдоль камня,
 Да пал ён грудью да о синь-камень.
240. Говорит он да таково слово:
 — «Ай же ты, моя дружинушка хоробрая,
 Ты поди скажи моей-то матушке,
 Пусть поминат Василия Буславьева!»

№ 146. СОЛОМАН-ЦАРЬ

(ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)

- За славным было да за синім морём
 У прекрасного царя Василья Окульева
 А ще у него было завёден все почестен пер
 На всѣх на князей, на бояров.
5. А ще красное-то солнышко на вечере,
 А почестен пир да был на вёселе.
 А вси-то на пиру да пьяны-веселы.
 А -за стола было да -за дубового,
 А-за того-за перу да за-почёстного
10. А выходит прекрасный царь Василий Окульевич.
 Он всем бьет челом, князьям и да поклоняется.
 — «А ще вы, мои князи-бояры,
 А вси вы на перу да вы накормлены,
 А вси вы на перу да вы напоены,
15. А вси вы на перу да вы поженены, —
 А я у вас один да холост, ня жанат.

- Уж дайте-ка мне супротивную,
 Чтобы стáнечком со мной была рóвненька,
 А росту была бы высокёшенька,
20. А что очи-то у ней — да цёрна соболя,
 Волосóm желтá да и умом сверстнá!»
 С-за того ли стола да со дубового,
 С-за того ли пёру с-за почётного,
 А выходит вор Ивашка да Повáренин,
25. А бьет он целóm царю да поклоняется:
 — «А щё ты, прекрасный царь Василий ты Окульевич,
 Уж я знаю да тебя да супротивную:
 Есть за славным за синím морём,
 А ще есть у царя у Солóмона,
30. А ще есть царица Соломáния.
 А ще ростом она да и высокёшенька,
 А ще очи-то — да ясна сокола,
 А ще брови — да черна соболя,
 Волосóm желтá да и умом сверстнá!»
35. Тут прекрасный царь Василий-то Окульевич,
 Он ударил-то Ивашку по той сторонý,
 Переправил он Ивашка по другой стороне.
 — «Ой ты, вор Ивашка ты Повáренин,
 Как мóжно у жива мужá жена отнять?»
40. А того Ивашка не пытаючи,
 А ще бьет челом царю да поклоняется:
 — Ай же ты, прекрасный царь Василий ты Окульевич,
 Уж я знаю у живá мужá да жану́ отнять.
 Ты сострой-ка мни кораблики червленены,
45. А порáссади ты садики зеленяя.
 Ты поставь там рыбьяную бесёдушку,
 Насади-ка там птицы райские,
 Что бы пели они там песни царьские.
 А клади на столики дубовые,
50. Ты клади питья да забудúщие,
 Оставь ты кроваточки тесовые,
 Ты клади перины да пухóвые,
 А наволóцецьки клади ситцеви,
 Занавесочки-то крусчатой камкí,
55. А Солóману-то — шубу соболиную,
 А царице — кáмочку крусчáтую;
 А хоть не дóрога кáмочка крусчáтая,
 Только дóроги узоры-то заморские.»
 Тут прекрасный царь Василий-то Окульевич,
60. Уж он сделал-то кораблики червленены,
 Он дорáсадил сáдички зеленяя,
 Сделал-то рыбьяную бесёдушку,
 Посадил-то птиц райских,
 Чтобы песенки пели вонý царьский.
65. Клал он туды столицьки дубовый,
 А на столицьки дубовый ествшушки сахáрны.
 Уж он клал в кроватоцьку тесовый,
 На кроватоцьку периноцьки пухóвый,

- А наволоцецьки-то ситцевые,
 70. Занавесочки крусчатой камки,
 А Соломану-то шубу — соболиную,
 А царице-то — камоцику крусчатую;
 А не дорога камбцика крусчатая,
 Только дороги узоры-то заморские.
75. Скоро скажется, да тихо деется.
 А що поеждал Ивашка за синё морё,
 А ему бог-то дал да поветёрице.
 Приеждал Ивашка за синё морё,
 А ко тому ко крутому ко бёряжку,
80. А й выкидывал подмостоцьки дубовыя,
 Выходил на крут на красен бёряжок,
 Приходил к Соломану да под окошецки,
 Закричал-то своим он громким голосом:
 — «А ще в доме есть да Соломан-царь?»
85. А Соломана-то в доме не случилось,
 А случилось царица Соломания.
 А она бросилась да по всё плечь в окно:
 — «Ты ступай, Ивашка, во высок терём!»
 А пришол Ивашка на высок терём,
90. Уж он крест ведет по-писаному,
 Он поклоны ведет-то по-ученому.
 — «Здравствуй ты, царица Соломания,
 А щи вот ти дороги подароцьки:
 А Соломану-то — шубу соболиную,
95. А тебе — камбцику крусчатую.
 А поди оцени живот у меня на садах, —
 А що мни у вас да торговать,
 А що вам-то да платить да пошлины.»
 А подароцьки царице в цесть пришли,
100. Говорит царица Соломания:
 — «Ты торгуй, Ивашка, хоть и год поры,
 Ай торгуй, Ивашка, хоть по два году,
 А що нам с тебе пошлин не надобно!»
 А того Ивашка не пытается,
105. А бьет челом царице, поклоняется.
 — «Ай же ты, царица Соломания,
 Поди оцени живот у меня на садах!»
 Уж и тут царица Соломания,
 Умывалася она тут все белёшенько,
110. Накрутилоси она тут да хорошоохонько,
 И пошла она на кораблики червлененыя.
 Ай увидла она садишки зеленыя,
 Ай увидла она птицюшек-то райских,
 Что поют-ти песни царьских.
115. Она на кроватоцьку тут садилася,
 Она тут-то все принапиласи,
 (Прислушаласи ко всему так...)
 А тут царица охмелиласи.
 А что тут Ивашка да Поваренин,
 Он раздернул белы парусоцики,

120. Ему бог-то дал поветёрьцо,
Полетел Ивашка за синё морё.
Среди моря царица прохмелиласи,
Среди моря царица прохватиласи,
Начала царица слезно плакати:
125. — «Ай же ты, вор Ивашка ты Поваренин,
Ты зачем увез царицу Соломáнию?»
Начала царица слезно пла́кати,
А гут Ивашка уговаривати:
— «Не плачь, царица Соломáния,
130. Буде бог спáсет за славно за синё морё,
А що выдадим замуж за дрúгого,
Ай за прекрасного царя Василья за Окульевича!»
Скоро скажется, да тихо деется,
Приежжали оны за синё морё.
135. Тут сретал прекрасный царь Василий-то Окульевич,
Он брал за ручки ты за белые,
Целовал он во уста во сахарныи,
А сходили-то оны во божью церкóвь,
Уж и приняли да золоты венци.
140. А що жили-то оны да все-то трí годú
А во великом во совете во любви.
Уж Солóман царь Давыдьевич,
Он собирал свою силушку по трí годú,
Он собирал свою силушку великую.
145. По край моря он силушку останавливал,
А своёй-то силушке наказывал:
— «Ай же ты, моя сила великая,
Уж я первый раз затрублю во тúрий рог, —
Вы седлайте-ко добрых коней.
150. А уж я в дрúгой раз затрублю в тúрий рог, —
Садитесь вы на добрых коней.
А уж третий раз затрублю во тúрий рог, —
Приежжайте дáлеча-далёко во чисто полё!»
Тут Солóман царь Давыдьевич
155. Подошел к Василью да Окульеву да под окошечко,
Закричал своим да громким голосом:
— «В доме есть ли нунь прекрасный царь Василий да
Окульевич?»
А Василья-то Окулевича-то дома не случилось,
А случилася царица Соломáния,
160. Она бросилась да вся по плечь в окно,
Говорила она да таково слово:
— «А ще ты, Солóман царь Давыдьевич,
Ты пойди ко мне да на высок терём!»
И пришол Солóман на высок терём.
165. Кормила Солóмана-то дóсыти,
Поила Солóмана-то дóпьяна,
Говорит она таково слово:
— «Ай же ты, Солóман царь Давыдьевич,
Ты ступай теперь да в оковán ларец, —
170. Скоро надо быть Василью да Окульевичу!»

А он хмельным умом да пьяным разумом,
Он да сел в окован ларец.

(Это сундук.)

А приходил прекрасный царь Василий да Окульевич,
Говорила она да таково слово:

175. — «Ай же ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,

Мы кого боялись по три году,

А ще тот у нас сидит да в окован ларьцю,

(Тут вот одно нехорошее слово скажу. Ничего?)

А под моей под . . . . мод бабьею.

Ты казни Солóмана да наскоре,

180. А що тот Солóман-то хитёр-мудёр,

А що есть-то у него сила великая,

Ты казни Солóмана наскори, —

А що есть-то у него сила великая.»

Говорит Солóман царь Давыдьевич:

185. — «А що ты, прекрасный царь Василий-то Окульевич,

Не казни Солóмана ты наскоре,

А казни Солóмана по-царьскому,

Чтобы знали да по всим землям,

Что казнил Солóмана прекрасный царь Василь Окульевич,

190. Что казнил Солóмана да во чистом поли.

Ты пошли своих верных слуг,

Тут поставят столики точеныи,

А кладут-то тут грядочки орлёныя,

А повесят тут петельку шелкóвую.

195. Вы же тут мени повесите!»

Тут послушал прекрасный царь Василий да Окульевич,

Он послал своих да верных слуг:

— «Вы пойдите-ка, послы верные,

Вы поставьте столбы точеныи,

200. Вы кладите грядочки орлёные,

Вы повесьте петельку шелкóвую!»

И повели Солóмана да во чистó полё.

Говорит Солóман царь Давыдьевич:

— «Ай же ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,

205. Я охотник был смолоду да корóв пасти,

Я охочь был стрелять гусей да лёбедей,

Ты дай-ко ми при смерётушки

Во тóрый рог сыграть!»

И говорит царица Солóмания:

210. — «А ще есть Солóман хитёр-мудёр,

А ще есть у него сила великая,

А первую-то петлю прóйдя хитростью,

А вторую-то своей мудростью,

А на третьей все он да и повесится!»

215. Отпоясала от себи да и шелкóв пояс.

А тут Солóман царь Давыдович,

Проиграл-то он в первый раз во тóрый рог,

А що ў моря-то пошел шум велик.

И говорит прекрасный царь Василий да Окульевич:

220. — «А что это у мóря шум велик?»

- Говорит Солóман царь Давыдьевич:
 — «Я охотник был стрелять да гúсей-лéбедей,
 Летят они на царьскую смерётушку, —
 Все-то звери, птицы срадовáлись.»
225. И он дрúгой раз затрубил во тúрий рог,
 Еще больше ú моря шум пошел.
 И он в третий раз затрубил во тúрий рог,
 И налетела силушка великая.
 А в первую-то петельку — прекрасного царя Василья
 Окульевича,
230. А во вторую-то петлю — Ивашку Повáренина,
 А що тут царица да заплакала:
 — «Ты прости меня во той вины!»
 — «Уж я в первой вины могу простить,
 Что пошла ты на сáды черленые;
235. И другу вину тебе могу простить,
 Что пошла ты замуж да за дрúгого;
 А третьей вины не могу простить,
 Что отпоясала свой шелков поя́с!»
 Тут царицу Соломáнию в той пётле повесили.
240. И тут Солóман царь Давыдович
 Собирал свою силушку великую
 И поехал в свою сторону.

XL

СÉВЕРИКОВА Маланья Нефедовна, 88 лет. Жила замужем 70 лет в дер. Лонгасы за местным крестьянином Антоном Сёвериковым. От его брата Петра в 1892 г. была записана одна былина Веселкиным и Новиковым (Тихонравов — Миллер, № 35). Антон Сёвериков умер зимой 1926 г.; после его смерти Маланья Нефедовна переселилась к своей дочери, вдове, — Ошевневой в д. Ошевнево. Маланья Нефедовна сама родом из дер. Конды. Отец ее — Нефед Ефимович Андриянов. По словам Маланьи Нефедовны, былинам и стихам она научилась в Конде, а от кого — не помнит. «Гришку Отрепьева» и стихи она пела, быстро устая. Петь согласилась с большой охотой. По словам дочери, Маланья Нефедовна каждый праздник занимается тем, что поет стихи, сопровождая их плачем. Запись от М. Н. Сёвериковой производилась 16-го и 23-го июня. По словам дочери, Маланья Нефедовна, мечтая сфотографироваться, каждый день готовилась петь.

№ 147. (ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ)

- Как на нас господь поразгневался,
 На наше царство на российское,
 На российское царство, на московское, —
 Дал господь царя несчастливого¹,
5. Несчастливово царя, неверьного.

¹ Вместо: нечестивого.

- Назвался собака прямым царем,
 Прямым царем — царевичем Митриём,
 Царевичем Митриём московским,
 Не поспел вор-собака воцариться,
10. Похотел вор-собака жаниться.
 Не у нас брал в каменной Москвы,
 Не в каменной Москвы, — во храброй Литвы,
 У Юрья пана Сердобольского,
 Да й на самобей меньшей дочери,
15. На той на душеньке Марине на Юрьевной.
 Пер-свадебку играют в Филиппов пост,
 Венец принимали в Миколин день, —
 Микола было у нас в пятницу.
 Дошло это дело до велика дня,
20. До велика дня — до христова дня, —
 Да у того у Ивана великий
 Ударил во больший во колокол.
 И кнѣзи-боѣра к обедни пошли,
 Ко той ко христовской заутрѣной, —
25. А он, Гришка Расстрижка, он в мыльню идет
 Да со душечкой Мариной со Юрьевной.
 Все-то кнѣзи-боѣра богу молятся, —
 Да Гришка Расстрижка в мыльней моется
 Да со душечкой со Мариной со Юрьевной.
30. Все кнѣзи-боѣра от обедни пошли,
 От той от христовской заутрѣной, —
 Да Гришка Расстрижка он с мыльной идет
 Со душечкой Мариной со Юрьевной.
 У Гришки тулуп восемьсот рублей,
35. На Маринке кунья шуба в целу тысящу.
 Да приходит в нову столовую,
 Садилась за столы за дубовые,
 Да за эти за ества сахарнии,
 За эти за пѣтя медвянии,
40. Кушали-рушали да белу лебѣдъ,
 — «Ты послушай-ко, Марина, что я скажу,
 Что я скажу, что я говорю, —
 Я повыведу измену с каменной Москвы!
 Мне пожить-то прожить тридцать лет.»
45. — «Уже прожил ты три году!
 Не прожить-то, тебе и трех часов,
 Не вывести измену с каменной Москвы.»
 Взяли Гришку под божью церковь,
 Ай поганое мясо под окошко бросили —
50. Не надо поганого мяса, нечистого.
 Да выходит да Марфа Ивановна
 На это на царское крылечико,
 Да кричит-то она громким голосом,
 Чтобы слышно было в каменну Москву,
55. В каменну Москву да в хоробру Литву
 К Юрью пану Сердобольскому:
 — «А ваш-то царь переставился!»

XLI

ЛУЧИНА Анна Кузьминишна, 68-летняя старушка из Любо-сельги. Семь лет как овдовела и живет с внучатами в доме умершей дочери. Зять живет в городе, семье ничем не помогает и ничем о себе не заявляет. Внуки работают, крестьянствуют и этим содержат себя и свою бабушку. Анна Кузьминишна сперва уверяла, что ничего не знает, но потом спела «стихи» и старины. От кого научилась — не помнит. От нее записывали былины на фонограф участники ленинградской экспедиции (С. И. Бернштейн и др.) в 1926 году.

О вариантах былин «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра», спетых А. К. Лучиной, см. в примечаниях.

№ 148. (ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ)

- Похотел вор-собака жанитися,
 Вор Гришка Расстрижка Отрепьевич,
 На самой на меньшей на дочери,
 На душевке Марины на Юрьевой.
5. Свадебку играли в Филиппов пост,
 Венец-то принимали в великой пост.
 Дело дотянулось до великого дня,
 До великого дни, до христова дни.
 Князи-бояра ко обедни пошли,
10. Ко той ли христовской заутреней, —
 Вор Гришка Расстрижка во мýльню пошол
 Со той со княгинией великойей.
 Со душевкой Мариной со Юрьевой.
 Князи-бояра богу молятся
15. У той ли у христовской заутреней, —
 Вор Гришка Расстрижка в мыльне моется
 Со той ли княгиной великойей,
 Со душевкой Мариной со Юрьевой.
 Князи-бояра от обедни пошли
20. Со той ли христовской заутреней, —
 Вор Гришка Расстрижка со мыльной пошол
 Со своей княгиной великойей
 Со душевкой Мариной со Юрьевой.
 На Гришке кафтан — восемьсот рублей,
25. На Маринушке шуба — целу тысячу.
 — «Ай же душевка Маринушка Юрьевна,
 Как придешь ведь ты во высок терём,
 Не кланяйся князям ты, боярам,
 Не крести-тко ты глаз на святителей.
30. Садись-ко ты, Марина Юрьевна,
 Садись-ко ведь ты за дубовый стол
 Да кушай-ко ты, рушай белу лебедь.»
 Приходила Маринка-то Юрьевна,
 Приходила она во высок терём
35. Со своим со князем великим,
 Со Гришкой Расстрижкой Отрепьевым.

- Не крестила-то глаз на светителей,
 Не кланялись князьям ведь боярам,
 Садилась оны за дубовый стол.
40. Не успела Маринушка Юрьевна
 Нанести-от она ручки правой
 На эту на белую лебедушку,
 Со своим со Гришкой Отрепьевым,
 Со своим со князем великим,
45. Да тут они порастрескались,
 Тут-то оны поразлопались
 Со своим со Гришкой Отрепьевым,
 Со своим со князем великим.

XLII

БОГДАНОВА Настасья Степановна (девичья фамилия — Зиновьева); собиратель Н. С. Шайжин¹, записывавший от нее в 1901 г., называет ее другую фамилию: Еремеева; родом из деревушки Зиновьевой, рядом с Кондой. Неграмотная. Была замужем за лесным сторожем Богдановым, из д. Половины Шуйской волости (в 24 верстах от гор. Петрозаводска). Год рождения приблизительно 1856; умерла в 1937 году.

Экспедиция повстречалась с Н. С. Богдановой в 1926 г. (вторично в 1928 г.) в Петрозаводске; она тогда жила в маленьком домике на небольшую пенсию, часть которой посылала своему брату, крестьянину д. Зиновьевой, Михаилу Степановичу Зиновьеву, в третий раз овдовевшему и обремененному кучей ребятишек. Былинам Настасья Степановна научилась в детстве от беззубой старушки Гавриловны — «бабушки Шапши» (прозванной так за шамканье), родом из Кижей, и от Домны Васильевны Суриковой, от которой записывал А. Ф. Гильфердинг. К Шапше Настасья Степановна девочкой бегала тайком от матери слушать былины и песни. Былину о «Добрыне и Олеше» Настасья Степановна выучила 10-летней девочкой от Максима Ржанова, портного из с. Пестьянова (Песчаного) с Пудожского берега. Есть основания предполагать, что именно эта былина подверглась наибольшей переработке в творчестве Богдановой. Может быть, именно о Ржанове (сказителе из Песчаного) говорится у П. Н. Рыбникова в первом томе (2 изд., стр. LXXXV). И Шапша, и Сурикова, и Ржанов были учениками Конона Неклюдова с Зяблых Нив.

Помимо приводимых нами 10 текстов, Настасья Степановна раньше знала (теперь забыла) еще несколько былин: про исцеление Ильи, про Илью и Соловья Разбойника, о Дюке Степановиче, о Василии Буслаевиче (все былины в репертуаре кононовской школы, см. в сборниках А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины» и П. Н. Рыбникова «Песни» записи от Д. В. Суриковой, Н. Ф. Дутикова и других). А. М. Астахова записала от Н. С. Богдановой еще былинку «Добрыня и Маринка».

Настасья Степановна привыкла выступать с исполнением былин публично. На нее в свое время (в начале XX века) обратил внимание орга-

¹ Н. С. Шайжин. «Олонецкий фольклор». Петрозаводск. 1906, стр. 118—163 и «Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера. М. 1908, №№ 28, 61, 84.

низатор народного хора Славянский и вывозил ее в Петербург, где Настасье Степановне приходилось многократно выступать перед самой разнообразной публикой, особенно же много перед учащимися школ. Зимой 1926/27 г., а затем весной 1929 г. Настасья Степановна приезжала в Москву, выступала и в студенческих аудиториях, и в Государственной Академии Художественных Наук, и в Институте языка и литературы (РАНИОН), а также в большом концерте в аудитории Политехнического музея (вместе со сказителем Федором Андреевичем Конашковым). Несколько раз Настасью Степановну приглашали выступать ленинградские научные учреждения. Приходилось ей выступать на разных вечерах и в родном Петрозаводске.

Последние годы своей жизни Настасья Степановна получала увеличенную пенсию от Совнаркома Карельской Автономной ССР. Настасья Степановна обладала очень хорошей памятью, чувством ритма, музыкальностью. Раньше у нее был очень чистый и звучный голос, но ко времени записей 1926 г. голос ее ослабел и утратил былую звучность.

Настасья Степановна была человеком живым, наблюдательным, слегка ироничным; умела артистически перенимать чужие жесты и интонации, например, великолепно изображала манеру пения А. Б. Сурикова — тонким дребезжающим голосом. В разговоре с людьми Настасья Степановна всегда соблюдала большой такт и сохраняла чувство собственного достоинства.

№ 149. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

- Во славноём во городи во Кееви
 А у ласкового князя у Владимира, —
 А ласковой-то князь да стóльнѣ-кнѣськой
 В одну порушку да в одно времячко
5. Завел-то он славной да честный пир,
 Открывал-то он честное пированьице,
 Пригласил к себи князей да всех бояринов,
 А и русьских могучих богатырей.
 А вси-то й на перу да угощались,
10. А вси-то на перу да разгулялися.
 Говорил тут князь да стóльнѣ-кеевьськой:
 — «Ах ай же удалы дóбры мóлодци,
 Вси-то вы таперице поженены,
 Ах княгини-то вси за вас повыданы,
15. Один-то я мóлодец вот холост стал.
 Уж вы ездите, удалые молодчики,
 Вы по всим странám да вы по всим ордам.
 А не знаете ли мни да супротівнойей?
 Чтобы расту-то была она высокого,
20. А станом была да становитая,
 Личём-то была она белёшенька,
 У ёй очи были б ясна сокола,
 Да брови бы были да чóрна соболя,
 А собой бы была она смиреная,

25. Умом бы сверстна́ да волосом желта́,
Волосом желта́ да голосом жалка́!»
Вси молчали князи-боѣрины,
Вси молчали могучии богатыри.
Вставал тогда сильнѣй Дунай Иванович,
30. Он вставал скорѣнько на резвѣ ногі,
Говорил тут князю таковы слова:
— «Ах вы, ласковый князь наш красно солнышко,
Я осмелюси тиби слово вымолвить.
Уж я знал бы теби да супротивную,
35. Только далече-далѣко за синім морѣм,
Во том ли-то во царстві во невѣрном
У того ли Короля да Лихоймьського
Да и есть-то дочь Опра́ксія Микулишна.
Она расту есть да и высокого,
40. Станом-ы-та й она становітая,
А совсим смотреть — она красивая!»
Говорил в ответ да князь да стóльнѣ-киевьської:
— «Ай же ты, сильнѣй Дунай Иванович,
Уж ты, славной наш похвальной добрый мóлодец,
45. Бери-ка ты силушки по-на́добю,
Ты без счету бери да золоту казну,
Уж ты съезди туда да за синѣ морѣ,
Ко тому ли Королю ко Лихоимьському,
А не можешь ли сосватать супротивную?»
50. Отвечал в ответ сильнѣй Дунай Иванович:
— «Ах вы, ласковый князь красно солнышко,
Мне не надо твоей силушки по-на́добю,
Не без счету не надо золотой казны,
Уж ты дай-ко мне единого похвальщика,
55. Супротив меня могучего богатыря, —
Уж ты дай-ко мни Добрыню свет Никитича:
У Добрынюшки силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
У нас сила с Добрыней одинакая!»
60. Говорил тут князь да стóльнѣ-киевьської:
— «Ах и ай же Добрыня свет Никитинеч,
Поежжай же ты с Дунаём за синѣ морѣ.
А не можешь ты сосватать супротивную?»
Садился ко столу да он ко чѣстному,
65. Написал-то письмо да запечатывал,
Подавал тогда Дунаюшку Ивановичу,
Говорил при том да таковы слова:
— «Ай же ты, Дунай да свет Иванович,
Как приедите во царство во неверное,
70. Ко тому ли королю да на широкий двор,
Как вы зайдете к нему да во полатушку,
Как вы явитесь к нему да во высок терѣм,
Ты подай ему да эту гра́матку.
А вели п(ы)рывать да распечатывать,
75. А читать проси ты да немедленно,
А ответ проси да поскорѣшенько.

- Отправляйтесь, голубчики, живёшенько!»
 Стояли тут оны да на резвѣх ногѣх,
 Становились на гридень на столовую.
80. Кресты-то положили по-писаному,
 А поклоны проводили по-ученому,
 На вси на три, на четыре на сторонушки
 А ко князю ко Владимиру в особину.
 Отправлялися с перу да из со чѣстного.
85. Выходили со терема высокого,
 А с того ли со двора да со широкого,
 Заходили на свои двory широкие,
 Не входили в палаты белокаменны,
 Не являлись совсим да вот во теремы,
90. Заходили прямо в стойла лошадиныи,
 А брали, брали да коний добрых,
 Вот уздали-то седлали коней добрых,
 Полагали они войлуки-то мягкие,
 Да на войлуки седельшки черкальские,
95. А затыгали затыженьки шелковыи,
 Застегали оны пряжечки злаченныя, —
 А затыженьки-то тянутся — не сбрутся,
 Да пряжечки от дожджика не ржавѣют.
 Они брали-то во ручки плетка шолковыи,
100. Садились-то удалы на добрых коней,
 Не воротыма поехали широкима.
 Скочили через стены городобвыи, —
 Только видели молодчиков тут сядучи,
 Не видали с широких дворов поедучи.
105. А от них пошли поездки богатырьские,
 От коней пошли поступки лошадиныи, —
 В чистом поле только дым и пыль столбом стоит, —
 Отправились далече за синѣ морѣ
 По путистой широкой дороженьке.
110. Продолжали много времени в дороженьке,
 Они съехали, удалы, за синѣ морѣ
 В тоѣ-то во царство во неверное,
 Ко тому ли Королю да Лихоймьскому.
 Подъезжали ко двору тому широкому,
115. Без доклада въезжали на широкий двор.
 Не воротами приехали широкима,
 А скочили через стену городобвую.
 Слезали-то молодчики с добрых коней,
 Говорит сильней Дунай Иванович:
120. — «Ай же ты, Добрыня свет Никитинеч,
 Туды ты пойдѣшь, да й ли мне итти?»
 Говорит-то Добрынюшка Никитинеч:
 — «Уж ты сам пойдѣ, Дунай Иванович,
 Уж я буду-то по дворику похаживать,
125. Коней добрых-то буду разваживать.»
 Они друг с дружкой да распрощалися, —
 Остался-то Добрыня в широком дворе,
 Отправился Дунай да во полатушку.

- Ай без спросу входил да во полатушку,
 130. Без долóги-то явился во высок терём.
 Ко тому ли Королю Лихоймьському.
 Остановился на гридню на столовую,
 Кресты положил да по-писа́ному,
 Поклоны вси провел да по-ученому,
 135. Королю Лихоймьському в осóбину:
 — «Уж и здравствуй, королевское величество!»
 Говорит Король да Лихоймьския:
 — «Ты какой земли да ты какой орды?
 Да откели да вот прибýл сюда?»
 140. Отвечал в ответ Дунай да свет Иванович:
 — «Уж я есть-то со города со Кеева,
 К вам приехал я от князя от Владымыра,
 А извольте принять да письма-гра́матку,
 Принимайте письмо да распечатайте,
 145. А читайте нашу гра́матку скорёшенько,
 А ответ ми пожалуйста немедленно.»
 Садился ко столу он ко дубовому,
 Распечатывал письмо да он прочитывал,
 Прочитывал-то гра́матку да всю с коньця,
 150. Говорит своим слугám верным:
 — «Ай же вы, слúги мои да и верны,
 Вы берите ключи да сталёные,
 Отмыкайте-ко вы погребы глубокие,
 Отпирайте-ко вы ледники холодные,
 155. Посадите-тко Дунаюшка Иванова
 Не надолго посадите — на тридцеть лет.
 Пускай-ко Дунай нагуляется,
 Ума-разума набирается, —
 Да без доклада не приеде к Королю во двор,
 160. А без спросу-то во полатушку,
 Без долóгу-то не явится в высок терём!»
 В тую пору, в тую времячко
 Разгорелось у Дунаюшки сердеченько,
 Расходилась у Дуная сила богатырьская, —
 165. Вздынул как свои да ручки белые
 Выше своей-то млáдоей головушки;
 Уж он хряснул во столики дубовы, —
 Дубовы столики во щепь прикололися,
 А окошечки в стена́х да вси покóсились,
 170. А хрустальны стёкольци прикололися,
 Дубовы́ верей вси заряжа́йдали.
 А король-то за печку затуляется,
 Куньей шубонькой король да закрывается,
 Говорит своим да слúгам верным:
 175. — «Вы берите ключи да золоченые,
 Отмыкайте-ко ларци да оковáныя,
 А берите там цвётныи платыця,
 Облачайте-ко Опраксию Никулишну,
 Одевайте, справляйте во замужество.
 180. Уздайте, седлайте коня доброго,

- Отправляйте вы во Кеев-град
 За того ли-то за князя за Владымыра,
 А за князя туда да во замужесво!»
 Снаряжали слуги его верные
185. Платья цветные, пышнонарядныи,
 А уздали, седлали коня доброго,
 Полагали оны войлуки мягкие
 Ах на седельшко черкáльскойё,
 А садили-то кнегиню посажоную,
190. Отправляли её со широка двора,
 Тут скорешенько-то прощалисе,
 А ы горькима слезамы обливалися.
 Тут воротыма проехали широкима,
 Повезли одну кнегыню посажоную.
195. Выезжали на широкую дороженьку, —
 А сустигла их тёмная ноценька,
 Со всех сторон тут затёмнило,
 Заезжали оны да на зелёной луг,
 Слезали-то молодчики с добрых коней,
200. Опускали кнегыню посажоную,
 Затенули они флаки полотняныи,
 (*Не флаги, а флаки!*)
 Коротали тут темную ноценьку,
 А до белого тут да до светушку,
 Поутрушку вставали тут молодчики,
205. Посадили кнегыню да на добра коня,
 А самы сели удалы на добрых коней,
 Выезжали на широкую дороженьку,
 Увидали — по широкой дороженьки,
 По дороженьки убина проехала,
210. У лошадушки по щётки ступано.
 Говорит сильней Дунай Иванович:
 — «Ай же ты, Добрыня свет Никитинич,
 Поезжай да ты один да за синё морё,
 Ты вези один кнегыню посажоную,
215. Я один поеду теперь во чисто полё,
 Знаю, есть-то во чистом поли наездничек,
 Ах он ищет себе поединщика.
 Либо убина убью да либо сам паду!»
 Они друг с дружком тут распрощалися,
220. Оны горькима слезамы обливалися,
 А отправился Добрыня свет Никитинич,
 А один повёз княгыню посажоную.
 Отправился Дунай во чисто полё.
 Подъезжает ко чистому ко полюшку,
225. Ко тому ли ко широкому раздольицу, —
 Увидал Дунаюшка наездника.
 А не чер(ы)ной-то ворон в поли пурхае,
 А и ездит в чистом поли наездничек,
 На добром-то кони по полю поскакивал,
230. А булатною палицей помахивал,
 А за облоки палицей захватывал,

- Лево́й-то руко́й па́лицьку подхва́тывал,
 В рука́х па́лицька́ была́ — девяно́сто пуд.
 Уви́дал как вот нае́здничек Дунаю́шка,
 235. А разъе́хались по чистому́ по полю́шку,
 По тому́ ли по широ́кому раздо́льщию.
 Они́ вме́сте настрету́ стретали́ся,
 У них па́лицы да вду́рг да прило́мались, —
 Ни́который ни́которо́го смочи́ не мог.
240. Разго́релось их рети́вая се́рдеченько,
 Расхо́дилася си́ла бо́хатырьска́я,
 Разъе́хались по чистому́ по полю́шку,
 По тому́ ли по широ́кому раздо́льщию.
 Они́ дру́г дру́гу настрету́ стретали́се,
 245. А шты́ки у них да дру́г о дру́жку прило́мались, —
 Ни́который ни́которо́го смочи́ не мог.
 Разго́релось их рети́вая се́рдеченько,
 Расхо́дилася си́ла бо́хатырьска́я,
 Разъе́хались по чистому́ по полю́шку,
250. По тому́ ли по широ́кому раздо́льщию.
 Они́ дру́г дру́жку настрету́ стретали́ся,
 А ще́ тут-то по́шли да на кула́чной бо́й.
 Ах и сшиб-то Дунаю́шко нае́здника,
 Его́ сшиб да со до́бра́ коня́.
255. Спу́стил-то его́ да во сы́ру землю́,
 Стано́вился ему́ да на бе́лую гру́дь.
 Вы́дергал-то со но́жней да о́стрейный но́ж,
 А занес-то со пле́ця, с ру́ки право́й,
 Уж он хо́чет-то пласта́ть груди́ белы́е,
 260. Уж он хо́чет вынима́ть се́рце с пече́нью, —
 Во пле́чи́ тогда́ рука́ да засто́яласи,
 Не мо́жет он пласта́ть да груди́ бело́й.
 Гово́рит Дунаю́шко нае́зднику:
 — «Ты како́й земли́ да ты како́й орды́?»
265. Отвеча́л Дунаю́шку нае́здничек:
 — «Ни́чего-то у меня́ ты не спра́шивай,
 А пласта́й да груди́ белы́е,
 Вынима́й-ка мое́ се́рце с пече́нью!»
 Разго́релось у Дунаю́шка се́рдеченько,
270. Расхо́дилася си́ла бо́хатырьска́я,
 А занес о́пять он о́стрейный но́ж,
 Уж он хо́чет пласта́ть да груди́ белы́я, —
 Во пле́чи́ о́пять рука́ да засто́яласи.
 Гово́рит си́льней Дуна́й Ива́нович:
 275. — «Ска́жи-ко, ска́жи, попове́дай ми́,
 Ты како́й земли́, ты како́й орды́?
 Ты како́го роду́-сло́вия?»
 Отвеча́л Дунаю́шку нае́здничек:
 — «Кабы́ был я у тебе́ да на бе́лых гру́дях,
280. Ни́чего бы́ совси́м да я не спра́шивал,
 Пласта́л бы́ я пра́мо груди́ белы́е,
 Вынима́л бы́ у тебе́ се́рце с пече́нью!»
 Разго́релось у Дунаю́шки се́рдеченько,

- Расходилась опять сила богатырьская,
 285. Заносил-то с плеча он острейный нож, —
 Во плечи опять рука застояласи.
 Говорит тут сильняй Дунай Иванович:
 — «А скажи-ко, скажи да мни, пожалуста,
 Ты какой земли, ты какой орды?»
290. Ты какого есть да роду-словия?»
 Отвечал в ответ Дунаюшке наездничек:
 — «Когда много стал ты спрашивать,
 Наконець буду я тебе рассказывать.
 Уж я есть-то Лизавета Николаевна,
 295. Короля дочь да Лихоймьського.
 Как не знаешь ты великой победушки:
 А вчерашним божиим да дёнечком
 Вот приехали-то русьскии богатыри,
 Увезли мою-то сестрицу родимую,
 300. Увезли они Опраксию Микулишну,
 Они её во полон взяли,
 Во полон може взяли да обесчестили!»
 Соходил тут Дунай да со белых грудей,
 Говорил тут ей да таковы слова:
305. — «Ах и ай же Лизавета Николаевна,
 А идёшь ли за меня да во замужесьво?»
 Отвечала Лизавета Николаевна:
 — «Разве ты да нунько холост есь?»
 Вот и брал он ю за белую руку,
310. Человал во уста её сахарныя,
 Посадил-то сам княгыню на добра коня,
 Да садился сам сильней Дунай Иванович.
 Вот поехали за синее за морюшко,
 А приехали во славный да во Киев-град.
315. Тут кончался пер у князя у Владимира,
 А завелся пер у Дунаюшка Иванович.
 А женился-то Дунай да свет Иванович
 На королевны Лизаветы Николаевной.
 Стала жить-то Лизавета Николаевна.
320. Говорит-то Лизавета Николаевна:
 — «Ай же ты, сильней Дунай Иванович,
 Ты поди-поди да во чисто полё,
 Положи-ка на головушку острейной нож,
 А на ножичек колечки золочёныя.
325. Я повыйду на балконы на высокия,
 А повыстрелю со стрелочки калёной,
 Попаду ль тебе в колечки золочёныя?»
 А пошел Дунай да свет Иванович,
 Положил-то на головушку острейный нож,
330. Вот на ножичек колечки золочёныя,
 Выходила на балконы на высокия.
 А повыстрелила со стрелочки калёной,
 Попадала-то в колечки золочёныя.
 Говорит сильней Дунай Иванович:
335. — «Ты поиди-ко теперь во чисто полё,

- Положи-ко на головушку да острейный нож,
 На ножичек колечки золочёныя,
 Я повыйду на балконы на высокия,
 А повыстрелю со стрелочки с калёной,
340. Попаду ль теби в колечки золочёныи.»
 Говорила Лизавета Николаевна:
 — «Не попасть теби, да ты убьёшь меня,
 Потребишь ты моих малых детёнышей, —
 У меня-то во чреве да два вьюноша!»
345. Не послушал сильней Дунай Иванович,
 Послал он Катерину¹ Николаевну,
 Положил на головушку острейной нож,
 На ножичек колечки золочёныи,
 Он повыстрелил со стрелочки калёной,
350. Не мог попасть в колечки золочёныи,
 А пострелил её да во белую грудь,
 Убил тут свою да молодую жену,
 Молодую жену, да любимую семью.
 Пришел Дунаюшко в чисто поле,
355. А лежит-то Лизавета Николаевна
 Бездыханна да неподвижная.
 Выдергáл с ножей да он острейной нож,
 Распластал-то чрево он да женьское,
 Ай увидел два малых вьюноша, —
360. Разгорелось у Дунаюшка сердеченько,
 Расходилася вся сила богатырьская,
 Поставил тогда острейной нож
 Тупым концом во сыру землю,
 Вострым концём себе во белу грудь.
365. Говорил при том да таковы слова:
 — «Куда падет головушка Дунаева, —
 Протеки-ко тут да Дунай-река,
 Куда пала головушка Лизаветина, —
 Протеки поперек да речка Черная, —
370. А водошка с водою да не мешайся-ко!»

№ 150. ДОБРЫНЯ НИКИТИНЕЦ

(ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- Ох, как во славноём во городе во Киеви,
 Да у ласкового у князя у Владимира, —
 А ще ласковой-та князь да стольнё-киевьской
 В одну пору, в одно времячко
5. Он завел-то вот ы славной тут честный пир,
 Вот и открывал-то он честное перованьце.
 Пригласил к себе всех князей да всех бояринов,
 Уж он русских могучиих богатырей,
 Полениць призвал к соби удалых.
10. Да увси тогда на пер прибиралисе,

¹ Оговорка сказительницы.

- Да увеи они да на перу да разгулялися,
 Они увси ту(т) на пиру да угостьщалисе.
 Они вси тут да принапилися,
 Оны сделались вси да в хмѣльном разуми,
15. Ах и вси тогда оны тогда порасхвастались.
 Ой да умной хвастал-то всё житьем своим,
 А безумный-то хвастал всё богатством,
 Да иной-то тут всё цвѣтным плáтьицѣм,
 Да который-то похвастал да добрым конем,
20. А и Дюк Степанович своєю удалю,
 Да Олешенька Попович да своєю смелостью,
 А Чури́ла да Шаплѣнкович своим наречием.
 Говорил тогда Василий свет Буслаевич:
 — «У меня таперь, у доброго у мѡлодца,
25. Куньи шубоньки висят у нас не ношены,
 Добры ко́мони стоя(т) у нас не ежжаны;
 Золотой казны да сметы нет.»
 А един тогда Добрыня свет Никитинич,
 Он один ничим не хвáстаѣ.
30. Говорил тогда-от князь да таковы слова
 Он Добрынюшки Никитичу:
 — «Вот вси-то у меня-то тут расхвастались,
 А и что же ты, Добрыня свет Никитинец,
 Да е один ничим не хвáстаѣшь?»
35. Отвечал в ответ Добрыня таковы слова,
 Он и князю да Владымыру:
 — «Ах вы, ласковой да князь красно-солнышко,
 Не осмелюси тебѣ да слѡва вымолвить,
 Вот и нечем топерь мни выхвастывать.
40. Ах и нету ни именья, ни богатства,
 Ах и нету-то без счету золотой казны, —
 Только есть одна по ндраву молода жена,
 Молода жена, да любимá семья,
 Любимá семья, Наталья свет Никулишна!»
45. В тую пору, в тое времечко
 Разгневались-то тут русьские богáтыри
 На того-то на Добрыню на Никитича,
 Насказали оны князю да й Владимиру,
 Что и есть в полѣ таперь наезники,
50. А и ищут-та оны таперь да поединщика,
 Да нам нет кого туды отправить,
 Окромя того Добрынюшки Никитича:
 У Добрынюшки есть силушка великая,
 У Добрынюшки лошадушка звериная, —
55. Приочистит вси широкии дороженьки,
 Тогда и смела нам везди выежжать будѣт.
 Они думали — скорѣшенько придумали,
 И скоренько да надумали,
 Да назначили Добрыню тут на зáставу.
60. Говорит тут князь да стольно-киевской:
 — «Ты послушай-ко Добрыня свет Никитинич,
 Поежжай-ка, брат, на зáставу,

- Поежжай-ка, отправляйся, брат, немедленно,
Очищай ты вси широкии дороженьки,
65. Чтобы смело поежжай везде да выежжать будё, —
Не надолго поежжай — на двенадцать лет!»
Тут стоял тогда Добрыня на резвѣх ногѣх,
Становился на гридню на столовую, —
Задрожали у него да резвы ноженьки,
70. Помутились у него да очи ясные,
Ай поблекло у него да личко белое.
В тую пору, в тое времячко
(В)стал Добрыня свет Никитинич, —
Он кресты положил по-писаному,
75. Все поклоны он провел по-ученому,
На вси на три тут, на четири на сторонюшки,
А и князю-то Владимиру в особину.
Отправился со перу он со честного,
Выходил час со терема высокого,
80. Со палаты белокаменной.
И он по лестницям-то шел — слезны плачетсы,
Он к дверям-то — богу молится.
Выходил со того двора широкого,
Подходил к своему двору широкому,
85. Подходил ко палаты своей каменной.
В тую пору, в тоё времячко
Как сидела-то родитель ёго маменька
Пожилá вдова Офимья Александровна
Во высоком злаченоем во тереме
90. Под косйтчатым окошечком,
Вот смотрела сквозь хрустальнѣ стекольшко.
Увидала тут Добрынюшка Никитича
Да й проход со перу тут со честного.
Как тогда Добрыня свет Никитинич,
95. Он взошел да на широкий двор,
Не входил в палату белокаменну,
Не являлся он в высок терём,
Заходил прямо во стойло лошадиное,
Уж и брал он там коня доброго,
100. Золоту узду он брал тогда со стопочки,
Шолкову плеть со гвоздика,
А черкальска седельшко со мѣстичька,
Выходил да на широкой двор.
Говорила тут Офимья Александровна
105. Да й Настасье свет Микулишной:
— «Как прошол-то й наш удалой добрый мблodeц,
Он й с перу и с честного.
Он и шол и с перу, не весёл прошол,
Не весёл прошол, не радошен, —
110. Преклонивши младая головушка,
Изменивши да личко белое,
Утопивши у него да очи ясные
Ах да во матушку сыру землю.
Не является он что-то во высок терём!»

115. Говорила тут Настасья свет Никулична:
— «Ой бежи-ко ты скорее во широкий двор,
Уж и где он теперь да прокладается,
К нам во терем что же долго не является?»
Тут бежала да Офимья Александровна,
120. Ах 'скоршенько бежала на широкий двор,
Увидала своего да сына милого,
Увидала тут Добрыню свет Никитича.
Он уздает-седлает коня доброго,
Полагает он войлучки мягкие,
125. Ой на войлуки седельшко черкальское,
Он затягивает затяжечки шелковые,
Затягивает он пряжечки злаченные, —
Тут затяженьки, пряженьки от дождичка не ржавеют.
Подходила тут родитель его маменька,
130. Ай честна вдова да Офимья Александровна,
Говорила ему да таковы слова:
— «Ну вот а й мое да чадо милое,
Что же ты и с перу не весёл пришол,
Не весёл пришол, не радошен?
135. Или место там тебе было не по чину?
Или чарой там тебя приобносили?
Ли какая собака приоблаяла?
Наконец куда теперь да отправляешься,
Да далече ли таперь да отдаляешься,
140. К нам во терем ты да не являешься?
Нам когда тебя таперь в окошечко посматривать?»
Тут Добрынюшко-то маменьке говаривал,
Да своей-то он родименькой высказывал:
— «Ты не спрашивай, родитель моя маменька,
145. Ты не спрашивай меня да не выведывай,
Моему таперь ретивому сердеченьку
Не давай ты мне великой надзолушки!
Уж как ты меня несчастного породила!
Зародила ты на свет меня несчастного,
150. Зародила неталанного,
Зародила ты на свет меня несмелого,
Зародила ты нерезвого,
Спородила ты меня да неудалого!
Уж ты лучше бы меня да ни родила бы,
155. Уж ты лучши во чревь да задавила бы,
Ты во сырём дубу ты меня да заморила бы,
Во синём морі меня затопила бы,
Да на белый свет меня да не спустила бы!
Уж я лучше бы, молодёц, нерожен был,
160. Уж я лучше бы нерощен был,
Все бы лучше бы мо́лодец неже́нен был,
Уж и лучше бы на пер неприглошонный был!
Зародила б ты, родитель меня маменька,
Уж ты удалью в Дюка Степановича,
165. По наречью в Шурилу Шаплёнкова,
Уж ты смелостью в Олешуньку Поповича!

- Уж как был-то я на честном пиру,
 Было место мне да и по чину,
 Да и чарой-то меня не обносили там,
 170. Никакая тут собака не облаяла.
 Вот и вси-то на пиру да напивались,
 Вот и вси-та порасхвастали.
 У миня-та как, у доброго у молодца,
 Не хватило разума в головушку,
 175. Да на малой не хватило на единый час, —
 Уж я глупой-неразумной повыхвастал,
 Уж похвастал я да молодой женой,
 Молодой женой, да любимой семьей,
 Любимой семьей, Настасьей свет Никулишной.
180. Россердились тут ведь русские богатыри
 На меня теперь, на доброго на молодца,
 Насказали-то князю да й Владимиру:
 «А и ищут соби да поединщика наездники,
 А нам ведь некого отправить ё,
 185. Окромя нам Добрыни свет Никитича!»
 Вот назначили меня таперь на заставу
 Не надолго — на двенадцать лет.
 А ты бежи скорей во высок терем
 Да скажи Настасье свет Никулишной,
190. Если хочет увидеть, — пускай сейчас придет,
 А не хочет увидеть, — пускай к окну не идет!»
 Оны с маменькой тогда да распрощались,
 Оны горькими слезамы обливались.
 Тут побежала-то Офимья Олександровна
195. Да скоренько во высок терем,
 Говорила тут Настасье свет Никулишне:
 — «Ты сидишь ты во высокоем во тереме,
 Над собой ты невзгодушки не ведаёшь;
 Ведь уежжаёт-то свет наше й любимое,
200. Отъежжаёт-то наш удалой добрый молодец
 И седлает-уздает-та коня доброго.
 Ты бежи скорее таперь на широкой двор,
 Ты выпрашивай его да выведывай:
 Нам когда его пождать, когда в окошечко посматривать?»
205. Тут бежала Настасья свет Никулишна
 Да скоренько да на широкой двор,
 Увидала там Добрынюшку свет Никитича.
 Он сидит да там на добром коне,
 Он да держит-то во ручке плеточку шелковую.
210. Подбегала она тут к нему скорешенько,
 Забегала-то с плеча, да боку правого,
 Да ко той-то ко правой стремяночки,
 Тут смотрела она на него еще прямешенько,
 Говорила ему она милешенько:
215. — «Ай же ты, Добрыня свет Никитинеч,
 Ты куда таперь от нас отправляешься?
 Ты далечя ли отдаляешься,
 Нам во терем сегодня не являешься?»

- Нам когда тебя пождать?
220. Когда в окошечко посматривать?
Тут сидел-то Добрыня свет Никитинец,
Шолковой плеткой частёшенько помахивал,
С молодой женой Добрыня разговаривал,
Говорил он ей таковы слова:
225. — «Ну вот а й да ты, моя да молода жена,
Молода́ жена, да любима́ семья,
Любима́ семья, Настасья свет Никулишна!
Когда ты про за́ставу стала выпрашивать,
Тогда я буду тебе рассказывать:
230. Уежжаю я таперь на за́ставу,
Не надолго уежжаю — на двенадцеть лет.
Уж ты год не жди миня, друго́й не жди,
Ты на третий год в окошечко не взглядывай.
Уж как буду я стоять я там на за́ставы,
235. Не приеду к вам домой да из чиста́ поля.
Приежжать к вам будут гости да немилые,
Привозить вам будут вести нехорошие:
«А и нет в жива́х Добрыни свет Никитича,
Отрублена его буйная головушка!» —
240. Ты не верь, Настасья свет Никулишна,
Ни князьям не верь и не бояринам,
И ни могучиим богатырям.
И частёшенько будут приежживать,
И близёшенько будут подхаживать,
245. Да милёшенько вам будут разговаривать,
Да в очах будут тебя обманывать,
А и замуж-то тебя будут тут подсватывать, —
Ты жди того времечки двенадцать лет.
На проход будет времени двенадцать лет,
250. Как не приеду если со чиста́ поля,
Ты не верь, моя Настасья свет Микулишна,
Ты частёшенько в зеленый сад похаживай,
На кудрявые рябиночки посматривай,
Как прилётит тут голубь со голубкою,
255. С куста на куст будут перелетывать,
Промежду́ собой будут возгүркивать,
Что нет жива́ Добрыни свет Никитича,
Да отрублена-га й буйная головушка,
Он головушкой лежит да под ракивов куст,
260. А резвыма ногамы ко Пуща́й-реки,
А сквозь толстые кудёрышки трава растет,
Ты потом, моя Настасья свет Никулична,
Хоть вдовой живи, да хоть замуж пойди,
Хоть за князей поди, хоть за бояр поди,
265. Хоть за русьских могучиих богатырей, —
Только ни ходи-ко ты, Настасья свет Никулична,
Ты за смелого Алешу за Поповича,
Та й за женьского насмешника!»
Ах и тут у Настасьи свет Никулишной
270. Задрожали ручки белые,

- Ах подрезало у ё и ножки резвые,
 Помутились очи ясныё,
 Вот поблекло у ей-то личко бѣлоё,
 Она горькима слезами тут заплакала,
275. Не могла стоять на резвых на ноженьках,
 Тут упала о сыру землю.
 Приклонился тут Добрыня свет Никитинич,
 Он прощался с своей молодой женой, —
 Она видала Добрыню только сядучи,
280. Не видала с шірока двора поедучи.
 Не воротамы поехал тут широкима,
 Да скочил-та через стену городовую.
 От ёго пошли поездки богатырские,
 От коня пошли поступки лошадиные, —
285. А в чистом полі пыль столбом стоит.
 Тут отправился Добрынюшка на заставу,
 Он далече во чисто полё,
 Уж и как стал да й Добрыня свет на заставы.
 Тут неделя за неделей быд-то дождь дожджит,
290. Месяцы идут, как ручей бежит.
 А и времячко идет, как река шумит, —
 А не видно тут Добрыни из чиста поля.
 Как прошли тут времячка три годá,
 Тут не видно Добрыни из чиста поля.
295. Приходила тут родитель его маменька,
 Пожила вдова Офимья Александровна,
 Приходила она тут ко князю ко Владымыру,
 Горько тошно тут она да покаряласи,
 Она низко да поклоняласи.
300. Тут не белая березка к земли клонится,
 Не сучечки ко земли да приклоняются,
 Не листочки по земли да расстилаются,
 Поклоняется да родитель его маменька.
 Говорила-то тут-ко князю таковы слова:
305. — «Ай же ты, князь красно солнышко,
 Ты за что послал моего чада милого,
 Чада милого, дитя любимого,
 Вы отправили его теперь на заставу,
 Вы безвинного его да беспричинного?»
310. В первой винушке вы простите-ко,
 Да со заставы его да воротите-ко!»
 Отвечал-то князь во ответ да стольнѣ—киевьской:
 — «Вот приказанное да пополнять надб!»
 Теперь времячко будто дождь дожджит,
315. Теперь месіцы идут, что ручей бежит,
 А наше времячко идет, что река шумит.
 Как прошло того времени шесть годов, —
 А не видно Добрынюшки с чиста поля.
 Тут отправил тут князь да стольно-киевской
320. Тут Олешеньку Поповича
 Да узнать (о) Добрынюшке Микитиче.
 Он послал его во чисто полё.

- Он приехал со чиста поля
 Ко князю ко Владимиру,
 325. Говорил он да таковы слова:
 — «Что нет жива Добрыни свет Никитича,
 Да й отрублена да буйная головушка,
 Он головушкой лежит под ракивов куст,
 А резвыма ногама ко Пущай-реки,
 330. А сквозь желтыи кудерышки трава растет!»
 Говорил тогда-от князь да стольно-киевьской:
 — «Поди съезди ко Настасье свет Никулишной,
 Ко Офимье Александровной,
 Ты снеси-ко весть нерадостну!»
 335. В одну пору тут тогда, в одно времячко,
 Тут приехал тогда Олешенька Попович вот.
 Без доклада он приехал на широкий двор,
 Не воротами широкима, —
 А скочил через стену городовую,
 340. А слезал да со добра коня,
 Привязал коня добраго
 Ко тому столбу да ко точеному,
 Ко тому кольчу да золоченому.
 Он без допросу идет в палату белокаменну.
 345. Он явился во высок терем,
 Становился на грядень на столовую,
 Он кресты полагал да по-писаному,
 Все поклоны тут провел тут да по-ученому,
 На вси на три, на четыре на сторонушки,
 350. Да Добрынюшкиной маменьки в особину.
 — «Уж ты здравствуй-ко, Добрынюшкина маменька,
 Пожила вдова Офимья Александровна,
 Я приехал-то топерь да из чиста поля,
 К вам привез да весточку нерадостну,
 355. А вот нет жива Добрыни свет Никитича,
 Ай отрублена у него-то буйная головушка!»
 Вот тут горько-тошно порасплакались
 По Добрыне по Никитиче.
 Вот уехал тут Олеша с широка двора.
 360. Прошло времени олять как дождь дожджит,
 Год за годом, как река бежит,
 Прошло того времени девять лет, —
 Нет Добрынюшки Никитича с чиста поля.
 Стал частешенько Олешенька поежживать,
 365. Стал Добрынину жену замуж посватывать.
 Как прошло-то ровно времени девять лет, —
 Не приехал-то Добрыня со чиста поля.
 Тут приехал князь со княгинею,
 Со Опраксией Никулишной,
 370. Да с Олешенькой Поповичем,
 Они сватать Настасью свет Никулишну
 За Олешу свет Поповича.
 Принимала тут Настасья свет Микулишна,
 Принимала она тут дорогих гостей,

375. И угощала она да гостей милых.
Она князя подарила полотёнышком,
Да княгиню тут коси́ночкой,
А Олешу угостила каленóй стрелой,
Говорила ему да такovy слова:
380. — «Уходи-ка ты, кабацкая подпорина,
Уходи-ка ты, табачная заморина,
Уходи ты со терема высокого,
Уежжай с двора от нас широкого,
Чтобы век ко мне да не подхаживать
385. И на нашу б полату не засматривать!»
Уежжал тут князь да со княгинею,
Со Алешею Поповичем.
Как сполонилось тому времени двенадцать лет, —
Не видно Добрынюшки с чистá поля,
390. Приехал-то да князь со княгиною,
Со Олешенькой Поповичем
Сватать снова Настасью свет Никулишну.
Да й сосватали Настасью свет Никулишну
За Олешеньку Поповича,
395. Не охотою взели́ — неволею.
Развели тута они да славный пер,
Тут открыли они славно перовáнщицё,
Развели тут они пер на двенадцать дён,
Тут ведут они да славный честный пир.
400. В одну пору, в одно времячко
Как сидел Добрыня свет Никитинич,
А под кустышком сидел да под ракитовым,
Прилетели тут голубь со голубкою,
С куста на́ куст оны стали пирилетьывать
405. Да промеж собой стали возгúркивать:
— «Вот сидит-то Добрыня свет Никитенец
Да под кúстошком ракитовым,
Над собой-то он незгодушку не ведаёт, —
Как его-то молода жена замúж идет
410. За Олешеньку Поповича,
Не охотою идет — берут неволею,
Вот ведут пер на двенадцать дён!»
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилася вся сила богатырьская,
415. Как скочил-то он скорее на резвы́ ноги,
Он садился на добра́ коня,
Он отправился скорешенько с чистá поля,
Удалялси он со зáставы,
Он поехал в свою сторону.
420. В тую пору, в тое времячко
Вот сидела родитель его маменька
В высокоём злочёном во тереми
Под косивчатым окошечком,
Ой смотрела во хрустальное стеколышко,
425. Ай далече-та й смотрела во чистó полé,
Тут ронила-то она-то слезы горькие,

- Поминала сына рѳдного.
 Наглядела там далѳко во чистѳм полѳ, —
 Как не черный ворон с поля пѳрхает,
 430. А и едет со чистѳ полѳ наездничек,
 Подъезжает ко еѳ широку двору,
 Бело личинько чернѳшенько,
 А одѳженька на ѳм вся грязнѳшенька,
 На лошадушки сидит быдта лесѳвый зверь;
 435. Заежжал-та прямо на широкий двор, —
 Не воротыма поехал он широкима,
 Он скочил-та через стены городѳвые,
 Да слезал да со дѳбра коня,
 А спустил коня да на широкой двор,
 440. Он пошел в палату белокаменну.
 Он по лестницам пошел — да слѳзно плачетсы,
 По дверям там — сам он крестится,
 Пошел Добрыня во высок терѳм,
 Становился он на грѳдню на столовую.
 445. Он кресты тут положил да по-писѳному,
 Все поклоны тут провел да й по-ученому.
 — «Уж вы здравствуй-ко ты, Добрынюшкина маменька,
 Пожилѳ вдова Офимья Александровна!
 Я приехал-то теперь да из чистѳ полѳ,
 450. Уж как я вам от Добрынюшки поклон привез.
 Скоро Добрынюшка прибудет к вам.»
 Отвечала как Офимья Александровна,
 Говорила она да таковы слова:
 — «Ай же ты, незнаем дѳбрый мѳлодец,
 455. Не говори ты мни таких собѳ обидных слов,
 Не делай моему ретивому сердечушку надзолушки, —
 Двенадцать лет прошло, как Добрынюшки живого нет,
 А Добрыни молода жена замѳж идет
 За того ли за Олешу за Поповича.
 460. Не охотою идет — берут неволею,
 Да назначен теперь да пер да на двенадцать дѳн.»
 Говорит тогда Добрыня свет Никитинец:
 — «Ай же ты, Офимья Александровна,
 Уж ты дай-ко мне одѳженьку Добрынину,
 465. Уж ты дай-ко мне гусѳлышки Добрынины, —
 Я пойду туды на славной пир.»
 Говорит тогда Офимья Александровна:
 — «Не проси-ка ты одѳженьку Добрынину,
 Не проси-ка ты гусѳлышки Добрынины,
 470. Не ходи ты да на славный пир.
 Да везди-ту у дверей-то караул стоит,
 Не пропустят тебя на славный пир,
 Один ты туды незван идешь,
 Не оставят тебя там во живности, —
 475. Унесешь тогда ты одѳженьку Добрынину,
 Изведешь ты только гусѳлышки Добрынины,
 Оставь ты мне их на погляжѳньице!»
 Говорит Добрыня свет Никитинец:

- «Дашь одёженьку — возьму,
480. Да и не дашь — возьму,
Дашь гусёлышки — возьму,
Да и не дашь — возьму;
Благословишь — пойду,
Не благословишь — все равно пойду!»
485. Тут заплакала Офимья Александровна,
Принесла ему одёженьку Добрынину,
Принесла ему гусёлышки Добрынины,
Принесла, заплакала горючьми слезьми,
Снабдила тут удáла дóбра мблодца
490. Да отправила на славный пир, —
Не узнала никак сына рóдного.
Вот подходит он ко палаты белокаменной,
Вот подходит он ко перу да ко чéстному, —
Там везди да караул стоит,
495. Не пускает Добрынюшку на славный пер.
Рассердился тут Добрынюшка Никитинец,
Расходилось у Добрынюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырьская.
Как стал он руками пошёркивать,
500. Как стал он гусёлкама помахивать,
Куда ма́хнет — тут и улочка,
Перема́хнет — переулочек,
Как за руку захватит — рука долой,
А одному — голова долой.
505. Вот пробрался во палату белокаменну,
Вот явился он на славный пир,
Становился он на грíдню на столовую.
Он крестя́ положил да по-писа́ному,
Вси поклоны он провел да по-ученому,
510. На вси на́ три, на четыре на стороны,
А и князю со княгинею в особину.
Говорил тогда князь да сто́льнѣ-киевьской:
— «Вот вси у нас-то гости званые,
Да и вси-то приглашеня,
515. А один-то гость незван пришол.
А куда же тебя, гостя, да посадить топерь?»
— «Куда поса́дита, — я там сижу,
Что й достанется, — то ем да пью!»
Говорил тогда князь да сто́льнѣ-киевьской:
520. — «Твое место-то — за печкой за мура́воёй!»
Вот заставился Добрыня свет Никитинич,
Он за печку за мура́вую.
Стал Добрынюшка за печенькой постаивать,
Стал с-за печеньки частёшенько посматривать.
525. Говорил тогда Добрыня таковы слова:
— «Мне позволтя-ко, пожалуста,
Хоть и раз сыграть в ярвчаты гусёлышки!»
Да й дозволили Добрыне свет Никитичу.
Стал за печенькой Добрынюшка постаивать,
530. Стал частёшенько с-за печеньки посматривать,

- Стал веселёшенько в гуселышки выигрывать.
 На перу тогда игра да всим пондравилась, —
 Стоят естушки сахарныи не ёжены,
 Стоят питьюшки не питые,
535. Стоят чарушки да не выпиты.
 Говорит княгиня обручёная:
 — «Во эти-то гуселки прежний муж играл.
 Вызывайте-ка с-за печки его с-за муравоёй,
 Садите ко столу да ко чёстному.
540. Пусть сидит, да где ему место нравитсе,
 Угощайте его как и всих гостей!»
 Говорят Добрыне свет Никитичу:
 — «Садись к столу ко чёстному,
 Садись, где место нравится.»
545. — «Я желаю сесть супротів кутów,
 Насупрótив самой княгини обручёной.»
 А сажился Добрыня супротів кутów,
 Насупрótив княгини обручёной.
 Подносили ему чару зеленá вина:
550. — «Пей, незнаем добрый мóлодец!»
 Говорит княгиня обручёная:
 — «Пей, незнаем добрый мóлодец,
 На место моего мужа прежнего!»
 Стоял Добрыня на резвých ногах,
555. Брал чашу во праву́ руку,
 Спускал туды злачён перстён,
 Которым перстнём с Настасьей обручались.
 Говорит Добрынюшка княгине обручёной:
 — «Ну, когда пригласили меня ко столу ко чёстному,
560. Ну, пей теперь, княгиня обручёная,
 Пей ты чару зеленá вина.
 Если хочешь ты видать да добра старого, —
 Выпивай-ко эту чáру ты до донышка.
 А если пьешь до дна, — узнаёшь добра,
565. А не пьешь до дна, — не видать добра!»
 Взяла княгиня обручёная,
 Взяла чару во белú руку,
 Понабрала эту чару во праву руку,
 Выпивала эту чару да в единый дух.
570. Выпивала княгиня обручёная,
 Выпивала зеленá вина,
 Выпивала чару тут до донышка,
 Увидала там злачён перстень,
 Каковым перстнём да обручались.
575. Говорила тут она да такovy слова:
 — «Челой век я не надеялась,
 Что ведь мой-то муж на сем свете явится.
 Да на мою теперь на свадебку объвится,
 Да распеклю теперь праведное солнышко
580. На мою на победную головушку.
 Да не тот мой муж, что со мной сидит,
 А тот мой муж, что супротив стоит,

- Супротив сидит да на меня глядит!»
Тут окончила Настасья свет Никулишна,
585. Сочила тут через столички дубовые,
Сочила через яствушки сахарные,
Через питьица медвяные,
Через чарочки непитые,
Она брала-то Добрыню за белы руки,
590. Целовала его в уста сахарнии,
Говорила тут тогда да таковы слова:
— «Ай же ты, да мой-то муж,
Ты, Добрыня свет Никитинич!
Ой ты во той вины да не прощай меня,
595. Ты бери-ка да шелкову плеточку,
Уж ты бей теперь меня до смертельных ран!»
Говорит тогда Добрыня свет Никитинич:
— «Уж в этой вины прошу тебя, —
Что не охотой идешь, берут неволею, —
600. А Олешеньку-то я не прощу таперь!»
Как хватал Олешу за желты кудри,
Выдергал Олешу с-за стола дубового,
Стал по терему Олешеньку потаскивать,
Стал гусельками Олешу поколачивать, —
605. У Олешеньки-то кости заряжайдали.
Говорит тогда князь да стольно-киевьской:
— «Ты оставь его на этот раз во живности!»
И спустил тогда Олешу со белых рук, —
Хоть и битой Олеша, только смелой был.
610. Он ставал да на резвы ноги,
Он садился ко столу тогда ко честному,
Преклонил тут свою да буйну голову,
Говорил тогда вот он да й таковы слова:
— «Ну вот всякой на сем свите пожонитсе,
615. Да не всякому жонитьба удавается!
Удаваласи Добрынюшке Никитичу,
Не удаласи Иванушку Гоудиновичу,
Хуже нет того — Олешеньке Поповичу.
Видно только-то Олешенька женат бывал,
620. Верно столько-то Олешенька с женой сypал!»
Говорил Добрынюшка да таковы слова:
— «Уж вы правильно таперь да это сделали?
Я двенадцать лет как выстоял на заставу,
А он только отнял да от жива мужа,
625. Только от жива мужа жену отнял!»
Становился он на гридень на столовыи,
Не полагал креста он по-писаному,
Не давал поклонов по-ученому,
Не кланялся ни князю, ни княгинушке,
630. Ни князьям да й ни боярам,
Ни могучим богатырям,
Уж взял с собой тогда он молодую жену,
Выходил в тот час со терема высокого,
Подходил к своему двору широкому,

635. Ко палаты белокаменной.
Увидала тут й их родима его маменька,
Ай честна́ вдова Офимья Александровна,
Увидала сквозь хрустальное стеколышко.
Выбегала-то на шйрок двор,
640. Встречала она дорогих гостей.
Тут хватил он свою родитель-маменьку,
Да под правую хватил он тут под мьшечку
И занес ее да во высок терём.
Да и стали жить с Настасьей Никулишной,
645. Уж и стали жить да лучше прежнего.

№ 151. ЩУРИЛО ЩАПЛЕНКОВИЧ
(ЧУРИЛА И КАТЕРИНА)

- А ще кто у ворот топерь колотится?
А колотится Щурила свет Щаплёнкович,
Щаплёнкович, Шаголёнкович.
Выходила Катерина Николаёвна
5. В одной тонкой сорочечке без пояса,
В одних беленьких чулочках без чоботов,
(По-заонежськи)
У ней женьские волосы приубраны,
Приубраны, приучесаны.
Отворяла воротца распахистые,
10. Запускала Щурилушку Щаплёнковича.
У Щурилушки шапка ушистая,
Ай ушиста, пушиста, навесиста,
А и спереду, поди, и очей не видать,
Позади из-под шапки — белой шейки.
15. Брала его за белую руку,
Целовала во уста во сахарнии,
Говорила при том таковы слова:
— «А ще что ты, Щурилушка, вчерась не бывал,
Сахарные ества не едены стоят,
20. Да медвяные пива не питыи!»
Ворона коня взяла — сама во стойла провела,
Скатны саночки взяла — да на сараец сволокла,
Золоту сбрую сняла — да на стóпочку клалá,
Шелкову плетку взяла — да на гвоздики клалá,
25. Пухову шляпу взяла — да на стóпоцьку клалá,
Кунью шубочку сняла — да на полоцьку клалá,
Сапожки разула — на место клалá,
А Щурилушку за ручку в нову спальню провела,
Сама молодая со Щурилой спать легла.
30. Прибежала тут девушка чернавушка,
Говорила да таковы слова:
— «Ты не к месту, Щурила, приехал сюда,
Убирайся отсюли да со спальни долой,
Я пойду скажу Ермаку да Васильевичу!»
35. Говорит тут Щурила свет Щаплёнкович:

- «Ай же ты, девушка чернавушка,
 Не сказывай, девка, — башмаки сошью,
 А не сказывай, девка, — сарафан куплю,
 А не скажи-ко-се, девушка, — замуж возьму!»
40. Рассердилась Катерина Николаёвна
 Ай ударила девушку по правой щеки,
 Переправила девушку по другой щеки¹,
 Говорила она да таковы слова:
 — «Уходи со спальни долой,
 45. А тебе-то он не достанется!
 Сама я, Катерина, сарафан сношу,
 А сама я, Катерина, башмаки стопчу,
 Сама я, Катеринушка, замуж пойду
 За Щурилушку да за Щапленковича!»
50. Тут заплакала девушка чернавушка,
 А заплакала она горячьмы слезьмы,
 Прибежала она ко божьей церкви,
 Забегала скоренько в церковь божию,
 Крестила глаза да на святителей,
55. Подходила к Ермаку к сударь Васильевичу,
 Смотрела на него она прямешенько,
 Говорила она ему тихошенько,
 Говорила она да таковы слова:
 — «Свет мой, сударь Ермак Васильевич,
 60. У тебя-то в доме гости есть немилыя,
 Немилый гость Щурила свет Щапленкович!»
 Отвечал ей Ермак сударь Васильевич:
 — «Ну до та й же ты, девушка чернавушка,
 Буде правду говоришь — башмаки сошью,
 65. Буде правду говоришь — сарафан куплю,
 Буде правду говоришь — так тебя замуж возьму,
 А неправду говоришь — так буйну голову срублю!»
 Разгорелось у Ермолушки сердеченько,
 Расходилась эх вся сила богатырьская,
70. Выходил в тот час со божьей церкви,
 А садился скоренько на добра коня,
 Уж он брал во праву руку плетку шёлкову,
 Подъезжал ко двору ко широкому,
 Ко своей-то полаты белокаменной, —
75. Не воротыма проехал он широкима,
 Скочил через стену городовую, —
 А слезал-то скорей с добра коня,
 Спускал-вольил коня на широкой двор,
 Подходил к воротам раскатыстым.
80. А что кто же у ворот теперь колотится?
 Ай колотится Ермак сударь Васильевич.
 Выходила Катерина Николаёвна
 В одной тонкой сороцецьке без пояса,
 В одних беленьких чулочках без чоботов,
85. У ней женьские волосы растрепаныи,

¹ Вар. «со другой стороны».

- У ней волосы да прираспудряны.
 Говорит тут Ермак сударь свет Васильевич:
 — «Катерина, это что? Николаёвна, что?»
 Ответчала Катерина Николаёвна:
90. — «Вот мни топерь что-то худо можеться,
 Худо можеться да нездоровиться. . .»
 Он на сараечек пришол — скоры саночки нашол.
 — «А что этакие санки у Щурилушки видал.
 Катерина, это что? Да, Николаёвна, да что?»
95. — «Вчера ездил мой братец со Щурилой во чисто полё,
 Со Щурилушкой мы санькамы сменялися.»
 Он на стопочку зглянул — да золоту сбрую нашел:
 — «А что этакую сбрую у Чурилушки видал.
 Катерина, это что? Николаёвна, что?»
100. — «Вчера ездил мой братец во чисто полё,
 Со Щурилой сбруей мы сменялися.»
 Он во стбила пришол — да воронá коня нашол:
 — «А что этаку лошадку у Чурилушки видал.
 Катерина, это что? Николаёвна, что?»
105. — «Вчера ездил мой братец во чисто полё,
 Со Щурилой-то конем мы сменялися.»
 Он на гвоздь зглянул — да пухову шляпу нашол:
 — «А что этакую шляпу у Чурилушки видал.
 Он на стопочку зглянул — да кунью шубоньку нашол:
110. — «Вот и этакую шубу у Чурилушки видал.
 Катерина, это что? Да, Николаёвна, что?»
 — «Вчера ездил мой братец во чисто полё,
 Одним словом, с моим братцом мы сменялися.»
 Он во спальню пришол — да Щурилушку нашол:
115. — «Катерина, это кто? Да, Николаёвна, кто?»
 Разгорелось у Ермолушки сердеченько,
 Расходилася вся сила богатырьская,
 Вынимал тут Ермолаюшко острейный нож,
 Срубил он с Щурилы буйну голову.
120. Не скачёная жемчужинка скатилася, —
 У Щурилушки головка покатила.
 Покатила головка Щурилушкина
 Да туда же вслед Катеринушкина.
 Тут завел он славный честный пир,
125. А женился на девушки на чернавушки.

№ 152. (ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)¹

- Во славноём было да во Нові-городи
 А славный был царь Иван да свет Окульевич,
 А славной похвальной доброй молодець.
 В одну пору, в одно времячко
5. А завел он славный да и честен пир,
 Открывал честное перованьце.

¹ «Голос позабыла. Он поется каким-то особым голосом» (примечание Н. С. Богдановой).

- Он призвал к себи князей да всех бояринов,
Да поленицы зазвал удáлыи.
А вси на пиру да угощались,
10. А вси на пиру да разгулялися,
А вси хмельни да напивалисе, —
Один только царь да невесел был.
Говорил Иван да свет Окúльевич:
— «А вси молодчики поженены,
15. Княгини за вас вси повыданы, —
Один я, молодец, холост стал,
А не знаете ль мне супротивнойей?»
Вси молчали князья да боярины,
Вси молчали поленицы удáлыи,
20. Выскакал Ивашка Повáренин,
Выскакал Ивашка скорéшенько.
Стоял Ивашка прятмёшенько,
Поклонился Ивашка низёшенько:
— «Ай же ты, наш царь Иван да свет Окúльевич,
25. Я осмелюсь тебе да слово вымолвить.
Уж я знаю тебе супротивною:
У того у царя у Солóмана
А и есть прекрасная царица Соломáния!»
Рассердился Иван да Окúльович
30. На того ли Ивашка Поварéнина,
Ударил Ивашка по правóй щеки,
Переправил Ивашка по другой щеки,
Говорил да Ивашке да таковы слова:
— «Ай же ты, мéрезь неученая,
35. Разве можно от живá мужá,
От жива мужа да жену отнять?»
Говорит Ивашка Повáренин
(Хоть битый Ивашка, только смелый был),
Говорил Ивашка таковы слова:
40. — «Не сержусь я, не гневаюсь,
Хоть ударил меня по правóй щеки,
Переправил по другой щеки,
Послушай меня ты, безумного,
Послушай меня, неразумного,
45. Послушай мое приказание:
Построй корабличек новенький,
А новый корабличек, модненький,
Нагрузи товару разного,
А разного заграничного,
50. Заграничного, разноличного,
Насади на карабличе садик зелененькой,
Посади во саду деревья разные:
Кипаричные, виноградные,
Виноградные, заграничные,
55. Спусти туда птицы разные,
Чтобы пели оны песни царьськия.
Во садику клади кроватку тесовую,
На кроватку перинку пухóвую,

- Одеяльце прикрой соболиное,
 60. Занавесочки клади да шелковые,
 Станови да станови столики дубовые,
 Устели скатеретки забраные,
 Задвинь, задвинь ествица сахарьныя,
 Поставь литьиця разные,
 65. Между разныма питья — забуду́щая.
 А царю Солóману наладь подарочек:
 А справь ему шубку соболиную,
 Клади сорок соболей со куницами;
 А царици прекрасной Соламáнии
 70. А купи царици да кованой ларець,
 Кованой ларець с крученым шелком,
 С крученым шелком, драгоценным,
 С дорогой парчи неоцённые.
 Купи царици камни разные,
 75. Камни разные, драгоценныя,
 Драгоценныя, неоцённые,
 Да царици Соломáнии
 Дорогой да справь подарочек.
 Отправь туды меня, безумного,
 80. Отправь туды неразумного,
 Торговать к царю да Солóману,
 Чтобы меньше взяли дани-пошлины.
 Исполни мое, Ивашки, приказание!
 А исполнил Ивашки приказание,
 85. Отправил он Ивашку к царю Солóману.
 Да поехал он, Ивашка, на корабличке
 С товарами туды разными.
 Приехал он к царю Солóману, —
 А царя дома не случилось,
 90. Царица одна приходиласе.
 Приехал Ивашка ко пристани,
 Поставил корабличек новенький,
 Выходил Ивашка со корабличка,
 Пошел туды беденьким нищенским.
 95. Подошел ко полаты белокаменной,
 Ко окну подошел растворёному.
 Увидала царица Соломáния;
 Поклонился Ивашка низёшенько,
 Покорился Ивашка милёшенько,
 100. Говорил Ивашка таковы слова:
 — «Подайте-ко мни да милóстыньку,
 Пожертвуйте бедному прохожему.
 Прохожему мни да чужестранному!»
 Говорит царица Соломáния:
 105. — «Иди, Ивашка, во полатушку!»
 Пошел Ивашка Повáренин,
 Явился Ивашка в полатушку.
 Говорит царица Соломáния:
 — «Ты зачим, Ивашка, пришол сюда?»
 110. Говорит Ивашка Повáренин:

- «А я приехал на кораблику нóвоём
Торговать сюда, если дозволится.
А сколько мне платить да дани-пошлины?
Привез-то я вам да подарочок
115. От царя Ивана свет Окúльевича.»
— «Поди, Ивашка, торгуй без дани да без пошлины!»
Говорит Ивашка таковы слова:
— «Пойдем, прекрасная Соломáния,
Посмотри корабличка нового,
120. А и нового корабличка модного,
Погляди товару разного,
А и разного заграничного,
Оцени все, пожалуйста!»
Пошла царица Соломáния,
125. Исполнила Ивашка приказание,
Пришла на корабличок новенькой,
Взошла во садик во зелёненькой,
А села ко столу да дубовому,
Закусывала ества сахáрьные,
130. Выпивала пítья медвяные, —
Тут пели птички разные,
А пели они песни царьския.
Между разныма выпила пítья забудúщего,
Заснула она крепким сном.
135. Положил Ивашко на кроватку на тесовую,
Прикрыл одеяльцем соболиным.
Заснула царица крепкиим сном, —
Приказал Ивашка Повáренин
Поднять паруса да на весь-то ход.
140. Отчалил кораблик от пристани,
Поехал Ивашка в свою сторону.
Во тот-то и съехал во Нóв-горóд,
Ко тому царю Ивану свет Окúльевичу,
Привез царицу Соломáнию,
145. Привёл царицу во полатушку,
А прямо ее во высок терём.
Осталась жить прекрасная Соломáния
У царя Ивана свет Окúльевича.
Живут с Иваном быдто муж с женой.
150. Приехал царь Солóман сам,
А дома-то ей не случилось,
А совсем-то ей не приходилосе, —
Потерялась прекрасна Соломáния.
Искал царь да и Солóман сам,
155. Искал царицу, разыскивал,
А искал ровно трí года;
Узнал царь Солóман сам, —
А живёт у царя Ивана свет Окúльевича.
Собрался царь свет Солóман сам,
160. Поехал царь на корябликах,
Забрал силу вóйскé всё,
А забрал с собой конницу,

- Поехал туды на корабличках,
 Приехал к горам ко высокиим,
 165. Постановил кораблички за горушкой,
 Говорит слугам-войску милому:
 — «Ай же вы, мои вы молодчики,
 Послушайте мое предсказáниё.
 Я пойду да во Нбв-горбд,
 170. А к царю к Ивану да Окульевичу,
 Пойду, пойду да бедненьким,
 Пойду, пойду да нищеньким.
 Если меня не казнят сейчас,
 А слушайте мое приказáниё:
 175. Услышите сигнал рожка, —
 А первый раз — лошадей седлать,
 А в другой-то раз — на конях сидеть,
 А если в третий раз услышится, —
 Окружите меня да и кругом тот час!»
 180. Отправлялся царь Соломан сам,
 Подходил к полаты белокаменной, —
 А царя Ивана свет Окульевича
 А дома его не случилось,
 Не случилось, не пригодилось.
 185. Одна прекрасна Соломáния
 Подошла к окну растворёному.
 Попросил да милóстыньку:
 — «Подайте мне да и пожалуста,
 А бедному мне да чужестранному,
 190. Чужестранному, проходящему,
 Проходящему, иностранному!»
 Увидала у окна-то нищего:
 — «А поди, поди, нищенькой-бедненькой,
 А поди, поди во полатушку,
 195. Принимаем мы бедненьких,
 И стретаем-угощаем мы странненьких.»
 Пришел-то царь во полатушку.
 Говорит царица Соломáния:
 — «А тебя-то сюды-то зачем чорт принес
 200. А что тебе здесь надобно?»
 А говорит царь Соломан сам:
 — «А тебя-то зачим чорт унес?
 Оставила меня ты одинокого,
 Одного одинокого?»
 205. Говорит царица Соломáния:
 — «А сейчас царь домой да вёрнется
 И казнит тебя во единой час!
 И садись, садись во большой ты шкап.»
 Заперла его во большой-то шкап.
 210. Приехал царь домой Иван Окульевич,
 Говорила царица Соломáния.
 — «Ай же ты, Иван свет Окульевич,
 Которо́го боялись ровно три́ году́,
 А тот-то у нас во шкапу сидит.

215. Казни, казни ягó немедленно,
А реши ягó да и совсим таперь.
А он смотри да и хитер-та есть!
Он пришел к окну ко мне нищенским,
Попросил дань-милóстиньку,
220. Говорит: «Три годá не царем служу,
А только хожу где нищенским,
Извергнули меня, бедного,
Со царства моего да и хорошего, —
Потерял когда жену любимую, —
225. Уходи со царьсьва долой топерь!
Три года хожу я, шатаюся,
Три года по меру скитаюся.»
Не верю царю я Солóману.
А хитер, хитер да Солóман-царь,
230. А казни его да сичас-типерь!»
Говорит Иван свет Окúльевич:
— «А нельзя царя нам казнить теперь,
А как он жалает сам.
Выпускай его со большá шкапá.»
235. Выпускала царя да Солóмана.
Говорит царь Иван свет Окúльевич:
— «Не уйти теперь ему от нас.
А как тебя да казнить топерь?»
Говорит царь да Солóман сам:
240. — «Казните меня в чистóм полé,
Наладьте мни три петелки,
Три петелки да три вешалки.
Во перву петлю — мою голову,
Во дрúгую — мои ручки белыя,
245. А во третью — мои ножки резвыя,
А задёрните миня во единый раз.
Вот жалаю так себи наказания!»
Послушали его приказания.
Приказал наладить целы вешалки,
250. А целы ему да три петелки.
— «Пойдем, царь, во чистó полé!»
Пошли, пошли во чистó полé.
А идет Ивашка Повáренин,
А идет Иван царь Окúльевич.
255. А идет царица Соломáния
А смотреть на вешалки,
Как казнить будут царя Солóмана.
Говорит тут царь Солóман сам:
— «А первую кирéжечку конь везё,
260. А вторая кирéжечка, сама идё,
А третью кирéжечку чорт несё!»
Пришли они во чистó полé,
Выдёргали первую полочку.
Говорит царю Ивану Окúльевичу:
265. — «Позвольте мни, да поджалуста,
В последний раз сыграть во тóрей пог!»

- Говорит царица прекрасна Соломáния:
 — «Говорила тебе я, что хитёр ведь царь,
 Что хитер-то царь, как ухитряется,
 270. А в рожок играть да сподобляется!»
 Дозволили играть царю Солóману.
 Зашумели, загремели за вáлами там.
 Говорит: «То треплются птиченьки.
 Слетаются на царьську смерётушку.»
275. — «Дозвольте мни, да пожалуста,
 Сыграть еще в рожочек в другой-то раз!»
 Затрепались за вáлами там.
 Говорит царь Иван Окúльевич:
 — «А что-то шум идет да за горами там?»
280. — «А жалеют царя миня птиченьки,
 Полетают на мою да на смерётушку,
 Как повесят царя да и Солóмана.»
 Говорит царь да Солóман сам:
 — «А и третий раз сыграю топерь.»
285. А дозвольте мни, да играть буду,
 Не дозвольте мни, — хоть сыграю я.
 Не спрошу совсем я у вас топерь!»
 Как сыграл он да третей раз,
 Окружило войско кругом яго,
290. Налетела кругом яго конница,
 Сохранили царя Солóмана, —
 Не успели повесить на вешалку.
 Говорил царь да и Солóман сам:
 — «А вы как теперя умерётъ жалаетя?»
295. А как-то вас вот казнить да мне?
 Прикажу сейчас вот я.
 А во первую вешалку — Ивашку Повáренина,
 А во другую — Ивана Окúльевича!» —
 Приказал он своим воинам, —
300. «А царицу тую не повешу я.»
 Приказал отрубить по локтям ручки белья,
 Приказал отрубить по коленкам ножки резвья,
 А спустить ее во синё морё
 А на малоем на ялички.
305. — «А катайся, — говорил, — да по синю морю.
 Рук твоих не надо мни, —
 А царя же поганого обнимала ты.
 А ног твоих не надо мни, —
 А царя же поганого заплетала ты!»
310. А спустил во синё морё на яличке.
 От бережка она да отшатила ся,
 А к другому она не прикачала ся.

№ 153. ИВАН ГОДИНОВИЧ¹
(МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА)

- Всякой на свете поженится,
Да не всякому женитьба удавается.
Удавалась Добрыне свет Никитичу,
Хуже нет — Алеше Поповичу,
5. Ай неудача Ивану свет Годиновичу.
Женила его маменька неволею,
Ай женила его неохотою.
Не у голого женили, не у бóсого,
Не у бедного женили — у богатого,
10. У богатого женили у татарина.
— «Приданого-то много — человек худой.
Приданому да на грядочке висеть,
Злой жене на моих руках лежать,
На моих руках лежать да меня целовать.
15. Того-то мне, мóлодцу, не хочется,
Да сердце мое не воротится,
Со худой женой жить не хочется.
Уж прикину умом-разумом,
Уж я лучше, добрый молодец, в гульбу пойду!»
20. Скорёшенько добрый молодец придумал тут,
Скорёшенько добрый молодец придумал тут,
Уж прикинул он своим умом-разумом,
С отчим тятенькой не прощался тут,
С отчей маменькой не благословлялся тут,
25. В высок терем не являлся тут,
Собрал мóлодец свою малую сумочку,
Небольшую собрал котомочку,
Снарядился удалый доброй мóлодец,
Иван свет Годинович,
30. Крестил глаза на святителей,
Сходил со палаты своей каменной,
Соходил со двора белого широкого,
Выходил на широкую дороженьку,
Поклонился удалый добрый мóлодец
35. На все нá три, на четыре на сторонушки,
Отправился по широкой дороженьке.
По дороженьке шол, не постаивал,
Назад-то я не посматривал,
Поспешал итти по широкой дороженьке,
40. Продолжал много времени в дороженьке,
Из страны в страну, из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю,
Из земли в землю, к королю в Литву.
Явился, подошол ко палаты белокаменной,
45. Донесли слуги там верные

¹ «Голос — не голос, рассказ — не рассказ. Это пела старушка (из Суножьського была). Так вот ейна дочка — была портниха — пела» (Этим замечанием Н. С. Богданова хотела предупредить, что ритм былины не совсем выдержан).

- Тому королю, да Королю Литовьському:
 — «Вот явился незнаем добрый мѳлодец,
 Куды его положить теперь?»
 Позвал Король свет Литовьськие.
50. Призвали Ивана свет Годиновича
 Ко тому Королю ко Литовьському.
 Привели его во высок терѳм.
 Говорит Король Лихоймьськие:
 — «Ты какой земли да ты какой орды?»
55. Стал король его выпрашивать:
 — «Да ты какво роду-словия?
 Ты каких, скажи, родителей?»
 — «Коли ты стал спрашивать,
 Я начну тебе рассказывать.»
60. Рассказал Иван свет Годинович
 Про свое житье-бытьѳ и путешесъвие.
 Говорит Король свет Литовьськие:
 — «Ай же ты, Иван свет Годинович,
 Желаетъ ты стать во кѳнюха?»
65. Поставили меня тут во кѳнюшия.
 Три года удалый я кѳнюшил.
 Тут бог меня крепко мѳлуя,
 Король меня крепко жалуя,
 Поставили меня тут во стѳльники.
70. Три года удалый простольницял.
 Тут бог меня крепко мѳлуя,
 Король меня крепко жалуя,
 Поставили меня тут во ключники.
 Тут три года удалый проключницял.
75. Тут бог меня крепко мѳлуя,
 Король меня крепко жалуя, —
 Уж прожил я у Короля деветь лет.
 У Короля была дочь прекрасная,
 Прекрасная Елена Королевична.
80. Говорит она батюшке рѳдному:
 — «У меня теперь нет ни стѳльничка,
 У меня теперь нет и ключничка,
 У меня теперь нет и локейничка.
 Я желала теперь незнамого мѳлодьца,
85. Уж дай ты мне стѳльничка любимого,
 Да Ивана свет Годиновича.»
 А Иван свет Годинович
 Стал служить прекрасной королевичне.
 Один справлялся за стѳльника,
90. Один справлялся за ключника,
 Один справлялся за лакейничка,
 И один справлял ей постельничка,
 (А что это — постельничек — я в толк не возьму.)
 И один справлял ей за чашничка.
 (Все один взялся — один справлятси)
 Возлюбила прекрасна королевична
95. Одного она стѳльничка,

- Одного она клюшничка,
Одного она лакейничка,
Одного она постельничка,
Одного она чашничка —
100. А Ивана свет Годиневича,
Завсегда она держала в яснѣх очах,
Завсегда она держала на частѣх речах.
В одну пору, в одно времячко
Говорит Иван свет Годиневич:
105. — «Ай же ты, прекрасна королевична,
Спусти меня на прогулочку,
Посмотреть на ваш славный град,
Полюбоваться на ваш прекрасный сад!»
Говорит прекрасна королевична:
110. — «Не спущу тебя на прогулочку,
Пойдешь ты на прогулочку,
Зайдешь ты в царѣв кабак.
Ты будешь в хмѣльном разуме,
Ты будешь говорить слова похвальные, —
115. Донесут моему батюшке рѣдному,
Казнят тогда тебя безвинного,
Казнят тебя беспричинного!»
Говорит Иван Годиневич королевичне:
— «Спусти меня, пожалуста,
120. И не зайду я во царѣв кабак,
И не напыюсь я зеленá вина,
Я не буду в хмѣльном разуме!»
Спускала она Ивана Годиневича,
На ножки — сапѳожки козловые,
125. На головку — шапку пухѳвую,
На плечики — шубку соболю,
Соболю шубку в пятьсот рублѣв,
Часы ему дала чиста золота,
Без счету дала золото кольцо,
130. Без счету дала золотой казны,
Отравила его на прогулочку.
Отправился Иван Годиневич на прогулочку,
Не поспел прогулятися,
Посмотреть на прекрасный сад,
135. Полюбоваться на славный град,
Зашол скорее в царѣв кабак,
Напился скорей зеленá вина,
Сделалсе скорей в хмѣльнѣм разуме.
Стал Иван Годиневич высказывать,
140. Стал Иван Годиневич выхвастывать,
Выражать стал речи похвальные:
— «Вот живу у Короля Литовсьскаго,
Вот живу уж двенадцать лет.
Бог-то здесь меня милует,
145. Король-то крепко жалует.
Сначала жил я во конюхах,
Затем жил я в клюшниках,

- Сама про меня прекрасна королевична,
Сама про меня она стольничае,
150. Сама про меня она клюшничает,
Сама про меня и постель стелё,
Живем мы с ней будто муж с женой.
И завсегда меня держит во ясных очах,
Постоянно занимает на частых речах!»
155. Услышали эти речи слуги верные,
Донесли Королю Литовьському,
Приказал Король Литовьськия
Приказал он (с)хватит Ивана Годиновича,
Положить его буйну голову
160. На ту ли на плаху дубовую.
Услыхала прекрасна королевична,
Говорит она таковы слова:
«Не казните Ивана Годиновича,
А лучше справьте его в свою сторону.
165. Откуда он прибыл сюда,
А пускай туды и уберается!»

№ 154. ВАСИЛИЙ И САЛФЕЯ

- У вдóвушки-вдовы было девять дочерей,
Было девять дочерей да одинакай сын,
Одинакай сын был Васильюшка.
Они все пошли в церковь божию,
5. Все по крылосу расставились,
Все-то оны пели: «Господи́-боже́,» —
Одна маленька Солфиюшка промолвила:
Вот хотела запеть: Господи́-боже́,»
Тут сказала, что «Васильюшка, братец мой!»
10. Она сказала: «Васильюшка, братец, подвинься сюда!»
Тут проведала Васильева маменька,
Поскорёшенько бежала во Ке́ев-град
Да на гривеньку купила зеленá вина,
А на дру́гою купила зелья лю́того.
15. Василью подносила зеленó вино,
А Солфеюшке подносила зелья лю́того.
А говорила при том таковы слова:
— «Солфеюшка, пей, да Василью не давай,
А Васильюшка, пей, да Солфии не давай!»
20. Васильюшка пил, да Солфее подносил,
А Солфеюшка пила, да Василью поднесла,
Васильюшка скаже: «Голова болит.»
А Салфеюшка скаже: «Сердечко щемит!»
Говорил тут Василий Солфеюшки:
25. — «Умела сестра братá уподчевати,
Вот умей же, родима, упокоити,
Сверьни меня в тонко по́лотно,
Ты снеси меня во чисто́ полё,
Уж ты брось меня да во синё морё!»

30. А обои вдруг оны преставилися,
Обоих вдруг хоронить несли.
Салфею несли да на белых руках,
А Василья несли да на буйных главах.
Салфею хоронили да по леву руку,
35. А Василья хоронили да по праву руку,
А по праву, сё по леву церкви божьей.
Прошло мало поры-времячко —
На Солфеи выростала золотá верьба́,
На Василье выростало кипарис-древó,
40. Они дружку настрету сrostалися,
В одно место вершинками свивалися,
А малыи шли — да наигралися,
Молодыи шли — да насмеялися,
Пожилые шли — надивовалися,
45. А старые шли — да наплакалися.
*(Старое время было так строго: в церкви слово не говорить.
На крылосе нельзя было улыбаться: за это даже отравить ее
стало!)*

№ 155. (БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА)

- Как было у вдовки, у распашёнки
(Сама землю пахала)
Девять-то сынов да одина́ка дочь.
Девять-то сынов да вси в разбой пошли,
Во разбой, разбой, да во разбойнички,
5. Во но́чные, во денные подорожнички.
Одинаку дочку замуж выдала
А за славноё за синё морё
Да за славного короля заморьського.
Она первый год — не подумала,
10. А на дру́гой год ей стоснулосе,
А на третий год — сына рóдила,
На четвертый год — стосковалася,
Я у свекрушка подавалася,
У свекровушки да сдоложиласи,
15. Со своим мы мужем сговорилися.
Собралися мы, поехали,
Мы поехали на малой лодочки,
На мало грёбнойей, на малой лодочке,
За синё морё, на свою стóрону.
20. На свою сторону, на мою родину,
Ай ну муж-то сел на весёлышке,
Вот гостиннички серéдь лóдочке,
А сама-то села во правильщики
Чадо ма́лое ко белым грудя́м.
25. Середí моря́ мы приехали, —
Тучки темные да как затёмнили,
Буйны ветрушки как завёяли.
А стащили нас тут, побéдных,

- К крутым бѣрежкам, ко желтымъ пескам,
 30. Ко желтымъ пескам, к синим камешкам.
 А напали на нас злы разбойнички,
 А ночные, денные подорожнички.
 Моего-то мужа да пострѣлили,
 Чада милого в воду бросили,
 35. А меня, младу, во полон взяли,
 Во полон взяли, обесчестили,
 Завели во свой во разбойный стан.
 Ай да вси разбойники спать легли,
 А один разбойничек спать не лег,
 40. А ну спать не лег богу молится,
 Богу молится, христу спасается,
 О своих грехах он прошшається.
 У меня, младой, стал выпрашивать:
 — «Ты скажи, скажи-ка мне пожалуста,
 45. Ты какого роду-племени?
 Ты какого есть да роду-словия?
 Или родуку есь бѣльшаго?
 Ли породушки есь мѣньшаѣй?»
 Уж как стал разбойник спрашивать,
 50. Я стала, младá, высказывать:
 — «Вот было у вдовки, у распашенки
 Девять-то сынов, одинака дочь.
 Девять-то сынов во разбой пошли,
 Одинаку меня замуж выдала. . .»
 55. Ах ну тут разбойник порасплакался,
 Крепко-тошно он порастужился:
 — «Вы вставайте, братцы родимыи,
 Уж чего теперь да мы начудили,
 Дива дивного мы надивили!»
 60. Любимó племя да в воду бросили,
 Своего-то зятя пострѣлили,
 Мы родну сестру во полон взяли,
 Во полон взяли да обесчестили!»
 А и вси разбойнички расплакались,
 65. Горько-тошно тут да порастужились,
 Ко своей сестре крепко жалились.

№ 156. (НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНЬЕ)

- Тятенька с маменькой спорили всё,
 Меня-то, молодешеньку, спородили.
 Тятенька-то скаже: «Замуж дочку отдать!»
 Маменька скаже: «В старйци постричь!»
 5. Тятенька пошел да ровно за тридцеть верст,
 Маменька пошла да ровно за двадцать верст.
 Осталась молодешенька во тереме одна.
 Взглянула я в окошечко — маменька идет,
 Маменька идет, за собою старьяц ведет,
 10. Старець тот идет — золотой стул волокет,

- Золотой стул волокёт да со ножничками.
 — «Садись, садись, дитятко, на зóлотой стул!»
 — «Молчи, молчи, маменька, — румяна смою!»
 — «Смоешь, смоешь. дигятко, в келье живучи́,
15. В келье живучи́, да богу молючи́.
 Садись-ка, са́дись, доченька, на зóлотой стул!»
 — «Молчи, молчи, маменька, — белила сотру!»
 — «Сотрешь, мое дитятко, в келье живучи́!
 Садись, садись скорее на зóлотой стул!»
20. — «Молчи, молчи, маменька, — с подружками прощусь!»
 — «Прóбстишься, мое дитятко, в келью идучи́,
 Садись, садись, дóченька, на зóлотой стул!»
 — «Молчи, молчи, маменька, — во горенку схожу,
 Во горенку схожу да в окошечко погляжу!»
25. — «Взглянешь, моя доченька, в келье живучи́!»
 Взглянула я в окошечко, — батюшка идет,
 Татенька идет, за собой князя́ ведет.
 Кнезь-от идет — за собой попа ведет,
 Поп-от идет — да золоты венци несет.
30. Прибегала доченька к маменьке на личё:
 — «Маменька, маменька, — татенька идет!»
 Хватила меня маменька за русу́ косу́,
 Бросила родимая о сыру́ землю.
 Кнезь тут скаже: «Чья это тут лежит русая коса?»
35. Татенька скаже: «Не моей ли доченьки,
 Не моей ли доченьки косынька лежит?»
 Кнезь тут молодой да пал в грязь головой,
 Поп молодой по дорожке пошел домой.

№ 157. КАЗАНЬ-ГОРОД

- Как на кру́том да на бе́режке
 Кра́сна де́вица воду че́рпала.
 Добрый мо́лодец он коня поил,
 Он поил, поил да сам напáивал,
5. Меня, де́вицу, да подговаривал:
 — «Ты иди-ка, де́вица, за меня заму́ж.
 За меня-то заму́ж во Каза́нь-город,
 Как у нас тепе́рь в Каза́нь-го́роде
 На горах, горах, горах высокиих
10. Лежат головы да саха́рные,
 На полях, полях хлебородных
 Расстут хлебушки да пшаничные,
 Во садах, садах во зеленых
 Растут ви́шенья разнородные,
15. На лугах, лугах сенокосных
 А и травы растут да й мура́вые,
 А цветы цветут да й лазу́ревы,
 Во лесах, лесах, лесах темных
 А растут древа разны чу́дные,
20. Кипарисные, виноградные,

- На реках, реках у нас-то быстрых
 Ручеёчки бежат чистые,
 Бежат чистые, подземельные.
 Быстры реченьки у нас медом зálиты,
 25. Ручеёчки да зелёным вином!»
 Говорит дéвица дóбру мóлодцю:
 — «Ты меня да не омманывай!
 Я сама в Қазани была рóжена,
 В мелких ручеёчках была купана.
 30. Как у вас теперь в Қазáнь-городи,
 На горах, горах высокиих
 Не головы лежат сахáрные, —
 Лежат гóловы человечия.
 На лугах, лугах сенокосных
 35. Не трава растет мура́вая,
 Не цветы цветут да лазúревы, —
 Там кусты у вас растут раки́товы.
 На полях, полях хлебородных,
 Там не хлебушки растут пшани́чные, —
 40. А растет у вас одна мертвечина.
 Во лесах, лесах у вас темных
 Не растут древа́ разны чúдные —
 Қипарисные, да виноградные, —
 Воют волкушки всё серые,
 45. Да живут-ходят там разбойнички,
 Дневные, ночные подорожнички. ✎
 На реках у вас да на быстрых
 Не ручьи бежат там чистые, —
 Быстра кровь бежит да христианская!»

№ 158. (КОСТРЮК) ¹

- Ай же ты, Костру́ль Бастрúль Черка́шенин,
 Твоя сила была непомерная.
 Тридцать лет воевал,
 Не мог силушку отведати,
 5. Плеча он богатырьского.
 В одну пору, в одно времячко
 На том-то поли на Во́лхови
 Назначено было битва татарская.
 Строго было тогда приказано
 10. У князя у Владымыра,
 Чтобы улочки распахивать,
 Котлы навешивать,
 Столы задвигивать,
 Налаживать ества сахáрные,
 15. Наваривать пítья медвя́ные,
 Кормить борьцёв — добрых мóлодцёв.
 Царица крымская,

¹ Н. С. Богданова не была уверена, что точно знает текст.

- Короля дочь турьського,
Выходила на красно крылечико,
20. Рычала во всю голову:
— «Есть ли там да добрых молодцев
С нашим Кострюком поборотися,
Плеча его отведати да богатырьського?»
Поехали татары поганьи
25. На тую на битву татарьскую,
Приехали добры молодци, —
Один Вáженьский,
Другí Вяземьский, —
Подходили к Кострюку,
30. Ко Черкашенину.
Один пину́л, другой легну́л,
А третий в бок толкнул.
Тут подошел Поташенька маленькой,
Пережстил дубинушкой великою
35. Вдоль спины богатырьской.
Говорит Кострюк Черкашенин:
— «Как заморьские комарички покусувают,
Не дают есть ествушки сахарные
Оны Кострюку Черкашенину.»
40. Не доедены ествушки сахарных,
Стоят чары налитые, непитые.
Скочил он на резвы ногí,
Хватил чару во праву руку́,
Небольшая была чара — полтора ведра,
45. Выпил он чару на единый дух.
Скочил через столики дубовые,
Скочил через ествушки сахарные,
Через питья налитые, непитые,
Развернулся Кострюк Черкашенин,
50. Стал борцев поширкивать,
Стал борцев пошорыхивать.
Которого поверне, — рука долой,
Которого поверне, — нога долой,
А иному — голова долой.
55. Тут разгулялся Кострюк Черкашенин.
Он сорок татар побил,
Пятьдесят голов задавил,
Не мог силушку отведати,
Плеча своего богатырьського.
60. Закричали мужики новгородьские,
Закричали татары поганьи:
— «Оставь хоть ты на семена их!»
Закричали татары поганьи:
— «Живу бы тебе на двор сойти,
65. Живу бы тебе со двора нейти,
Руки, ноги тебе выломать,
Да ясны очи выкопать,
Да с платьев бы тебя повытряхнуть!»
(Суриков может быть, поговорит больше, прибавит.)

XLIII

АМОСОВ Василий Васильевич, крестьянин дер. Об-Озеро (Озерки), 65 лет. Петь былины отказывался, ссылаясь на незнание, но, повидимому, былины все же знает, так как не мог удержаться от поправок, когда при нем пели былины. Из разговора с ним выяснилось, что любимым его былинным героем является Микула Селянинович, которого Амосов считает «своим», крестьянским богатырем и которого представляет в обстановке своей деревни. К богатырям, находящимся на службе у князя Владимира, сказитель относится с некоторой критикой, противопоставляя им Микулу Селяниновича.

№ 159. (СВЯТОГОР И МИКУЛА)

Вот Святогор-богатырь обуздал своего коня, садится и выежжает в поле. Сел, поехал и увидел в поле прохожего. И прохожий идет, и Святогор следом с прохожему едет. Святогор стал нахлестывать коня, скорей поехал, а прохожий ближе не ставится; он вскок поехал, а прохожий всё ближе не ставится. Тогда закричал Святогор громким голосом: «Ой, прохожий, стой!» Тот прохожий останавливается и сумку снимает. Тогда наежжает к нему Святогор-богатырь. А прохожий впер в сумку лямку свою. А Святогор и видит, что сумка движется. Стал Святогор сумку плеткой пошевелить, — сумка не шевелится. Взял, принатужился, — сумка с места ни пошевелится. Святогор-богатырь с коня слез, выбрал рукой за лямку, принатужился, — по лицу кровавый пот прошиб, а не мог этой сумки поднять и на волос. Спрашивает Святогор: «Ну скажи, прохожий, что у тебя в этой сумке наложено?» — «Ох, Святогор-богатырь, в этой сумке ношу тягость от матушки сырой земли.» Говорит Святогор: «Как бы с тобой силой помериться?» — «Если сумочку мою поднимешь на волос, то мы будем братья крестовые.» — «А как тебя по имени звать?» — «А как Ильин день придет, рожь нажну, пива наварю да мужиков напою, так зовут меня Микулой Селяниновичем.»

А ведь Святогор был богатырь, по Святым Горам ездил, Илью Муромца в карман клал, а и то не мог простую сумку у Микулы поднять!

№ 160. (ВОЛЬГА И МИКУЛА)

Едет Иван Святославьевич с дружиной хороброю полем. И слышит он голос пахаря. Поежжает он день и слышит — сошка поскрипывает, а самого пахаря всё нет. Едет другой день, а на третий день увидел пахаря. Сошка у него поскрипывает, пахарь широкую борозду отваливает. Кобылка соловенькая, как соловей; очесочки красного золота, сшенка кленовая. Пал на кобылку охотою, поехал со дружиной хороброю. — «Ох, то я ж сошку оставил не ради проежжего! Пошли свою дружинишку хоробрую, чтобы убрали, а то украдут соху!» Алёшу Поповича посылает Святославьевич. Тащут они, не могут стащить. Иван Святославьевич посылает еще двух молодцев. Те сошеньку вертят, а не могут с бороздки вубрать. Отправились туда все двенадцать богатырей. Сошку ворочают, а с места не сдвинут. Тогда сам он спускается со своей кобылки соловоей. Бросил сошеньку за куст, сел на

кобылку. Кобылка рысью пошла, а Вольгін конь отставать стал. Тот кричит, чтобы кобылка шагком шла. Говорит Вольгá: «Если б твоя кобылка коньком бы была, — стоила бы она пятьсот рублей!» — «Эх, Вольгá, Вольгá! Глупыи это слова. Если б коньком она была, ей бы и счету не было!» Это и был Микула Селянинович.

XLIV

ПАШОВА Матрена Кузьминишна, крестьянка деревни Об-Озеро (Озерки), вдова, 49 лет. Ее муж и сын погибли в первой мировой войне. Пашова, когда поет, то, вспоминая их, часто всхлипывает. Особенно заметно это при исполнении ею былины о Добрыне, в том месте, где описывается, как мать Добрыни дожидается его с чиста поля.

О спетых М. К. Пашовой вариантах былин «Василий и Софья» и «Братья-разбойники и сестра» см. в примечаниях.

№ 161. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)¹

- Как во городе да й во Кееви,
 Ай у ласкового князя у Владимира
 Был почестный пир да в воскресный день
 На пиру были вси князья, вси бóяры,
 Все могучие да й богáтыри.
 А що солнышко да й на вечере,
 А почестен пир да й на вéселе.
 На пиру-то вполú сытú вси наедалися,
 На пиру-то вполú пьянú вси напивалися.
10. На пиру оны да порасхвастались.
 А первой похвастался д'он добрым конем,
 А що умменькой похвастался отцём-маменькой,
 Отцом-маменькой да й рóдом-плéменью,
 А безумной-то похвастался молодой женой:
15. — «У меня-то есть молода жена,
 Свет Настасья есть да й Микулишна.
 У ней поворотушки да й горносталевы,
 Разговорушки да й соловьиные.
 Без меня она да й во пир не йдет,
20. Меня, молодця, да ёна слушает.
 Наказал-то я молодой жены,
 Наказал-то я стрóго-настрóго.
 Поежжал-то я да й во цистó полé,
 Во цистó полé да й со дружинущкой.
25. Уговаривал да й молоду жену,
 Я упрашивал да й молоду жену:
 Ты живи-тко, молода жена, цесно-именно,
 Дожидай меня да й со побоища.
 Ты клади завет да й на шесть хоть лет.
30. И шесть-то лет пройдет, хоть вдовой живи,

¹ В пении былины каждый стих повторяется два раза. При повторении стиха да. «да й» в середине строки выпускались.

- Хоть вдовой живи, хоть замуж пойдн,
 За купця пойдн, хоть за боярина,
 Хоть за сущего да за кресьянина, —
 Не ходи столько за й Олешеньку,
 35. За Олешеньку да и за Поповиця,
 За того то бабьего да й насмешницька!»
 Скоро скажется, тихо деется.
 Миновало тут да уже шесть-то лет,
 Миновало тут вдовке шесть да лет.
40. Положила завет тут що на шесть лет,
 А всего-навсего она да на двенадцать лет.
 Тут сидит Добрынюшка во цистом поли,
 Под кустом сидит да под ракиновым,
 Он держал коня крепко-накрепко.
45. Ай сидит-то он, призадумалси,
 Призадумался да запечалилси, —
 Уж он вспомнил-то свою родину,
 Свою родину да й молоду жену,
 Молоду жену, а що родитель-мать:
50. «А що в живности ль живет цестна вдова,
 Ай цестна вдова Офимья Александровна?
 А вдовой ли живет молода жена,
 Молода жена, Настасья свет Никулишна?»
 Тут поднялся шум-от сильней по лесу, —
55. Ну летели птиценька ко птиценьки,
 Говорила ли по-целовецьему:
 — «Уж ты встань-ко нунь да й, добрый молодець,
 На коня ты встань да й богатырьского,
 Поежжай-ко ты да й по дороженьки,
60. По дороженьки да й по прямоежжией.
 У тебя-то в доми есть невзгодушка,
 Ай невзгодушка она да й е великая:
 Молода жена твоя — изменщиця, —
 Как сегодня днем да у ей свадебка,
65. У ей свадебка да й столованьице.
 А идет она замуж за Олешеньку Поповиця!»
 Громко по лесу ен посвистывал,
 Коня плетоцькой ен похлыстывал.
 Разгорелось серьце богатырьское:
70. «Ну завет она хоть исполнила,
 Не по слову если только сделала, —
 С молодой жены я венец сойму,
 Князю молодому голову сорву!»
 Сбро-наскоро приежжал тут ен
75. Ай ко дому-то ко родительску.
 Не искал-то у дверей придверьницьков,
 У ворот-то ен да й приворотницьков.
 Приходил-то ен да й на широкий двор,
 Скоро-наскоро с коня ен выскакивал,
80. А що конь стоял, быдто вкопанный.
 Уж ен стал-то скоро прямо в лестницю,
 Услыхал-то ен да голос женщины,

- Голос женщины да своёй матери.
 Как сидит она на стульчике да й на плетёномъ,
 85. У стола сидит да й у дубового.
 Уж ён входит во тую вс комнату,
 Уж ён крест кладет да й по-писаному,
 Уж свою ён речь ведет да по-уцёному:
 — «Здравствуй-ко, цестна́ вдова Офимья Олександровна,
 90. Я принес поклон да й от Добрынюшки,
 От Добрынюшки да со циста́ поля.
 Ты скажи-тко мне, цестна́ вдова,
 Где находится Настасья Микулишна?»
 — «Пёром-свадебкой она замуж идет.
 95. Не добирайся-ко, добрый мóлодецъ,
 Ты про пир да и про свадебку,
 Не обманывай да стару бабушку,
 Не сбивай-ко ты меня со прицетки!
 Как двенадцать годов село краснó солнышко,
 100. Село солнышко да село красное.
 Как сегодня да во ён дёнецек
 Укатается да мой светёл месёц!
 Я осталаси да в терему одна!
 Некому меня кормить да воспитывать¹,
 105. Обувать моих резвых ноженек!»
 — «Ты не плачь, не плачь, да наша бабушка!
 Ты скажи-тко, свет цестна́ вдова Офимья Олександровна,
 С тобой долго мне не разговаривать,
 Ты скажи, скажи, где были гусёлушки рóсцветы?»
 110. Взял пошол-то ён ко прежней ко спаленке,
 Он нашол-то там свои гусёлушки.
 Подходил-то ён да ближе к погребу,
 Ой у маменьки да ён выпрашивал.
 — «А що нет у меня да подозреньица,
 115. Я хоцю сказать цюжестранину:
 Не ходи-тко ты на пер, на свадебку.
 Там собираются ведь да й гости званые,
 И незваным там ведь места нет.
 У ворот-то там приворотницьки,
 120. У дверей-то там придверьницьки,
 Там ведь строгие сторожа стоят!»
 Ницего-то ён не спрашивал,
 Выходит-то ён да й на широкой двор.
 Он садился на коня да богатырьського.
 125. Она видла молодця сядуци,
 А не видла тут ёна поедуци,
 Ён спускал коня да й во цистó полё,
 Ён спускал, коню сам наказывал:
 — «Ты гуляй-ко, конь, да й разгуливай!
 130. Как придёт поры да й и времёцко, —
 Приходи-тко ты ко витú столбу,
 Ко тому столбу, к золотú кольцю.»

¹ При этих словах сказительница горько заплакала,

- Приходил-то ён к тому дому свадёбному.
 Ён не спрашивал тут придверьницьков,
 135. Не выпрашивал ён приворотницьков,
 Открывал-то дверь да й ён дубовую,
 Широко открыл двери на́ пяту,
 Открывал-то ён дверь да во комнату.
 Ён ходил, ходил по комнаты, —
140. Гости вси по местам сидят,
 По местам сидят, да й угощаются,
 А к нему то вси не обращаются.
 Нет ни стула, нету мѣстецька.
 Разгорелось сердце богатырьское,
 145. Разгорелась кровь да во белом лице.
 Ён повышел тут да й во прихожую.
 Скоцил ён на пеценьку муравлену,
 Заиграл, запел во гусѣлушку.
 Ён по струноцькам да стал поваживать,
 150. Да припевоцьки стал ён припѣвывать,
 Приготуроцьки ён выговаривать,
 Ён Настасью Никулишну придерьгивать.
 Тут княгиня-то догадаласи,
 Догадаласи, да й домекнуласи:
155. — «Уж-то есть не иной доброй молодець:
 Уж вы дайте-тко слово-вольюшку,
 Позовите-тко гостя незваного,
 Со гусѣлушками со весѣлыма.
 Как во эдаки да й во гусѣлушки
160. Как бывало-то прежний муж играл!»
 Позвали его туда да слуги верные.
 Подавал стул-то князь да й ласковый
 Как Добрынюшке да й Микитицю.
 Наливали цяру зеленá вина,
165. Зеленá вина да й полтора ведра,
 Подавали княгине тут цяроцьку.
 Подносила тут молодá жена:
 — «Выпей, выкушай, добрый мóлодець,
 Эту цяроцьку да зеленá вина
170. За твои игры за веселые,
 За твои припевки за тяжелые,
 За гусѣлышки да за рóсцветы!»
 Уж ён брал-то цяру зеленá вина,
 Выпивал-то ён до самóго дна.
175. А другую-то ён да цяроцьку
 Подавал Настасье да й Никулишне.
 Сположил-то ён имянной перстѣнь
 В эту цяроцьку, в зеленó вино.
 И сказал то ён да й молодой жены:
180. — «Выпей. выкушай, Настасья да й Никулишна:
 Эту цяру зеленá вина.
 А если хошь добра — уж ты пей до дна,
 А не хошь добра — подавай узáд!»
 Она взяла выпила на один-то дух,

185. Увидала там имянной перстень,
Тут она-то все да взволноваласи,
Да во белом лицу да розыгралоси,
Ейно сердце-то да разрывалоси:
— «Ай я, обманщицька да изменщицька!»
190. Прежний муж-то по дрова,
А жена замуж пошла!»
— «Не виню-то я тебя, молодá жена,
А виню-то я Олешеньку Поповиця!»
Уж ён брал ёго да'з-за желты кудри,
195. Уж ён высадил да й за стола ёго.
Стал по комнатке ёго да й поваживать,
Ай гуселушками стал подрачивать,
Потихонюшку да ён поваживать.
Где его ведет, да тут и кровь идет,
200. А волосицьки в руки оставалиси,
Оставалиси да разливалиси.
— «Уж ты знай тут, Олешенька Попов-то сын,
Ты насмещицьку да й поделовывать, —
От живого мужа жону отняли!»
205. Все в поезде да сволновалиси,
Все-то кушанья по столам да разливалиси.
Уж ён брал ее да за белы руки,
Приводил ее да ко виту столбу,
Уж ён свиснул коня да й богатырского.
210. Быстро конь бежит, — одна пыль летит.
Оны сели тут да й на добра коня,
Поехали да к своей маменьке.

XLV

КОВИНА Мария Семеновна, старушка лет 78. Живет в Кижском погосте у своей дочери — вдовы коммуниста. Родом Мария Семеновна из Воробьев. По мере сил она помогает дочери по хозяйству и присматривает за внуком (внуком дочери). Раньше знала старины, например, «Чурилу», но позабыла. От нее, помимо «Князя и старицы» записаны варианты былин «Братья-разбойники и сестра» и песня «Платов-казак». (См. об этих текстах в примечаниях.)

№ 162. КНЯЗЬ И СТАРИЦА

(НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ)

- Татинька с маменькой поспорovali:
Татенька скаже: «замуж дочерь отдам»,
А маменька скаже: «во старицы записать».
Татенька пошел ровно за сорок верст,
5. Маменька пошла ровно за тридцать верст.
А глянула в окошечко — маменька идёт,
А маменька идёт, золотой стул несёт.
Стул-то несёт да со ножницами.

- «Садись, садись, доченька, на золотой стул».
10. — «Подожди-ко, маменька, — баиньку стоплю,
Баиньку стоплю да во баиньку схожу.»
— «Садись, садись, доченька, на золотой стул».
— «Подожди-ко, маменька, — в окошечко взгляну».
А батюшка идёт — золоты венцы несёт,
15. Золоты венцы несёт, за собой князя ведёт.
— «Садись, садись, доченька, на золотой стул».
— Молчи, молчи, маменька, татеньку дожду».
Схватила маменька за русу косу.
— «Вот те, моя доченька, косаньку сорву,
20. А русу отсеку да в монастырь тебе сведу.»
Тут татенька с маменькой заспорovali.
Тут-то маменька косу и отрезала.
(Тут интересно, как князь-то обратно пошол.)

XLVI

НАЗАРОВ Павел Васильевич, крестьянин лет 65-ти из деревни Косельга. При первом знакомстве (27 июля 1926 г.) сообщил, что слышал от своей соседки Федосьи Лукиничны Сарафановой, умершей лет 30 назад шестидесятилетней старухой, былины о Дюке Степановиче, Алеше Поповиче и Добрыне, об Илье Муромце и Соловье, о братьях разбойниках и сестре. Сказать (но не спеть — петь отказался, ссылаясь на боль в груди) он смог только былинку о Дюке Степановиче, а также отрывок из «Птиц», который он слышал от умершего теперь старика с Купецкого озера (имя его забыл). Когда Назаров сказывал Дюка, немного помогала ему припоминать его жена Аграпия Петровна.

№ 163. (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

- Справлялся, снаряжался молодой боярин Дюк Степанович
Во чисто поле да поляковать,
Стерегать-сберегать землю русьскую
От прусьского и от крымьского.
5. Заходил он во стойла лошадиные.
И берет он Бурушко косматого
И сёдлаёт Бурушка косматого,
Кладет потнички и подпотнички,
И кладет седёлышко черкальское,
10. Подпруги шелковые,
Пряжечки серебряны,
Шпинёчки позолочены.
Видели его, молодця, сядучи,
А не видели удалого-упалого поедучи.
15. Он не около ехал — через тын скакал.
И пошол тут Бурушка помахивать,
С горы на гору, с холмы на холмы,
Реки и озера между ног спускал.
И приехал он в Киев-град.

20. Идет тут царь стольно-кеевской
Со своей со поленицей со удаюю.
— «Здравствуй, царь стольний кеевской!»
Он ему на ответ:
— «Не велико холопище наехало,
25. Он коня угнал и тулуп украл.»
— «Ах вы, царь стольний кеевской,
Не умеете проздравствовать
Ни прихожему, ни проежнему,
Ни нашему брату зашлому».
30. Это слово царю вопреку пришло.
— «У вас против нашего нет ничего,
У моей у родителя у матушки
Колачик съешь — другого хочется,
По третьем колачике душа горит.
35. Чару пьешь — другой хочется,
По третьей чарке душа горит.»
Ударились о дорогой заклад:
Ходить-щепить во весь долгий год,
Платьвица носить с нова на ново,
40. Обуточку топтать с нова на ново.
Отправлял он Бурушка косматого,
Писал письма скорописчатые,
Кладовал он в сумки перемётные,
Отправлял Бурушка косматого.
45. Пошел Бурушка помахивать,
С горы на горы, с холма на холмы,
Пришел в землю русскую.
Увидала родитель-матушка,
Говорит: «Верно, мое дитячко захвачено,
50. Верно, мое дитячко захвастливо,
Верно мово дитячка живого нет.»
Берет она сумки перемётныя,
Читает письма скорописчатые,
Собирает она платьвица сменные,
55. Вкладывает в сумки перемётныя,
Отправляет Бурушка косматого.
Пошел Бурушка помахивать,
С горы на горы, с холма на холмы,
Мелки речки-озера промеж ног пропускал,
60. Вольныя раздолья перемахивал.
Пришел в Киев-град.
Берет сумки перемётныя,
Одевает платьвица сменныя.
Пошли они к обедне ко христовьския,
65. По пуговкам были вороны граючи,
По петелкам змеи свистучии;
Вороны заграяли,
Змеи засвистали,
Весь народ во гради приогрынулси,
70. Весь народ во гради приужахнулси.
Сапожки на ножках зелен сафьян —

- Под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа яичко кати.
Это царю вопреки пришло
75. — «Против нашего у вас нет ничего.»
Ударили они о дорогой заклад:
Скакать-махать через Пучай-реку
На своих на добрых конях.
Отправили Олешу Поповича.
80. Махнул Олеша Попович да в реку и упал.
Наказывает [Дюк] Бурушке косматому:
— «Ай же ты, Бурушка косматенькой,
Скачи через Пучай-реку.
И припади ко Пучай-реке,
85. И схвати Олешу Поповича.»
Скочил Бурушка косматенькой,
Припадал ко Пучай-реке,
Схватил за желты кудри Олешу Поповича,
А через Пучай-реку через три версты.
90. Опять царю вопреку пришло
— «Назначим Олешу Поповича
Оценить твоего имущества,
Присмотреть богатства.»
— «Не назначайте Олешу Поповича:
95. У него глаза завидущие,
Разбежатся глаза у него поповские!»
Отправили Олешу Поповича.
Съехал к его родителю ко матери.
Глаза разбежались у него на богатство.
100. Заходит он в первую горницу
Три-то няньки подолы несут.
— «Здравствуй, Дюкова матушка!»
— «Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница,
105. На Дюка Степановича порточки мою.»
Заходил он во вторую горницу,
Там шестеро няnek подолы несут.
— «Здравствуй, Дюкова матушка!»
— «Я не Дюкова матушка,
110. Я Дюкова колачница,
На Дюка Степановича колачки пеку».
Заходил в третью горницу,
Там двенадцать няnek подолы несут.
— «Здравствуй, Дюкова матушка!»
115. Дюк Степанович поклон прислал.
Вот приехал описать Дюково имущество».
Она и говорит:
— «Где хвастать сиротьським именищем».
Подносит ему чару зеленá вина, —
120. Чарочку пьет, — другой ему хочется,
По третьей душа горит;
Колачик ест, — другого ему хочется,
По третьем душа горит.

- И не мог он описать Дюкова именица.
 125. И приехал он во Киев-град,
 И говорит царю стольно-киевскому:
 — «Вот что, царь стольно-киевский!
 Нам собрать со всего города со Киева
 Сумму денежну
 130. И купить нам белую бумаженьку,
 И не описать Дюкова именица.
 Я колачик ел, — другого хочется,
 По третьем душа горит.
 Чарсчку пил, — другой хочется,
 135. По третьей душа горит.
 В погребах тёмных
 Бочки на цепочках поскрипливают,
 Будто уточки на заводе поикивают»¹.

№ 164. (ПТИЦЫ)

- Копчик-то был целовальник,
 Сорочка — кабачная жонка,
 С ножки на ножку скакала,
 Черный чоботы держала,
 5. Высоко она подолы подымала.
 Ворона-то — бабка пупорезна,
 Кулик-то был у нас трапезник,
 По чистому полю он ходит,
 Всякима товарома торгует.
 10. Журавль-то у нас был *(не помню кем)*;
 Ножки тоненьки-доленьки,
 Штаники узеньки-плохеньки.

XLVII

САРАФАНОВА Марфа Кирилловна, 70 лет, из д. Кесельги; ее сын — ленинградский портной, на лето приезжает в деревню с семьей. на зиму дом оставляет на попечение Марфы Кирилловны. Марфа Кирилловна не могла припомнить, от кого она переняла «Чурилушку», но полагает, что от своей дальней родственницы — Феодосьи Лукиничны, от которой выучили старины и Назаровы. Начало былины никак не могла вспомнить. Формулы былины очень близки тексту Н. Ст. Богдановой. Может быть, Сарафанова переняла былинку от Богдановой непосредственно, может быть, через других сказителей.

№ 165. (ЧУРИЛО И КАТЕРИНА)

- Выходила Катерина Николаевна,
 Лошадь взяла, — в конюшенку клала,
 Шубку взяла, — на гвоздик клала,
 Шапку взяла, — на стопку клала,
 5. Шурилушку взяла, — да во спаленку свела.

¹ Последние три строчки подсказаны женой сказителя.

- Насыпала коню пшены белояровой:
Ешь, конь, сколько хочется.
Побежала девка келейница
К Ермасу-сударь Васильевичу,
10. Ермас-сударь во божьей церкви.
Пришла девка во божью церкву:
— «Ай же ты, Ермас сударь Васильевич,
Стоишь ты, да богу молишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
15. У тебя ли в дому да есть немилый гость,
Немилый гость да есть Шурилушко.
Шурилушко Шаплёнкович да Щеголёнкович.»
— «Ай же ты, девка-келейница,
Если ты, девка, правду говоришь,
20. Я тебя, девка, замуж возьму,
Если ты, девка, неправду говоришь,
Я тебе, девка, голову срублю!»
Это кто за воротами колотится?
Колотится Ермас сударь Васильевич.
25. Выходила Катерина Николаевна,
В одной тоненькой сорочке без пояса,
В одних тоненьких чулочках без чобота,
У ней женьские волосы растрепанные.
— «Катерина, это что? Николаевна, что?»
30. — «Что-то мене, Катеньке, неможется,
Что-то Николаевне хворается.»
Он во горенку вошел, он шубку нашол.
— «Эту я шубку у Шурилушки видал!
Катерина, это что? Николаевна, что?»
35. — «Ездил мой братец во чистом поли,
Во чистом поли на добром кони,
Вместе они шубками сменялись, —
Есть мой братец у меня в гостях.»
На стопочку глянул, — там шапочку нашол.
40. — «Катерина, это что? Николаевна, что?
Эту я шапочку на Шурилушке видал.»
— «Ездил мой братец во чистом поли,
Во чистом поли на добром кони,
Вместе они шапками сменялись, —
45. Есть мой братец у меня в гостях.»
Во конюшенку вошел, — там добра коня нашол.
— «Катерина, это что? Николаевна, что?
Этого коня я у Шурилушки видал.»
— «Ездил мой братец во чистом поли,
50. Во чистом поли на добром кони,
Вместе они конями сменялись, —
Есть мой братец у меня в гостях.»
Во спаленку вошел, — там Шурилушку нашол.
— «Катерина, это что? Николаевна, что?»
55. Вынул он саблю вострую,
Покатилась Шурилова головушка,
Ей во след и Катеринушкина.

III
ВОДЛОЗЕРО

XLVIII

МАРИНА Аксинья Андреевна, 97 лет, из дер. Коскосалма-Подгорье на Водлозере. Родом из Колгострова. Былину слышала от своего свекора Тимофея Федотовича Зверева, который, кроме «Ставра», пел еще про Илью Муромца и Добрыню Никитича. Т. Ф. Зверев умер 45 лет тому назад, 60-ти лет. А. А. Марина помнит, как приезжал А. Ф. Гильфердинг и как сказители ходили к нему.

№ 166. ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ (СТАВЕР ГОДИНОВИЧ)

- Во славном во городи приежжал-то добрый молодець,
Нацял просьбу, что приехал свататься
На любимой племяннице у князя у Владимира.
Накликал борьцов-поединшиков,
5. Говорил, что: «Давайте, этого давайте,
А нет, — возьму нунь весь Киев-град в плен.
Поежжай-ка ты сам, Добрыня, во Киев-град,
Рассказывай-ка просьбу, какая у тебя просьба?»
— «Приехал я свататься, да свататься,
10. Есть у тя, князь Владимир, есть любимая племянница.»
Она говорит таковы слова:
— «Глупый князь, неразумный князь стольнё-киеськой,
Отдавать же, выдавать за женщину!»
Он вышел, похвастал, похвасталсе,
15. Как за тьи речи за бахвальныи,
Как за тьи речи за похабныи
Схватили его в погреба сорока сажон.
Он ладит племянницу свататься.
Он говорит, что Василий Микулиць, а не Настасья Микулицьна.
20. А племянница расшумелася:
— «Глухой князь, давать ты девушку за женщину,
Отдавать любимую племянницьку!»
— «Почему ты знашь про женщину?»
— «Потому, походка цястенка,
25. Говорит разговоршка ласково,
А сяде на лавку, стегна жмет.»
Говорит Владимир-князь стольнё-киевськой:
— «Мы его испытаем да изведеем.
Истопим-ка парну баенку!»

30. Истопили парну баенку.
Говорит князь Владимир стóльнѣ-киеськой:
— «Пойдем-тко ты во парную баенку!»
Покуда князь стóльнѣ-киеський копался,
А ён уж с бани идет.
35. — «Ай, — говорит, — что же ты не парилсе?»
— «Вот что я, князь стóльнѣ-киеський,
Намылсе, намылее да напарилсе,
Парилсе я по дорожному, — говорит, —
Некогда мне, недосуг мне расщелкивать,
40. Мне поскорее [. . . . .]¹ мужчина или женщина.»
Скоцил Олешка, скоцил на добра коня
Видели Олешу сядуцись,
Не видели Олешу поедуцись,
Приехал к Настасьѣ Микулицьне:
45. — «Ай же ты ешь да пьешь, проклаждаешьсе,
Не ведаешь, со любимым с товарищем,
Не ведаешь про незгодушку великую.
Посажен Добрыня во глубок погрѣб,
Во глубок погрѣб сорока сажон
50. За тьи реци за похабные,
За тьи реци за бахвальные.
Похвастал на пиру там жоной,
Что нету во Киеви, как моя Настасья Микулицьна.
Его же схватили в погреба посадили.»
55. Приходила Настасья Микулицьна,
Схватила брила свои волосы,
Одевала, брала успехи молодецькие,
Поежжала тут воевать.
Только видели Настасью сядуцись,
60. Только нынѣ не видели поедуцись, —
Одна покопотъ в поли пролѣтела.
Приежжала Настасья ко Киеву,
Выкинала стрелоцьку калѣну в поле.
Говорил-то князь стóльнѣ-киеський:
65. — «Ай же ты, Василий Микульевичь,
Нету у нас таких поединьчиков,
Заежжайте-ка сам во Киев-град!»
Как заехал Василей Микульевичь,
Тут недолго высватал племянницу.
70. Взяли стали играть да свадебку,
Цесным пирком да за свадебку.
Настасья Микулицьна говорит:
— «А не цесь-хвала молодецькая
Потюремщички все спущены,
75. Один сидит Добрыня Мижигиць.
Надо его выпустить на добрых конях,
На добрых конях разъехаться.»
Добрыня и говорит:
— «Нету коня у Владимира,

¹ Пропущены слова при записи.

80. Нету коня, нету лошади.»
И разъехались во цистомъ полѣ.
Настасья Микулицына смахнула с лошади,
Что, говорят, копьемъ в груди впёрла.
А онъ лежит, говорит: «Смерти или живота?»
85. — «Воля ваша да и воля ваша,
Живу я да и смерти-то приму!»
Взяла его поцеловала в уста во сахарни,
— «Ну, — говорит, — Добрыня Микитицъ, я твоя, а ты мой!»
— «Нет, — говорит, — пойдём-ко домой!»
90. — «Не цесь, не хвала молодецкая
Уехать не простившись.
А воздадим-ко мы честь-благодарность
Владимеру стобльнѣ-киеському.»
Вышли на приступки.
95. — «Спасибо, — говорят, — князь стобльнѣ-киеський,
Мы были твои, а стали свои,
Мы теперь домой поедём.»
Шапочки сняли да и разъехались.
Князь Владимиръ говорит:
100. — «Глупые мы и неразумные мы,
Проглядели мы женской разговор,
А женщина нас и надула,
Добрыню Микитича увезла домой!»

XLIX

СУХОВ, Павел Осипович, 75 лет, из дер. Пилмасозеро. Полуграмотный. Слышал былины от своего дяди Василия Алексеевича Сухова, умершего 48-ми лет, 50 лет тому назад.

№ 167. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- Ай во славноём во городи во Киеви
У славного у князя у Владимира
А собиралсе у него да нынь почестен пир.
А уж как вси ли на пиру да напивалисе,
5. Уж как вси ли на пиру да наедалисе.
Напивалисе все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да порасфастались.
А умной-от бахвалит отцём-матерью,
Безумной-от бахвалит молодой женой,
10. А один у нас Добрынюшка не ест, не пьет,
Он не ест не пьет да он не кушает.
И он приходит ли к родителю ко матушки
Да и говорил-то ён да таковó словó:
— «Ай же ты, родитель моя матушка,
15. Что же ты миня ёкого спорóдила,
Чтобы силушкой меня теперь не сильною,
Богачесвом меня да не богатого?
Воспорóдила б миня же, матушка,
Красóтушкой в Цюрилушку Плénkова,

20. А богáтушкой да в королевича,
А меня смелостью в Олешеньку Поповиця!
А поехал бы во цистó полё поляжовать,
А с полéницею с удалюю разъеждивать!
Ай же ты, матушка моя цеснá вдова Омельфа Тимофеевна,
25. А уж ты дашь-ко мне прощенье-благословенье,
А я поеду нынь, я во Киев-град
А с поленицею с удалюю разъеждивать!»
Он своей ли, как супруги Настасьи Николаевны
Он наказывал, он сказал жы ей.
30. Сказал жы ей: «Настасья доць Никулиш(и)на,
Я поеду во цистó полё поляжовать
С полéницею удалюю разъеждивать,
А проживи-ко ты после мужа да шесть годов.
Дак не будет Микита из цистá поля́,
35. А не будет как его да нынь приедуцись,
А не будет как его, — тогда вдовой живи,
Хоть вдовой живи, а хочь ты тогда поди за богáтых
А за князей поди за именитых,
Ну только не ходи да за Олешу за Поповича,
40. А за смелого Олешу за насмешницька за женского.»
А только й же видли же добра мóлодца как сядуци,
А не видли как он уже поедуцись,
Только видли, — во цистóm полí да пыль пулят,
Куревка его воскуриват.
45. Едет ли Добрыня по цистým полýм,
Он проехал несколько — да шесть годов,
А всякая дрянь к ему во двор бредет,
А всякая дрянь да во глаза идет к его жене.
Говорила кақ Настасья же Микулична:
50. — «Я как справила ведь заповедь-то мужнюю,
А справлю я женьскую еще шесть годов.»
Ну прошло видь тому времецьки да шесть годов,
Ну всякая дрянь да к ей на двор бредет,
А всякая дрянь да во глаза брыздет.
55. Она и говорила да таковó словó:
— «Справила я заповедь-ту мужнюю,
А справлю я заповедь-то женьскую еще шесть годов!»
Потом и как Олеша же Попович сказал:
— «Ай же ты, Настасья дочь Никулицьна,
60. Уж как ты с добра нейдешь, да я силом тебя возьму.»
Ну грозы того она да побояласе,
А замуж она да снаряжаласе
За смелого Олешу за Поповиця.
Под пётницу у их да сватобíтьицё,
65. А в воскресенье да было да свадебíтьицё,
А к понедельникку было да обвеньцáньицё.
А издил ли Добрыня по чисту́ полю́,
У него же конь да на коленка пал,
А со того же с плеця́ да на́ плеця́ заперелётывал,
70. А от того же во стремян да зашарахилсе.
А Добрыня сын Никитинца

- А шпотик под бока под добра коня:
— «Ай же конь ли ты, да ты думаешь,
Над собой ли ты незгодушку ведаешь?»
75. Надо мной ты да безголовица?»
— «Я вот ничего не знаю над тобой же как безголовица,
Только знаю как над тобой же безголовица:
Как твоя же Настасья-та Микулицьна замуж пошла
А за смелого Олешу за Поповица.»¹
80. Как он опускается со добра коня,
Коню ли да ён наказыват:
— «Ай же ты, конь, травяной мешок,
Ай же ты, сокол, перо воробьяно,
Ай же ты, кобель, да волчья шерсть,
85. Ай же ты, здумайтесь да кому поймаетесь,
А не здумаете, дак не имайте-тко да до времени!»
Он берет шевульки подорожную,
Отправляется во свой во град,
Ко своей родители ко матушки.
90. Он приходит жы к родителю ко матушки,
Говорил как он таковы слова:
— «Ай же ты, родитель цестна вдова Офимья Тимофеевна,
А где у тебя сын гуляёт, Микитинець?»
— «Я что, — говорит, — дитя, не знаю где.»
95. — «Я вчера же видь с ним же виделси,
Я сегодня с ним разъехалси.
Он мни-ко же велел его взять скороспешныи взорудии,
Сходить к Олеше на поцестной пир.»
Она приносит ему доспехи все богатырский,
100. Отправилсе он к Олешу на поцестной пир.
Он приходит как к Олешу на поцестной пир.
Наливал как калйку цяру зеленá вина,
В которую всходит полтора ведра.
Принимает эту цяру на единый перст,
105. Выпивает эту цяру же на единой дух.
Потом наливали цяру да меду сладкого, —
Выпивает он да на единой дух.
Потом и говорит как Настасья да Никулишна:
— «Это есь видь не Олеша сын Поповиць,
110. Это есь сын Добрыня тут Микитинець!»
Как скоцил тут Добрыня Никитиць на резвы ногы
Как топнул он, как на кирпичный пол Олешу Поповица,
А Олеша на . . . . запогáзывал,
Да такии рици запоговáривал:
115. — «А братци, что на веку всякий да женитсе,
А не всякому женитьба удаваетсе!»

№ 168. (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

(Отрывок)

Ай во слáвноёй во Индии богатою,
Ай в одном же как во гради в Кáлици
Там и жила как цестна вдова

- Дак не знаем же как и ю же, ю й зватй,
5. У нее же был как сын, ведь, да Дюк Степанович.
И он ходил-гулял по цистым полям,
Он ходил да по морским глубам,
И он стрелял гусей да белых лебедей,
Он стрелил да триста тридцать три раза,
10. Да не убил боярской сын а да трех-то метоцек.
И он приходит ли к родители и ко матушки.
Говорил ли ен да таково слово
— «Родитель моя матушка,
Я ходил да по морским глубам,
15. Я стрелил-то триста три разу,
А не убил-то я ды трех-то метоцек.
А мне не жалко трех-то метоцек,
Только жалко каленных-то стрелоцек.
Эти стрелецьки были же каленныи,
20. Эти стрелоцьки были нунь да нациненыи,
А нуциненыи да перышком отменным,
А ни того орла, кой во цистом поли,
Того орла, кой за синем морем.»
Он приносит ко матери подарочка:
25. — «Ты мне дай прощенья-благословенье,
Поеду во чисты поля,
Я дак поеду во чисты поля поляковать,
Во чисты поля разъежживать,
С поляницею удалой побитьсе.»
30. А ему же как же мать наказывает:
— «А ты, рожоно мое дитятко,
А ты поедешь во чисты поля поляковать,
Не хвастай-ко ты животишком сиротским.»
Приежжаю я во славныи во Киев-град
35. А к славному к Владимиру,
А принимает меня за гостя, за гостя
И потом же приносят же мне цяй, сахару же, закусоцьки.
— «А ись мне-ка не хочится!»
А потом и порасфасталси:
40. — «Ой же ты, царь да стольне-киеськой,
Как у меня да родитель матушка,
А и все у нас да не по вашему.
А у нас как тая матушка,
У нее-то как помельця-то шелковыи,
45. Я у вас-то вижу, — как сосновыи.
Она как спекё как калачику, —
Калачик съешь, да по другому хочется,
По третьем как да душа горит,
А по четвертом ведь да без стыду берешь.
50. А у вас, говорит, да все душистает,
А у вас все да не по-хорошему.
А как у нас вот во Индии во богатою
[. . . . .]¹

¹ Забыто сказителем.

- У вас как все по вашёму-то все бороною,
 55. У нас по крайней мере как во Индии богатою,
 Как шапом шапить да я на три года возьмусь,
 А у вас ничего нет.

. . . . .

L

ЗАЙЦЕВ, Ефим Афанасьевич, 78 лет, из дер. Колгостров на Волд-озере. Былину перенял от своего брата Саввы (умер несколько лет тому назад); от кого слышал эту былину Савва, Е. А. Зайцев не знает.

№ 169. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ)

- На печи, печи, на печном столби,
 Тут сидит старуха да расширь ноги,
 Говорит старуха таковы слова:
 — «Ну во полюшки, во поли чистоем,
 5. Молодой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Ивановицы.»
 Видли добра молодца сядучи,
 Тут не видели добра молодца поедучи,
 Одна куревка прокурила.
 10. И поехал он во Киев-град
 И от позднёю обеденки
 А поспеть и да ко раннюю.
 А тут места, как блота дремуции,
 Ну дремуции, все топуции.
 15. Он левой рукой он тут коня ведет,
 А правой рукой дубья рвет,
 А дубья рвет и ён мосты мостит,
 А мосты мостит все калёные.
 Приезжает он ко речки ко Смородине.
 20. И в речки Смородины,
 И сидит тут Соловей птица Рохматая.
 Много лет сидит, бережит он Киев-град,
 Нет тут пролету и нет проходу,
 И добрым молодцам проходу.
 25. Он натягивал как тупой лук
 И стрелил он Соловью во правой глаз,
 А вылетат стрела а во левó ухó,
 Скатилсе Соловей с дуба акляпого, —
 Соловьины как детушки там заплакали.
 30. Приезжает он в соловьиноё да посёлбицё.
 У его доць да догадлива,
 Здынула подворотенку а стопудовую,
 Как хотела убить да добра молодца,
 А здынула, как ударить ладила,
 35. Ладила, а мóлодец как догадлив был, —
 А укатилась она под толсту дыру
 Да и под задню стену да на дворе на ширóкоём, —
 А вот как шутки шутить да с богатырем!

- «Бери-ка ты, злата-серебра сколько надобно,
40. А отдайте как нам батюшка!»
— «Нет, приежайте-ко да во Киев-град,
А выкупайте-ка да как батюшка!»
А повез его у стрёмяны во Киев-град,
А привязан за желты кудры.
45. Приежает как во стольный во Киев-град,
Отошла обидня как поздняя.
И у князя у Владимира
И тут собирался тут поцестной пир,
Еще на пиру и тут богатыри.
50. Поставил он коня на широк двор,
Некому коня не приказывал,
И коня он не привязывал,
И Соловьё-то он птице Рохматы наказывал:
— «И коня береги и Соловьё береги,
55. А конь, ты Соловьё береги.»
И шел он в полату белокаменну,
И сидят там гости добры, любящие,
Они спрашивают русьского млодца:
— «Как мы ти не знаем не имени не отечесьва
60. И садись-ко хоть на нижний конец.»
— «А ты, Владимир стольне-киеськой,
Там сидишь как пьешь-то, кушаешь,
Ты сам сидишь-то с воробнами,
И меня сядишь до со воробнами!»
65. — «Ах вы, сильные могуции богатыри,
Берите-ко как гостя за белы руки,
А ведите-ко на широк двор,
Придайте-ко смёрти, ему смёрти.»
Подскочили-то как богатыри,
70. Взяли-то его видь как под руки, —
А он рукой махнул да других тряхнул,
Нунь не стало их во живности.
А натягивал ён свой тугой лук,
А стрелил он стрелоцьку каленую,
75. А стрелил он по царьским маковкам,
Забрал он в церквах царьские маковки,
Забирал он голей да кабацких
Пропивать как царьские маковки.
А грозен царь, Иван Васильевич:
80. — «Да есь приехал к нам да ты кто такой?
А кто бы из вас гость да непорядочной,
А из вас ходил на царёв кабак,
А позвать ведь как гостица великого?»
Находился из них один посланничек
85. И пошел он на царёв кабак.
И там сидят как горьки пьяници.
— «И доброй млодец, как скажись-ко нам,
И ты скажи-ко какой земли, какой орды?
И какого ты отца да какой матери?»
90. И пожалуйте-ко к нам на поцестной пир!»

Ц

ФЕРЕСИНА, Прасковья Андреевна, 55 лет, из дер. Великостров на Водлозере. Старину об Илье Муромце вычитала в книге. Названия книги не помнит. По описанию П. А. Фересиной можно думать, что это было лубочное издание. Пела еще старину о Василье и Софье, которую переняла от своей бабушки Татьяны Григорьевны Кузнецовой, из дер. Б. Куга-Наволоок, умершей более 30 лет назад (см. примечания).

№ 170. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(ИСЦЕЛЕНИЕ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

- Во городи было во Муроми,
 Во селе было Карачарове
 Жил-был там крестьянин Иван Тимофеевич
 Со своей супругой Анной Ивановной.
5. Дал им бог сына Илью Муромца,
 Детище было хилое ды хворое,
 Тридцать лет сиднем сидел,
 Тридцать лет на печьке лежал.
 Пошли отец с матерью сено косить,
 10. Остался Ильюшенька на печьке лежать.
 Шли тем путем страннички божи,
 Пришли ёны к дому Ивана Тимофеевича,
 Стали у Ильи они пить просить.
 Он им ответил: «Странницьки божи,
 15. Рад бы дать вам напитисе,
 Но нет у мя ног под собой.»
 Один из них, странницьков божих:
 — «А попробуй-ко стать, ногу поднять.»
 Одну ногу поднял и другую поднял,
 20. И стал он на ноженьки, крепко оперсе,
 Взял ковш и пошел за квасом
 И подносит странникам божиим.
 Они говорят что «попробуй-ко сам.»
 Он выпил ковш до самого дна
 25. И оны его спрашивают, странники божи:
 — «Что ты, Илья, цюешь в себе?»
 Он им ответил Илья им Муромець:
 — «Был бы столб от земли был до небушка
 Да было бы на столбу золотó кольцо,
 30. За кольцо бы я всю Русь поворотил.»
 — «Налей-ко еще ты квасу крепкого.»
 Еще Илья подносит им кваску.
 — «Еще выпей-ко, Илья, еще сам сначала.»
 И выпил Илья опять ковш до дна.
 35. — «Ну, что чуешь в себе, Илья?»
 — «Убавилось силушки наполовинушку.»
 И сказали странницьки прохожи:
 — «Довольно тебе сиднем сидеть,

- Довольно тебе на пещьке лежать,
 40. Поезжай-ко ты во святой Киѣв-град,
 Застоять за Русь православную.»
 Мать Ильи горько плачетсе.
 Илья взял себе коня богатырского,
 А палицю дивяносто пуд
45. И поехал Илья, Илья Муромець
 Во стольний град во Киѣв,
 Поехал дорожкой прямоежжую.
 И приежжает к одному столбу, —
 На этом столбе три подписи:
50. Вправо ехать — богатому быть,
 Влево ехать — женатому быть,
 Прямо ехать — убитому быть.
 Подумал Илья как ему ехать:
 «Богатство кресьянскому сыну не надобно,
55. Женатому быть мне не сужено,
 Убить-то меня не за что
 И взять то с меня им нечего.
 Поеду-то я прямой дороженькой,
 Прямой дороженькой во стольной град во Киев.
60. Ехал путем прямоежжую,
 Тут сидит Соловей Разбойничек,
 Сидит Соловей на сорока дубах.
 Засвистал Соловей по-соловьиному,
 Заревел Соловей по-туриному,
65. Заревел Соловей по-звериному, —
 Конь Ильи Муромца на колени пал.
 Бил коня Илья Муромець по крутым бедрам:
 — «Что ты боишьсе, пеляной мешок?»
 А направил лук Илья Муромець
70. И стрелил Соловья прямо в левой глаз.
 Покатился Соловей со сороки дубов
 И прицепил Илья Соловья Разбойника.
 Дети Соловья видят, что Илья Муромець отца везет
 И прибежали оны в полаты белокаменны ко маменьке:
75. — «Посмотри-ко, раньше наш папа мужиков возил,
 А теперь папу нашего мужик везет.»
 И дети [к] Илье Муромцю со слезамы пришли.
 Отворяли сундуки золоцѣныи,
 Отворяли ларци окованыи:
80. — «Отдай, молодѣць Илья Муромець, Соловья Разбойника
 Бери золотой казны сколько надобно.»
 — «Золотой казны мне не надобно,
 Повезу твоего Соловья Разбойника.»
 И проехал Илья Муромець с вором с разбойником.
85. И приехал Илья Муромець ко князю ко Владимиру
 И привязал коня к столбу тоцѣному,
 Сам входит в палаты белокаменны,
 Поклонился он на все цетыре стороны,
 Поклонился он князю Владимиру.
90. — «Ты какой целовек, какой земли, какой орды,

- Какой семьи, какого состояния?
 По состоянию, по цѣну, тебе и место дадим.»
 Отвѣчает им Илья, Илья Муромецъ:
 — «Я крестьянскій сын Илья Муромецъ,
 95. Я из города я из Мурома,
 Из села из Карачарова.
 Отець мой Иван Тимофеевич,
 А мать моя Анна Ивановна.
 А ехал я путем-дорожкой прямоежжею.»
 100. Тут вси князѣ, вси бояра говорят:
 — «Владимер-князь, мужик да спольгается
 Нет проезду дорожкой прямоежжею.»
 А он говорит: «Настолько я не завираюся,
 Соловей у меня у столба привезен к вам,
 105. Если желаете, то пойдѣмте смотреть.»
 И пришли вси князѣ со боярами.
 И приказал Соловью Разбойнику:
 — «Ну-ко, Соловей Разбойничек,
 Засвисти по-соловьиному,
 110. Затурѣ по-турѣному.»
 Засвистал Соловей по-соловьиному,
 Затурѣл Соловей по-турѣному,
 Князь Владимер одвѣ на ногахъ стоит,
 Княгина полумертвая.
 115. — «Уйми Соловьѣ, Илья Муромецъ!»
 И ударил Соловьѣ палицей в девяносто пуд
 И убил Соловьѣ Разбойника.
 И дали поцет Ильѣ Муромцю
 И стал он служить князю Владимеру,
 120. Защищать Русь православную.

III

ПИМЕНОВ, Василий Андреевич, из дер. Пелгостров на Водлозере. Перенял былину от местного сказителя, старика Ивана Родионовича (фамилия неизвестна).

№ 171. (ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ)

- Во том-то во городи во Киеви
 Жила-была честнѣ вдова Мамельфа Тимофеевна,
 У ней сын-то был Василей сын Буслафьевич.
 Как стал-то он во Новгород поежживатьъ,
 5. С новгородскими ребятами поигрывать,
 Кого за руку хватит — рука из плеч,
 Кого под ногу пнет — нога-от прочь.
 Говорят же мужики новгородские:
 — «Ай же ты, Василий сын Буслафьевич,
 10. Да ты побьемся-ко с нами о велик залог:
 Уж ты можь ли побить наш Новгород,
 Не оставить народу нунь на сѣмена?»

- Говорит же Василий сын Буслафьевич:
— «Да уж вы дайте дружинишку храбрую
15. Да я возьмусь побить ваш весь Новгород!»
Как узнала ето да рѳдна матушка,
Да приходила она, да тут во Новгород,
Да захватила за рученьки за белые,
Провела его в полату белокаменну,
20. Да напоила напитокками пьяными,
Повалила на кроваточку кисѳвую,
Да вот на тую периночку пухѳвую.
Да уж спит ли Василей не пробудитсе,
От крепкого сну да не прохватитсе.
25. А на том же болоте на Куликовом,
А на том же побоище великом,
Да новгородськи мужики бьютсе-ранятсе,
А вси оны с дружинишкой хороброей.
Да уж как девушка была чернавушка,
30. Да чернавоцька девушка была служаноцька,
Говорит же она да таковы слова:
— «Да уж ай же ты, Василей сын Буслафьевич,
Да что ты, Василей, не пробудишьсе,
Да уж от крепкого сну да не прохватишьсе?»
35. А на том ли болоте да на Куликовом,
Да что на том побоище великом,
Да новгородски мужики да бьютсе-ранятсе
Да со твоей ли дружинишкой хороброей.
Что у ваших да у дружинишки
40. А было-то головушка переломана,
А руки, ноги кушаками перевязаны.»
Как скожил Василей на резвѳ ноги,
Как бросал, обувал чоботы на босѳ ногѳ,
Кѳфтанишко, шляпочку одевал на одно ухѳ,
45. Шубоньку одевал на одно плечо.
Воротцы дубовые выставил
Да железны решетки выломил,
Выходил же Васильюшко да на белой двор.
Да не попал ему своѳ червянный вяз,
50. А попала ему да ось и тележная,
Да как хватил Василей ось и тележную,
Побежал он на болото на Куликово,
Да что на тое побѳищѳ великое.
Да девочка бежит чернавочка,
55. Что чернавочка-служаночка
Да несет она Василью своѳ червянной вяз.
— «Уж ты на же свой червянной вяз,
Да уж ты брось-ко возьми ось и тележную.»
Затрескалась вся земля да и поселенная
60. И побежал уж тут Васильюшко
Да что на то болото на Куликово,
Да на то побѳищѳ великое.
Уж как стал же Василей попахивать,
Уж как он стал (по) народу, — цела улица,

65. Да в другу махнёт — дак переулочек,
 А народ валит, как травы с косы.
 А говорят мужики да новгородские
 А к его же идти к хрёстну батюшку,
 Да все же оны целом да поклонялися:
70. — «Молодой же старчище Елизарище,
 Да ты вуйми да своего да крёсно дитятка!»
 Да как справляется да одевается
 Молодой старчище Елизарище,
 А на головку берет шляпку сорок пудов,
75. А колокольный-от язык да двадцати пяти.
 А как идет-то старчище да нахмуряется,
 А что о Волхов мост да нагибается.
 Как увидел Василей сын Буслафьевич
 Да своего-то он да родна хрёстнушка:
80. — «Ай же ты, да хрёстной батюшко,
 Да тебе не давал яицько о христова дни,
 Дам я тебе яицько о Петрова дни!»
 Замахнулся Василей да с полú силы,
 Да с полú силы да с молодецькою, —
85. Да колокол на голове не шатнется,
 Да золощёным кудёрышкам не стряхнутсе.
 Посидел Василей сын Буслафьевич
 Да замахнулсе да тут со всей силóй,
 Да он со всей поры, —
90. Колокол на голове рассыпалсе,
 А буйна-то головка расколеласе.
 Да как нацял-то Васильюшко помахивать,
 Говорят-то мужики новгородские:
 — «Да он побьет да весь и наш Нóвый-горóд,
95. Да не оставит народушку да на сéмена.
 Да не наб ли идти да к его матушке,
 Да к честной вдове Мамельфе Тимофеевне!»
 Все оны целом да поклонялися:
 — «Да уже ты, матушка да ты добротушка,
100. Да ты уйми-ка родна дитятка,
 Да он побьет да наш и весь Нóвый-горóд,
 Да не оставит народу нам на сймена!»
 Да что приходит его да родна матушка
 Да что на тóе болото на Кулйково,
105. Да что на тóе на болото великое.
 Как не смела идти она спереди,
 Да заходила она да его пóзади,
 Да захватила за рученьки за белые,
 Привела она в полаты белокаменны.
110. Выходил Васильюшка на белый двор,
 Да выбирал Василей себе Бурушка,
 Сибе Буруш(ы)ка, сибе Косматушка,
 Да как стал же Бурушка обседлывать,
 Как добра коня да он обгачивать.
115. Застегал он подпругамы двенадцатью,
 Да что двенадцатью подпругамы да продольныма.

- Да как видли добра мѳлодца седучи,
 Да как не видели его поедучи.
 Он хоромамы ли ехал ли, воротами,
 120. На ведь прямо через стену городѳвую.
 Приежжал ведь Василей на Полѳнь-горѳ
 Да там лежит голова да целовецеска,
 Да говорит она Васѳльѳу таковы слова:
 — «Уж ты ай же, Василей сын Буслафьевиц,
 125. Ты приехал сюда вот не зачем-то,
 Кто приежживал — да не уежживал,
 А не уехать тибѳ да дѳбру мѳлодцу!»
 Рассердил(ы)се Василей сын Буслафьевиц.
 Да уж как пнул Василей в эту голову,
 130. Да покатилаcь голова да целовецеска. . .
- Доехал до горячего камешка, стал он через камешек поскакивать, попрыгивать. Раз перескоцил — недоскоцил. Второй — перескоцил. «Лучше буду позад себя.» Как тут скоцил и разбилcя. Тут же Васильѳу и славы поют.

LIII

ПИМЕНОВА, Настасья Максимовна, 67 лет, из дер. Пелгостров на Водлозере. Запомнившийcя ей отрывок былины слышала в детстве от стариков.

№ 172. (ПИР У КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА)

(Начало былины)

- Во славном-то во городи во Киеви
 Да у ласкового князя у Владимира
 Пособран был поцестен пир
 Да на мнози князей да бѳяров,
 5. А на сильных могучи бѳгатыри.
 Еще вси на перу да напивалисе,
 Это вси на поцѳстном наядѳлисе,
 Еще вси они на перу да порасхвасталисе.
 Ай-то фастат иной иднѳм,
 10. А богатый-то фастат да богачесвом,
 Да еще умный фастат отцем-матерью,
 Да безумной фастат молодой женой.
 Да один и старой стариценько,
 Он пофастал худой шубеночкой:
 15. — «Я плюну, кладу да во кабак снесу,
 Во кабак стяну да на вино пропью.»
 Добрыня фастат добрым конем. . .

LIV

ПРИЕМЫШЕВА, Лукерья Макаровна, из дер. Пелгостров на Водл-озере. От кого именно слышала былину, не помнит. Рассказывала, что слышала «Ставра» на беседах, собиравшихся великим постом.

№ 173. (СТАВЕР ГОДИНОВИЧ)

[Посадили Ставра] в погреба глубокие в помещенья во холодные. Жена богатыря сокрутилась в платья во мужние, состригла буйну голову. Приежжала она на почестный пир, нацинала она сватать его доць красиву за себя замуж. Собрал он род да племя, сдумал думушку. Все думают. Согласился ее родной батюшка за ее замуж. Его да доцька плачет да отказывается: — «Отдаваш ты дѣвчину за женщину!» Батюшка слушает, не знает. — «Если нунь узнать мне, — сводить в байну.» Позвали в байну. Он прибегал, поглядел, разделся, оделся, скоро так: — «Я одной рукой мылся, другой парился.» Доць все то же: — «Отдаваш ты дѣвчину за женщину.» — «Поди, перину пухову положи задом на подушку, а плечами в ноги. Как женщина, так под . . . . — будет ложиться — будет яма, как мужчина — под плечами.» Ложится она . . . . на подушки, — она все оказывается мужчина. Ихней батюшка поверил. Дочь все плачет. Дошло дело до богомолья. Ихний зятюшка сказал, где есть потюремщики, да нет ли каких-либо музыкантов, надо выпустить из погребов глубоких да холодных, на свадьбу пригласить на вечер музыкантов. Они выпустили, он заиграл в балалайку. Пригласил музыканта прогуляться в цисто поле. Она стала наметоцьки подметывать, ходить да цветочки собирать. — «Как мы раньше да в полях цветы рвали.» — «Нет, это быть не может!» Она раскрылася. Как она ему показалась, так он и поверил. Сели на добрых коней и уехали.

ЧУРКИНА, Варвара Ивановна, 49 лет, из дер. Быковской на Водл-озере. Переняла былины от своего отца Ивана Родионовича, умершего в начале XX в. 70-ти лет.

№ 174. (ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ)

- Во том во славном городе
 Да еще жил мѳлодый боярин Дюк Степанович,
 Да еще ён жил-то, ён взял приставилсе,
 Приставилсе да приготовилсе.
5. Да оставаласе честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
 Да оставал(ы)се Василей сын Буслаевич.
 Да еще стал ли ён во Новгород похаживать
 Да с новгородскима ребятама пошучивать.
 Кого под ногу подпнет,
10. Да кого за руку фатит — рука прочь летит,
 Да кого за голову фатит — голова прочь летит.
 Да тут удумали думу ль мужики да новгородские

- Да что итти к его да хрѣсну батюшку
 Да ко тому старчищу-перегрѣмищу:
15. — «Да ты уйми-ко своего крестного дитятка,
 Да ён побил, побил да наш Новгород,
 Да не оставил народу нам на сімена!»
 Да что справляется старчищо, снаряжается,
 Да одевает ён одежды тяжелые,
20. Да кладывает ён колокол до во сорок пуд,
 На голову колокол,
 Да колокольным языком подпирается.
 Да идет о Волхово — мост да нагибается.
 Да приходил он на болото на Куліково,
25. Да на тоё ли побѣищѣ великое.
 — «Да не слепая курапáти (sic!), не попу́ркивай,
 Да молодой ли щенок, да не поплясывай!»
 Да еще так ли Василей сын Буславьевич
 Да зафатил его за руки за белые,
30. Да проводил его в полаты белокаменные:
 Да он сажил его за столики дубовые,
 Да хоть за ты он скатерки шелкóвые,
 Да напоил ёго пивом ёго пьяным.
 Да от пришол Василей во чисто полѣ,
35. Приходил-то Васильюшко он на белой двор,
 Да не попало оружице уруцьное,
 Да от попала ему да ось и тележная.
 Да приходил-то Василей на болото Куліково, —
 Там новгородьски мужицьки да бьютсе-ранятсе
40. Да со Васильевой дружиной и со храброю.
 Да что Васильевой дружины мало можетсе,
 Да голова-то у дружины пиреложена,
 Да руки, ноги кушакамы перевязаны.
 Да он видь раз отмахнул людей — улицей,
45. Да ён другой видь-от отмахнул — переулоецк,
 Да нунь народ, народ отряхнул как травбы с косбы.
 Да хоть удумали ль думу мужички новгородьские
 Да что итти к его родитель матушке.
 Да идут они вси целом да поклоняютсе:
50. — «Да ты, цѣсна́ вдова Мамельфа Тимофеевна,
 Да сходи-ка ты на болото на Куліково,
 Да хошь на то ли побоище да великое,
 Да ты уйми своёго рожона дитятка,
 Да он побил, побил наш весь Новгород,
55. Да не оставил народу нам на сімена.»
 Да восправляется матушка, снаряжается,
 Нунь приходила на болото на Куліково,
 Да на тоё ли на побѣищѣ великое,
 Зафатила его за руцики белые,
60. Да провела его в палаты белокаменны,
 Да напоила напитокками пьяными,
 Да повалила на кроватоцьку кисóвую,
 Да на тую перинушку пухóвую.
 Да ищѣ спит-то Василий, не пробудитсе,

65. Да от крепкого сну да не профатитсе.
 Как выходил же Васильюшко на белой двор,
 Да на тую ли хоть на конюшню постоялую,
 Да выбирал он себе Бурушку неежжена,
 Да он неежжена коня, не седлана.
70. Поди стал еще-то ён Бурушку обседлывать,
 Поди обседлывать-обуздывать,
 Да он двенадцатью подпругами подпруживал,
 Ён тринадцатую-то подпругу клал продольную, —
 Да хоть не ради ли красы да молодецькою
75. Да ради крепости да богатырьською.
 Да приежжал-то Василей во цистó полé,
 Да ту видь увидел да горючь камéнь.
 Да выше лесушку хоть стоячего,
 Да ниже облака да ён ходячего
80. Да еще раз-от скоцил, — перéскоцил
 Да в другой раз д' ён перéскоцил,
 Ну третей скоцил да ён не перéскоцил,
 Ну ён задел видь черным цеботом за горючь камéнь
 Ды и пал Василей о сырú землю.
85. Да еще тут-то Васильюшку славы поют.

LVI

ШИРКОВ, Макар Спиридонович, 60 лет, из дер. Канза-Новолок с Водлозера. Грамотный; былины «понял с голоса» у сказителя Давыда Никифоровича Епишина, умершего в конце XIX века. Сказав, что былину о Сокольнике знает, начать петь ее затруднялся: «Ведь тридцать годов не слыхал! Молодой-то певал, — слово слово родит.» Начало былины попросил припомнить. Ему начали читать начало былины, записанной Гильфердингом от Прохорова-Утицы (Онежские былины, № 46). М. С. Ширков, прослушав несколько строк, остановил: «Я не так пою,» и начал петь. Пение Ширкова производит огромное впечатление, доставляет эстетическое наслаждение. Поёт он с большим воодушевлением, громко, интонацией подчеркивая наиболее значительные места. Видно, что М. С. Ширков глубоко переживает былину.

М. С. Ширков раньше пел много былин. Помимо спетых «Сокольника» и «Дюка» знал (теперь забыл) «Добрыню», «Илью Муромца», «Алешу Поповича», «Михайла Потыка», «Сорок калик со каликою». Эти былины он слышал от Епишина и Андрея Сорокина, которого хорошо знал. Ширков о Сорокине рассказывал, что его заставляли сказывать былины ночи напролет. Сорокин был неграмотный, память имел большую. Сорокин жил в Ченежах. В Пудоже он был «первый петарь. Пел те, которые серьезные».

М. С. Ширков большой любитель чтения; читал, главным образом, лубочные повести и романы: «Непреоборимая верность», «Гуак, князь флорицкий», «Английский милорд Василий Португалович», «Иван — утренняя заря», «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич». Лет 40 тому назад на Сиговом озере ему показывал один старик: «Книгу былин» с былинами о рождении Ильи, тремя поездками его, Соловьем-разбойником, Дюком Степановичем, Добрыней, Алешей Поповичем, Михайло

Потыком и другими. Бумага в «Книге былин» была толстая, сероватая, шершавая. Было много рисунков тоже на толстой бумаге, только более гладкой. Книга Ширкова очень заинтересовала, но пользоваться ей он не мог. Предполагает, что эта книга сгорела во время пожара на Сингом озере вместе с другими книгами, собранными упомянутым стариком.

№ 175. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК)

- А был ведь пособран-то богатый пир
 Как у ласкового князя у Владимира.
 Все богатыри да были созданы,
 Все на пиру да наедались,
 5. Все на пиру да забавлялись.
 Когда рзъежжались храбрыи, могущи
 Богатыри по своим домам,
 По своим домам, по своим дворам,
 По своим дворам, по своим местам,
 10. А осталсе ласковой князь стольнѣ-киеськой
 Со своей княгинею да со Опраксией,
 Со своими подданныма вельможамы.
 Повалилсе спать да Владимир-князь да стольнѣ-киеськой
 Он во свою да спальню светлую.
 15. Да долго он с княгинею разговаривал,
 Как стал тут усыпáть, тут он богатырским сном,
 Тут услышал да гóлоса зычьного,
 Как вдруг раздалсе голос богатырьской позáль Кieва:
 — «Ай ты, ласковый ты князь Владимир стольнѣ-киеськой,
 20. Если ты спишь, ты не пробуждаешься-ко,
 Али бáлом и ты пиром наслаждаешься,
 Аль про нас богатырей не ведаешь,
 Посылай-ко ты да мне соперника,
 А ты соперника, упору крепкую,
 25. Упору крепкую да оборотнушку великую
 'А [.....] ¹ да постояти за Киев-град.
 Если нет у тя упоры крепкой богатырскою,
 То поеду я к тебе во Киев-град,
 Ах побью от старого до малого,
 30. А от малого до старого,
 А тебя-то князя-то Владимира
 Со княгинею-то со Опраксией,
 А со княгинею-то да со Опраксией,
 Верно в плен возьму,
 35. А Киев-град да ведь полаты роскачу,
 А Киев-град да ведь огнем пожгу,
 Я богатырей копьем-мецем побью.»
 Тут Владимир удивляитсе,
 Будит он княгиню да Опраксию:
 40. — «Ах ты, ласкова княгиня ты Опраксия,
 Мне-то что-то во сне видитсе,
 Мне-то что-то во сне чудитсе!»

¹ В рукописи пропуск слова.

А княгини тоже то видитсе:

— «Ах ты, ласковый князь Владимир стóльнѣ-киеськой,

45. Я давно не сплю, тебе сказать хочу:
Слышишь голос как нахвальщика,
Как нахвальщика, незнакомаго наездника.
А у нас дружина принапиласе,
Принапиласе, куды-то укатиласе.
50. Где-то был старѣй казак да Илья Муромець,
Тот бы постоял да может видь за Киев-град,
За тебя, ласковаго князя да Владимира,
За меня, княгиню-ту Опраксию,
Постоял он за бедных жен,
55. За бедных жен, за бедных вдов
И за бедных малых сиротоцек,
Как стоя прежде видь за веру и отецесво.»
А вот опять кричит нахвальщик громким голосом
Так, что сад весь пошатается,
60. С дерев-то лист да осыпается.
Тут теперь Владимиру да не до сна пришло.
Как и скожил-то да на резвы ногѣ,
Как и бежал он на балкончик високии,
Как кричал он громким голосом:
65. — «Эх вы, добрыи удáлыи мóлодцы,
Уж ты вдобавок, старóй Илья Муромець,
Уж вы не выдайте князя да Владимира,
А молодой княгини да Опракси,
Постойте за наши-то богасьва княженецькии.»
70. Как скоро-наскоро бежит Илья,
Редко он кудрями-то потряхиват,
Ножкой через улоцьку пошаркиват,
Он бежит ко той парадной леснице,
По мосткам бежит, — мосты покрякивут,
75. По ступенькам шагнѣт, — ступеньки потрескивают.
Сам садитсе против царя,
Отвечает да таковы слова:
— «А что ты, князь Владимир стóльнѣ-киеськой,
Ты о чем сидишь да призадумалсе,
80. Призадумалсе да так запечалилсе?
Что ли нет у нас сильных, могуцих богáтырей,
Что не можем мы отпихатьсе от наездницька?
А вот услышу голос я наездника.»
А криком — голос богатырьский.
85. От такого крику богатырьского
Вся полатушка шатаетсе,
А сидит Илюша удивляетсе.
А некогда сидеть да толковать-беседовать,
А надо клицеть бой до богáтырю.
90. Он бежал да на конюшеньку кониную,
Он там брал доспехи богатырьскии.
А перву оцередь схватил узду тесменную, —
А не тем уздецька была дóрога,
Что узда-то была шóлкова,

95. А он клал на добра коня,
По конюшеньки поваживал,
На Бурушка посматривал:
— «Вот нам, Бурка, чередá пришла
Ехать в цисто поле с наездником,
100. Вот на рать-побоищо смёртноё.»
Постановил добра коня, похлопывал,
У него гриву прицясывал мохнатую,
А потом нацял его оседлывать.
Вот на потницьки кладал потницьки,
105. А на войлуцьки кладал войлоцьки,
Наверх подергивал попону песгердиную. —
А не тем была попона дорогá,
Что в три стоцьки золотом простроцена,
Тем попона была дóрога,
110. Что во всех цетырех углах
По самоцветну камню áхонту, —
А другой видеть, вишь, дивуетсе,
А на попонку он лобуетсе.
А камени всажены для проезду дóбру мóлодцу.
115. От впереди их был свет как от красна солнышка
А от сзади них — как от света мисяця,
А молодым сильниим могуциим богáтырям
А лесами-то проежжать
А ноцями-то ноцьками осенними,
120. Не лесами тыми брыньскими,
А тыми болотами топуцими,
А съежжатсе приходитсе с богáтырям.
А впереди их камней да осветилосе богáтырю
А отдале их камениев на всюду.
125. А на верех покидывал седельшко черкаское
На все двинадцать подпруг нáкрепко да нáплотно,
А шелж-то тянетсе, да веде не рветсе,
А золото-то мокнет, да не ржавеет.
Кажну пряжецьку посматривал,
130. Вот подергивал подпругу-ту продольную,
Как брал он кóпье в руку под плецё,
Как брал шелепугу подорожную,
Тридцати три пуда свинцу нáлита,
Свинцу нáлито да чебуракського.
135. Вот еще шелк цел под. . . . .¹
Для отмашки сильного богáтыря
А брал он буявицю,
Котора от Ильи без угару девяноста пуд (sic!).
Накладáл он стальной шлём на головушку,
140. А шлём стальной был с шишаком во двенадцать пуд, —
Не нанес бы богáтырь удара-то острым мецём,
От острым мецём по головушки,
Не отбил он у богáтыря виде цёрепа.
А тут мецём Илюша подпоясалсе,

¹ В рукописи слово пропущено.

145. А брал Илюша перьву заповедь — тугой лук,
А вот колцян да он со стрелками.
А скоро тут садился Илюша на добра коня,
На добра коня как на люта зверя.
Как пришпорил Илья шпорамы
150. А очернял шелковой плетью, —
А спрыгнул будто лютой зверь,
Только видли добра мблнца сядуци,
А не видли тут поездки богатырьскою, —
И только курёвка ему прокурила,
155. И вслед пороша пропорошила.
Выеждал Илюша во цисто полё,
А во то раздольице широкое,
А увидал собаку богатыря.
А он нацал да надсмехатисе,
160. А он нацал да надсмешку делати:
— «Ах ты, старая базыга, ты, седатой пес!
Ты куда идешь дело на ратное?
Ты куда идешь на побоищу на смертное?
А тебе ли седатому седине сидеть,
165. А сидеть на добром кони,
На добром кони как на лютом зверь,
На лютом зверь съежжаться с богатырем!»
А крычит ему Илюша таковы слова:
— «Ах и ты, засельшина да деревеньщина,
170. Ты, холюпина да знать боярская!
Где-то ты сташил шубу да церна соболя,
Да украл-сфатил сапоженьки зелён сафьян,
Угнал с барских конюшен добра коня!
Ты как едешь к нам во Киев-град,
175. Ты во Киев-град да повладети ведь,
Повладети ведь Киевом,
А завладеть-то князем-то Владимиром.
Как у нас, у ласкового у князя у Владимира,
А есь и сильныи храбрыи богатыри,
180. Могут ведь упор держать,
Можут ведь ответы дать!»
Крычит Сокольник опять да таковы слова:
— «Ах ты, старая базыга, ты, седатой пес!
Ты построй-ко там келью о дороженьку
185. И сберег бы ты деньжонки по копеецкам,
По копейке деньги, по полушецкам, —
Тут ты, базыга, и живот питал,
Тут ты, седина, да и жизнь кончал!
А тебе ли ехать во цисто полё,
190. С нами биться с добрыма мблнцамы?»
Как скоро тут богатыри розгневались,
А держали кони-то с быстросью,
А скоро копыа долгометныи похватывали,
Как первую разезку держали оны.
195. Как ударили оны да по щитам слоновым, —
Да копыа долгомерныи погнулисe,

- А богатыри дак в седлах не кацнулисе
 А от того удара от великого.
 А от тех от копий стальных да мурзамецких,
 200. А от тех щитов верно-крепких,
 А от тех костей да от слоновых
 А раздалось громкое эхо во Кіеві,
 Там ведь в терему маковки да шаталісе,
 Все богатыри со двора да разбегаілісе
 205. Вот от ласкового князя да Владимира.
 А стал их ведь князь, их окриковать,
 Подождать-то старого казака да Илью Муромця.
 Там старший тулитсе за младшего.
 А от младшего ответу нет.
 210. А скоро кони у богатырей поправились,
 Они держали-то вторую-то
 Попробовать стальных палици-булавици,
 Стальных шлемов с головы.
 У Ильи несчастье приключилосе,
 215. Как ему-то горе приключилосе:
 Как ударил богатырь палицей-то, палицей
 О палици его-то буявици, —
 В руках кольцо колыбаетсе.
 Как съехалсе да туто с Сокольников,
 220. Ударили друг-дружку копьями да долгомерными,
 Копья ты ихни да погнулісе,
 А богатыри все — да не кацнулисе.
 От того удара от копыного,
 От теперь-то от щитов да от слоновых
 225. Все построички во Кіеві шаталісе,
 А богатыри-то диву дивовалісе,
 А други-то с княженецкого двора да разбегаілісе.
 А удивилсе ласковой Владимир-князь да столёне-киеской.
 Да стал придумывать этого наездника.
 230. А размахнулсе старой наш казак да Илья Муромець,
 Как на второй-то раз ударил он Сокольника,
 Он ударил его палицей-буявицей,
 А несчастье тут да Илья Муромця:
 А палица да поломиласе,
 235. Она на двоё да разлетеласе,
 Только кольцо в руках осталосе.
 Как выводил Сокольник вострой меч
 А хочить тут ударить Илью Муромця.
 А Илья Муромець увертлив был,
 240. А завернетсе он за гриву лошадиную,
 А подумал он да таковы слова:
 — «Може я видь сберегу жизнь свою,
 А как повыбью буйну голову!»
 А подхватит-то он вострый меч,
 245. А побьет-то теперь Сокольника.
 Бьет по шлему стальному да вострому,
 А рассекет его да головушку.
 А бессилен-от богатырь, на земли лежит,

- На земли лежит, все ругается.
250. За копые-то Илюшенька имаетсе,
И добрый конь скопил на грудь ему,
Притиснул как к сырой земли.
Как увидел тут Илюшенька
На правой руки да свой перстень:
255. — «Ах ты, цядо мое малое,
Дитя-то ты неразумное,
Ты ведь мною-то построено,
От меня силушка заведена.
Храбрость-то батюшка,
260. Сила-то у тя матушки, —
Хочешь ты (у) старика Киевом (о) владеть!
Вот ти клятва перьвая,
Д'ай¹ осталсе драться я в живых:
Как будешь с князем ссоритсе,
265. Д'ай отсеку буйну голову.»
Дак дал тут Сокольник свое слово
Повиноватисе своёму батюшку Илье Муромцу
И не ссоритсе с Владимиром
И с княгиней да Опраксией.
270. Тут они да поздоровались,
Во уста да целовались,
Целовались да обнимались.
Тут Илюшенька скинул белой шатер.
Зашли во белой шатер
275. Вот с рожёным да с сражённым.
Уж достал он запасушки поёздные,
Он заёздные запасы все походные.
От доставал от правого стремёнушку,
А други-то выдергивал от левого.
280. В первом там да водоцька-денисовка,
А в левом-то закусоцька хорошая.
Они поели-попили, повеселилисе,
Скоро-то богатыри да принапилисе,
Принапилисе да приумаялисе,
285. Приумаялисе да привалилисе.
Прилягну́л да Илья Муромець,
А Сокольник думат таку думушку:
«Погоди-ко ты, старой кобель, седатой волк,
Вот я дам тебе расправу вещьную,
290. Как разгневил ты мать сердцецьную.»
Как вы́дворил кинжалище булатнее деветнацать пуд,
Из ножон, да во белу грудь
Как церкнул Илюшеньки, во белу грудь.
А так не снял тут верно крепкий щит, —
295. А щит-то был слоновой кости, —
А под щитом брань стальна, цюгунная.
Как от того ль от звука-то от великого
Как проснулсе славной казак Илья Муромець,

¹ Оговорка сказителя; следует: «Раз».

300. Как скопил он на резвы́ ногѣ,
 Как стряхнул кудрямы да ведь сивама,
 Как схватил Сокольника за волосы кудрявыи:
 — «Ах ты й, бездельнищек,
 Покажу я тебе старость, старика пугать!»
 Как он бросил на сыру землю,
305. Нацял он ёго на земли потаскивать
 Да сам таковы слова приговаривать:
 — «Кем ты, дитятко, заведено,
 Тем, дитятко, будешь прикончено!»
 Как фатил ён ёго да за долги ногѣ,
310. За долги ногѣ, за толстыи,
 И крепок он, тотарин он.
 Как прошла молва, рубил головку у Сокольника
 Он и взял головку, — поднял на копье долгомерное,
 Ехал к ласковому князю ко Владимиру
315. И рыл он голову у парадной лестницы,
 Рыл в землю копье долгомерное.
 Только в тереме князь со княгиною,
 Все богатыри да пороздумалисе,
 А пороздумались да поразъехалисе,
320. Да с княженецкого двора бежали да разъежжалисе.
 Стал Илюша да про Добрыню спрашивать:
 — «Да ты, ласковый князь Владимир стóльнѣ-киеськой,
 А где Добрынюшка Микитинец млад?»
 — «А Добрынюшка ушел да домой,
325. А ушел домой проститьсе с женой.»
 — «Ах он и молод скоморошина!
 А старши тулитсе да за младшего,
 А от младшего ответу нет.
 А у нас исть во городи дак ёсь кому
330. А послужить за веру и отецесьво дак нѣкому.»
 Как собрал Илюша тут поцестен пир
 И садилсе видь высадил всех по цину,
 Сам по комнаты похаживат
 Своей головушкой поваживат
335. — «Ах вы, добрыи уда́лы мóлодцы,
 Вы насмешницъки нак Киевом,
 Блюдолизницъки во Киеви!
 Вам не надо цести-жалобы,
 Вас не надо цином жаловать,
340. Вас не надо бы пускать во столиць служить,
 Вас не надо бы наряжаться к князю.»
 На это князь стал перед Ильей
 Да говорит сам таковы слова:
 — «Ах ты, старый казак Илья Муромець,
345. Ты прости-ко в этой винушке богатырей!
 И ведь твоя-то сила понижаетсе,
 Седина в головушке являетсе,
 А вперед заступа и богатыри.»
 (И поехал с богатырям на заставу.)

№ 176. (ДЮК СТЕПАНОВИЧ)

- А во той ли во Галици во богатоё
 А во той ли земли во проклятою
 Там жила чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
 Родилось у ей цядо лишь хвастливое,
5. Молодой боярин Дюк Степановиць.
 Как возрос боярин так стал славится.
 По балам ходит — боярин хвалитсе
 Вот боярин взял добра коня,
 Нацял он на конюшки поежживать,
10. Нацял он коня в рёсах покатывать,
 Как утро роса добра навалитсе,
 Так уж на кони все шерсть меняитсе.
 Как ходил он во божью церкву
 Да молилсе матери пресвятой богородицы:
15. — «А ты, матушка даль богородица,
 А дай-ко мне да ты здоровица
 Съездить в Русь да познакомится
 С ласковым князем со Владимиром,
 Со его с могучима богатырями,
20. Со старым казаком со Ильей Муромцем,
 Со тим шипом Щурилом Плёнковицем.»
 Вот пришол от ранней заутрени,
 Стал просить ён теперь прощеньица:
 Стал просить у маменьке своей благословеньица:
25. — «Дай-ко ты, маменька, прощёньё,
 Дай-ко мне родительско благословеньё
 Ехать мне на Киев-град к Владимиру,
 Посмотреть славы ихней киевской,
 Посмотреть же ихних богатырей,
30. Посмотреть старого казака Илью Муромця!»
 — «А ты, дитя да ты мое младое,
 Молодой боярин Дюк Степановиць,
 Ты тако ведь дитячко заносливо.
 Захвалишьсе, дитя ведь непокорная,
35. Там же своим житьем сиротским.
 Там оставишь со богатырьми,
 Оставишь ты свою ли буйну голову,
 Дашь-не-дашь меня на сиротаньице!»
 Вот его тут прощенья только ехать быть,
40. Вот крестом его тут матушка ставила,
 Ко святой иконы приводила,
 Святою иконою благословила,
 Все она заставы обказала,
 Когда висть коня показала.
45. Он седлал коня-то скоро-наскоро,
 Вот он кольцюжил крепко-накрепко,
 Потницьки-то клал на потницьки,
 Войлуцьки кидал всё на войлуцьки,
 На верех он попонку легкую,
50. На верех клал седло церкаское,

- На все на двенадцать подпруживал,
 На тринадцатую он продольную.
 Подтягáл подпругу крѣпко-на́крепко,
 Чтобы гóры-хóлмы сходилисе,
55. Чтобы не свалитѣся горами дóбру мóлодцу,
 Чтобы не клевали птици клѣвúчи,
 Чтобы не и(з)мала хоботамы змея двенадцатиглавая,
 Змея двенадцатиглавая, двенáдцатихобóтная.
60. Горы-то Бурушка поскакивал,
 Не успели с места гóры-то стóлкнуться, —
 Бурка с горами растóлкнулись,
 С гóры нá горы поскакивал,
 Все его заставушки провертывал.
 Вот уж как на Русь идет ко Киеву,
65. К ласкову князю ко Владимиру.
 Приежжает прямо к гридни светлюю,
 Вяжет видь он коня да ко столбу к тоцѣному,
 Сам идет крылецьками перильцятами.
 А у князя-то было пировáньицѣ,
70. Было там великое собрáньицѣ,
 Видь уж был той ли пер на вѣсели.
 Посажóн был Дюк да во большой угóл.
 Стал его тут князь да выпрашивать:
 — «Ты скажи-ка, молодой боярин, каких родóв?»
75. Ты каких родóв да ты с какой земли?
 Ты с какой земли да ты с какой орды?»
 — «Я из той из Гáлиции покляпые,
 Из того помесья пребогатого,
 Молодой боярин Дюк Степановиць.
80. Приехал к тебе, да князь Владимир,
 Вот с тобой да познакомитсе,
 С вашими богатырями повидатисе,
 С Цюри́лой-богатырем попытатисе.»
 Подстягнулсе Чурила тут же к Дюкú:
85. — «А вздор, цто же ты хвасташь ли!»
 — «Дивнó ль тебе битѣсе, Цюри́ла Плѣнковиць,
 С магазина одежи заломлены,
 И конюшни кóням загорожены.
 Наше-то житьишко-то сирóтьскоё,
90. А заставы знаешь видь дорóгамы,
 Мни видь поехать с переменными.»
 Как он хлопнул по стулу немецкому
 Выскоцил боярин на резвы́ ноги́,
 Попросил бумаги ербóвую,
95. Попросил видь он теперь чернил-пера,
 Он писал письма скорописьцята
 Вот своей любезной рóдной маменьке:
 «Ой же ты, цеснá вдова Омельфа Тимофеевна,
 Выруцйай-ко сына да из несчасьтиця.
100. Я побился с Цюри́лой о велик заклад
 Три года ездить переменама,
 Кажный день чтобы с новыми сменама,

- На каждой бы день дак платья цветныи,
 На каждой бы день да кони сменные.»
105. Тут закричала цесна́ вдова Мамельфа Тимофеевна:
 — «Ай вы, прикащики, идите, да отъемщики,
 Приходите вы сюда, прикащики,
 Вы сна́шивайте платья самоцветныи
 Что того покрою славного немецкого.»
110. Наносили тут да три котомоцьки,
 Наклала ёна́ тут золота и сѣребра,
 Направляла ль тут видь его добра́ коня.
 Прибежал-то к Дюку богатырский конь,
 Он заржал-то голосом конинным,
115. Так что все видь гридни зашаталисе,
 Все стекольцаты окошки золомалисе,
 Выходил боярин к молоду коню,
 Попросил же князя да он Владимира
 Дать ему особую ведь комнату,
120. Дать ему комнатку при его дворѣ,
 Жить ему теперь, Дюку, при его столѣ.
 Нацял тут он, нацял Дюк все укладывать,
 Разбирать наряды все ведь по́ ряду.
 Вот на другой день Цюрилушка
125. Вот попили да побеседовали,
 Одевалсе да верно платьѣ цветноѣ
 Выстал да верно в заповедной луг.
 Хороша одежда да у Чурилушки,
 Не худа лошадь у Чурилушки;
130. А у Дюка — дак во Киеви нет,
 А у Дюка конь — дак и цены ему нет.
 Вот оны как трѣ года каталисе,
 У Дюка конѣк отвечает.
 Поутру стават Дюк ранехонько,
135. Он катат коня в росы в дожжѣвую.
 А у коня-то шерсть вот становитсе другой.
 Вот приходит им теперь последний день.
 Вот подходят во божью церкву́,
 Одевают платья самолучшини,
140. Одевает Чурила лишь шелков кафтан.
 Вместо пуговок — добры мѳлодцы,
 Вместо петелок — красны дѣвицы,
 Как застѣгнутсе — так обѳймутсе,
 Как расстѣгнутсе — так поцелуютсе.
145. Платья у Чурилы лишь со рожками,
 На верхи ее рожках да херувимы стоят.
 У молодого боярина Дюка Степановица
 Такие ведь пуговки и петелки,
 Быдто там звери ревуции,
150. Змен идуции, птици клевуции.
 Взял ведь плетку дак Дюк Степановиць,
 Начал он по пуговкам поваживать,
 Стали с пуговки в пуговку змеи переплавывать,
 Стали верно птици распѣвати,

155. Отворилисе теперь звѣрецьки,
Вот скозили верно с пугови,
Выходили птици да оттуль райскии,
Затянули песни херувимскии.
Обсудили Цюрилу голову рубить.
160. Вот пошли молодцы на последний стол,
На последний стол, на мировой обед,
Только были оны посажены.
Не весѣл боярин Чурило Плѣнковицъ,
Да сказал видь таковы слова:
165. — «Вот тебе ведь, Дюк, последняя заповедь:
Кто из нас может перескочить Днепру-реку,
Через Днепру-реку да это на добром кони?»
— «А уж скозишь, Чурила, я не останусе,
Голова рубить тебе не достанетсе!»
170. Они тут не дообедали,
А со зла, с горя тут забегали.
Вот сажались оны на своих коней,
Ехали ко славной Днепру-реки.
— «Вот Цюрила здорил, дак тебе скакаты!»
175. Вот Цюрила скозилъ сквозь Днепру-реку,
Полетел только конь у него теперь в реку.
Дюк пришпорил коня верно шпорами,
Прихлестнул его да только шелковой плетью.
Осерчаный конь дак перескочил Днепру,
180. Окол полу-реки обратно прислонилсе,
Дюк хватил Цюрилу да верно за волосы,
Выташил да верно на крутой берег.
Тут приехал верно да Илья Муромецъ.
Хочет верно срубить Дюк ему голову, —
185. Говорит Илюша таковы слова:
— «Не руби, боярин, Чурилы голову.
Знать, Чурилу знают только девицы,
Знать Чурилу знают видь молодушки,
Вот его знают стары бабушки.
190. Где идѣ Чурила, там оны глядят,
Где идѣ Чурила, там околени трещат.»
(Забыл туто.)

LVII

ПАРАМОНОВА, Екатерина Тимофеевна, 41 г., из дер. Пилмасозеро-Грамотная. Былину слышала от своего отца Тимофея Буханова.

№ 177. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- «И как у нас было во славном во городе в Кіеве
И у славного князя у Владимира,
Все были молодчики споженены,
Все были девицы замуж выданы,
5. Только я один молодчик не женат хожу.
А ты, да красной батюшка,

- А славной казак да Илья Муромец,
А не знаешь ли ты мини да супротивницы?»
А старый казак да Илья Муромец:
10. — «А знаю я тебе да супротивницу.
А взят у нас да добрый молодець,
Взят у нас да Добрынюшка Микитинець.
А осталось у ёго да молода жона,
А молода жона Настасья да Миколаевна.
15. Если тая взять — тебе не совладать:
Голосом с тобой да из гóлоса в голос
И ростом-то с тобой да из плеча в плечё,
Красой-басой в Бову-то Королевиця,
А храбростью в миня да Илью Муромця.
20. А если тая взять, также не совладать.»
А тут пошла у их да пир да свадебка.
И тут как крёсной он Илья да Муромец
И стал женить Олешеньку Поповиця.
Да привезли ёны на свой дом Настасью Миколаевну
25. И тут пошла у них да пир да свадебка,
И пошли пить напитки они пьяны,
И поставили столы оны дубовыи.
А Настасья Миколаевна и все сидит да пригорюниват,
А будто ждет того Добрынюшку Микитинця,
30. А не вероет итти да во замужесво
А за Олешу Поповиця.
А тут откуда не возьмись да в их полаты белокаменны
Прилетает к им записка,
Тут явился на их пир да незнакомой люд,
35. Незнакомой люд, да незнакомой человек.
И повестили добра мóлодца
И на етот на веселой пир.
— «А проходи-ко ты, удалой доброй мóлодець,
А на наш да на веселой пир
40. А сегодняшнего денечку, —
Уж приходит-то у нас завтра свадебка!»
А тут явилсе доброй мóлодець
Да на етот на веселый пир,
А садилсе он на лачной столб,
45. А развел свои гусёлышка яровчаты.
А ётой гусёлышка яровчаты да им знакомыи
И были очень-то невесте Настасьи Миколаевне,
А знакомыи невесте Настасьи Миколаевне.
А тут у етой у Настасьи Миколаевны
50. И задрожалисе у ей да руцьки белыи,
И помутилисе у ей да очи ясныи.
И тут подносят ему да зеленá вина:
— «А кушай-ко, удалый мóлодець,
А ты откуль идешь, да откуль путь держишь?»
55. А тут Настасья Миколаевна
А стала-то его да и доспрашивать,
А стала-то его да и допытывать:
— «Ты не знаешь ли, мóлодец,

- А чего ни ты да про Добрыню Никитинца?»
60. А тут налила ему да зеленá вина,
А он велел налить да две-то рюмоцьки;
— «А одну-то выпить Настасье Миколаевной,
А вторую выпить это мне.»
И взял спустил туда да свой злачён перстёнъ
65. Ды в эту-то рюмоцьку,
Ды он поднес Настасье Миколаевной:
-- «Ну-ко, кушай ты, Настасья Миколаевна,
Если пьешь до дна, — так видáшь добра,
А не пьешь до дна, — так не видáшь добра.»
70. И тут как пьет Настасья Миколаевна ету рюмоцьку
И увидела она именнóй перстёнъ,
И тут схватиласе она за свои кудри:
— «А вот не тот мой муж — за столом стоит,
А тот мой муж, который на печьном столби сидит.»
75. И тут Добрыня Микитинец
И сошел он со печьна столба,
И пришел он к столику дубовому:
— «Ай же ты, удалой доброй мóлодець,
Здравствуй, тихий Дунай да сын Ивановиць,
80. Здравствуй ты, крестной батюшко,
Сильный казак да Илья Муромец!
А вы зачем же отбиваете-отнимаете
От жива мужа да свою жону-то?
А ты, родитель-крёстной батюшко,
85. А не дивую я разуму женьскому,
А дивую я разуму богатырьскому!»
(Он ведь крёстного-то как-то обозвал.)

LVIII

ПОДОМАРЕВА Дарья Савельевна, более 90 лет, из д. Гумар-Наволоков на Водлозере. Было у нее 10 детей, из них 6 умерло. Сама она родом из дер. Загорье, где и «поняла былины от деди и дедки своих, Набадневы звали. А здесь пел Никанор Александрович Сергеев. Много раньше знала.» «Илью (Святогора. — В. Ч.) поняла у Левы Трифонова Охтостровского с Купецкого озера» (умер лет 10 тому назад); «Птицы» — от Тараса Егорьевича, «когда была девкой в Загорье»; «Грозного» выучила от деди, — он два раза спел его за малину.»

Помимо печатаемых былин пела еще «Братья-разбойники и сестра», «Князь Роман жену губил» и «Казань-город» (см. в примечаниях).

Д. С. Подомарева хорошая сказительница и еще лучшая плакальщица. Славится умением причитать свадебные и похоронные причеты. Рассказывает также сказки (напр., об Ундолище Поганом).

№ 178. (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА И ИЛЬЯ И СВЯТОГОР)

Старину сказать да стародавнюю,
Как про старого, про бывалого,

- Да про славного казака Илью Муромця.
Как сидел Илья тридцать лет,
5. Он без рук, без ног.
Да не мог Илья тут похаживать.
Приежжал к ему сам Исус Христос:
— «Да й пройди, Илья ты ко мне сюды.»
— «А мни как идти, когда ножек нет?»
10. — «А ты подь-ко, Илюшко, потихошенько,
Подойди-ко, Илюшко, к окошецьку.»
Тут сказал сам Исус Христос:
— «Еще выпей рюмоцьку,
Ой как выпей рюмку зеленó виньцё.
15. А что слышишь во себе теперь?»
— «Я видь слышу силу во себе:
Кабы было кольцо во сырой земле, —
Повернул всю землю поселённую.»
— «А ну выпей-ко еще дрúгую,
20. Выпивай видь, Илья, другú рюмоцьку.
А теперь сколь слышишь во себе нунькú?»
— «А я, слышу я силу умерено.»
— «Поежжай Илюшка за веру хрисианскую.
Как не будет тебе смерти от богатырей ни от каких!»
25. Выежжал Егорий во цистó полё,
Выежжал Илья ведь и Муромець,
Он садилсе тут на добра коня.
Еще брал Егорей во белы руки
Как свою-то приправу богатырьскую,
30. Приежжал Егорей во цистó полё,
Говорил Егорей своему товарищу:
— «Ты ложись во этот гроб.»
А ложилсе Илья во этот домицек,
А Ильи-то ведь гроб не поладилсе.
35. — «Как ты ляг, Егорий-свет!»
Как ложилсе Егорей храбрый в этот гроб,
Да ему будто надобно,
Да ему видь да поладилось.
— «А закутай-ка миня крышкой белою.»
40. Как закутал Илья Муромець своего товарища, —
У товарища белы рученьки не здынулисе,
Резвы ноженьки подломилисе,
А поник видь Егорий видь живой во гроб.
Он видь лег простилсе с им:
45. — «Ты прощай-ко, Илья Муромець,
Да скажи родителям память вещьную!»
Как залег Егорий сам во гроб,
Еще чтоб ему тут гроб поладилсе,
Ударя он во гроб ён ведь палицей,
50. Наскоцил тут обруцок желёзноё,
Он другой ударил, поприбавил, —
Наскоцил тут обруцек ды желёзныи,
Он ведь третей ударил по середоцьки, —
Наскоцил тут третей обруцек ды желёзныи.

55. Оставалсе во цистом поли во гробу живой,
 Попростилсе ён с Ильей Муромцем.
 — «Как прощай-ко ты, крестовой брат,
 Не говорь мне память вещьную
 [.....] на святой Руси,
 60. [.....] ¹ отця-матери,
 Отця-матери, роду-племени.»

№ 179. (ДОБРЫНЯ)

(Отрывок)

- А сидит старуха на печи,
 На печьном столби, во ширянии (sic!)
 Говорит старуха таково слово.
 — «Кабы был Добрынюшка во живности
 5. Не дошло бы тебе бы насмехатисе,
 Надо мной, старухой, надрыгáтисе.»

№ 180. ПТИЦЫ

(1-й вариант)

- На славном на Дунайском мори
 Солитались малыи птици-пивицы,
 Садились птицыньки рядамы,
 Вмести носамы-головамы,
 5. Стали оны пити-жупити,
 Всю свою компанью веселити,
 Всих себе птиц прикликати.
 Кто у нас на мори, у нас большой?
 Кто на Дунайском меньшей?
 10. Копчик был царь,
 Копциця-жена — моря цариця,
 Ястреб был воевода,
 Мошник — на мори гость торговой,
 Куропать был беспомесной,
 15. Лебедь-то — поповая жонúшка,
 Цяпка — поповая доцúшка.
 Куриця — бесцясная птиця,
 Гетухи — холопы удальи,
 На море оны не мальи,
 20. По три жены держат, цетыре.
 По целому оны да по десятку.
 Мужицькам-молодцам удалым
 Одна дана бажёная женúшка,
 Той нарядити оны не смиют,
 25. Послать никуда оны не могут.
 А гагара-то — она рыболовка,
 Цырога была красная девиця,
 Лебедь-та — молода молодиця,
 Цяйка-та была красная девиця,
 30. Детел — на мори постройщик,

¹ При записи были пропущены слова в начале строк 59 и 60.

- Все он по лесу летáе,
 Каждое дерево пытáе,
 Век свой постройку прибирае,
 Как себе дому не видае.
35. Кулик-то был портомойник,
 По берегу кулик бродит,
 Цветного платья не оммоцит.
 Дунай, Дунай,
 Да боле Тараса не знай.

№ 181. ПТИЦЫ

(2-й вариант)

- На славном на синем мори
 Солетались малыи птицы-певици,
 Садилисе оны рядами
 Вместе носамы-головамы,
5. Стали оны пити-жупити,
 Всю свою кумпанью веселити.
 Кто у нас на мори бóльшой?
 Кто же на Дунайском мёньшой?
 Копчик был царь,
10. Копциця-жена — в мори цяриця
 [. . . . .]¹ — на мори торговка,
 Мошник — на мори торговой,
 Куропать был беспомесной,
 Куриця — бесцясная птиця,
15. Кто бы ю не поймае,
 Кожной ю . . . . . покопае
 Да вси ее яйца добывáе.
 Сорока то была . . . . .
 С ножки на ножку скакала
20. К сибѣ молодцѣв прикликала.
 Дятел-то на мори постройщик,
 Все он по лесу летáе,
 Все он-то деревá пытáе,
 Все на постройку прибирае,
25. Все сибѣ дому не видае.
 Лебедь-то — поповая жонúшка,
 Синиця — попова доцюшка
 Цíрожка — красная девíця,
 Ластоцька — молода молодиця,
30. А кулик — он был портомойник, —
 По берегу кулик бродит,
 Цветного платья не обмоцит.
 Рябчик был на мори стрéпчик,
 Куроп-от был да беспомесной
35. Петухи — холопы удалыи,
 На мори они не малыи,
 По три жонки держат, по цетыре,

¹ Пропущено при записи.

- По целому да по десятку.
 Мужичькам- молодцям удалым
 40. Одна дана бажонная женушка,
 Той нарядить оны не смиют,
 Той послать никуды оны не могут.

№ 182. ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

- Во славном во городе во Киеви
 Как у славного князя у Владимира
 Пособран был весь поцестен пир.
 На пиру пьяным-пьяно напивалисе,
 5. На пиру сыто наедалисе,
 На пиру были пьяны-веселы,
 На пиру оны порасфастались.
 Кто жоной фастал, отьцём-матерью,
 Как безумной фастал молодой жоной,
 10. Храброй-удалой — своей храбростью,
 Еще глупой — золотой казной.
 Грозной царь Иван Васильевичь,
 Он по новой горенке похаживал,
 Сам сапог о сапог поколачивал,
 15. Таково царь-сударь словецько выговаривал
 — «Я повывел-то изменушку из Киева,
 Я повывел-то измену из Питера,
 Я повыведу измену с каменной Москвы,
 Изо всей земли подселенной.»
 20. Перед ним стоит цядо милое,
 Цядо милое, дитя любимое,
 Любимо дитя Иван Ивановичь:
 — «Уж ты, мой сударь-батюшко,
 Славный царь Иван Васильевичь!
 25. Как прознал во всей вины.
 Я не разумное словце вымолвлю,
 Глупым разумом слово выпущю.
 Не выведена измена с каменной Москвы
 Да со всей земли с подселенной.
 30. Еще есь измена поболе нас!»
 Тут ему словецько не понравилось,
 Ен скрыцал-крыцал своих верных слуг:
 — «Уж вы, слуги, слуги мои верныи,
 Палаци-малюты мои лютыи,
 35. Как берите-ко моего сына,
 Как его да за белы руки,
 Как ведите его да во цисто полё
 Ко тому болоту Куликоському,
 Как к тоёй плахи ко кровавую,
 40. Как рубите-ко ведь буйну голову,
 Как повесьте-ко моего сына.»
 Увели его как во цисто полё.
 Недосуг царици долго спрашивать,
 Недосуг видь ей да разговаривать,

45. Как бежит ко своему зятю
Тут ко славному Миките Романову.
— «Уж ты, милой любимой зятюшко,
Славной Микита Романовиць,
Не седлай коня, не уздай добра коня,
50. Как садись-ко ты поскорешенько,
Поежжай-ко ты покрутешенько.»
Видели-ко Микитушка сядуцись.
Поежжал Микита во цистó полё,
Голосом кричит, машитсе:
55. — «Поростронь-ко, — машет, — люди добрыи,
Мнит-ко ¹, людей присеку,
Я конем стопцю, саблей людей вырублю!»
Приежжал Микита во цистó полё,
Уж как брал шурина любимого за белы руки,
60. Цёловал в уста во сахарнии,
Он садил ёго на добра коня,
Уводил Микита во свои палаты белокаменны.
Они да пили, проклаждалисe.
На другой день царь пораздумалсе,
65. Пораздумалсе да запецалилсе:
— «Как тому сделаю службу пецяльную,
Всих князей-бояр перевешаю,
Подлеца Романова в котлі сварю!
Он как по ворам, по разбойницькам,
70. Он как был тут заступницьком.
По моем-то сыне по любимоём
Как не тут ведь ни вора, ни разбойницька,
Никакого ему тут заступницька.»
Как повернул Микита со божьей церквы,
75. Припадал Микита во свои палаты белокаменны,
Уж он брал его за белы руки,
Проводил Микита во божью церкву.
Приводил Микита по-уцёному,
Он видь крест кладет по-писаному,
80. На вси стороны поклоняйтсе,
Проздравлял Микита своего тестя:
— «Поздравляю тибя с бóльшим сыном, с меньшим сынём,
Как с бóльшим сыном тут и с Иваном Ивановичем!»
Повернулсе царь к зятюшку:
85. — «Уж ты, милой любимой мой зятюшка,
Славной Микита Романовиць,
Не знаем цим тебя сегодня пожаловать:
Городами ли тебя с пригородкамы,
Ай бесцетной золотой казной?»
90. Отвещал Микита своему тестю:
— «Мни ни надо города с пригородкамы,
Мни ни надо золотой казны,
Уж ты дай мни Микитину отцину!»
(Как кто уйдет в его отцину, так тот и прав!)

¹ Мнет.

LIX

ПРИЕМЫШЕВА, Афимья Алексеевна, 55 лет, из дер. Гумар-Наволоч. Родом из д. Коскасалмы. От кого слышала былинку, не помнит. Часто пела «Князя и стариц» рыбакам, когда они плели сети.

№ 183. (РЕВНИВЫЙ МУЖ И СТАРИЦЫ)

- А женился князь да девеносто лет,
 Взял княгинушку да девети годов,
 Взял княгинушку Катеринушку.
 Ен жил-то да со княгиною,
5. Жил-то князь равно деветь лет,
 На десятой год да князь гулять пошел.
 Он ходил-гулял да ровно семь годов,
 А на десятой год он домой пошел.
 Ему стретились старици да две манашинки:
10. — «Уж вы, старици вы монашины,
 Моей княгины не видали ли, не слыхали ли,
 А не той ли княгины Катеринушки?»
 — «А не то слыхали, много видели.
 Как придь-то князь на крылецешко,
15. Как колотисе да во колецюшко.
 А придет ли твоя княгинушка Катеринушка
 В одной сороцецьки без сарафанчика,
 В одних цюлоциках да без башмачиков.
 Как придешь ли да в перву горницу,
20. Как придешь, то — в первой зыбэль висит.
 Придешь ты в другу горницу — другой зыбэль.
 А придешь ты на конюшеньку, —
 Кони да по колен в назьму,
 А едят траву да осокою,
25. Пьют воду все болотную.»
 Как пришел князь да на крылецюшко,
 Поколотилсе да во колецюшко,
 Пришла его княгинушка Катеринушка
 В одной сороцицьки без сарафанчика.
30. В одних цюлоцьках без башмачиков.
 Как взял-то да саблю острую
 Да отсек княгины голову.
 Как пришел в перву горницу —
 Да в первой пялá вися,
35. На пялáх-то шито все по книжному,
 По книжному да по-писаному,
 По писаному да по-уцёному,
 Не столько шито, сколько плакано,
 Сколько плакано, князя дожидано.
40. Пришел-то да в другу горницу,
 В другой горници — другй вися,
 На пялах-то шито по книжному,
 По книжному, по-писаному,
 По писаному да по-уцёному,

45. Не столько шито, сколько плакано,
Сколько плакано, князя дожидаящи.
Пришол-то да на конюшницец,
Стоят добры кони по колен в шелкú,
Едят траву да все шелкóвую,
50. Пьют воду да все клюцёвую.
Как заставлял князь да этих стариць двух монашинок,
А отсек-то князь у старици голову, —
Друга стариця да поклоняласе,
Поклоняласе да покоряласе:
55. — «Не секи-ко, князь, буйной гóловы,
Оживлю-ка я твою княгинушку Катеринушку!»

LX

АНТОНОВ, Никифор Антонович, 70 лет, из дер. Кевосалмы на Водл-озере. Неграмотный. Местный уроженец. Былины перенял от дяди по матери Матвея Федоровича Нигозеркина, который умер лет 20 назад. Научился им в молодости; о былинах, которые нам пел, говорил: «память у меня сбилась, а была хорошая.» О М. Нигозеркине рассказывал, что он про всех богатырей знал.

№ 184. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

- Справляется-снаряжается
Как старой казак Илья Муромец
А он в дороженьку во дальнюю,
А он во дальнюю дорожку, не в пецальную.
5. А поспешает, приежжает в Киев-град
А к заутрени ко христоськии,
А в Цернигов к обеденки ко Петроськии.
А не берет-то sprawy-то богатырьскою,
А не берет копя да долгомерного,
10. А не берет палицю булатнию,
А не берет копя да долгомерного,
А приежжат ко рóстани великии,
А да стоит да призадумалси:
— «Уж как нету приправы богатырьекии,
15. Уж как нету палици да булатнею,
Не взял копя да долгомерного,
Не взял меця да я вострого.
А мене-де ехать куда, путь держать?»
А прямо ехать по дорожке прямёхонько,
20. А прямо бежать, дак три так тысяци,
Уж как нету там походу да поёзду-то
А кругом [.....] ¹.
А берет он тóгой лук разрывцятай.
— «Ну поеду я дорожкой прямоохожою,
25. Прямоохожою дорожкой, прямоежжою.»
А приежжает ко городу ко Смоляницю,
Там стоят поганы да татаровы, —

¹ Пропущено при записи.

- Белу заюшку не обскакать,
 А горностаюшку не обежать,
 30. А ясну соколу не облететь, —
 Сколько-только поганных тотаровей.
 Разгорелось сердце ретивое,
 А ретивое сердце богатырское:
 Надо заступить-то ведь
35. Как за веру, за отецесво,
 За отецесво, за веру кресьянскую.
 Закричал он богатырским голосом.
 Не ясно́й сокол лебедей ранил, —
 Как старо́й казак Илья Муромец
40. А на рать-силу великую,
 А на поганных татаровьёв,
 А схватил его да за желты́ кудри,
 Куды махнет — туды у́лицёк
 Перемахнет — переу́лоцёк,
45. А вдвоем, втроем конем топтает,
 А прибил татаровьёв до единого,
 Он не оставил никакого ведь на се́мена.
 А приежжат ко городу ко Смоля́ниньцю,
 Там стоят мужики да каютсе,
50. Уж как каютсе оны да прощаются.
 — «Для чего же, мужики вы смоля́ниньци,
 Для чего же, мужики, да каетесь,
 Для чего вы да приобщаетесь?»
 — «Ай же старо́й казак Илья Муромец,
55. Как нам тут ды ведь не каетьсе,
 Как нам тут ведь не прицяшатисе.
 Завтрашней-то ведь денёчек-то
 Надь итти ведь (в) побоище да смертное.»
 — «Ай же мужики да вы смоля́ниньци,
60. Поглядите-ко во окошецько,
 Что там делают поганые татаровья!»
 Поглядели в окошецько. —
 Кто говорит — чуть живы стоят,
 А друго́й говорит, — от мертвы́ лежат.
65. А Илья́ говорит таковы слова:
 — «Ай же мужики вы смоля́ниньци,
 Выбирайте послов вы скорых,
 Уж как скорых послов да вы смелых, —
 Что там делают ведь тотаровья.»
70. Пошли послы смелые,
 Смелые послы, да ёны́ скорые, —
 Никакого нет поганого татарина,
 Никакого не оставлено на се́мена.
 Да говорят ему да таковы слова:
75. — «Ай же ты, старо́й казак да Илья́ Муромец,
 Ты живи у нас да цярьсвуй-ко,
 Мы да станем повиноватисе,
 Мы да станем поклонятисе.»
 — «Ай же мужики вы смоля́ниньци,

80. Выбярайте царёв себе, царёвицёв,
Королёв выбирайте себе, королёвицёв,
А у меня сёрьцё ретивое,
Ретивое сёрьцё богатырьское,
Мне-ко наб съездить по полюшку,
85. Наб во полюшке сражатисе,
Со татарами ведь да сражатисе.
А покажите дорожку-ту да прямохожую,
Прямохожую и прямоежжую.»
— «А тридцать лет дак не хожена,
90. А тридцать лет дак не ежжона,
А нету птици пролётища,
Нету зверю пробежища,
Нету ясну соколу пролётища.
Там сидит Соловей да Рахмáтые,
95. А сидит-то ён-то-ён на витоём на гнездоцьки,
Как свито гнездышко на семи верстах,
На семи верстах, на семи дубах.»
— «Ай же мужики вы смоляниныци,
Уж-ко да вы-то не бойтесь
100. Да болот-то вы топуциих,
Да не бойтесь песков-то вы зыбуциих,
Только бойтесь вы Соловья да Рахмáтова.»
А он идет к реки, к Капрé-реки (sic!),
Дубы рвет, идет, ведет.
105. А приежат ко Капрé-реки,
Да ко реценьке Капрé-реки.
А стоит-то он, пораздумалсе:
— «Как бы мне да переехать через реку да Капрú-реку?»
А разогнал добра коня
110. А через три поприща лошадиных,
Размахнул-взмахнул да ведь
Через реку-то Копрé-реку,
А уж он пал на сыру землю.
Стала мать сыра земля-га, вздрогнула,
115. А закрицал ведь Соловей Рахмáтой,
Закрицал-то по-звериному,
Засвистал по-змеиному, —
А его-то добрый конь на коленки пал.
Уж он бьет его по цесным ребрам:
120. — «Ах ты, волцья сыть, травяной мешок,
Не бывал разве во цистом поли,
Не слыхал ты крику змеиного,
Уж и свисту ты змеиного?»
А берет-то он свой-от тугой лук,
125. Кладывáет стрелоцьку калёную,
А и стрелоцьки приговариват:
— «Ты лети, лети, моя стрелоцька,
Выше лесу, выше лесу стоящего,
Ниже облака да ты ходящего.
130. А прилети, моя стрелоцька,
Соловьё-то ведь Рахмáтову,

- Налети-ко да во правый глаз,
 Вылетай-ко да во левó ухó!»
 Полетела эта стрелоцька
135. Ниже облака ходящего,
 Выше леса ведь стоящего
 Пролетела стрелоцька к Соловью Рахмáтову
 Налетела да во правый глаз,
 Вылетела да во левó ухó.
140. А пал-то Соловей Рахмáтыи,
 Пал-то со своего свитóго гнездышка на сыру землю.
 А приежжает казак Илья Муромець,
 Как берет Соловья за жолты кудри,
 Привязыват ко левому ко стремени.
145. А поежжат во всю-ко прыть.
 А Соловей-то Рохмáтыи
 Все бежит, заскакиват
 Спередí его да добра коня,
 А приежжает в соловьиныи полаты белокаменны.
150. А там увидели его малы детушки.
 — «Наш-от батюшко-то едет, мужика везет,
 Мужика везё да с лошадыю!»
 А поглядела во окошецько: «Уж вы, детушки,
 Мужик ведь батюшка везет уж-от,
155. Вы умеите-то его провáдить-то!»
 Была у Соловья доць бажоная,
 Вышла стретать таки.
 Была подворотня зелéзная,
 Была подворотня стопудовая,
160. Хоцет ударить старого казака стопудовой-то.
 А он знал увертки богатырьскийи,
 Увернулсе он от удара великого,
 А ударил он под . . . . то.
 Был его ведь двор-то на семи столбах,
165. На семи столбах, на семи верстах, —
 Улетала она к задней стеноцьки.
 — «А старый казак Илья Муромець,
 Ты отдай-ко нам да нашего батюшка!»
 — «Нет, я не отдам типéрицю вашего батюшка,
170. Я перед поеду, увезу-таки,
 А вы везите телеги да ордынскии
 Серебра, скацьнего жемцюга,
 Может вам-то отдам батюшка!»
 Приежжает во Киев-град,
175. Привязыват добра коня
 Ко тому столбу ко тоцёному,
 Ко тому кольцю да золоцёному,
 Он наказыват да Соловью-то Рахмáтому.
 — «Уж Соловей-то ты Рахмáтыи,
180. Береги-ко ты добра коня!»
 А коню доброму наказыват:
 — «Уж ты, доброй конь-ко ты,
 Береги-ко ты Соловья-то ты да Рахмáтова,

- А я пойду в палаты белокаменны!»
185. А пошел ён в полаты белокаменны.
Там говорят товарищи:
— «Где ты издишь, старой Илья Муромец,
Долго издишь к нам да не являешься.
Куды ехал ты, куды путь держал?»
190. — «Я ведь ехал дорожкой прямохожою,
Прямохожою и прямоежжою.»
— «Ай же ты, старой казак да ты Илья Муромец,
Да ты не ври-ко ты да не мани-ко нас.
Уж на тридцать лет дорожка не хожена,
195. Тридцать лет дорожка не ежжона,
Нету птици пролетищу,
Нету зверю пробежищу,
Не ясну соколу да пролетища!»
А ён говорит, Илья, да таковы слова:
200. — «Ай же вы да поглядите-ко да вы в окошецько.»
А князь-то Владимир да стóльнѣ-киевской
Говорит ён да таковы слова:
— «Ай же ты, старой казак Илья Муромец,
Приведи-ко к нам в полаты белокаменны!»
205. Как пошел Соловей Разбойник по крыльцям по дубовым,
Отгибатьсе стали, шататьсе ступеньки всё дубовыи.
А приходит Соловей Рохматовый,
А приводят Соловья ведь Рохматова,
Говорит ему князь Владимирской да стóльнѣ-киевской:
210. — «Ну-ко зарыци, Соловей Рахматыи,
Запици-ко ты да по-звериному,
Засвици-ко ты да по-змеиному!»
Соловей да ведь Рахматыи
Говорит-то он таковы слова:
215. — «Ай же князь Владимирской да стóльнѣ-киевской,
Я не ем хлеба да не кушаю,
Ни тибя да буду слушати.
Я чей хлеб ем да кушаю,
Я того да буду слушати!»
220. А старой казак да Илья Муромец:
— «Засвисти-ко ты да в полголоса,
Да в полголоса да звериного,
А в полсвиста да змеиного!»
А закричал в полголоса да звериного,
225. А засвистал в полсвиста змеиного, —
Они вси тут да мертвы лежат.

№ 185. ДОБРЫНЯ И АЛЕША

- Справляется наш, снаряжается
Как Добрынюшка Микитинець
Ён в дороженьку, ён в удальнюю,
Он во дальнюю дорожку во глуяльнюю,
5. Он наказ наказывае, приговаривает:

- «Ай же милая да ты любимая жена,
Ты, любá семья, да ты, Настасья да Микулицьна,
Если я год не буду, жди меня двá годá,
Если два не буду, жди меня трí годá,
10. Если три не буду, жди меня шесть-то лет,
А еще не буду, жди меня двенадцать лет,
А двенадцать лет не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть замуж иди,
Хоть замуж иди за богáтыря,
15. Хоть замуж иди за удáлого,
Только не ходи за Олешу Поповица,
Мне Олешенька да крестовой брат!»
А день-то за днем, как вода течет,
А неделя за неделей, как трава растет,
20. Ну проходит времечка двенадцать лет, —
Не видать Добрынюшки с цистá поля.
Ведь она-то, дверь, на пята отворяется,
Как Олешенька выпихáется.
Олеша крест кладет да по-писа́ному,
25. А поклон кладет да по-уцёному
На все на цетыре стороны
Молодой княгини Настасье Микулицьны,
Старой матерой вдове в особину.
А садится он на лавоцьку,
30. Говорит-то он таковы слова:
— «А вчерашнему дэнецьку
Я приехал из цистá поля.
Уж я видел Добрынюшку
Во цистом поли́ убитого
35. У того у кусточика у ракитова, —
Резвы ножкамы в ракитов куст,
Да буйной головой лежит да во ракитов куст,
Оци ясныи да порасклеваны.»
Да не утушки слетаются,
40. А свекровушка с невесткою
Садятся оны да под коси́щато окошечко,
Садятся оны да советуют:
— «Ведь-то нет Добрынюшки в живности!»
А говорит теперь да таковó словó:
45. — «Ай же ты, да ты, Настасья Микулицьна,
Ты поди, поди за меня во замужесьво!»
Говорит она да таковы слова:
— «Я нейду, нейду да во замужесьво.
Поежжал, мне Добрыня приговаривал:
50. Если год не буду, жди двá годá,
Если двá года не буду, жди трí годá,
Если трí года не буду, жди шéсть-то лёт,
Если шесть-то лет не буду, жди девять лет,
Если девять лет не буду, жди ведь двенадцать лет,
55. А двенадцать лет не буду, — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, хоть замуж иди,
Хоть замуж иди за богáтыря,

- Не ходи за Олешу Поповица, —
Олеша Поповицъ мне крестовый брат!»
60. А у нашего князя Владимира
Всё пришли времена всё строгие,
А законы его всё новые,
Чтобы не было ўдов во Киевы,
Чтобы не было ўдов во Церниговы,
65. Чтобы не было ўдов в каменной Москвы.
А уж не спит добрый молодецъ,
Уж не спит-прокладается
Над собою незгоды не ведает.
Его добрый конь богатырьский-от
70. А стоит у шатра у белополотняна
Да у терема златоверхова,
Уж пшеници да не кушает.
Бил Добрыня да по тугим ребрамъ:
— «Ай ты, волчья сыть, трояной мешок,
75. Что ты пшеници не кушаешь,
Повесил буйну голову приниж плечь лошадиных?»
Отвещал конь целовецеским голосом:
— «Ай же ты, дородный добрый молодецъ,
Над собой невзгодушки не исцѣяешь!»
80. А твоя-то молода жона,
А твоя-то да любимá семья,
А выходит во замужесьво
Не за купцѣв, не за богатыря,
А выходит она за удалого
85. За Олешеньку Поповица, —
А те Олеша хрестовый брат!»
Он справляется скорым-наскоро,
Скорым-наскоро, наскорѣшенько,
А садится на добра коня,
90. Поежжает в полаты белокаменны.
Подъежжает в полаты белокаменны, —
Та старуха староматера
Там сидит она у окошецька.
— «А здравствуй ты, родитель моя матушка,
95. Отворяй-ко воротицька дубовыи,
Отворяй-ка замочки ты железныи,
Запускай-ко Добрынюшку из циста поля!»
Она говорит таковы слова:
— «Отойди, уж ты, пьяница кабацкая,
100. Ты, калика деревенская!
Каб б было рожѣно дитятко,
Как Добрынюшка Микитинецъ,
Не пришлось бы, калика, насмехатисе,
Не пришлось бы, калика, надрыгáтисе!»
105. А он опять ей да таковы слова:
— «Ай же здравствуй, цестна вдова,
Ты, родитель моя матушка.
Отворяй-ка воротицька дубовые,
Запускай-ка Добрынюшку с циста поля!»

110. — «Отойди-ка пьяница кабацкая,
Отойди-ка, кали́ка деревенская!
А умер да рожо́но дитя́тко,
Как Добрынюшка Микитинец, —
Не пришлось бы тебе, кали́ка, насмехатисе,
115. Не пришлось бы тебе, кали́ка, надрыга́тисе.
У моего ли Добрынюшка Микити́нця
Были сапо́жки козловыя,
Уж как шубо́нька заморская,
Была соболей, соболина́я,
120. Была шляпа заморская,
Шапо́цька пухо́вая!»
Говорил кали́ка перехо́жая
— «Шубо́нька, шубо́нька изорва́лася,
Сапо́жки, сапо́жки повыно́си́лися,
125. А та шапо́нька, шапо́нька повыгорела.
Я двенадцать лет ездил по цисто́му полю́,
Все сапо́жки-от, сапо́жки повыврал,
Вся шубка-от, шубка повыноси́лась,
А шапка-от пухо́вая повыгорела.
130. Здравствуй-то, Ма́рья Тимофе́евна,
Отворяй воро́тецьки дубовые,
Вынимай заклады железные,
Запускай Добрынюшку с циста́ поля.»
А говори́ла да тако́вы слова:
135. — «Ай же ты, кали́ка перехо́жая!
Как был бы Добрынюшка Микитине́ц,
Не пришлось бы, кали́ка, насмехатисе,
Не пришлось бы, кали́ка, надрыга́тисе
Как (у) Добрынюшка Микити́нця,
140. У мого рожо́на да кла́дено,
У него уга́динка — да пятнышко
Как под правой под пазушко́й!»
А скоры́м-скоро́ да ско́ро-на́скоро
А стават скоро́ да на резвы́ но́ги,
145. А ски́доват-то он на́скоро,
Ско́ро-на́скоро, да поскорёше́нько.
А показы́вает родимое да пятнышко.
А старуха скоры́м-на́скоро,
Скоры́м-на́скоро, поскорёше́нько,
150. Запуска́ла Добрынюшку с циста́ поля́,
А говори́т-то тако́вы слова:
— «Ай же Добрынюшка да добрый мо́лодець,
Как твоя-то жена да люби́ма́ семья́,
Пошла она во заму́жесьво.
155. Не за купца́ выходит за богато́го,
Не за бога́тырей выходит за уда́лых,
А выходит она за Олешу Попови́ця!»
— «Мне Олешенька да кресто́вый брат.
Ну, матушка, моя́ матушка,
160. Сходи-ко в нову́ горни́цу,
Ты дай-ка сапо́жки шевровые,

- Ты дай-ка шубоньку соболиную,
 Уж как шапоцьку пуховую,
 Уж как гусельшка ярвцяты,
 165. Я пойду вѣдь на поцестной пир, я на свадебку
 К своему пойду крестовушку.»
 Уж как приходит ён да на поцестной пир,
 Уж как крест кладет по-писаному,
 Уж как поклон ведет по-уцёному
170. На все на цетыре стóроны,
 Князю Владимиру в особину,
 Молодому князю в особину.
 Ай говорит таковы слова
 Князь Владимир стóльнѣ-киевской:
175. — «Ай же ты, да молодой гусельщик,
 У меня местецьки все признаныты
 У меня местецьки призабавлены,
 Тиби место на печи,
 На пеці, пеці, на пецьнóм столбі.»
180. Он скоцил, скоцил скóро-наскоро
 Скорым-наскоро да на пѣцецьку,
 А берет гусельцюшка ярвцяты, —
 Перву струноцьку повел с Киева,
 Другу струноцьку с Цернигова,
185. Третью струноцьку с каменнóй Москвы.
 А все припевы вѣдь всѣ разные,
 Все вѣдь разные, все заморские.
 А вси-то на перу заслушались,
 А вси-то на перу задумались:
190. — «Да-ко не было у нас да игральщика,
 Да-ко не было у нас да кто поигрывал,
 Только вѣдь Добрынюшка да Микитинець, —
 Только нет его во живности.»
 А князь Владимир стóльнѣ-киевской
195. Наливает цяру эту да зеленá вина:
 — «Ну-ко выпей, молодѣць-ко гусельщицѣк,
 Выпей цяру-то зеленá вина, —
 Мерой цяра полтора ведра,
 Уж как весом цяра полтора пудá!»
200. Поднимал цяру единой рукой,
 Выпивал да на единой вздох.
 А князь Владимирской да стóльнѣ-киевской
 Ай да говорил тут таковы слова:
 — «Я те дам мѣстецька да тебе, гусельщицѣк!
205. Перво мѣстецько дам пó любви,
 Друго мѣстецько — супротив меня,
 А третье мѣстецько — против молодых, —
 Где те мѣстецько, где те пó любви!»
 А как тут Добрыня ему говорил таковы слова:
210. — «Ай же князь Владимирской да стóльнѣ-киевской,
 Ты позволь цяру да зеленá вина
 Налить княгини да Настасьи да Микулицьной.»
 Подносил цяру да зеленá вина, —

- Цяра мерой полтора ведра,
 215. Уж как весом цяра полтора пуда.
 Подает-то цяру единой рукой,
 Выпивать-то цяру за единой вздох.
 Говорил Добрыня таковы слова:
 — «Ай же ты, да Настасья да Микулицьна,
 220. Пей-ко цяру до дна — увидеть добра,
 А не пьешь цяру до дна — не видать добра!»
 А уж как Настасья Микулицьна
 Пила цяру зеленá вина,
 Увидала перстень обрученый,
 225. Говорила она таковы слова:
 — «Ай же князь Владимир стóльнѣ-киевской,
 Не тот мне муж, который у меня сидит,
 А тот мне муж, который супротив меня сидит!»
 Скоцила она на резвы ногы,
 230. Еще она через столы через дубовыи,
 Через скатерти шелковыи,
 А сидит Добрыня-мóлодец:
 — «А не стыдно князь Владимир стóльнѣ-киевской,
 У живого мужа жену отнять?»
 235. Я двенадцать лет ездил по цистому полю
 И у меня жену отнимать?»
 Берет Олешу за жолты кудры,
 Бросал Олешу о кирпичат пол,
 Инда стáры теремы пошаталисе,
 240. На печи кирпичи повалилисе.
 Турнул Олешу пóд . . . . —
 Все люди женятсе,
 А не всякому женитьба удаваеце;
 Удалась трем богатырям:
 245. Удалась Цюрьле Пленкóвицу,
 Старому казаку Илье Муромцю,
 И молодому Добрыне Микитиньцю.
 (А больше никому не удавалась женитьба.)

LXI

МИТРОФАНОВА, Авдотья Алексеевна, 67 лет, из дер. Чуяла на Водлозере. От кого слышала «Небылицу» — не помнит. Говорит, что поет ее детям для забавы.

№ 186. НЕБЫЛИЦА

- Спать бы старина, небывальщина:
 Не бывать плешату кудреватому,
 Не возростить древа суховерхого,
 Не возлюлькать дитятка без маменьки,
 5. А без маменьки да без сухотнищи,
 Без сухотнищи, без доброхотнищи.

У снохи с золовкой сучинилсе здор,
Сучинилсе здор лопаткамы,
Здор лопаткамы да поварёнкамы.

LXII

КРЕХОВА, Аграпида Яковлевна, 83 лет, из дер. Чуяла на Водлозере. Вдова, муж умер лет 35 тому назад. После смерти мужа ходила по миру, чтобы прокормить своих детей, которых было 6 человек. Соседка Гильфердинговского сказителя Матвея Нигозеркина. Былины переняла от своих деда и отца. Видимо, была очень хорошая сказительница. Во время экспедиции, когда от нее производилась запись, была очень больна. Несмотря на это, велела своей внучке позвать участников экспедиции, решив во что бы то ни стало спеть свои старины. Пела старины задыхаясь, прерывающимся голосом, часто останавливалась и молчала, так как не хватало силы петь их. Но бросить петь их не хотела. Тяжелая болезнь сказительницы помешала ей дать полноценные художественные тексты.

А. Я. Крехова помнила, как приезжал А. Ф. Гильфердинг и как к нему посылали сказителей. Посылали и А. Я. Крехову, но она заявила старосте: «Если ему надо, пускай сам ко мне придет!» Когда ей показали в сборнике Гильфердинга «Онежские былины» тексты былин, записанные от М. Нигозеркина, А. Я. Крехова разволновалась: «Вот, вот, Матвейка к нему бегал, а я не пошла. Я Матвея чище умела петь.» Старики, помнящие М. Нигозеркина, утверждали, что А. Я. Крехова былины пела несравненно лучше его, и добавляли: «Только с норовом она!»

№ 187. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- Уж как отправляется, вооружается
Молодой Добрынюшка Микитинець
Во перьву поезку богатурьскую
На тую гору на высокую.
5. На горы съезжались все царевичи,
Короли съезжались, королевичи.
Выезжал Добрыня Микитинець,
Говорил родитель своей матушки:
— «Ай же ты, родитель моя матушка,
10. Честная вдова Мамельфа Тимофеевна,
Уж ты дашь прощеньице — поеду я,
Ты не дашь прощеньица — поеду я.»
Како видли молодца сядуци,
А не видли доброго поедуци, —
15. Через стены ехал городовой,
Через башни ехал наугольнии,
Как с горы на гору перескакивал,
Как руцы да реки промеж ног пускал.
Наказал Добрыня молодой жене:
20. — «Как придет того времечки три годá,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,

- А не ходи-тко за Олешеньку Поповиця,
Мни ведь Олешенька тот ведь крестовой брат.»
- А прошло того времечьки три годá,
25. Не видать Добрыни из цистá поля.
Приежжат Олешенька к ей свататъсе:
— «Ай же ты, Настасья Микулицьна,
По тоё времечьки три годá,
30. Как приехал Добрыня с цистá поля, —
А прошло того времечьки три годá,
Не приехал Добрыня с цистá поля.»
Как приехал Олешенька свататъсе,
Нунь пошла Настасья Микулицьна, —
А прождé того времечьки деветь лет, —
35. Со тым честным пирком за сведебку.
А прошло того времечьки деветь лет,
Не видать Добрынюшки с цистá поля,
Как честным пирком ёны за свадебку.
Уежжат Настасья Микулицьна,
40. Уехала она во замужесьво.
Не свистоцики да воспросвистнули,
Не молодцики воспрокрикнули,
Уежжат Добрынюшка из цистá поля.
Приежжат Добрынюшка с цистá поля, —
45. Половичинки подгибаются,
Половиченки ведь шатаются.
Как его родитель-матушка,
Как сидит ёна, выплакива(т),
Как сидит ёна да приговариват.
50. Говорит Добрынюшка Микитинець:
— «Ты, родитель моя матушка,
Ты цего сидишь, цего выплакивашь,
Ты цего выплакивашь, сидишь приголашивашь?»
— «Молодой Добрынюшка Микитинець,
55. Как пошла Настасья во замужесьво!»
Не едаючи, не певáючи,
Он дорожного платья не скидываючи,
Сел Добрынюшка на добра коня,
Как поехал Добрыня на поестной пир.
60. Еще вси на пиру пьяны-веселы,
Еще вси на пиру поросплясалисе,
Еще вси места всё признаны, —
Только мйстичко еще не занято
На печи, печи, на печьном столби.
65. Как садился Добрынюшка на печьнюку,
А как брал гусёлышки разрывчаты, —
Вси на пиру порасплясалисе,
Ведь вси на пиру поразыгралисе, —
Взял ведь, был такой гусёлышник,
70. А ведь был тот Добрынюшка Микитинець.
Подносили цяру зеленá вина,
Выпивал Добрыня на единый дух:
Подносил Настасье ён Микулицьной:

- «Уж ты пей до дна — увидеть добра
 75. А не пьешь до дна — да не видать добра!»
 Берет цяру на единой сдох,
 Как увидела Настасья свой злацён перстёнъ:
 — «Как не тот мой муж, кой возлэ меня,
 Только тот мой муж, кой супротив меня!»
 80. А взял Добрынюшка Олешеньку,
 А здымал Добрыня за желты кудри,
 А кидал Добрынюшка о кирпичцов пол.

№ 188. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Молодой боярин Дюк Степанович
 Он справляется да вооружается
 Во перьву поезьку да богатырьскую
 На Полань на гору на высокую,
 5. На такоё мистицько красивоё,
 На красивоё мистецько удобноё
 Съежжались туды цари, вси царици,
 Короли съежжались, королёвици.
 Говорит ему родитель его матушка,
 10. Честная вдова д'Анельфа Тимофеевна:
 — «Поежжай ты, рожоно да милоё дитятко,
 Молдой боярин Дюк тот Степановиць,
 Ты не фастай-то своим именицём,
 Ты именицём своим сиротскимим,
 15. От сиротскимим своим горе-горькимим!»
 Еще вси на горы-то посъехались,
 Еще вси на горы порасфастались,
 Еще умной фастат отцём-матерью,
 А безумной фастат молодой жоной.
 20. Говорит молодой Дюк Степанович:
 — «Как у вас во городи во Галици.
 Во полациях пеценьки-ты кирпичьныи,
 А помяльця-то у вас болотныи,
 Как пекут колацики-ты грязныи.
 25. Как у нас во городи во Кйёви,
 У нас пеценьки-ты муравцяты,
 Как помяльця-ты у нас шелковыи,
 Как пекем как колацики круписцяты.
 Как одного съешь — другого хоцетсе,
 30. Как другой съешь — по третьем душа...»
 Как пошли ко Дюку оцёнъщицьков,
 А оцёнъщицьков Дюкушка имениця.
 Как пришли к его матушки,
 Говорит родитель его матушка:
 35. — «Оцените у мя башмацькй с ноги,
 Дак тогда оцените у меня имениця!...»

LXIII

ФОКИНА, *Дарья Яковлевна*, 48 лет, из дер. Кузестров на Водлозере. Неграмотная. Былины переняла еще девочкой от своей матери Агр. Як. Креховой (см. № LXII). Былины Д. Я. Фокина поет с увлечением, уговаривая других петь их с ней хором.

Помимо «Добрыни и Алеша» пела былины «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра» и «Казань-город» (см. примечания).

№ 189. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- Как Добрынюшка да Микитинец¹
 Отправляется да на цистó полѣ,
 На цистó полѣ да на воѣнноѣ.
 Он прощается с отцѣм, с матушкой,
 5. С отцѣм-маменькой, с молодой женой,
 С Настасьей ѣн со Микулицьной:
 — «Ты живи-ко ты, молодá жона,
 Приеду я ровно через трѣ годá.
 Не приеду я через трѣ годá,
 10. Так жди еще трѣ годá.
 Не приеду я да через шѣсть годов,
 Ты живи Настасья еще трѣ годá.
 Не приеду я через девѣть лет, —
 Дак тогда ты поди во замужесьво.
 15. Не ходи-ко ты только за Олешеньку,
 За Олешу ты да за Поповиця,
 Потому, как ѣн мне товарищ-брат.»
 Еще жила Настасья Микулицьна ѣнá трѣ годá, —
 Не видать Добрыни со цистá поля,
 20. Настасья жила еще трѣ годá, —
 Не видать Добрыни со цистá поля.
 Настасья жила словно девѣть лет, —
 Не видать Добрыни со цистá поля.
 А пошла Настасья во замужесьво,
 25. Во замужесьво да за Олешеньку,
 За Олешеньку за Поповиця.
 Повели ѣнѣ пиры богатыи,
 Пиры богатыи, столы роскошныи.
 Приежжат Добрынюшка со цистá поля,
 30. Приходила маменька на перѣно на крыльцѣ:
 — «А Добрынюшка да ты Микитинец,
 Ты любимой сын мой хорошенькой,
 Хоть выходит, выходит твоя Микулицьна,
 Молода жена Настасья во замужесьво,
 35. Ёнá (к) матушки Марии Мархимьяновны
 За Олешеньку за Поповиця!»
 Тут Добрынюшка испугается,

¹ Все строки, кроме первой, повторяются два раза.

- Со добра коня да ён бросается.
Заходил в свою да во нову горенку,
40. Ён ведь брал тут свои гусёлышки ярвцяты,
Поежжал ведь ён к Настасье Микулицьной,
А к своей молодой жены на богаты пиры.
Приежжает Добрынюшка на пир, на бал,
Он садилсе Добрынюшка на пеци, пеци,
45. На пеци, пеци, на печьном столби,
А против Настасьи Микулицьной,
Разрывает свои разрывцяты гусёлышка.
Он ведь стал играть дак весь народ тут был,
Что не знают, что откуль взялосе тут,
50. Тут каки-таки стали игратели,
Хоть на свадьбе тут да забавлятели.
После этого все сдивовалисе,
После этого все сцюдовалисе.
Еще стали тут угощеньиця,
55. Стали вином, стали ношеньиця.
А ведь подносят тут да ведь Олешеньке,
А подносят тут да ведь Добрынюшке
Еще рюмоцьку зеленá вина.
Выпиват Добрыня зеленó вино.
60. Кладоват Добрыня свой златой перстёнъ,
Свой златой перстёнъ да именной его,
Он ведь по перстню да с указами,
Подават Добрынюшка Микуличной.
Подняла его жена Микулична
65. Эту румочку с золотым перстнём,
С золотым перстнём, с его памятью.
Узнават Настасья Микулицьна своего мужа,
Своего Добрынюшку да Микитинья:
— «А не тот мой муж, кой возли меня,
70. Еще тот мой муж, кой супротив меня!»
А пущался Добрынюшка со печьна столба,
Он ведь брал, Добрынюшка, Олешеньку,
Он ведь брал Олешу за желты кудри,
Он бросал Олешу о сырú землю,
75. Положил Олешу наве́к б́удущей.
А он ведь брал свою молоду жену,
Молоду жену Настасью Микулицьну
Он под правую руценьку под белую,
Выводил Настасью Микулицьну во свой высок терём.
80. В свой высок терём в нову горницу
К своему отцю, к своей маменьке.
Они стали жить и красоватисе,
Со Добрынюшкой любоватисе.

LXIV

ПАВЛОВА, Екатерина Степановна, 67 лет, из дер. Кузестров на Водлозере. Имеет троих сыновей, живущих в той же деревне. Былины переняла от своей свекрови Ирины Григорьевны Павловой (Малинкиной), умершей в начале XX в., 52-х лет. И. Г. Павлова слышала их от своего зятя — Егора Данильевича, выучившего старины у А. Сорокина. Егор Данильевич умер почти одновременно с И. Г. Павловой, сорока лет. Кроме «Добрыни и Алеши», Екатерина Степановна пела еще былинку «Василий и Софья» (см. примечания).

№ 190. (ДОБРЫНЯ И АЛЕША)

- Добрынюшко добрый молодец
 Как ў первую путину справляется-отправляется,
 Как ў первую путину богатырскую
 А ведь пановьев бить, улановьев,
 5. Бить поганных мурзей-татаровей,
 Оставляет малых детоцек на скитáньицѣ,
 Молодых жен на сиротáньицѣ.
 Говорит Добрыня своѣй матушке:
 — «Уж ты, матушка-добродушка,
 10. Свет Мамельфа Тимофеевна,
 Принеси-тко мни платья дорожныи.»
 Она, старушка, скоцила скорым-наскоро,
 Принесла ему платица дорожныи.
 Он сапожки обувал как зелён сафьян,
 15. Уж ён шубку надевал да цѣрна соболя,
 А кушацѣк опоясывал да шелкóвых,
 А перчатки налагал да ён зеленныи,
 А шапку-мурманку да со рукавками,
 А пошел на тот да на шірок двор,
 20. А на ту стойлу лошадиную.
 А берет Бурушку да он косматушко,
 Стал заседывать да скольцюживать.
 Уж ён на пóтицьки клáдал пóтицьки,
 А на пóтицьки да мягки войлоцьки,
 25. На мягки войлоки церкасьское кованое седлышко,
 А пряжки золоченыи,
 А стремена-ты — булата заморьского.
 А говорит свекровá невестушке:
 — «Уж ты, Настасья Микулицьна,
 30. Уж ты цего сидишь, высиживаешь?
 Ты цего дожидаетьсе,
 Над собой незгоды не начаетьсе?
 Ты цего не идешь, не спрашиваешь
 У своего у доброго Добрыни да у Микитица
 35. Уж его долго ль ждать али коротко ждать,
 Добрынюшка, с цистá поля?»
 Настасья Микулицьна скоцила скóро-наскоро
 А прибежала на тот ли на шірок двор,

- А что на ту на стойлу лошадиную,
 40. Она бра́ла Добрынюшку Микитица
 Она за руцьки за белыи,
 А целовала во уста да во сахáрнии:
 — «Уж ты, добрая Добрынюшка Микитинець,
 А тебя долго ли ждaть али коротко ждaть
 45. А нам, Добрынюшка, с цистá поля?»
 Говорит Добрыня Настасьюшке:
 — «А уж ты жди-тко меня трé годá,
 А не приеду я через трé годá,
 Так жди-тко шéсть годов,
 50. Не приеду я через шéсть годов,
 Д'дак жди-тко девeть лет.
 А не приеду я через девeть лет,
 Так жди двенадцaть лет.
 А не приеду я чрез двенадцaть лет, —
 55. Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
 А поди замуж не зá купця,
 А не за сiльнeго могущeго Олешеньку Поповица.
 Ай наши жены не господский,
 Ай наши жены д'не купецкий,
 60. А наши жены — богатырский сиротский, —
 А Олеша был ведь бабей насмешничек,
 Девóчий был омманщичек,
 Он над девками да ведь насмехается,
 Он над бабами да похваляется!»
 65. А видели доброго молодца сядуци,
 И не видели доброго, куда его поедуци, —
 Одна кúревка в цистом поли прокурила,
 А порошка пропорошила.
 А не две утушки как сплывалисе,
 70. Не две лебедушки как слеталисе,
 А невестушка да со свекровушкой
 А под тем как пецьяльним окошецьком.
 А день за день да как дожь дождит,
 Неделя за неделю как река бежит,
 75. А прошло же того времeцька трé годá.
 Опять тая дверь отворяйтсе
 Олешенька Поповица в полатушку пихаетсе.
 Уж он хрест кладет по-писáному,
 Он целом-то бьет по-уцёному,
 80. Он на все на цетыре на сторонушки,
 Он Настасье Микулицыны в особину.
 А он садилсы да на лáвицю,
 На лáвицю под мáтицю,
 Под тое под серéднее окошецько, —
 85. Под которым под окошецьком
 Как сидел добрая Добрынюшко Микитинець
 А во разрывчаты гусéлышка поигрывал.
 А стал забавать-заговаривать:
 — «Как прошла вчерася круглая неделюшка
 90. Как я выехал да из цистá поля.

- Видел доброго Добрынюшку — лежит убит.
 Ой, лежит убит, лежит один.
 Он ногами лежит ко Непры-реки,
 А головой лежит а под кустичком,
 95. А под кустышком под ракитовым.
 А черными вóронам(и) глазки выклёваны,
 А костышки по цистому по полюшку разношены.
 А ты, Настасья Микулицьна,
 Поди-ка за меня да во замужесьво!»
 100. Она как женщина была не глупая,
 А не глупая была, сама разумная,
 Говорит тут рѣци сама не с упáдою,
 А не с упáдою да не с напáдою:
 — «А мне за вас замуж идти не велено,
 105. Как не велено да не приказано,
 Как у доброго Добрыни не наказано:
 Олешенька Поповець был ведь бабей насмешничек,
 Девочей был омманищичек, —
 Он над девкамы насмехается,
 110. А он бабамы похваляется!»
 А Олеси Поповицю эти рѣци не понравились.
 А он скочил скóро-на́скоро,
 Отворил дубовы двери за скобу,
 Уж он хлопнул дубовы двери о стéну да о кленовую,
 115. Только слúденки, околѣнки — да один звон пошел.
 А не две утушки как сплывалисе,
 Не две лебедушки как слеталисе,
 Уж то невестушка со свекровушкой
 А сидят под пецяльниим окошецьком.
 120. А что день за день как дожь дождит,
 А неделя за неделю как река бежит,
 Уж прошло тою времецьки за шесть гóдицьков.
 Как опять дверь отворяется,
 А Олешенька Поповиць пихается.
 125. Уж он как поклон ведет по-писа́ному,
 А он хрест кладет по-уцёному,
 Он на цетыре на сторонушки поклоняйтсе,
 Он Настасье Микулицьны в особину.
 А садился на лáвицю
 130. На лáвицю да под мáтицю,
 Под тое под окошецько,
 Под которым сидел добрая Добрынюшка Микитинець,
 Во разрывчата гусёлышка поигрывал.
 А стал забаивать-заговаривать.
 135. — «Вчерася прошла круглая неделюшка.
 Как я выехал из циста поля,
 Видел доброго Добрынюшку лежит убит.
 Он ногами лежит ко Непры-реки,
 Головой лежит а под кустичком,
 140. А под кустичком да под ракитовым.
 А черными вóронами глазки вѣклёваны,
 А как косточки по цистому по полюшку разношены.

- А Настасья Микулицына,
 Поди-ко за меня во замужесьво!»
145. Она женщина была не глупая,
 А не глупая, сама разумная,
 Говорит рѣчи да не с упáдою,
 Не с упáдою да не с напáдою:
 — «А мне за вас замуж итти не велено,
150. А не велено да не приказано,
 А у доброго Добрыни не наказано.
 А мы ведь жены д' не господский,
 А мы ведь жены д' не купецкий,
 А мы ведь жены — богатырьский сиротский.
155. А Олеша был ведь бабей надсмешничек,
 Девоцей был омманщицек, —
 Он над девкамы да насмехается,
 Уж он бабамамы да похваляется!»
 А Олеша ёти рѣчи не приправились.
160. Он скопил скóро-на́скоро,
 Хватил дубóвы двери за скобу,
 Он хватил дубóву дверь о тую стену да о кленовою,
 Только слюденки, околени — да звон пошол.
 А не две утушки как сплывалисе,
165. Не две лебедушки как слеталисе,
 А невестушка да со свекровушкой,
 Сидят оны под пецяльным окошецьком.
 А день за день как дождь дождит,
 А неделя за неделю как река бежит,
170. Прошло того времечьки девять лет.
 Да опять тая дверь отворяется,
 Как Олешенька Поповиць в полатушку пихается.
 Уж хрест кладет по-писáному,
 А поклон ведет по-уцёному,
175. На все на цетыре сторонушки раскланялси,
 Он Настасьи Микулицыны в особину.
 Он садилсы на лáвицу,
 На лáвицу под мáтицу,
 А под тое пецяльное окошецько,
180. Под которым сидел добрая Добрынюшка Микитинець
 Во разрывчата гусёлышка поигрывал.
 Стал забаивать-заговаривать:
 — «А вчерася прошла круглая неделюшка,
 Как выехал из цистá поля,
185. Как видел я доброго Добрынюшку лежит убит.
 Он ногами лежит ко Непры-реки,
 А головой лежит ён под кúстоцек,
 А под кúстышком под ракитовым.
 А как черными вóронами глазки выклёваны,
190. А как косточки по цистому по полюшку разношены.
 А ты, Настасья Микулицына,
 Поди-ко за меня во замужесьво,
 А ты так не идешь, дак мы силóм возьмём!»
 Настасья Микулицына была женщина не глупая,

195. А не глупая, сама разумная,
 Говорит рѣци да не с упáдою,
 Не с упáдой да не с напáдою,
 Клала заповедь великую.
 Олешенька Поповиць ён ведь брал Настасью Микулицьну,
200. Он как брал за руцьки за белые,
 Повел-то во своё-то ведь мѣстецько,
 Повел в свои палаты княженецькии.
 Собрал-то пир да пировáньицѣ
 Да как своих родных веселых хороших,
205. Расставлял-то столы-то дубовыи,
 Расстилал как скатерти-то ведь шелкóвыи.
 Становил Настасью Микулицьну
 За столы за дубовыи
 Да за скатерти за шелкóвыи.
210. А становил-то ю по левú рукú,
 А становился сам по правú рукú.
 Уж как вси на перу да напивалисе,
 А как вси на перу да разгулялисе.
 А проходит того времечьки как три цясика,
215. Приежат добрая Добрынюшка как со цистá полѣ,
 Как к Микитиной доброй матушки,
 Уж к своей ко добрóтушки.
 — «Уж ты, матушка свет Омельфа Тимофеевна,
 Ты пусти-ко сына любимого,
220. Уж как доброго Добрынюшку свет Микитушку!»
 Говорит старушка старая, стародавняя:
 — «Как отойди-ко, голь кабацкая,
 Подпóрина бурлацкая!
 Кабы был добрая Добрынюшка Микитинець,
225. Не дошло бы вам над старухой стародавнюю,
 Не дошло бы вам да насмехатисе!»
 — «А ты пусти, родитель-матушка,
 А своего сына любимого,
 А своего доброго Добрынюшка Микитиньця!»
230. — «Отойди-тко, голь кабацкая,
 Подпóрина бурлацкая!
 А кабы был дома Добрынюшка Микитинець,
 Не дошло бы вам насмехатисе
 А надо мной, старухой стародавнюю.
235. У моего-то у доброго Добрынюшки
 Как было три знадебки родимых.
 Как перьва под самой-то под пазушкой,
 Волосицька золота, друга серебряна...»
 Ён складáл платья да дó гола,
240. Показал как знадебки родимыи:
 — «А погляди-тко, матушка-добротушка,
 Ты, свет Мамельфа Тимофеевна,
 Своего-то сына любимого,
 Как доброго Добрынюшка Микитиньця.»
245. А не знать — старушка испугаласе,
 А не знать — старушка зрадоваласе,

- Побежала отворяла ёна воробьецка,
Запускала Добрынюшку Микитинья,
А своего-то сына любимого.
250. Брала за руцки за левыи,
Целовала во уста да во сахарьнии,
А говорила матушка-добротушка:
— «Как ты, добрая Добрынюшка Микитиниць,
Как нет у нас Настасьи Микулицьны,
255. Увел-то Олешка Поповиць-то!»
Говорит Добрыня своёй матушки:
— «Уж ты, матушка-добротушка,
Свет Омельфа Тимофеевна,
Принеси-ко мне платья скоморошцята.
260. А сокруцюся я да малось да в платья скоморошцята,
Я пойду же к Настасье Микулицьне
Что на тот ли на поцесной стол
А на то ли на столованьице!»
Приходит как добрая Добрынюшка
265. Глупой малой скоморошинкой,
Уж как взял разрывцята гусельшки
Под правую под пазушку,
Пошел он к Настасьи Микулицьны.
А приходит на тот на широк белой двор
270. А тут к Настасьи Микулицьны.
А стоит его Настасья Микулицьна,
А стоит за столамы за дубовыми,
За скацерцями за шелковыми
А с Олешенькой Поповицем,
275. А говорит Добрынюшки Микитинью:
— «Проходи-ко, глупа мала скоморошинка.
Вси-то мистицьки признаныты,
А позаняты да мистицьки забавлены, —
Только мистицько на печьном столбицьки.»
280. Сел как доброй Добрынюшко Микитинець
На печьной да он на столбицек,
А стал во разрывцята гусельшка поигрывать.
Уж как вси на перу просхватилисе,
Уж как вси на перу поразгулялисе,
285. А говорит тут Олешенька да Поповиць-от:
— «Ай да глупой малой скоморошеньке
Ты налей-ко цяру зеленá вина!»
Как цяру зеленá вина как налили,
Цяру — весом полтора пудá,
290. А как цяра мерой полтора ведра,
Цяра мерой полтора ведра.
Выпивал глупа мала скоморошинка
Эту цяру на единый сдох.
Говорит е глупа мала скоморошинка:
295. — «Позволь-ко, Олешенька Поповиць,
Налить да молодой жены Настасьи Микулицьны,
Ты позволь налить как цяру зеленá вина!»
Налил цяру зеленá вина,

- Клал как перстень да на дно спустил, —
300. Тоды в цяру ён на дно спустил, —
И подносит Настасьи Микулицьной:
— «А Настасья Микулицьна,
Коли хошь добра, — дак пей-ко цяру всю до дна,
А не хошь добра, — как ты не пей до дна!»
305. А Настасья Микулицьна
Выпивала цяру да до доньшка,
Там серебряный перстень увидела,
А видит — доброго Добрыни Микитинця
Перстень обручальной.
310. Говорит Настасья Микулицьна:
— «Не тот ведь муж, что возлэ меня стоит,
А тот ведь мой муж, которой против миня стоим!»
Как добрая Добрынюшка Микитинець
Взял-то Олешеньку Поповица за желты кудры,
315. Размахнул да бросил пөд лавицю.
А Олешенька Поповиць лежит ён под лавицей,
А под лавицей лежит и говорит:
— «Как всякой цорт-от женитсе,
А не всякая женитьба удаваетсе!»
320. А добрая Добрынюшка Микитинець,
Уж ён брал Настасьюшку Микулицьну
А за руцьки за белы,
Целовал во уста да во сахарнии.
Взял за руцьку за белую,
325. Повел-то ён домой к своей матушки-добротушки,
Ко своей ко свет Омельфы Тимофеевны.
-